

Ксения Мирошник

Конфидент

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Annotation

Легко ли хранить чужие секреты? А свои?

Мне удалось встретить самого необычного человека на земле. И не просто встретить, но и коснуться краешка его судьбы. Его наказание – вечная жизнь и бесконечная служба магическому миру. Он конфиденгент – хранитель чужих тайн. Тайн, за которыми из века в век идет охота.

Искупит ли моя любовь его грехи? И кем стану для него я – спасением или погибелью?

- [Ксения Мирошник](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)

- [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Эпилог](#)
-

Ксения Мирошник
Конфидент

Глава 1

Чудесный переливистый звук колокольчиков возвестил о празднике в церкви. Весеннее солнце выглядывало из-за крыш домов и ласково касалось кожи, согревая и обещая поистине волшебный день. Мое сердце радостно подпрыгивало и взволнованно трепетало, предвкушая скорую встречу с Робертом. Апрель выдался теплым, щедрым на солнечные лучи, пение птиц и цветение. Весной сердце вновь оживало, надеясь на чудо. Мое не было исключением, и в последние дни я пребывала в прекрасном расположении духа и постоянно улыбалась.

– Пойдем посмотрим, – радостно улыбнулась моя подруга Маргарет. – Там свадьба, кажется. Обожаю смотреть на платья и лица молодых. Чего только не увидишь.

– Этим летом будет моя свадьба, – рассмеялась я, – вот и насмотришься.

– Ну, – скривилась подруга, – вы еще даже дату не назначили. Ждать так долго!

Маргарет вся сияла от возбуждения, а ее медовые кудри задорно подскакивали, когда она из любопытства вертела головой по сторонам. Я вновь не удержалась от улыбки, а потом сделала вид, что всерьез размышляю над ее просьбой. Подруга прикусила нижнюю губу в ожидании моего ответа.

– Ты помнишь, что мы должны успеть к миссис Уилкинс? Я обещала, что помогу ее дочери разобраться с нотами.

– Так и скажи, что это миссис Артридж тебя вынудила, – скисла подруга. – Ты сама в жизни бы не согласилась идти к Уилкинсам. Вспомни, как Мэдди капризничала в прошлый раз, она швырнула ноты на пол и обозвала тебя гусыней.

– Я помню, Маргарет, – ответила я. – Да, Мэдди избалована и порой ведет себя невоспитанно, но она милая девочка. Будь снисходительнее к миссис Уилкинс и ее дочери, прошу.

– Это ты можешь быть приветлива со всеми и будто не замечаешь их недостатков, а я не так терпелива.

– Ты несправедлива ко мне, – рассмеялась я в ответ. – Уж кто-кто, а ты должна знать о моей прямоте. Я всегда говорю, что думаю.

– Зато думаешь ты обо всех уж слишком хорошо.

– Ладно, Маргарет, – сказала я, желая оставить эту тему. – Пойдем к церкви и посмотрим на свадьбу, но только ненадолго, я не люблю опаздывать.

– Интересно, – усмехнулась подруга, – все дело в опоздании к Уилкинсам или в последующем свидании с Робертом?

Я почувствовала, как к лицу прилила кровь. Маргарет поймала меня, впрочем, как и всегда. Сердце вновь вспорхнуло, когда в памяти всплыли милые черты жениха. Отвечать подруге я не стала, она и так поняла, что права. От этой девушки почти невозможно было что-либо скрыть. Почти. Один секрет у меня все же имелся. О нем знали только я и Роберт. И снова лицо залил румянец, я почувствовала его тепло на щеках.

Маргарет воодушевилась, взяла меня под руку и повела за собой. Церковь Святой Марии находилась не так далеко и в нашем городе была самой большой и красивой. За свои двадцать лет я побывала уже на многих свадьбах и, если честно, не разделяла восторга Маргарет. В детстве я не мечтала о свадьбе, планов на брак не строила. Это делали за меня опекуны, мистер и миссис Артридж. Я была дочерью сестры миссис Артридж, Елены Янг. Мои родители умерли довольно давно, когда мне было семь лет. Ушли друг за другом, сначала мама, а потом и папа, Ричард Янг. Других близких, кроме тетушки, у меня не было, поэтому я вместе с немалым наследством досталась именно ей.

Жилось у тети хорошо. Меня не отличали от других детей, заботились, дали образование и какую могли любовь. Маргарет считала, что тетушка возлагает на меня вполне определенные надежды, связанные с выгодным браком и посему нередко напоминает мне о своей благотворительности и о том, что я должна быть благодарной. Не прямым текстом, само собой, а аккуратно, очень тонко. Меня это никогда не беспокоило, поскольку давить миссис Артридж никогда не давила и ни к чему меня не принуждала. Как и от остальных своих троих детей, она ожидала от меня послушания и соблюдения правил приличия. Когда Роберт Бенсон начал за мной ухаживать, тетя Харриет не возражала и даже в какой-то степени обрадовалась, ведь женихом Роберт считался завидным. Однако в

последние дни она все чаще говорила о том, что пора бы моему избраннику приступить к действиям. Ее смущал тот факт, что мы проводим время вместе, но официального предложения от него я пока не получила. Тетя начала намекать на слухи и разговоры в кругу именитых семей нашего города.

Грейстэл – один из трех самых больших и престижных городов нашей страны. Высшее общество в таких местах может быть жестоким к неосторожным поступкам своих жителей. А семья моей тети как раз относилась к этому самому обществу.

За тринадцать лет, что я жила у Артриджей, мое наследство поистощилось, но все еще считалось довольно большим. Часть его ушла на содержание дома, в котором я родилась, еще часть на мое образование, наряды и прочее. Тетя Харриет довольно бережно распоряжалась моим капиталом, здесь ее упрекнуть было не в чем.

Семья Роберта значительно богаче Артриджей, поэтому насмешки кузенов по поводу его охоты за моим наследством я пресекала. Тем более возлюбленный уже успел сделать мне предложение, правда пока наедине. О помолвке еще не объявлено, потому как Роберт хотел представить меня родителям. И этот день уже близился. Я ужасно волновалась, ведь одобрение семьи было очень важно для моего жениха. Сегодня, после визита к миссис Уилкинс, Роберт будет ждать меня в городском парке. Именно сегодня он поделится со мной своими планами, и мы вместе выберем дату свадьбы.

Я любила Роберта и верила ему всей душой. Он был внимательным, заботливым и очень ласковым. Мы познакомились как раз в парке, в котором и продолжились наши редкие свидания. Я оступилась и подвернула ногу, а он помог мне и уже спустя пару часов окончательно покорило мое сердце своей добротой и искренностью. Это было незабываемо. Я до сих пор с трепетом думала о первой встрече и близости, возникшей между нами.

Мысли о предстоящей свадьбе и последующей совместной жизни делали меня бесконечно счастливой. Сердце билось чаще, дыхание сбивалось, по телу пробегала теплая будоражащая волна. Сейчас, вновь представив нас вместе, я невольно коснулась пальцами губ.

Признаться честно, я была рада еще и возможности покинуть дом тети Харриет. Нет, я ее любила и была благодарной за все, что она для меня сделала, но все же время от времени чувствовала себя обузой.

Иногда читала это в ее взгляде, иногда в интонации. Артриджи искренне надеялись выдать меня замуж гораздо раньше, но заставлять не решались. Дело было в том, что все знакомые моих родителей, те, кто любил их и горевал вместе со мной, пристально следили за моей судьбой. И этот надзор тетушка Харриет постоянно ощущала, как некое давление. Он волновал ее, а порою и мучил. Мне казалось, что она больше всего на свете боялась осуждения общества, если я хоть как-то выражу свое недовольство жизнью в ее доме. Повзрослев, я это поняла. С тех пор мне стало неуютно и даже неловко. Только встретив Роберта, я почувствовала облегчение оттого, что вскоре все устроится лучшим образом, тетушка спокойно вздохнет и поймет, что выполнила свой долг перед сестрой.

Прекрасное солнечное утро еще больше приподняло настроение, а счастливая подруга, тянущая меня за руку, заставляла вновь и вновь радостно улыбаться. Все в моей жизни сегодня казалось прекрасным и многообещающим.

По дороге к церкви мы встретили мистера и миссис Дроундейл, пожилую пару, которую часто принимали у себя Артриджи. Миссис Дроундейл побледнела, увидев меня, схватила мужа за руку и взволнованно завертела головой, будто искала, где бы ей спрятаться. Я немного удивилась подобному поведению, начала припоминать нашу последнюю встречу и ничего странного не обнаружила. Ничем я ее не обижала, мы всегда были более чем приветливы в общении друг с другом.

– Доброе утро, – поздоровалась Маргарет.

– Как вы поживаете? – после приветствия поинтересовалась я, решив не обращать внимания на странности миссис Дроундейл.

– Мисс Янг, – взволнованно сказала она, но быстро отвела глаза, переключившись на мою подругу. – Мисс Дрей, как поживают ваши родители? Все здоровы?

Меня будто холодом обдало, когда поняла, что миссис Дроундейл намеренно избегает разговора со мной. Стало не по себе.

– Благодарю, – ответила Маргарет, – все в добром здравии. Обязательно передам привет от вас.

– Вот и хорошо, – прошелестела пожилая женщина, – вот и славно.

Она бросила быстрый взгляд на меня, и в нем я увидела нечто страдальческое, будто вымученное. Сердце невольно дрогнуло. Чем же я могла так огорчить эту милую женщину? Мистер Дроундейл на меня и вовсе не смотрел, делая вид, что витрина ближайшего магазина занимает все его внимание.

– Ну, нам пора, – торопливо сказала его супруга и потянула мужа за рукав пальто. – Приятной прогулки.

– Спасибо, – ответила Маргарет. – Мы хотели взглянуть на свадьбу. Не знаете, кто сегодня сочетается браком? Я что-то не помню объявлений.

Миссис Дроундейл вздрогнула и снова побледнела, а потом заторопилась, пробормотав что-то непонятное. Мы с Маргарет проводили их недоуменными взглядами, а потом переглянулись и одновременно пожали плечами.

– Мало ли что бывает с людьми в старости, – с улыбкой сказала подруга, и мы продолжали наш путь.

Колокола вновь зазвонили, и нервозность Маргарет волей-неволей передалась и мне. Я представила, как мы с Робертом рука об руку выходим из дверей церкви в такой же солнечный, но уже летний день. В моих мечтах это выглядело великолепно. Я не была гордячкой, но мне казалось, что наша пара способна затмить любую в этом городе, хотя бы потому, что Роберт считался невероятным красавцем. Я тоже не уступала ему в привлекательности. Те немногие, кто видел нас вместе, неизменно говорили, что мы очень хорошо подходим друг другу.

– Еще немного, – чуть не подпрыгивая, сказала Маргарет. – Слушай, может, это Мэри Баксли?

– Нет, – ответила я, – ее свадьба намечена на следующий месяц.

– Да? Значит, я все-таки верно запомнила. Ладно, не будем гадать. Вот-вот все сами увидим.

Маргарет была права. Повернув за угол, мы вышли на городскую площадь, наполовину заполненную людьми, желающими увидеть молодых.

– Ух ты, сколько зрителей! – воскликнула подруга, сжимая мою руку. – Свадьба-то, похоже, непростая.

Что-то беспокойное дрогнуло внутри. Зеваки вокруг точно так же, как и Маргарет, предвкушали появление молодоженов, чтобы

полюбоваться платьем невесты и статью жениха. А еще чтобы собрать монеты, которые новоявленный муж будет бросать в толпу. Моя подруга ждать не любила, поэтому весьма решительно пробиралась поближе к дверям, чтобы насладиться видом процессии из первых рядов. Всеобщий гомон и нетерпение были заразительными, я неожиданно тоже поддалась этим чувствам, ощущая восторг, словно ребенок перед праздником.

Маргарет пробралась-таки почти к самым ступеням церкви, притянула меня ближе и возбужденно вздохнула. Внезапно что-то странное кольнуло меня в сердце, в душу ворвалась щемящая тоска, от которой даже дышать стало нелегко. На мгновение солнце закрыли облака, бросая тяжелую тень на церковь и всех, кто стоял на площади. Я невольно подняла голову, чувствуя приближение чего-то ужасного и неотвратимого. Вдали виднелись темные тучи, приближающиеся к городу. По спине пробежал холодок. Я заставила себя отбросить тревогу и вернулась взглядом к сияющей и будто ничего не замечающей Маргарет.

– Смотри, смотри, Этель, – улыбнулась она шире, – двери открываются!

Порывистый ветер ударил мне в лицо в тот самый момент, когда я повернулась к церкви. Я отбросила разметавшиеся волосы и взглянула на спускающихся по ступеням людей. Это были сплошь богатые и знатные жители Грейстэла. Я узнавала почти всех. Странно, почему тогда Артриджей не пригласили?

Словно в ответ на мои мысли в толпе поползли шепотки:

– Говорят, свадьбу организовали за одну неделю...

– Где ж это видано? Богачи за полгода готовятся к такому событию...

– Это да, а тут глянь, как все закрутилось быстро...

– Может, союз уж больно выгодный для какой стороны? Вот и спешат, чтобы не упустить...

Я слушала разговоры окружающих людей и тоже удивлялась. Почему мало кто знал об этом событии? Когда торжество организуют так быстро, причины должны быть очень весомыми. И среди высшего общества бывают разного рода пикантности.

– Может, невеста в положении? – задумчиво предположила Маргарет, которая тоже слышала сплетни. – Как говорит моя матушка,

нравы уже давно не те.

Я вспыхнула при мысли о своей тайне, которую тщательно прятала в сердце. Может быть потом, после свадьбы, я осмелюсь поделиться ею с Маргарет, но сейчас не хватало смелости. К тому же это слишком личное, Роберт мог и не одобрить болтливости с моей стороны. Мы вместе приняли решение молчать об этом.

– Все, – подпрыгнула подруга, и ее голубые глаза вспыхнули, – молодые идут! Видишь, как фата развевается на ветру?

Я тоже засмотрелась на тончайшую кружевную фату, которая будто знамя колыхалась от каждого порыва ветра. Я не могла оторвать от нее глаз. Но вот невеста откинула белоснежное кружево назад и явила доброй половине города свое очаровательное личико. Толпа ахнула от восхищения. Невеста была невероятно красивой – с тонкими чертами лица, белоснежной кожей, выразительными серыми глазами и будто нарисованными тоненькими губами. Однако лицо ее не выражало ничего. Оно казалось застывшим, что выглядело довольно странно. Роскошное платье, расшитое вручную и идеально сидевшее на ней, еще долго будут обсуждать все прелестницы Грейстэла.

Новый порыв ветра заставил зажмуриться, и в этот раз он показался мне ледяным и колючим. Я невольно поежилась и плотнее запахнула пальто, но воздушные потоки проворно пробирались под него и леденили душу. Шляпку тоже пришлось поправить, поскольку ее чуть было не сорвало и не унесло в неизвестном направлении.

– Боже! – в ужасе прошептала Маргарет и до боли сдавила мне руку.

Я проследила за ее взглядом и почувствовала, что земля уходит из-под ног. Рядом с ледяной невестой стоял мой Роберт. Он держал ее за руку и, улыбаясь, что-то шептал на ухо. Губы его невесты дрогнули в подобии улыбки. Я застыла как вкопанная, не в силах не то что двинуться, но и вдохнуть. Боль была настолько сокрушительной, что подогнулись колени. Маргарет подхватила меня за талию и помогла удержаться на ногах.

А я все смотрела в лицо любимого и никак не могла поверить своим глазам. Может, это что-то вроде наваждения? Ведь так не могло быть! Не могло быть правдой. Я сделала порывистый шаг к лестнице, но вновь застыла. Что-то останавливало меня, держало на месте, пока новоявленные миссис и мистер Бенсон медленно спускались по

ступеням. Им аплодировали, свистели и выкрикивали поздравления и пожелания долгой и счастливой жизни. Горячие слезы обожгли лицо, я едва смогла подавить всхлип.

– Он не мог, – проговорила я непослушными губами. – Маргарет, скажи мне, что это не он.

Я повернулась к подруге и увидела в ее глазах непролитые слезы. Она кусала нижнюю губу и смотрела на меня так, словно ждала обморока.

– Скажи, что это не Роберт, – взмолилась я, цепляясь за ее руку. – Он не мог так со мной поступить!

– Прости, милая, – прошептала Маргарет. – Прости. Я не могу этого сказать.

Ужас и боль, что я видела в глазах подруги, отражали мои собственные чувства. Мир вокруг стал черно-белым и, словно чувствуя мое состояние, скрылся под черными тучами, заполонившими небо. Ветер усилился, я ясно почувствовала приближение грозы.

В какой-то миг Роберт повернул голову в нашу сторону и заметил меня. Его красивые синие глаза, которые я так любила, округлились, он в ужасе замер на мгновение, но как только невеста окликнула его, тут же отвернулся и больше уже не смотрел на меня. Вот так просто? Так легко? Словно меня никогда и не было в его жизни. Боль сдавила грудь так, что я услышала собственные хрипы, которые пробивались сквозь ком в горле.

– Вот мерзавец, – проговорила Маргарет и потянула меня за собой, пытаясь выбраться из толпы. – Как он мог? Он же за тобой ухаживал, сказал, что познакомит с семьей, что летом вы поженитесь. Зачем? Зачем все это?

Я слышала ее слова сквозь гул в собственной голове, но ответить не могла. Маргарет снова попыталась сдвинуть меня с места, но я будто приросла к земле. Мой взгляд блуждал по радостным лицам горожан и гостям церемонии, и вдруг я заметила знакомое лицо. Прямо против меня стояла миссис Артридж и растерянно смотрела на происходящее. О наших отношениях с Робертом она знала лишь из рассказов моих и некоторых знакомых, которые видели нас вместе в парке. Моя уверенность позволяла ей говорить о предстоящей свадьбе и соблюдении приличий. Тетушка Харриет доверяла мне, и теперь это

доверие было загублено. Новый удар причинил не меньшую боль. Я оказалась лгуньей в глазах дорогой родственницы. Весь мой мир пошатнулся, я словно услышала, как трескаются его стены, с каким грохотом они рушатся и падают к моим ногам. Тетушка тоже заметила меня, и в ее глазах сверкнули гневные слезы. Впервые я видела миссис Артридж такой сокрушенной. А потом я заметила и другие лица, лица тех, кто знал о том, что я проводила время с Робертом, что гуляла с ним в парке, что надеялась на брак. На меня смотрели с жалостью, осуждением или с явным презрением. Эти лица и взгляды были повсюду, и казалось, что они становятся больше, а я, наоборот, уменьшаюсь в размерах. В какой-то момент боль жестокого предательства Роберта, разочарование и отчаяние дошли до такой точки, что мне захотелось исчезнуть. Раствориться в воздухе.

Гонимая муками собственного сердца, я резко развернулась и влетела в толпу горожан, все еще шумевших и провожающих молодоженов к экипажу. Руку Маргарет я отпустила и, ринувшись сквозь толпу, потеряла подругу из вида.

Когда пересекла площадь, ноги сами понесли меня в неизвестном направлении. Я уже не бежала, просто брела по улицам, глотая горькие слезы. Роберт был моим светом, моей надеждой на счастливое будущее и одобрение в глазах семьи. Я отдала ему всю свою нежность, растворилась в нем и полностью доверилась. Эта мысль окончательно меня сокрушила, и слезы полились еще сильнее. Я отдала Роберту все, ему больше нечего было брать. Горький стон застрял в горле, я прислонилась к стене ближайшего дома, чтобы не упасть, закрыла рот ладонью, заглушая вопль. У меня больше не было будущего, никакой надежды на благополучный исход, только позор и полное разочарование тетушки Харриет. Как я смогу сказать ей, что стала Роберту женой, не дожидаясь свадьбы?

Как и зачем добралась до парка, я не знала. Словно неприкаянная, бродила по улицам и пришла к любимой беседке, в которой Роберт признался мне в любви и говорил о свадьбе. Тучи над головой сгущались, а ветер усиливался, где-то вдали прогремели первые раскаты грома. Я слышала, чувствовала, но внимания ни на что не обращала. Будто душа отделилась от продрогшего тела. Не представляю, сколько я так просидела на скамейке в беседке, но когда

вышла из нее, было уже совсем темно, а дождь падал с неба сплошной непроглядной стеной.

Я вновь побрела по улицам, с трудом передвигая отяжелевшие ноги. Тело дрожало от холода, но я не обнимала себя руками, не куталась в пальто, не пыталась согреться. Ледяные руки мелко дрожали, а в горле так и остался колючий ком, мешающий говорить.

Очнулась у той самой церкви Святой Марии, у подножия лестницы которой мои надежды обратились в прах. Я смотрела на ее стены и не думала совершенно ни о чем. Ни о том, как буду жить дальше, ни о том, как посмотрю в глаза тете Харриет, ни о том, что скажут люди. Обжигающая боль вытеснила все прочее.

– Эй, ты что же это стоишь тут, деточка? – послышался мягкий женский голос за спиной. – Ты совсем продрогла.

Не дождавшись ответа, незнакомка обошла меня и встала напротив. Это была невысокая женщина лет шестидесяти, укутанная в пальто и прячущаяся под широким зонтом. Она шагнула ближе и с сочувствием в глазах укрыла меня под своим зонтом. От ее ласковой улыбки я почувствовала новый приступ жалости к себе.

– Альберт! – крикнула она куда-то в сторону и когда послышались поспешные, хлюпающие по лужам шаги, сказала: – Ну-ка помоги мне! Давай отведем ее в дом, пусть обогрется бедняжка.

– Эх, Сиенна, – вздохнул ее спутник, – ты когда-нибудь наживешь себе неприятностей.

– А ты не болтай, делай, что говорю, – велела она. – Неужели не видишь, девочка едва на ногах стоит. Белая как полотно, вот-вот упадет. И голодная небось.

Я, как безвольная тряпичная кукла, позволила женщине приобнять меня с одной стороны, а мужчине с другой, и они повели меня куда-то в сторону. Не было желания ни сопротивляться, ни благодарить. Я просто послушно брела рядом с ними до темного крытого экипажа. Ничего не разглядывая, не интересуясь происходящим, я села на мягкое сидение. Экипаж тронулся с места, и остались лишь звуки проливного дождя и цокот копыт лошадей по мостовой.

Невзирая на то, что я была вся насквозь промокшая, женщина то прижимала меня к себе теснее, то растирала мои озябшие плечи. Не

сказать, что ее действия как-то помогали, ибо я была продрогшей изнутри. Прогрелась и опустошенной.

За пеленой дождя я не разглядела дома, куда меня аккуратно ввели. Да мне и не было интересно. Добрая женщина позвала девушек, которые мигом наполнили ванну горячей водой. Все такую же безмолвную, меня помыли, переодели в сухое и усадили пить чай в красивой и просторной кухне. Я пила обжигающий травяной чай, но не чувствовала его тепла, лишь видела лениво поднимающийся кверху пар.

– Кто это? – тихонько спросила одна из служанок. – Она совсем плоха, миссис Батлер.

– Не знаю, Бэтани, – ответила ей добрая женщина, приютившая меня. – Но если мы не пригласим доктора, она сляжет в горячке.

– Я отправлю кого-нибудь, – вызвался мужчина, которого миссис Батлер назвала Альбертом. – Но знай, что хозяину это не понравится. Он не любит гостей, тем более непрошенных.

– Не ворчи, знаю, – ответила она. – Но не оставлять же девушку на улице, ее вон как лихорадит.

Лихорадит? Я даже не заметила. Сидела неподвижно, глядя в темное окно, будто была здесь и одновременно не была. Все, что говорили и делали эти люди, было и со мной и в то же время будто не со мной. Тело присутствовало в этой комнате, а разум и душа витали вдали отсюда.

Где-то в доме послышался шум. Миссис Батлер вздрогнула и посмотрела на мужчину, который будто ждал, что она передумает и выпроводит меня из дома от греха подальше.

– Чего стоишь? – сказала она ему. – Давай за доктором, а хозяина я возьму на себя. Он не откажет мне.

Мужчина что-то неопределенно хмыкнул, а миссис Батлер повернулась к служанке:

– Отведи ее в свободную комнату и уложи под одеяло, а я пойду поговорю с мистером Холлом.

Что-то знакомое царапнуло память, будто я когда-то уже слышала это имя. Бэтани отвела меня в небольшую комнату, уложила в кровать и укрыла мягким одеялом. Я ощущала его нежность, приятный аромат, но чувства будто застыли, были заморожены. Ничего не трогало моего

сердца, не приносило радости. Ни забота совершенно незнакомых мне людей, ни вкусный чай, ни уют и тепло этого дома.

Врач прибыл довольно скоро, поставил на столик свой саквояж и приступил к осмотру. Он пытался узнать мое имя, где я живу и как отыскать моих родных. Я постаралась сказать хоть слово, но у меня ничего не получилось. Слова застревали в горле, не имея возможности преодолеть болезненный ком, образовавшийся там еще утром. Подумав об этом, я невольно подтянула колени к груди и вновь заплакала.

– Кажется, она переживает сильнейшее потрясение, – слышался негромкий голос доктора. – Я вижу, что она пытается говорить со мной, но у нее ничего не выходит. Измученный вид и эти слезы... У нее что-то случилось, и это что-то очень серьезное. Прибавьте к травме эмоциональной физическое утомление. Она промокла и теперь горит в лихорадке, но будто даже не замечает этого.

– Что вы посоветуете, доктор? – взволнованно спросила миссис Батлер.

– Я оставлю вам микстуру, будете поить ее. Ей необходим покой, крепкий сон и забота. Вы знаете, кто она?

– Н-нет, – поспешно ответила женщина. – Мы нашли ее на улице, у церкви Святой Марии.

– Ну ничего, миссис Батлер, – сказал доктор, – ночь пройдет, снова выглянет солнце, и все образуется. Ваша гостья придет в себя и со временем поправится. Я загляну к вам завтра, чтобы еще раз ее осмотреть.

– Благодарю вас, – сказала миссис Батлер, и я услышала, как врач покинул комнату. Добрая женщина подошла к моей кровати, осторожно присела рядом и коснулась рукой моих волос. – Ничего, ничего, мисс Янг. Все пройдет. Все образуется. Поплачьте, милая, выпустите боль. Никто вас от нее не избавит, никто не сможет помочь.

Очень медленно я выпрямилась на кровати и заглянула в милое лицо миссис Батлер. Откуда она знает мое имя?

– Не пугайтесь, – прошептала она в ответ на мой невысказанный вопрос. – Здесь вас не обидят. Отдыхайте. Как сказал доктор, завтра нас ждет новый день, а значит, и новая страница в жизни. Все меняется, мисс Янг, ничего не стоит на месте.

Она продолжала что-то говорить, но я уже ничего не слышала. Веки отяжелели, дыхание мое выровнялось, и я даже не заметила, как погрузилась в глубокий сон без сновидений.

Глава 2

Утро принесло легкую головную боль. Я несколько раз моргнула, привыкая к яркому солнцу, пробивавшемуся сквозь занавешенное окно. Сначала даже не поняла, где нахожусь. Совершенно чужая комната, небольшая, но вполне аккуратная и уютная. И пахло здесь приятно, чистотой. Я осторожно откинула одеяло и медленно села на кровати, свесив босые ноги. В комнате было тепло, что не всегда встретишь в крыле для слуг.

Воспоминания навалились внезапно, вновь причинили боль, заставили стиснуть горячими пальцами ночную рубашку и зажмуриться, чтобы сдержать слезы. Я могла убедить себя, что все было ночным кошмаром, что всего этого не происходило на самом деле, но комната, в которой я очнулась, говорила сама за себя. Я в чужом доме, куда меня привела добрейшая миссис Батлер. Помнится, приходил врач. Прислушалась к себе – слабость, небольшой жар и все тот же ком в горле, только теперь стало больно глотать. Под вчерашним проливным дождем я простудилась. Перевела взгляд на тумбочку у кровати и обнаружила какие-то пузырьки, порошки и стакан воды, который я осушила с удовольствием.

– Не нужно вам вставать, мисс Янг, – послышался голос за спиной. В дверь тихо вошла миссис Батлер. – Вы еще очень слабы. Да и душевное состояние у вас, прямо скажем, не очень здоровое.

Я посмотрела на нее удивленно. Миссис Батлер подошла ближе, настойчиво уложила меня обратно, укрыла одеялом и присела рядом. Она ласково посмотрела на меня и сказала:

– Кто вы, в этом доме знаю только я. И, если пожелаете, я никому не скажу.

Я попыталась сказать, что не хочу раскрывать другим свое имя, но у меня ничего не получилось. Только тихий хрип вырвался из горла.

– Ничего, ничего, – похлопала меня по руке миссис Батлер. – Не волнуйтесь, голос вернется. Может, не сегодня, но обязательно вернется. Просто качните головой, и я пойму. Вы хотите, чтобы я рассказала остальным, кто вы?

Я отрицательно мотнула головой и вновь ощутила боль. Коснулась пальцами висков. Миссис Батлер протянула мне ложечку микстуры, которая пахла не очень приятно. Я невольно скривилась, но добрая женщина лишь улыбнулась, и мне пришлось выпить.

– Помимо душевных мук, – тихо сказала она, – вы еще и простудились. Так долго под дождем простояли. Неудивительно, что захворали.

Она сокрушенно покачала головой, откладывая ложку в сторону. Ее прохладные пальцы коснулись моей руки, во взгляде появилось сочувствие, которое вынудило меня отвернуться. Слезы вновь подступили к глазам. Жалость меня огорчала.

– Вы хотите знать новости? – очень тихо спросила она, сжимая мою руку.

Хотела ли я? Нет, определенно нет. Не хотела знать, о чем судачили в городе, как прошла свадьба, кто невеста Роберта и почему он меня предал. А еще не хотела знать о том, как разочарована во мне тетя Харриет. Но рано или поздно слухи дойдут до моих ушей. Я мужественно стиснула зубы и повернулась к миссис Батлер. Лучше уж сейчас все узнать, чтобы пережить все скопом. Вздохнув, я кивнула.

– Вам будет неприятно, мисс Янг, но в городе обсуждают свадьбу мистера Бенсона и мисс Лилианы Кэмтол. Она очень богатая наследница, которая прибыла в Грейстэл этой весной. Семья мистера Бенсона настояла на этом браке, потому что обеим сторонам выгодно соединить капиталы и приумножить их, сотрудничая в делах.

Сердце вновь больно сдавило. Деньги решают все в этом мире. У меня тоже имелось наследство, но Бенсонам его было недостаточно. А Роберт не сражался за меня, согласился на брак. Смахнув слезу, я взглядом попросила миссис Батлер продолжать, пока у меня оставались силы слушать. Она снова сжала мои пальцы.

– Ваши отношения с мистером Бенсоном тоже обсуждают. Только, как вы понимаете, речь о вашем легкомыслии, а не о том, как поступил мистер Бенсон. То, что он дал вам надежду, никого не волнует. Он мужчина, ему все простят. А вот то, что вы показывались с ним в общественных местах – это дело другое. Да, сейчас нравы стали свободнее, но общество Грейстэла со скрипом входит в новый век. Особенно высшее общество, которое приспосабливается к переменам

гораздо тяжелее, не желая нарушать своего комфорта. Вас осуждают, мисс Янг, но все это забудется. Слухи утихнут, будет новая тема для обсуждения.

Все ее слова звучали мягко, очень осторожно, но я была рада, что она не приукрашала действительность. Миссис Батлер не лгала мне. Я вновь зажмурилась, понимая, что общество еще не знает, на какие именно вольности я оказалась способна. Если бы тетушке удалось найти мне жениха, то свадьба обернулась бы неизбежным скандалом. Миссис Батлер права, в Грейстэле новый век еще не наступил. Я посмотрела в окно и подумала о тете.

– Вас ищут, – словно прочитав мои мысли, сказала экономка. – Миссис Артридж места себе не находит. Утром на рынке говорили, что ваша тетушка не спала всю ночь, ожидая вашего возвращения.

Я бросила на миссис Батлер вопросительный взгляд.

– Слуги знают все, мисс Янг. Новости быстро распространяются по городу. Грейстэл кипит, и теперь все задаются вопросом, куда вы делись. Возможно, вам стоило бы отправить весточку миссис Артридж.

Я отрицательно замотала головой. Мне не хотелось, чтобы тетя приехала в этот дом. Я не была готова видеть ее.

– Хорошо, хорошо, вы, главное, поправляйтесь. Отдыхайте, сколько потребуется. Я позабочусь о вас.

Слова миссис Батлер удивили меня. Почему она мне помогала? Почему заботилась и хранила мое имя в тайне? И снова добрая женщина все вопросы будто с лица считала.

– Любой может попасть в беду, мисс Янг. А вы мне очень симпатичны. У вас доброе сердце. Пару месяцев назад, в парке, я поскользнулась на льду и упала, больно ударившись спиной. Вы помогли мне подняться и проводили к экипажу.

Я вспомнила этот случай и неуверенно кивнула. Однако встреча в парке не объясняла, откуда миссис Батлер знала мое имя. Не помню, чтобы я его называла. Эти мысли она не прочитала и на вопрос не ответила.

– Если вы пожелаете, мы переместим вас в гостевую комнату, что следовало сделать еще вчера.

Смутно припомнила слова мужчины, которого миссис Батлер называла Альбертом, что хозяин этого дома не любит гостей. А я была

еще и непрошеным гостем. Да и мне встречаться с хозяином не хотелось. Я вновь покачала головой, давая понять, что мне и здесь нравится. Миссис Батлер кивнула и оставила меня одну.

В тишине и покое незнакомого дома прошло еще два дня. Доктор Мэлони приходил всего раз, осмотрел меня и сказал, что я довольно быстро поправляюсь, а голос вернется в ближайшие дни. Из обитателей моего нового приюта я видела только экономку, то есть миссис Батлер и горничную Бэтани. Они поочередно приносили мне еду и давали лекарства. Я узнала, что человек по имени Альберт был мужем миссис Батлер и служил камердинером у хозяина. В доме было всего несколько слуг: две горничные, лакей и чета Батлеров. Все они служили мистеру Холлу уже давно.

На второй день миссис Батлер все же вынудила меня черкнуть несколько слов тете Харриет, утверждая, что я поступала жестоко. Несмотря на случившееся, тетя любила меня и волновалась.

Эти строки дались мне с трудом. Я несколько раз комкала и выбрасывала листки, понимая, что все не так и не то. В конце концов, оставила лишь слова о том, что со мной все хорошо и что я прошу у нее за все прощения. Мне отчаянно хотелось домой, в свою комнату, в мягкую постель, к своим нарядам, к друзьям. Но я не могла. Не могла вернуться и посмотреть тете в глаза. И пусть она не знала о близости между мной и Робертом, но о ней знала я, и этого было достаточно, чтобы утратить мужество.

Устав лежать и чувствуя себя вполне сносно, я, наконец, поднялась на ноги. Голова немного кружилась, но это можно было списать на обычную слабость. Стояло раннее утро, только светало. Босыми ногами я прошлепала к окну и раздвинула шторы, а потом, ощутив внезапное удушье, распахнула створки. В комнату ворвался свежий воздух, и он принес с собой запах весны. Я вздохнула полной грудью и впервые за эти дни задумалась о будущем. Что же мне делать дальше? Куда идти? Где искать пристанище?

В голову лезли пугающие мысли о том, как я выйду из этого дома, и боль обрушится на меня с новой силой. Здесь время будто застыло. Я словно перестала быть собой. Вокруг не было ни единой знакомой мне души, ни одного укоризненного взгляда.

Вид из окна на причудливый сад и необычный кованый забор показался мне знакомым. Я невольно попыталась представить себя по

ту сторону забора и мысленно ахнула. Самый загадочный особняк в городе, принадлежащий мистеру Холлу! Я никогда не видела хозяина этого дома, визиты он наносил редко, на званых вечерах бывал еще реже, а других поводов быть ему представленной не возникало. И имя еще какое-то странное... Никак не удавалось вспомнить. Решив оставить это бесполезное занятие, я решила попробовать пробраться на кухню.

Осмотрелась и ничего, кроме халата, переброшенного через спинку стула, из одежды не обнаружила. Впервые за три дня мне захотелось есть. До этого момента ела без аппетита, только чтобы не расстраивать миссис Батлер. Я накинула халат и вышла за дверь. Коридор был пустым и длинным, по обеим сторонам располагалось множество дверей. Комнаты для слуг. Я медленно двинулась вперед, рукой опираясь о стену. Ноги слегка дрожали оттого, что я долго пролежала в постели. Освещения было мало, но этот дом меня не пугал. Он казался живым, таинственным и необычным. Что-то странное витало в воздухе, скрывалось в густых тенях и легким касанием покалывало кожу. Я не могла объяснить, просто чувствовала.

Не туда повернув, я оказалась у лестницы. Поднялась и очутилась в длинном коридоре, уже без лишних дверей, только с двумя – с той, из которой я вышла и в самом конце коридора. Вторая вывела меня под широкую лестницу в огромном холле. Судя по тому, что я увидела, дом был обставлен роскошно, но не помпезно. Вкус у хозяина имелся. Я вышла на середину холла и быстро осмотрелась, пока меня никто не заметил. Справа гостиная, в ней тоже была еще одна дверь, но я не видела, куда она ведет. Слева большая музыкальная комната. Рискованно было оставаться здесь, поэтому я вернулась к двери под лестницей и повернула в другую сторону. В этот раз не ошиблась. Почувствовав тонкий аромат сдобы, я утвердилась в мысли, что иду в нужном направлении. У приоткрытых дверей задержалась, услышав голоса. Обычно я не подслушиваю, но мужской недовольный голос вынудил меня замереть на месте.

– Сиенна, мы это уже обсуждали! Я велел тебе решить вопрос и выпроводить ее из моего дома.

Голос, несмотря на суровость, был приятным, глубоким и бархатистым.

– Вот уж интересно, мистер Холл, куда же я должна ее выпроводить? Бедняжке некуда идти, – ничуть не испугалась грозного тона хозяина миссис Батлер. Ее голос я узнала мгновенно, поскольку уже успела к нему привыкнуть.

– Мой дом не приют, Сиенна!

Я взволнованно шагнула ближе и заглянула в приоткрытую дверь. Миссис Батлер с невозмутимым лицом сидела за большим кухонным столом, ее руки, сложенные в замок, лежали на его поверхности. У нее за спиной стоял высокий мужчина лет тридцати – тридцати двух, с темными, коротко остриженными волнистыми волосами, сердитыми серыми глазами и легкой щетиной. Он хмуро смотрел в затылок своей экономки и порывался сказать что-то еще, но слова будто застревали в его горле. Больше в кухне никого не было, что для этого часа весьма странно. Кухарки всегда вставали затемно, чтобы приготовить завтрак. Да, и выпечкой пахло, а значит, все-таки кто-то уже приступил к работе.

В конце концов, мистер Холл склонился к уху миссис Батлер и проговорил:

– Ты понимаешь, что это глупо? Чужой человек в этом доме – к беде! Ты сама не раз говорила мне об этом.

– В этом доме полно народу, – все так же спокойно ответила экономка, пожимая плечами.

– Но они все проверены годами!

Миссис Батлер повернулась к своему хозяину и заглянула ему в глаза.

– Вы ее даже не заметите, я обещаю. Девушка погостит столько, сколько ей будет нужно, а потом сама решит, что ей делать со своей судьбой.

Выражение лица мистера Холла менялось стремительно, от недовольного к снисходительному и обратно.

– Какое тебе дело до девчонки, которую нашли на улице? Ты ведь даже не знаешь ее! – уже беззлобно возмутился мистер Холл.

Миссис Батлер прикусила губу, словно боялась обронить лишнее слово. Я могла ошибиться, но мне показалось, что так она хранила мое имя в секрете. Благодарность теплом разлилась в груди.

– Какая разница, знаю я ее или нет, Итаниэль? – спросила она. – Девочка нуждалась в помощи, а я оказалась поблизости.

– Твоя сердобольность нас погубит, – вздохнул мужчина и сел на стул рядом с миссис Батлер. – Скажи просто, что ты заскучала и эта тихая мышка окрасила твои серые дни в новые цвета.

Миссис Батлер наградила своего хозяина ласковым взглядом, а потом, пока он не видел, победно улыбнулась. Вообще этот разговор показался мне странным. Экономка вела себя с мистером Холлом уж слишком вольно, как в редких случаях могли позволить себе няни или гувернантки. Но и те, называя господ по имени, добавляли обращение «мистер» или «мисс». А миссис Батлер сказала просто «Итаниэль». Возможно, дело было в том, что она могла знать его с самого детства. Некоторые хозяева относятся довольно благосклонно к тем, у кого на глазах выросли. Я снова подумала, что имя у мистера Холла было необычным.

– Ты был у нее? – спросила миссис Батлер.

Я вздрогнула, вспоминая, что речь шла обо мне. Что значит – был у меня? Он что, приходил, когда я спала? Стало не по себе. Воздуха не хватало, я резко вдохнула и как можно тише выдохнула.

– Я должен был знать, кого ты притащила в дом, Сиенна, – сказал мистер Холл и потер рукой лоб.

– Ты мог напугать девочку, – неодобрительно заметила миссис Батлер.

– Мне нет до нее дела, – пренебрежительно отмахнулся мужчина. – Я лишь убедился.

– А моего слова тебе, значит, мало?

– Не ворчи, мне спокойнее, когда я сам смотрю.

– Ну что, убедился? Я повторяю, Итаниэль, ты ее присутствия даже не заметишь. Ни разу больше не увидишь девочку.

Странный диалог сбивал с толку. Я совершенно не понимала, о чем говорили эти люди. Зачем мистер Холл приходил на меня смотреть? Да, я попала в его дом без разрешения, но ночной визит в комнату к девушке – это неслыханно. Тревога, смятение и страх нарушили мое хорошее впечатление от знакомства с этим домом и его обитателями.

Я так взволновалась, что перестала следить за происходящим в кухне. Внезапно дверь открылась шире, и перед моим лицом возникла широкая грудь Итаниэля Холла. Очень медленно и осторожно я подняла взгляд и попала в плен внимательных серых глаз.

– Не увижу, говоришь? – спросил он, не поворачивая головы и продолжая смотреть на меня.

Глаза мистера Холла не выражали абсолютно ничего, ни интереса, ни недовольства, ни злости. Полное безразличие, будто он смотрел на пустое место. Стало как-то не по себе, и я перевела взгляд на миссис Батлер. Она тепло улыбнулась мне и протянула руку.

– Завтрак почти готов, вы, верно, голодны?

Я кивнула, но не сдвинулась с места. Присутствие мистера Холла давило на меня. Я ощущала странное напряжение, исходящее от него. Оно словно потрескивало на моей коже. Невольно обняла себя руками и нервно растерла плечи, чтобы избавиться от неприятных ощущений. Глаз на хозяина дома я больше не поднимала.

– Сиенна, – громко позвал он, и я подпрыгнула от неожиданности. – Гнать я ее не буду, надеюсь на твое благоразумие.

Больше мистер Холл ничего не сказал, он издал какой-то странный звук, похожий на хмыканье, и вышел из кухни. Я осторожно выдохнула, ощущая, как тает колючий ком в горле. Он просто исчез, словно его и не было.

– Миссис Батлер, – произнесла я и не узнала собственного голоса. Он показался мне чужим, чуть хриплым и низким.

– Ох! – Экономка всплеснула руками и радостно улыбнулась. – Ну, слава богу, мисс Янг. Ваш голос вернулся.

Все еще немного растерянная, я подошла к ней и села на предложенный стул. В кухне было очень уютно, тепло и чисто. Пахло сдобой, корицей и кофе. Но кухарку я так и не заметила.

– Хотите теплую булочку с маслом? – ласково спросила миссис Батлер. – Еще есть сыр, джем и яйца. Не знаю, что вы любите. Предпочитаете кофе или чай?

– Чай, пожалуйста, – сказала я в ответ.

Добрая женщина поставила передо мной блюдо с нарезанным сыром, воздушные ароматные булочки, масло и дымящийся чайник. Она ухаживала за мной, как за родной. Это грело и в то же время смущало. Миссис Батлер ничем мне не обязана, и такая забота казалась чрезмерной.

– Ничего, ничего, мисс Янг, вы скоро окрепнете. Все наладится. Обиды уйдут. Ну, или, по крайней мере, не будут так остро ощущаться.

Время все поправит, не излечит окончательно, но дышать вам станет заметно легче.

Экономка говорила и при этом намазывала на пышную булочку масло, затем положила сверху сыр и протянула мне этот бутерброд. Я благодарно кивнула и приступила к завтраку. Пока я жевала, миссис Батлер налила себе кофе и уселась рядом. Теперь, спустя несколько дней, мне впервые захотелось рассмотреть ее получше. Бледно-голубые глаза казались не только добрыми, но и мудрыми, такими, словно многое повидали в жизни, много плакали, но и смеялись тоже. Глядя в них, я думала о том, как много интересного и необычного может рассказать их хозяйка. Лицо у миссис Батлер было круглое, черты лица мягкие.

– Мистер Холл недоволен моим появлением в доме? – осторожно спросила я.

– Нет, что вы! – воскликнула экономка без тени притворства, что было странно, если припомнить ее недавний разговор с хозяином дома. – Мистер Холл немного недоверчив и его даже можно назвать затворником, но сердце у него доброе.

Я посмотрела на миссис Батлер с недоумением и долей недоверия. Ее слова расходились с моим впечатлением от встречи с Итаниэлем Холлом.

– И все же мне не совсем удобно оставаться здесь, – сказала я. – Я гостила довольно долго и это притом, что мы с вами даже не были знакомы.

– Для того чтобы помочь человеку, попавшему в беду, вовсе не обязательно быть с ним знакомым, мисс Янг, – касаясь моей руки, улыбнулась миссис Батлер. – То, что с вами произошло, очень печально. Это настоящая трагедия и вы не должны были оставаться одна. Ни в коем случае. Мистер Холл может и поворчать немного, но поверьте мне, он ни за что и никогда не прогонит нуждающегося в помощи.

– Простите меня, миссис Батлер, – откладывая недоеденную булочку, сказала я, – но я невольно услышала часть вашего разговора. Вы называли мистера Холла по имени.

– Ах, это! – улыбнулась женщина. – Да, порой я забываюсь, а мистер Холл делает вид, что не замечает. Он ведь вырос на моих глазах. Столько лет я была рядом с ним. Заботилась, оберегала.

Слова миссис Батлер подтвердили мои догадки о давнем знакомстве и допустимой вольности.

– А чем он занимается? – поинтересовалась я.

– Ну, как вам сказать, – с заминкой ответила экономка. – Наш хозяин что-то вроде поверенного, занимается чужими личными делами, документами и прочим. Я не очень хорошо в этом разбираюсь.

– Нотариус? – спросила я.

– Да, что-то вроде этого, – отмахнулась она.

Я бы не сказала, что мистер Холл или его дела меня как-то интересовали. Но я жила в его доме и мне просто нужно было знать, кто этот человек. Чем он живет, кто и что его окружает.

– Миссис Батлер, – вновь обратилась к экономке, – я ужасно благодарна вам за помощь. За все, что вы для меня сделали. Я пока не могу сказать, что буду делать дальше, куда пойду...

– Не надо, мисс Янг! – Экономка ободряюще похлопала меня по руке. – Никто не заставляет вас принимать решение немедленно. Оставайтесь в этом доме столько, сколько будет необходимо. Здесь вас не будут искать, никто не сболтнет лишнего, не посмотрит косо. В этом доме вы в полной безопасности, никому не мешаете, никого ничем не обременяете.

– Но я бы не хотела, чтобы кто-нибудь знал...

– Не волнуйтесь, я уже поняла. Я буду держать вашу историю, как и ваше имя, в секрете.

– В таком случае, вы не могли бы называть меня просто по имени? – попросила я. – И на «ты», чтобы никто не понял, о чем мы умалчиваем.

Миссис Батлер снисходительно улыбнулась, и я догадалась, почему моя просьба вызвала такую реакцию. Господ всегда можно отличить от прислуги. Жесты, речь, даже походка и взгляд заметно отличаются.

– Давайте попробуем, – сказала экономка.

Этот разговор натолкнул меня на неожиданное решение. Оно казалось поспешным и сумасбродным, но в эту минуту верным.

– А не могла бы я помогать по дому?

– То есть как? – удивилась миссис Батлер.

– Возможно, моя помощь пригодилась бы на кухне или девушкам, убирающим дом? – с надеждой спросила я. – Я знаю, толку от меня

пока немного, но я быстро научусь.

– Кухарки, как и горничные, тяжело трудятся, – аккуратно подбирая слова, сказала экономка. Я видела, что она никоим образом не хотела меня обидеть. – Дом немаленький.

– Я понимаю, – кивнула я для убедительности. – И даже уверена, что у меня мало что будет получаться, но я бы хотела занять себя чем-то, чтобы... чтобы не думать, чтобы не жалеть себя. Моя тетья Харриет всегда говорила, что слуги делают глупости от недостатка работы. А когда руки заняты делом, думать о дурном нет времени. Да и служанкой я не буду вызывать ненужных вопросов у гостей мистера Холла.

– У нас почти не бывает гостей, мисс Янг... – Миссис Батлер запнулась, а потом поправилась: – Этель.

– А почему мистер Холл ведет затворнический образ жизни? У него нет семьи? – спросила я. – Он еще довольно молодой мужчина, с достатком.

– Да вот как-то не сложилось, – ответила экономка и быстро сменила тему: – Вам удобно в комнате, которую мы выбрали?

Я поняла, что ни о занятиях своего хозяина, ни о его частной жизни миссис Батлер говорить не хочет. Эта женщина хоть и была говорливой, но она знала, что говорить можно, а что нельзя. Очень хорошая черта, как мне кажется. Она не болтает лишнего о своем хозяине, тем более с малознакомыми людьми.

– Так вы позволите мне попробовать? – вновь спросила я.

– Эх, что же с вами делать, Этель, – вздохнула она. – Хорошо, я попрошу Бэтани занять вас чем-нибудь довольно простым, а там видно будет. Но вы совершенно уверены? Не нравится мне эта затея.

– Уверена, миссис Батлер. Тем более что это ненадолго. Я не задержусь, чтобы мое присутствие не волновало вашего хозяина. Дайте мне несколько дней, два, быть может, три и я определюсь со своим будущим. Хотелось бы покинуть Грейстэл и оказаться там, где никто ничего не знает обо мне.

– Понимаю, – с печалью в голосе сказала экономка. – Но вы не торопитесь. Сначала обдумайте все хорошенько.

Я бросила взгляд на свою одежду и сообразила, что больше у меня совсем ничего нет. Тот наряд, в котором я пришла в этот дом, не подходил для пути, избранного мной, но и выбрасывать платье и

пальто я не собиралась. Это решение было временным и принято мною только ради того, чтобы избавиться от боли, которую приносили мысли и воспоминания. Праздно разгуливать по этому дому было бы невыносимо. Я сняла небольшие изящные серьги и протянула их миссис Батлер.

– Могу я попросить вас продать это и купить мне новую, более подходящую, одежду?

Экономка некоторое время смотрела на украшения и, видимо, размышляла, как ей поступить. Я протянула руку ближе, настаивая и давая понять, что знаю, что делаю. Женщина вздохнула и убрала мои серьги в карман.

Уже к обеду Бэтани принесла мне новую одежду и остатки денег. Оставшуюся часть дня я ходила за ней по дому, наблюдала за работой, запоминала, училась. Несколько дней превратились в месяц. Я даже не заметила, как он пролетел. Работа действительно помогала отвлечься от горечи и обид. Миссис Батлер не позволяла мне трудиться, как всем остальным горничным. Она часто уводила меня, приглашая на чаепитие, подолгу беседовала со мной, слушая о моем детстве и юности, но о себе, обитателях дома и хозяине все так же не рассказывала. Со временем я привыкла и полюбила этот дом. Мистера Холла я больше не видела. Его комнаты обходила стороной, помня о словах миссис Батлер. Она обещала своему хозяину, что меня он даже не заметит. Так и было до наступления одного странного майского вечера.

Глава 3

– Этель, голубушка! – позвала меня миссис Батлер. В последнее время она постоянно так меня называла, и привязанность ее ко мне с каждым днем росла. Вся прислуга это видела, но никто не высказывал недовольства, не обижался. Я же чувствовала себя немного неловко. – Пойдем, поможешь мне с бельем.

«Помочь с бельем» на ее языке означало посидеть с ней рядом и поговорить о чем угодно. Миссис Батлер была очень интересным собеседником, она прочитала огромное количество книг. Иногда мне казалось, что одному человеку жизни бы не хватило, чтобы прочесть и половину.

Я уже привыкла к этому по большей части тихому дому. Как и в первые дни, он казался мне живым, странным, но милым. Иногда по ночам я просыпалась, словно услышав что-то, но, окончательно пробудившись, заставала лишь тишину. Будто дом, растревожив меня, затихал, позволяя вновь уснуть. Глупости, конечно, но этот особняк волей-неволей заставлял фантазировать. Он не был жутким, но казался пустынным. Я чувствовала, что не только обитатели, но и его стены пригрели меня, укрыли и защитили. Но было такое чувство, что дом тосковал по хозяину, который пропал неизвестно где. Временами я понятия не имела, у себя ли мистер Холл. Вокруг него витала таинственная дымка. Слуги хозяина любили, тщательно оберегали и, казалось, надеялись в этой жизни лишь на него одного.

Я знала в особняке уже почти каждую комнату, каждый коридор, каждый предмет мебели. Не ходила лишь в комнаты мистера Холла. Мне не запрещали, я сама не желала. Сначала из стеснения и легкого негодования, которое появилось после того, как я узнала, что он приходил в мою комнату ночью. А потом, когда буквально влюбилась в его дом, из страха, что стоит мне попасться ему на глаза, и мистер Холл тут же выгонит меня.

Сейчас я прошла за миссис Батлер на второй этаж, свернула в коридор и, дойдя до его конца, оказалась в бельевой. В этой комнате всегда пахло свежестью и чуть-чуть мятой. Экономка говорила, что

этот запах успокаивает мистера Холла, помогает ему уснуть. А со сном у хозяина этого дома, как я поняла, были серьезные проблемы.

– Мисс Янг, – сказала миссис Батлер. Наедине она всегда обращалась ко мне именно так. – Вы давно не писали вашей тете. Бэтани сегодня видела одну из ваших горничных, Софи, кажется.

Экономка подошла к большой корзине и извлекла из нее чудные, идеально отутюженные простыни. Она положила их на стол, и по комнате распространился запах мяты. Легкий, ненавязчивый. Миссис Батлер не смотрела на меня, но я чувствовала, что она собирается с мыслями, чтобы поговорить о чем-то важном. Мое сердце тут же испуганно забилося, я невольно сжала кулаки и прикусила нижнюю губу.

– Так вот, эта самая Софи сказала, что миссис Артридж до сих пор не знает, где вы и винит себя в том, что случилось.

Миссис Батлер повернулась ко мне, ее глаза были полны сочувствия, а ведь я уже начала от него отвыкать.

– Я регулярно посылаю тетушке весточки, – ответила я, пряча глаза.

– Но вы ведь не пишете, где находитесь, – мягко произнесла экономка.

– Я ославила себя и фамилию Артридж на весь Грейстэл, вы же знаете, – едва шевеля губами, сказала я. Голос мой звучал тихо, но миссис Батлер слышала каждое слово. – Мои отношения с Робертом Бенсоном не обсуждал только ленивый. За этот месяц горничные пересказывали все слухи, которые бродят по городу.

– Вы должны извинить их, мисс Янг. Девушки не знают, кто вы, иначе они бы ни за что не причинили вам эту боль. А я, к сожалению, не могу постоянно их контролировать.

– Я их не виню, миссис Батлер, дело не в этом, – попыталась я объяснить. – Я не могу написать тете, что живу в доме мистера Холла. Он еще довольно молод и одинок. Это станет ударом для нее. Доказывать, что я видела его всего один раз, бессмысленно. Я решила, что нескольких слов о том, что я здорова, будет вполне достаточно.

Миссис Батлер понимающе покивала головой и коснулась теплыми пальцами, тоже пахнувшими мятой, моего лица.

– Я понимаю, мисс Янг, – сказала она, – но, возможно, вы напишете ей письмо? Не просто пару слов, а нечто более подробное.

Что вас останавливает?

– Стыд, – сказала я и, наконец, подняла на миссис Батлер глаза. В них она увидела непролитые слезы. – Я виновата перед ней. Тетушка вырастила меня в любви и заботе, а я, не желая того, конечно, подвела ее. Я бы в жизни никогда не обидела ее, не причинила намеренного зла.

– Вот об этом и напишите, – кивнула экономка. – Не молчите, это причиняет миссис Артридж еще большую боль.

– Вы правы, – вздохнула я. – Конечно, правы.

– Вот и хорошо, моя милая, вот и славно, – улыбнулась она.

Миссис Батлер положила простыни в глубокий ящик комода, еще раз тщательно их расправила, а потом предложила выпить чаю в маленькой гостиной на первом этаже. Эту комнату экономка любила больше остальных. По ее словам, мистер Холл сам отдал ее своей верной помощнице. Здесь она читала, иногда вышивала, а иногда играла на фортепиано. Но с тех пор, как в доме появилась я, миссис Батлер просила играть именно меня. Мы оставались наедине, и никто из прислуги даже не догадывался, кто именно музицирует. Так было и в этот вечер. Мы угостились чаем и нежным печеньем, а потом миссис Батлер взяла в руки вязание, а я села за инструмент. Мелодии я почти всегда выбирала тоскливые, под стать своему душевному состоянию. Да, за прошедший месяц боль немного притупилась, но зачастую стоя у окна или гуляя вечерами по саду, я понимала, что пленила себя сама. Я понимала, что выйти за забор не могу. Иногда, когда город накрывала ночь, я делала попытки, но они были безуспешными. Ноги прирастали к земле прямо у ворот, меня охватывал жаркий страх, а руки начинали мелко дрожать. Страх покинуть дом мистера Холла я ощущала физически. И с каждым днем он становился сильнее.

Сегодняшний разговор с миссис Батлер вынудил меня выбрать любимую мелодию тетушки Харриет. Я играла, а сердце плакало, изнывая от сожаления и чувства вины. Игра моя получилась настолько пронзительной, что миссис Батлер отложила свое рукоделие и стала наблюдать за мной, не отрывая глаз. Я не видела, но чувствовала это. Не доиграв до конца, я оставила фортепиано и подошла к стеклянной двери, ведущей в сад. Надо отметить, что почти из всех комнат первого этажа, можно было туда попасть. Это прихоть самого хозяина. Я открыла дверь, и звуки майского вечера ворвались в гостиную. Они

немного отвлекли меня от печальных мыслей. Город жил прежней жизнью, жители его наносили друг другу визиты, обсуждали последние новости и радовались теплу. Я обхватила себя руками и вышла в сад. Запахи заставили прикрыть глаза и вдохнуть поглубже. Пахло землей, травой и цветами. Признаться, к последним я была почти равнодушна. Толком не понимала, почему почти все женщины так любят цветы.

Я повернулась к миссис Батлер и увидела, как она грустно вздохнула, а потом вновь взялась за вязание. В этот миг я услышала странный звук, похожий на свист запущенного фейерверка. Весь дом будто вздрогнул, по крайней мере, мне так показалось. Воздух стал густым, он медленно наполнил мои легкие и будто склеил их, дышать стало невозможно. Я открыла рот, пытаясь сделать вдох, но у меня ничего не вышло. Руки сами собой стали сжиматься и разжиматься. Из горла вырвался хрип, и я вновь посмотрела на миссис Батлер, желая призвать ее на помощь. Женщина, бледная как мел, вскочила из кресла, в котором сидела, и бросилась ко мне. Голова моя пошла кругом, мир вокруг пошатнулся.

– Мисс Янг, – воскликнула экономка, подхватывая меня под руки. – Этель!

Я продолжала безуспешные попытки вдохнуть, а миссис Батлер усадила меня прямо на траву и начала причитать:

– Это же надо так... как неосторожно... кто же осмелился? Нет, ну это совершенно неприемлемо! Сейчас, сейчас, моя милая, все пройдет.

Экономка запустила руку в глубокий карман своей юбки и вытащила оттуда маленький флакончик. Она протянула его мне и заставила сделать глоток.

– Сейчас, сейчас, – повторяла она. – Выпейте и вмиг все пройдет.

Стоило мне проглотить совсем немного густой жидкости, как легкие будто расправились. С хрипом я сделала глубокий вдох, а потом еще один и еще.

– Ну вот, слава богу. Все хорошо, моя дорогая. Все прошло.

Голова все еще кружилась, я чувствовала подступающую дурноту, но дышалось уже легко.

– Вы тоже это почувствовали? – спросила я, как только поняла, что могу говорить.

– Что именно? – спросила миссис Батлер, и впервые за все время нашего знакомства, я увидела, что она говорит неискренне. Лицо ее оставалось бледным, а взгляд казался растерянным. Она совершенно точно знала, что произошло, но по каким-то причинам не хотела говорить со мной об этом. – Что вы почувствовали?

– Сначала я услышала звук, похожий на свист чего-то пролетевшего вверх на большой скорости... Не знаю, что-то странное. А потом мне не хватило воздуха...

Я приложила пальцы к вискам и немного надавила, желая унять неприятные ощущения. Но при этом я все еще смотрела на миссис Батлер и убеждалась в том, что эта женщина что-то скрывала. В мне всколыхнулось странное чувство, обида, быть может. Хотя в моем положении это роскошь. Я жила в чужом доме, среди людей, которые совершенно ничего мне не должны. Но побороть чувства, как известно, тяжелая задача.

– Ох, мисс Янг, – понимая, что я все вижу, снова вздохнула миссис Батлер. – Я верю вам, как себе... но я не могу. У меня есть обязательства, есть причины.

И снова я ощутила это тепло, исходящее от миссис Батлер. Оно возникало каждый раз, когда речь заходила об ее хозяйине. Передо мной была преданная и заботливая женщина, которая была верна мистеру Холлу и его секретам.

С этого вечера я потеряла покой. Иногда мне снилось, что я не могу дышать и тогда сон покидал меня. Я выходила в сад и смотрела на звезды. Так прошло еще две недели. Из памяти никак не уходил тот случай, и я много раз пыталась заговорить о нем с миссис Батлер, но она неизменно переводила разговор на другое, или просто замолкала, грустно вздыхая. Теперь дом мистера Холла казался мне еще загадочнее, еще интереснее. Как ни странно, случившееся несколько меня не испугало, а лишь разожгло любопытство. Я отчаянно хотела знать, что происходит и что скрывали люди, приютившие меня. Лишь глубокая благодарность за то, что миссис Батлер не оставила меня в беде и безмерное уважение к ней останавливали меня, когда возникало желание обойти каждый угол в доме и отыскать ответы на вопросы.

Очередной бессонной ночью, когда я в полном одиночестве слушала сверчков в саду, заметила свет в кабинете мистера Холла. Его тень скользнула по окну, а потом хозяин дома раздвинул шторы. Я как

заороженная смотрела на человека, который мог лишить меня покоя одним словом. Стоило бы спрятаться в тени цветущей вишни, но я не двинулась с места. Мистер Холл вышел на балкон. Ночь была уже глубокой, но ему не спалось, как и мне. Я так и стояла, наблюдая за задумчивым хозяином дома, пока он не вернулся в кабинет, затворив за собой дверь.

Я опустила голову к земле, невольно размышляя о причинах бессонницы мистера Холла. Мои причины были ясны, а что же мешало спать ему? Как только я собралась вернуться в дом, недавний свист повторился. Только дыхание в этот раз не нарушилось. Я обернулась на звук и увидела черную густую дымку, которая медленно приближалась к дому. Крик застрял в горле. Дымка спускалась с темного неба, она скользнула к балкону, на котором только что стоял мистер Холл, а потом медленно просочилась сквозь щели.

Не помня себя от страха, я кинулась в дом, стремительно преодолела лестницу на второй этаж и свернула в коридор, который считала для себя запретным. Кабинет мистера Холла я узнала безошибочно, из-под его дверей исходило слабое сияние.

– Мистер Холл! – прокричала я и ворвалась в кабинет. – Мистер Холл!

Сердце провалилось в пропасть, когда я увидела мерцающую дверь, которая находилась прямо посреди комнаты. Она будто выросла из ниоткуда, просто висела в воздухе невысоко от пола. Из этой двери вышел маленький человечек в странном костюме, похожем на средневековый камзол. У него была абсолютно лысая голова, формой походившая на яйцо, острый нос и колючий, даже несколько злой взгляд.

Я медленно повернула голову к столу мистера Холла и увидела за ним человека в мантии. На нем был глубокий капюшон, полностью скрывавший лицо.

– Мистер Холл? – удивленно выговорила я.

– Боже! – послышался голос миссис Батлер за спиной.

Сияющая дверь дрогнула, а маленький человечек, заметив меня, перевел растерянный взгляд на фигуру в мантии, а потом снова посмотрел в нашу с экономкой сторону. В этот миг я ясно поняла, что чему-то помешала. Маленький человечек прыгнул обратно в дверь, из

которой вышел. Сияние обернулось темной дымкой и просочилось через балкон на улицу.

– Я же говорил, что присутствие этой девушки в моем доме к беде! – сказал мистер Холл, поднимаясь из кресла за столом и откидывая капюшон.

Лицо хозяина дома казалось мертвенно бледным, в глазах застыло пугающе мрачное выражение. На миг мне показалось, что он напуган. Сердце сдавило от ужаса. Я явно натворила что-то кошмарное. Сияние, дверь и крошечный человечек ушли куда-то на задний план, отступили перед чувством неясной вины за что-то мне еще непонятное.

– Что теперь будет, Итаниэль? – прикрывая рот дрожащей рукой, спросила миссис Батлер.

– Я пока не готов дать тебе ответ, Сиенна, – тихо сказал мистер Холл, медленно снимая мантию.

– Он слышал твоё имя, как думаешь?

Мое сердце отчаянно колотилось в груди. Я не понимала, что наделала, не понимала причин ужаса миссис Батлер. Она так и стояла в дверях, ни жива ни мертва. Я растерянно смотрела то на нее, то на мистера Холла и отчаянно желала оправдаться. Пусть я не знала, в чем моя вина, но я чувствовала кожей, что навсегда изменила размеренную жизнь этого дома. Нарушила его покой.

– Мистер Холл, – едва слышно проговорила я. Не знаю даже, где смелость взяла. – Простите меня... Я что-то сделала не так, но я не хотела... Я была в саду и увидела дымку, она пробралась в ваш кабинет через балкон. Я испугалась, что вам грозит какая-то опасность...

Мистер Холл посмотрел прямо на меня, в его глазах горел гнев, но мужчина явно сдерживал его. Он швырнул мантию в кресло, нервно схватился за галстук и ослабил узел. Каждое его движение говорило мне о сильных чувствах, что бушевали у него внутри.

– Ты слышала, Сиенна? Она испугалась! – сказал он, а потом шагнул ближе. Серые глаза походили на грозовую тучу, надвигающуюся на меня и несущую лишь неприятности. – Я никого о помощи не просил! Да, и чем в случае чего *ты* могла бы мне помочь? Маленькая мышка, не более.

Его слова больно хлестнули по самолюбию. Возмущение поднялось из глубины души. Давно я не испытывала таких ярких, таких сильных чувств.

– Вы неблагодарный человек, мистер Холл, – чуть задрал подбородок, заявила я. И пусть он выгонит меня из своего дома после этих слов, было уже все равно. Обида обжигала душу. – Мой порыв помочь вам был искренним, и в тот момент я совершенно не думала о том, чем именно могу вам помочь!

Брови мужчины взлетели вверх, он удивился и даже немного отклонился в сторону, чтобы свет упал на мое лицо, и он мог присмотреться ко мне получше. Я стойко выдержала взгляд мистера Холла, несмотря на то, что колени дрожали. Прежде чем хозяин успел что-то сказать, между нами вклинилась миссис Батлер.

– Оставь ее, Итаниэль, она не виновата!

– А кто виноват, Сиенна? – спросил он. – Ты? Я говорил тебе, я же предупреждал!

– Знаю, – сказала миссис Батлер. Она тяжело вдохнула и вся как-то напряглась. – Если хочешь на ком-то сорвать злость, пусть это буду я. Девочка хотела лишь помочь, ты же слышал! Она не желала зла.

– Я не просил, – с нажимом повторил мистер Холл. – Ты хоть понимаешь, чем это может обернуться для меня и для нас? У меня не хватит сил сберечь вас всех...

– А может, и не надо? – вдруг совсем тихо произнесла экономка и мягко коснулась руки хозяина. Ее голос звучал устало. – Может, пора уже прекратить эту пытку, Итан? Сколько это будет еще продолжаться?

В глазах мистера Холла мелькнула боль. Увидев, что я это заметила, он отвернулся.

– Не говори ерунды, Сиенна!

– Мы готовы, Итаниэль. Все уже давно готовы. Ты просто...

– Хватит! – повысил голос он. – Довольно.

Я наблюдала за происходящим и чувствовала странную связь между нами, что-то дрожало и волновалось во мне. Что-то откликалось на их боль. Я совершенно не понимала, о чем шла речь, но не могла остаться равнодушной к оголенным чувствам этих людей. Я прожила в их доме полтора месяца, полюбила его, прикипела душой к обитателям особняка, невольно, не желая того, почувствовала себя его частичкой.

– Если бы я знала чуть больше о вас, – заговорила я, – возможно, я не совершила бы этой ошибки.

– Знала чуть больше? – развернулся ко мне мистер Холл. – Я тебя в свой дом не звал, о жизни своей рассказывать не обязан. Кто ты, чтобы я делился с тобой своими тайнами?

И снова его слова причинили боль. Я на миг зажмурилась, чтобы справиться с подступившими слезами. Сделала глубокий вздох.

– Да, вы не обязаны были. Я чужая, человек в буквальном смысле с улицы. Я никто. Но я лишь хотела сказать, что совершила эту ошибку по незнанию. Я не слепая, вижу, что натворила что-то ужасное, просто не знаю, что именно...

– Ты хочешь знать? – вновь приблизился мистер Холл. Он буквально навис надо мной, подавляя своей мощью. – Ты действительно хочешь знать?

– Итан, – прошептала миссис Батлер.

– Скорее всего, ты погубила этот дом и всех его обитателей, – спокойно констатировал он.

По телу прошла горячая волна, вихрь чувств захлестнул меня, я чуть не захлебнулась. Очень трудно было совладать с собой, но я справилась и не отступила, продолжая смотреть мистеру Холлу в глаза. И вновь это удивило его.

– Кто был этот человек? Откуда он пришел и чего хотел от вас? Он не должен был знать вашего имени? Поэтому вы были в капюшоне? Он никогда не видел вашего лица и не знал, где вы живете? Что это была за дымка?

Вопросы сыпались из меня сами собой, я не могла остановить их поток. После случившегося со мной мне порою казалось, что внутри все выгорело, что я словно умерла. И теперь столько чувств вспыхнуло во мне, что я с трудом их сдерживала. Среди них было живое любопытство. То, что видели мои глаза, казалось чем-то неземным, чем-то сказочным, чуть-чуть пугающим, но таким интересным. Этот интерес был волнующим, вновь оживившим меня, напомнившим, что мир огромен, и я не видела и сотой его части. Я не сошла с ума. Я видела сияющую дверь, а потом она растаяла у меня на глазах. Удивительно. Страшно, но удивительно.

– Не задавай вопросов, ответы на которые могут тебе не понравиться, – с явной угрозой ответил мистер Холл.

– Не вам судить, что может мне понравиться, а что нет, – твердо ответила я.

Мужчина молча сверлил меня прожигающим взглядом. Не знаю, что он там видел на моем лице, но его собственное казалось мне задумчивым.

– Мышка оказалась любопытной, – сказал он миссис Батлер. – Во всех смыслах.

Хозяин дома снял со спинки кресла пальто, надел его и взял в руки трость и цилиндр.

– Решай сама, Сиенна, что ты расскажешь ей. Теперь мне уже все равно, – сказал он экономке.

– Куда ты? – взволнованно спросила миссис Батлер.

– Попробую отыскать Хморса, но надежды сговориться с ним мало. На многое не рассчитывай, – ответил мужчина.

Он поднял руку, державшую трость, совершил ею круговое движение в воздухе, и комната заискрилась. Свистящий звук, уже знакомый мне, повторился. Посреди комнаты появился круг, похожий на крутящийся фейерверк, который я не так давно видела на приеме у одного из богатейших людей Грейстэла. Завораживающее зрелище. Вот и сейчас я во все глаза смотрела на вращающиеся искры. Круг, образованный ими, ширился до тех пор, пока не достиг пола и макушки мистера Холла.

– Если бы знала, что твой порыв мог обернуться твоей смертью, – сказал он мне, – ты не сдвинулась бы с места.

– Это вряд ли, – уверенно сказала я, прежде чем он шагнул в мерцающее кольцо.

Мужчина не ответил, но я точно знала, что мистер Холл слышал мои слова. Как только он скрылся во тьме, искры погасли, и эта странная дверь непонятно куда исчезла. Я шумно вздохнула и присела на краешек кресла. Меня одолела слабость, ноги перестали держать. Потребовалась минута, чтобы хоть немного прийти в себя.

Миссис Батлер подошла к окну и, прижав руку к горлу, устремила печальный взгляд во тьму.

– Миссис Батлер, – прошептала я, – что я натворила?

– Не корите себя, дитя, – сказала она, не поворачиваясь ко мне. – Этот дом слишком долго хранил свои секреты. Рано или поздно всему приходит конец.

– Мне почему-то кажется, что за вашу доброту я отплатила чем-то по-настоящему страшным.

Я поднялась на ноги и осторожно подошла к моей благодетельнице. Коснулась руками ее плеч, захотела утешить.

– Расскажите мне, – попросила я.

– А вы уверены, что хотите этого? – спросила миссис Батлер. Она повернулась ко мне и печально улыбнулась. – Узнав секреты этого дома, вы не сможете повернуть время вспять. Не скроетесь от того, что узнаете, не сможете изменить случившегося, оно не отпустит вас никогда.

Признаться, от этих слов на мгновение стало не по себе. Решимость дрогнула, но я отринула сомнения.

– Я уже увидела нечто такое, что будоражит мое воображение, волнует и...

– Вы не видели и десятой доли того, что я могу вам открыть, – мягко сказала миссис Батлер. – Подумайте хорошенько. Я предлагаю вам выбор, он еще у вас есть.

– Какой? – Сердце замерло, когда я задавала этот вопрос.

– Я не хочу, чтобы вы принимали решение от безысходности, Этель. Не хочу, чтобы вашу дальнейшую судьбу определяло отчаяние или страх. Я могу пригласить вас в свой мир, но могу сделать и по-другому. В соседнем городе у меня есть хорошая знакомая. Она приютит вас с удовольствием. Вы не будете нуждаться, там вас никто не обидит, я ручаюсь.

Я заглянула в глаза миссис Батлер и увидела в них искреннее участие, заботу и даже любовь. Это было ошеломительно. Совершенно незнакомая женщина сделала для меня так много, что благодарность просто не вмещалась в моем сердце. Но я видела в ее глазах и другое – жгучее нежелание расставаться со мной и надежду на то, что я решусь остаться.

– Я впущу вас в наш мир, Этель, если вы того пожелаете, – сказала она, – но вы должны хорошо подумать. Я напоминаю: этот шаг нельзя будет изменить. Ваша жизнь больше никогда не будет прежней и в ней появятся иные обязательства. Эти обязательства могут стать губительными. Я нарочно не приукрашиваю действительность, говорю как есть, чтобы вы принимали решение, исходя из правды. Нашей правды.

– Я...

– Не сейчас, Этель. Я дам вам время до завтрашнего вечера. Если вы решитесь, то увидите нас, этот дом, и окружающий мир совсем иными.

Миссис Батлер ласково коснулась моей щеки прохладной ладонью и вышла из кабинета мистера Холла. А я осталась посреди комнаты совсем одна. Мои чувства метались. Сердце рвалось к невиданному и непознанному, а рассудок твердил о благоразумии. Проблем мне хватало. Миссис Батлер все же права, я должна все хорошенько взвесить.

Глава 4

Этой ночью я так и не уснула. Сначала бродила из угла в угол в своей комнате, вновь и вновь вспоминая все, что видела. А потом пыталась сама догадаться, что же произошло. Кто такой мистер Холл на самом деле? Что он скрывает? От кого таится?

С рассветом, стоя у окна и обнимая себя руками, я прислушивалась к себе в поисках чувств, которые могли оттолкнуть меня от людей, подаривших мне надежду. Я их так и не обнаружила. Как странно. Когда-то, всего пару месяцев назад, в той, другой жизни, я бы ужаснулась светящимся дверям, дымкам и исчезающим в пространстве мужчинам. А сейчас мне казалось, что страх выжгла боль, которую причинил мне некогда любимый человек. Я потеряла все, что у меня было: семью, будущее, о котором мечтала, расположение тети Харриет, которой была благодарна и которую безгранично уважала. А еще я потеряла что-то в себе. Что-то действительно важное, что-то, что заставляло мое сердце петь, что вызывало улыбку, что делало меня сильной. Я будто потеряла опору.

И сейчас, спустя время, опоры все еще не было, но страх перед будущим пропал. Мне не было все равно, но появилось такое ощущение, что я смогу выдержать все что угодно.

Я думала о том, что нормальный человек, с нормальными чувствами, не раненый, как я, отреагировал бы на всю эту чертовщину, происходящую в доме мистера Холла, совсем иначе. Наверное, естественной реакцией был бы испуг, волнение, страх, желание бежать, а потом забыть. Я ничего этого не испытывала. Мною завладело бескрайнее любопытство. Сердце показалось вновь живым – взволнованным, трепещущим, ищущим счастья. И сейчас это самое счастье я видела в чем-то новом, поразительном, удивительно прекрасном. А именно такими мне казались тайны этого дома.

Безусловно, я понимала, что могу ошибаться, что предупреждения миссис Батлер не шутки, что жизнь моя изменится бесповоротно. Но если поразмыслить, какова она сейчас, эта самая жизнь? Я как рыба, выброшенная на берег. Одинока, растеряна и сломлена. Что если

новый мир это именно то, что мне нужно? Терять все равно уже нечего.

День я провела в заботах, помогая горничным. Миссис Батлер словно избегала меня, возможно, чтобы не оказывать давления. Мистер Холл так и не вернулся, если верить словам прислуги. Все они вели себя странно, казались возбужденными и даже встревоженными. В глазах некоторых порою появлялся страх. Неужели я тому виной?

Вечером за окном прогремела гроза. Первая с той самой ночи. Я вздрогнула, услышав оглушительный раскат грома прямо над крышей моего нового дома. Я шла по коридору в маленькую гостиную, где ожидала меня экономка. Ливень обрушился на Грейстэл сплошной стеной, его шум отчетливо слышался из открытых окон особняка. Дождь здесь любили, его прохладу с удовольствием впускали. Для меня же дождь стал вестником перемен, ни хороших, ни плохих. Просто перемен.

– Проходите, моя дорогая, – сказала миссис Батлер, когда я заглянула в приоткрытую дверь.

В гостиной горел маленький камин, двери балкона были распахнуты настежь, как и везде. Экономка сидела в своем любимом кресле и пыталась вышивать. Почему пыталась? Да потому, что за все время, что она сидела здесь сегодня, на полотне не прибавилось ни одного узорного завитка, ни одного цветочка. Скорее всего, миссис Батлер хотела отвлечься от мыслей, но так и не смогла. Для меня это не было чем-то странным, я частенько замечала за ней эту особенность, которая делала ее глаза ужасно печальными.

– Хотите чаю? – спросила она, глядя, как от ветра колышется тонкая бледно-розовая штора.

– Нет, благодарю, – ответила я, усаживаясь напротив, – сегодня мне ничего не хочется.

– Понимаю, – пробормотала она, не отрывая глаз от невесомой ткани, которая то вздымалась, то снова опадала.

Некоторое время мы обе молчали. Я не смела прерывать задумчивость чудесной женщины, которая на свой страх и риск привела меня в этот дом. А потом защитила перед хозяином. Внезапно миссис Батлер подняла на меня свои глаза, взгляд ее был серьезным, как никогда.

– Что вы решили, Этель?

– Я бы хотела узнать все, что вы могли бы мне рассказать, – не колеблясь ни секунды, ответила я.

На самом деле я приняла решение еще вчера, сразу после разговора с ней, но решила сказать сейчас, чтобы миссис Батлер было спокойнее. Чтобы она уверилась, что решение мое взвешенное и хорошо обдуманное.

Экономка кивнула и поднялась из своего кресла. Ее движения были медленными, будто нерешительными. Казалось, что она все еще сомневалась, стоит ли посвящать меня в тайны этого дома. Я тут же высказала свои предположения.

– Вы правы, милое дитя, – ответила она мне, – я сомневаюсь, поскольку на кону стоит ваш покой и даже жизнь. Вправе ли я...

– Это решение я приняла самостоятельно, миссис Батлер.

– Да, но вы даже не представляете, о чем идет речь, – резко повернулась она ко мне. Впервые ее голос звучал жестко. – Я и сама себе не могу объяснить, почему так жажду пригласить вас в свой мир, дорогая Этель. Так диктует мне сердце. Но разум мой противится. Я полюбила вас всей душой, поэтому хочу быть уверена, что не совершаю ошибки.

– Миссис Батлер, – сказала я, приближаясь к ней и обнимая за плечи. – Иной жизни мне уже не видать. А бывшая осталась далеко позади.

– Но все еще может наладиться для вас. Пройдет время, вы, возможно, вернетесь в дом вашей тети.

– Нет, – твердо сказала я, опуская глаза. – Назад пути нет. Я не смогу перешагнуть через свои ошибки. Достойного будущего я не вижу. Вы ведь понимаете, о чем я говорю?

В этот момент мои щеки вновь пылали от стыда. Миссис Батлер приподняла пальцами мой подбородок и заглянула в глаза. Она кивнула своим мыслям, а потом одарила меня ласковой улыбкой:

– Я так и думала, Этель. Догадывалась. Но не только вы должны нести груз ответственности за происшедшее. С мужчины, на мой взгляд, большой спрос.

– Меня никто не принуждал, – прошептала я.

Говорить о подобных вещах было странно и неловко. Такие постыдные темы обсуждать не принято.

– Оставим это, дитя. Сделанного не вернешь. Пусть все останется в прошлом. Похороните его там, но не ставьте на своем будущем крест.

– Я утратила невинность, миссис Батлер, – выговорила я. – Какой мужчина примет меня после этого? Солгать я не смогу, это подло.

– Ох, милая моя, вы так мало знаете о мужчинах, – снисходительно улыбнулась экономка. – Любовь способна прощать любые ошибки. Но оставим это сейчас. Вернемся к тому шагу, который обе хотим совершить.

Я вновь напряглась, внутренне натянулась, будто струна. Волнующее предвкушение заставило сердце совершить кувырок.

– Раз уж вы решились, тогда я сначала расскажу вам немного о том мире, к которому принадлежу.

Миссис Батлер предложила мне кресло, от которого я отказалась. Усидеть на месте не представлялось возможным.

– Вы любите сказки, мисс Янг?

Этот вопрос немного обескуражил. Я растерянно моргнула и кивнула.

– Да. И в детстве любила, и сейчас все еще люблю.

Миссис Батлер, сложив руки в замок, подошла к дверям балкона.

– Большинство сказок основаны на пересказанных, переделанных, додуманных, но все же историях наших предков, передававшихся из уст в уста. Из поколения в поколение. И во всех этих сказаниях есть одно общее звено – магия. Она предстает в виде ведьмовства, провидения, необычных существ... – На последних словах миссис Батлер будто запнулась. – Перечислять можно долго, но суть в том, что все эти истории откуда-то взялись изначально.

На миг экономка умолкла, повернулась и пристально посмотрела на меня. Миссис Батлер наблюдала за моей реакцией на ее слова.

– Вы хотите сказать, что все эти истории из прошлого не что иное, как правда? – негромко проговорила я, чувствуя, как часто забилося сердце.

– Именно, – произнесла она с заметным облегчением. – Многие сотни лет назад магия никого не удивляла. О ней было известно людям. Колдовства боялись, но все же обычные люди уживались с существами, принадлежащими иному миру.

– Что это были за существа? – с волнением спросила я.

– Да все, о которых вы когда-либо читали или слышали. Это были гномы, эльфы, драконы, гоблины, русалки, домовые, различные водяные, ведьмы и прочие необычные существа, которых перечислить просто невозможно. Но сильнейшими были маги. Они главенствовали над иными, управляли ими и защищали. Магов и уважали, и побаивались.

Я обняла себя руками и почувствовала, как сдавило грудь, воздуха стало мало. И дело вновь было не в страхе. Волнение захлестнуло меня, заставило дрожать и сжимать пальцами плечи. Чтобы немного прийти в себя, я тоже подошла к балкону и позволила прохладе коснуться моего пылающего лица.

– И что же случилось? – спросила я.

– Очень давно, около четырехсот лет назад случилась трагедия, и маги приняли решение оградиться от людей. Они вычеркнули себя из их жизни. Люди тогда тоже предпочли забыть. Закрыли рты, глаза и уши. Со временем память о мире магии стерлась, остались лишь обрывки историй.

– Что это была за трагедия?

Лицо миссис Батлер сделалось печальным, на глазах выступили слезы. Она изо всех сил старалась сдержать их, но одна капелька все же скатилась и скользнула по щеке женщины, оставляя влажный след.

– Мне тяжело об этом вспоминать, милая Этель, – сказала она, коснувшись моей руки.

– Вы так говорите, будто... – Я потрянула головой, отгоняя совершенно невероятные мысли. Миссис Батлер посмотрела мне в глаза, но ничего не сказала, словно желала, чтобы я сама продолжила: – Вы так говорите, будто сами видели...

Выговорить эту фразу было очень тяжело, губы не слушались, разум не хотел принимать. Миссис Батлер продолжала просто смотреть на меня, давая возможность осмыслить и смириться.

– С тех пор мир магии переменился. Он стал жесток и непреклонен. Законы ужесточились. Он наглухо закрылся от людей, – сказала она, все еще глядя мне в глаза, – поэтому я смогу лишь приоткрыть для вас дверь. Войти вы не сможете.

Я невольно схватилась за ткань юбки и сжала ее руками почти до боли в пальцах. Неужели все это правда? Маги? Ведьмы? И я смогу увидеть этот мир?

– Вы спросите, зачем я рассказываю, если побывать в моем мире вы не сможете? – обратилась ко мне миссис Батлер. – Все очень просто. Этот дом, его обитатели, все, что находится внутри, принадлежит миру магии.

– Но ведь ваш мир оградился от моего! – недоумеваю, тряхнула я головой.

– Верно, – с тоской в голосе ответила она, – мы оказались вроде как на отшибе. На то были причины. Нам тоже запрещено возвращаться.

– Почему? – спросила я шепотом.

– А вот это уже не моя история, милая Этель.

– Мистера Холла, – уточнила я и, судя по согласному кивку миссис Батлер, оказалась права.

– Скажу лишь, что мы приняли свою судьбу, – вновь вздохнула она. – Безропотно.

– Вы так преданы ему? – поразила я.

– И даже больше, – улыбнулась она. Миссис Батлер мгновение помолчала, а потом продолжала: – Обитатели этого дома живут по законам моего мира, мисс Янг. Мы вынуждены вести привычный образ жизни в непривычной обстановке уже довольно продолжительное время. Смириться было очень трудно и даже болезненно.

Дождь за окном не унимался, казалось, лишь сильнее припустил. В его ровном шуме голос миссис Батлер звучал обреченно:

– Вы тоже должны будете уяснить все правила и порядки. И не только уяснить, но и соблюдать их. Несмотря на то, что вы человек, мой мир не пощадит вас, если вы нарушите его законы.

– Кто-то за этим следит? – удивилась я.

– Непрестанно, – ответила она и для убедительности кивнула.

– Кто-то следит за всеми, кто принадлежит вашему миру?

– За нами пристальнее, – уточнила миссис Батлер. – Я обязательно расскажу вам о наших законах, но чуть позже. А сейчас для того, чтобы вы полностью приняли то, что услышали, я покажу вам кое-что.

Экономка еще раз присмотрелась ко мне и, не заметив признаков страха, отошла к стене гостиной. Она вытянула вперед руки, дернула себя за рукава, будто готовясь к физическому труду, а потом произнесла что-то на непонятном языке. Я даже разобрать не смогла.

Стена тут же пришла в движение. Шкаф с книгами отодвинулся вправо, все предметы сами собой раздвигались, освобождая пространство перед нами. Миссис Батлер немного помедлила, будто решаясь, а потом сказала еще что-то. Стоило ей произнести незнакомые слова, как вместо обоев и камня появился провал, который медленно заволакивало чем-то похожим на водяную стену. В ней, словно в зеркале, я увидела свое отражение: горящие карие глаза, темные волосы, уложенные в скромную высокую прическу с завитками на затылке, чуть курносый нос и тонкие алые губы. Фигура моя показалась исхудавшей, но это оттого, что в последнее время я не любила зеркала и не заметила, как изменилась. Ростом я была невысокой, но тело ладное, в нужных местах округлое.

Немного задержавшись взглядом на своем отражении, я перевела его на отражение стоявшей рядом миссис Батлер. Услышала свой удивленный вскрик и невольно отступила. Несколько раз моргнула, но отражение ничуть не изменилось. Рядом стоял уже кто-то другой. Из водяной стены на меня смотрела крошечная молодая женщина с лохматыми рыжими волосами, крючковатым носом и странного вида ушами. Ее глаза выглядели не менее удивительно: большие, серые, как грозовые тучи, но с золотистыми вкраплениями, от которых сложно было оторвать взгляд. На женщине было простенькое платье и передник. Я изумленно посмотрела на ту, что стояла в комнате слева от меня. И это была все та же миссис Батлер. Но кто тогда смотрел на меня в ее отражении?

– Т-там... вы моложе? – пробормотала я, хотя спросить хотела совсем другое. Мысли путались в голове, во рту все пересохло, оттого голос прозвучал хрипловато.

Миссис Батлер, настоящая миссис Батлер, что стояла рядом, тихо рассмеялась.

– Я не ошиблась в вас, мисс Янг. Странности этого дома вас не отпугивают, а напротив, притягивают, верно?

Я растерянно кивнула, понимая, что слова экономки верны. Ужасно хотелось спросить, к какому виду иных существ она принадлежит, но даже мысленно этот вопрос прозвучал как-то грубо. Невольно скривилась, пытаясь отыскать верные слова, чтобы никоим образом не оскорбить чувства миссис Батлер.

– Рассмотрите меня хорошенько, дорогая моя. Мне даже приятно ваше легкое восхищение в глазах. Давно на меня никто так не смотрел, – в ее словах я расслышала горечь сожаления. – Я эльф, в некоторых местах меня называют домовихой или просто нянькой.

Я не смогла скрыть своего изумления, приоткрыла рот, чтобы обрушить на миссис Батлер множество вопросов, но экономка остановила меня, взмахнув рукой, и заговорила сама:

– В моем мире эльфы бывают разными, такие, как я, считаются низшими, однако мой хозяин поспорил бы с этим утверждением. Мы ведем хозяйство, смотрим за чужими детьми, следим за порядком в доме и за его безопасностью. – Бросив на меня быстрый взгляд, миссис Батлер усмехнулась. – Вы не смотрите, что я такая маленькая, домовихи могут быть очень опасны, если кто-то посягнет на обитателей дома, в котором они служат.

– Вы защищаете мистера Холла, – сказала я.

– Да, с самого детства. Он был милым мальчиком, хотя сейчас, конечно, в это трудно поверить, – вздохнула миссис Батлер. – Когда живешь так долго, характер волей-неволей меняется. Я была его нянькой, меня выбрала его матушка. Не знаю уж, что она во мне нашла, я сама еще была почти ребенком, семнадцати лет от роду. По эльфийским меркам я почти новорожденной была. Однако рано осталась одна, поэтому быстро повзрослела. Мама Итаниэля была довольно целеустремленной и волевой женщиной, всегда все решала сама, дорожила собственным мнением, его и придерживалась. Итаниэль унаследовал эти качества, к добру или к беде, уж не знаю.

– Сколько вам лет? – не удержалась я.

И снова миссис Батлер улыбнулась, а я заглянула в переливающееся полотно на стене и залюбовалась ее милым лицом в отражении. Уму непостижимо! Рыжие волосы хоть и были взлохмачены, но выглядело это, словно так и было задумано. Этот беспорядок на голове был ей к лицу, благодаря ему миссис Батлер казалась задорной и добродушной.

– Много, мисс Янг, уже довольно много, – мягко сказала она и отошла от стены. – Уже не одна сотня лет.

– Эльфы бессмертны?

– Не совсем, – печально сказала она. – Мы рано или поздно умираем, хотя это зависит от разновидности эльфов. Такие, как я,

живут много больше людей, но все же старятся, дряхлеют и уходят. Но я и мой Альберт избрали эту долгую жизнь сами, сознавая, на что идем.

– Долгая жизнь тяготит вас? – спросила я, наблюдая за передвижениями миссис Батлер по комнате.

– Не то слово, – вздохнула она и подняла на меня грустные глаза. – Порою все это кажется пыткой.

На какое-то время в гостиной повисла тяжелая тишина. Я словно ощутила боль миссис Батлер, коснулась ее страдающей души. Не до конца понимая, что именно причиняет ей эти страдания, я решила все же не торопить ее с ответами. Они ранили ее, а мне ужасно не хотелось, чтобы она мучилась.

– Долгая жизнь, в общем-то, прекрасна, – натянуто улыбнулась экономка, – но все зависит от того, где ты ее проживаешь и как. Я скучаю по дому, по миру, к которому принадлежу. Не обижайтесь, мисс Янг, но ваш мир кажется мне унылым и серым. Даже когда поют птицы и распускаются всевозможные цветы в саду этого дома, я уже не вижу их красок, не наслаждаюсь ароматом, не прислушиваюсь к голосам пернатых. Я тоскую...

– Но зачем же вы согласились на такую жизнь? На изгнание? – удивилась я.

– Несмотря на все, о чем я сказала ранее, если бы была возможность вернуться в прошлое, я бы ни за что не изменила своего решения. И не только я, но все обитатели этого дома. И тогда, и сейчас наше слово осталось бы прежним.

Она подошла ко мне ближе, нежно взяла за руки и приложила мои ладони к своему сердцу.

– Как можно оставить родного человека одного?

В ее глазах блеснули слезы, голос дрогнул. В груди у меня все перевернулось от волнения и необычайного уважения к этой женщине, кем бы она ни была на самом деле.

– Он мне не родной, конечно, – улыбнулась миссис Батлер, – но я, можно сказать, вырастила его. Я была рядом долгие годы. Любила его, мы все любили его, а он отвечал нам той же преданностью, невзирая на превосходство над иными.

– Мистер Холл – маг? – почему-то шепотом спросила я.

– Да, милая Этель, Итаниэль – маг.

– Вы называете его по имени, потому что вырастили?

– Не только, – качнула головой миссис Батлер. – В нашем мире нет господ как таковых, мы обращаемся друг к другу по именам, даже если одни служат другим.

– И это не смущает ни тех, ни других? – полюбопытствовала я.

– Нисколько, – ответила она. – На самом деле слуг у нас мало. Такие, как я, просто рождены быть няньками и экономками, как это у вас называется. И служба наша вовсе не унижительна, напротив, почетна. Няньки порою даже ближе, чем матери. Это в обоих мирах случается.

Я согласно кивнула, обдумывая ее слова. В душе возникло такое странное чувство, от которого было немного не по себе. Но чудилось мне, что оно возникло не от странности всего услышанного, а оттого, что мне все это нравилось, что я уже ощущала себя принадлежащей к миру миссис Батлер и мистера Холла. Разве так бывает? Сердце то ускоряло свой бег, то заворуженно замедлялось. Я хотела знать больше, хотела увидеть больше. Мне было мало, и это звенящее нетерпеливое чувство внутри не давало мне дышать спокойно.

– Так как кое-что вы уже уяснили, прошу вас называть меня просто Сиенной, так будет правильнее. Я никак не могу принять этих «миссис» и «мистеров». От этих слов попахивает чванливостью, но Итан строго-настрого запретил мне вносить смуту и позволять другим обитателям этого дома называть его по имени. Он хотел, чтобы они привыкли и, не дай бог, не выдали его на людях.

– Но сюда ведь никто не приходит, – сказала я.

– Это в последнее время он захандрил, – вновь вздохнула миссис Батлер, то есть Сиенна. – А прежде устраивал вечера, общался с соседями. Пытался привыкнуть, влиться в мир людей, стать в нем своим. Но потом все это перегорело. Итан выходит теперь редко, приемов не устраивает. Эх...

И вновь образовалась пауза в разговоре. Сиенна вернула мебель на место, закрывая от меня водяную стену, или что это было на самом деле. Кстати, а что это было? Я робко спросила об этом.

– Это разновидность портала. С его помощью я могу заглянуть в свой мир, могу полюбоваться родными землями, могу утолить свою тоску.

– Но разве она не становится сильнее, когда вы смотрите?

– И да и нет, – изрекла она.

– А сквозь него вы не можете попасть домой?

– Могу, – согласилась Сиенна. – Это как раз самое болезненное – удержаться, когда тоска особенно сильна. Но я знаю, чем это обернется для меня. Меня почувствуют, выследят, а там...

– Что там? – с замиранием сердца спросила я.

– Не сегодня, милая, не сегодня, – ответила она, вновь со вздохом усаживаясь в кресло. Сиенна разлила еще горячий чай по чашкам и пригласила меня к столу. – Теперь вы тоже часть этого дома и если вы решитесь на большее, то получите его защиту. Хотя эта привилегия тоже имеет обратную сторону. Вместе с защитой вы получите и грехи этого дома.

– Как это? – спросила я, согревая ладони, обхватив ими горячую чашку.

– Любой, кто увидит вас, любой из моего мира, я имею в виду, – уточнила она, – будет знать, что вы принадлежите Итану. – Я удивленно округлила глаза и чуть было не выронила чашку, но смогла все же удержать ее в руках. Сиенна поспешила объяснить: – Ну, не в буквальном смысле, конечно. Не стоит пугаться. Это означает, что они поймут, как бы это выразиться... Поймут, что вы с ним, что вы обитаете под одной с ним крышей. Мы вместе с этим домом таим в себе особую печать, что ли, или клеймо. Оно-то и наложит на вас и ответственность, и защиту. Понимаю, в этом пока сложно разобраться, но я расскажу все по порядку, не сразу. Вы должны знать абсолютно все, чтобы понять и принять наши правила и определенный риск...

Договорить Сиенна не успела, за окном прогремел гром, и в сиянии сверкнувшей молнии я увидела две фигуры на балконе. Невольно вздрогнула и даже пискнула от неожиданности. Сиенна медленно поднялась из кресла и двинулась им навстречу. Почему-то выражение ее лица сказало мне, что разговор вряд ли будет приятным.

Глава 5

– Брион, Тэлмер, – кивнула Сиенна гостям, а потом указала рукой в глубь комнаты.

Экономка держалась сдержанно, ни агрессии, ни радушия не выказывала. Я вжалась в спинку кресла и стала просто наблюдать за происходящим. Гости, казалось, меня не заметили, что позволяло рассмотреть их получше. Я предположила, что они маги, но быть уверенной полностью не могла. Вдруг они тоже могут скрываться, как Сиенна? Один был высоким, на вид лет сорока, с уже поседевшей головой и аккуратной недлинной бородой. Рассмотреть цвет глаз не удалось, но взгляд поразил суровостью и непреклонностью. Так мне показалось, во всяком случае. На нем был идеально сидевший костюм-тройка, в руках он держал трость. Второй чуть ниже, примерно того же возраста, темноволосый, довольно приятный. Однако я заставила себя не делать скоропалительных выводов о людях, которых совсем не знала. Предпочла присмотреться получше.

– Чем обязаны неожиданному визиту? – спросила Сиенна, и голос ее дрогнул на последнем слове.

– Правила были нарушены, – сказал седовласый.

– Не были, Брион, – гордо приподняв подбородок, ответила экономка. – Это случайность, никто из нас...

Брион вскинул руку, призывая Сиенну к молчанию, нахмурился и изрек:

– Не имеет значения, каким образом, Сиенна, ты прекрасно это знаешь! Хморс произнес имя.

Сиенна на мгновение прикрыла глаза, словно пыталась справиться с нахлынувшими чувствами. Я подавила порыв подойти к ней и утешить. Не в силах пошевелиться, продолжала наблюдение. Экономка поджала губы и вздохнула.

– Это всего лишь недоразумение.

– Возможно, – чуть мягче, чем его спутник, сказал второй гость. – Но ты же понимаешь, что имя, произнесенное «там», уже могло достигнуть ненужных ушей.

– Итаниэль отправился на поиски Хморса, – сказала Сиенна.

– Итан не должен был покидать дом без разрешения! Тем более в этом нет необходимости, – ответил ей Брион. – Мы поймали Хморса, и до определенного момента он будет заключен в Мерцающей башне.

Я вздрогнула. Конечно, мне не было известно, что это за башня такая, но слово «заключен» заставило сердце взволнованно забиться. Сиенна тоже побледнела.

– Тогда проблема устранена, – с надеждой в голосе сказала она.

– Мы не можем быть уверены, – мягко возразил Тэлмер. – Имя прозвучало, а кому назвал его Хморс, нам неизвестно. Вполне возможно, что самому себе, как он сам говорит, но риск слишком велик.

Некоторое время все присутствующие сохраняли безмолвие. Казалось, гости давали Сиенне возможность обдумать все случившееся. Она же сжала кулак и приложила его к животу, что означало, что экономка напугана.

– Чем эта оплошность обернется для Итаниэля?

Я едва расслышала ее слова, так тихо они прозвучали.

– Ты не меняешься с годами, Сиенна, – сказал Тэлмер. Он приблизился к женщине и коснулся рукой ее плеча. – Всегда думала о нем больше, чем о себе. Это достойно уважения, поэтому я не буду тебе лгать. Скорее всего, с него снимут доверенные полномочия.

– Ха, доверенные полномочия, – горько усмехнулась экономка. – Слова-то какие выбрал. Ты тоже не меняешься, Тэлмер. Никогда не умел называть вещи своими именами.

– Мне понятна твоя боль, Сиенна, – чуть суровее произнес ее собеседник, – но как бы я это не называл, за подобные нарушения следует наказание. Срок не вышел.

– Он не был установлен! – возмутилась экономка.

– Да, ты права, но мы все еще обсуждали его...

– Несколько столетий!

– Довольно, Сиенна, к чему эти препирательства? – потерял терпение Брион. – Установить срок наказания довольно сложно, тем более за подобную... провинность.

И в этот раз мне показалось, что мужчины, несмотря на их явное недовольство, изо всех сил старались говорить мягче. И скорее всего дело было в том, что они оба с почтением относились к Сиенне.

– Он платит за нее и без вас! Его душа горит снова и снова, изо дня в день, из года в год.

– Именно поэтому его оставили в живых, – тихо ответил Тэлмер. – Приговор был вынесен. Мы хотели, чтобы он всецело осознал вину.

Сиенна снова прикрыла глаза и даже пошатнулась, но когда гость попытался придержать ее, она взяла себя в руки и сделала шаг назад.

– Это пустое, – сказала она. – Переходите к делу.

– Поскольку важнейшее правило было нарушено, Итаниэль должен явиться на экстренное заседание, где мы решим его дальнейшую судьбу.

Мое сердце застыло, скованное льдом страха. Все, что здесь происходило, было по моей вине. Я внесла беспокойство в этот дом, я нарушила в нем порядок. Не в силах более усидеть на месте, я вскочила на ноги, подошла к Сиенне и посмотрела на мужчин.

– Во всем, что произошло, виновата я, – произнесла осипшим от ужаса голосом.

– Этель... – прошептала экономка, сжимая мою руку.

– Я нарушила правила, я назвала имя, – продолжала я, глядя в сердитые глаза Бриона.

И пусть я совершенно не понимала, что творю, но в общих чертах проблема была ясна. Я назвала имя мистера Холла, его услышал тот, кто не должен был. Все. Остальное лишь тонкости.

– Человек? – игнорируя меня, спросил Брион у Сиенны.

– Наша гостья, – уточнила она. – Ни во что не посвящена.

– Очень надеюсь, – грозно рявкнул Брион.

– Все это лишь нелепое стечение обстоятельств, – попыталась я объяснить. – Я увидела черную дымку, которая скользнула с улицы в кабинет мистера Холла. Испугалась и хотела помочь. Распахнув дверь, от страха за жизнь хозяина этого дома позвала его по имени.

Мне казалось, что если я смогу объяснить, то решение найдется. Было страшно, но все же я не собиралась перекладывать свою вину на кого-то другого, это было бы несправедливо.

– Дымку? – спросил Тэлмер.

– Да, – ответила Сиенна, – Хморс явился не скрываясь.

– Он не сказал, – задумался маг.

– Это ничего не меняет, Тэл, – сказал Брион. – Итаниэлю не следовало впускать в дом человека.

– Это не он, – вмешалась экономка. – Я приютила девушку. Итан был против. Именно такого исхода он и опасался.

– Все сказанное не снимает с него ответственности, – упрямо заявил Брион.

– Но как же так? – удивилась я. – Мистер Холл не виноват. Это все я, по незнанию. Я готова понести любое наказание.

– Этель! – воскликнула Сиенна испуганно. – Вы не ведаете, что говорите.

– Ведаю, – дрожащим от страха голосом ответила я. – Все, что я сказала, истинная правда. Я вошла как гостья в этот дом и нарушила его покой.

– Вы не знали, не могли знать, – умоляющим голосом произнесла экономка, ласково глядя в мои глаза. Она повернулась к магам: – Мисс Янг ничего не знала о нашем мире, абсолютно ничего, но Хморс нарушил порядок, явив себя. Прибыл бы, как положено, ничего этого не произошло бы.

Мне показалось, что Сиенна обрела призрачную надежду. Она говорила горячо, подчеркивая каждое слово.

– Мы понимаем, Сиенна, – ответил Тэлмер, – и обсудим этот вопрос с самим Хморсом. Он ответит за своеволие. Но риск слишком велик.

– Неужели совсем ничего нельзя сделать? – спросила я. – Ведь несправедливо, когда за ошибку одного отвечает другой. У вас наверняка есть какое-то другое решение. Вы могли бы наказание мистера Холла перенести на меня.

– Этель! – снова возмутилась Сиенна, но я не обратила на это внимания, чувствуя, что двигаюсь в нужном направлении. Раз она так реагирует, значит, какой-то выход все-таки есть.

– За многовековое существование вашего мира, наверняка бывало всякое. Ведь если хорошо подумать, любую проблему можно решить. Не наказывайте этих людей за мою оплошность!

– Есть лишь один вариант решения без участия Итаниэля, – сказал Тэлмер.

– Какой? – спросила я.

Мое сердце подпрыгнуло от радости, а потом часто забилося в надежде.

– Что за решение? – не разделяя моего энтузиазма, настороженно спросила Сиенна.

– Мы наделим твою гостью способностью слышать, и в течение нужного срока она найдет всех, кто знает имя твоего хозяина, – сказал Тэлмер.

– Она не маг! – испуганно воскликнула экономка, пытаясь загородить меня собой. – Это опасно! Без последствий для нее это никак не сможет пройти! Вы в своем уме предлагать слабому существу такую пытку?

– Наказание не может приносить удовольствие, – сурово сказал Брион.

– Объясните, что я должна буду делать? – спросила я, выходя из-за спины Сиенны.

– Подождите, Этель, – попросила она, мягко разворачивая меня лицом к себе. – Если вы примете их предложение, они не оставят вам выбора. Вы узнаете все, и тогда все дороги назад будут закрыты окончательно. Вы даже не представляете, на что соглашаетесь! Подумайте хорошенько. Я хотела, чтобы у вас было время. Вы должны были войти в наш мир постепенно, имея возможность отступить до того момента, как главная тайна этого дома будет раскрыта.

– Сиенна, – ласково сказала я, – иной жизни у меня уже не будет. Вы дали мне приют, не позволили погибнуть от отчаяния и боли. Я не буду лгать, все это волнительно и даже немного страшно, но я не могу отплатить вам неблагодарностью. Там, снаружи, у меня не осталось ничего, а вы подарили мне новый мир. Если суждено в нем остаться – прекрасно, если нет – у меня были эти чудесные мгновения.

– Боже, – прошептала Сиенна, закрывая лицо руками.

– Быть может, я не знаю подробностей, но мистер Холл сказал, что я погубила обитателей этого дома. Вы не представляете, какие муки принесли мне его слова. Если есть возможность хоть как-то это исправить, я готова.

Я повернулась к магам и всем своим видом продемонстрировала решительность.

– Хорошо, – кивнул Тэлмер и повернулся к Сиенне. – Завтра мы приведем с собой Ингуса, он все сделает.

После этих слов оба гостя развернулись и покинули гостиную. Они вышли на балкон и исчезли с него так же быстро, как и появились. Сиенна бросила на меня обреченный взгляд, медленно прошла к креслу и тяжело опустилась в него. Казалось, она была раздавлена. Я подошла ближе и, присев напротив, взяла ее за руки.

– Все образуется, – прошептала я, сдавливая ее ледяные пальцы. – Все как-то встанет на свои места. Я рада, что выход все же есть.

– Вы не понимаете, – качнула головой Сиенна. – Магия в теле обычного человека – это болезненно. С ней тяжело совладать.

– Но ведь не невозможно? – слабо улыбнувшись, я попыталась заглянуть ей в глаза.

– Ох, Этель... И я тоже хороша, нужно было запретить вам!

– Не корите себя, я давно взрослая. Могу принимать решения самостоятельно. Поверьте, я не пожалею.

Сиенна подняла на меня свои печальные глаза. Сколько тепла было в ее взгляде, сколько же боли... Она вздохнула, а потом сказала:

– Я должна рассказать обо всем Итану. Может, он найдет другое решение. Пока еще ничего не сделано, отчаиваться рано.

Сиенна вынула из-за воротника платья серебряную цепочку, взялась за кулон, висевший на ней, и произнесла слова на чужом языке. Сначала ровным счетом ничего не происходило, но спустя несколько бесконечно длинных секунд в комнате вновь возник искрящийся портал. Мистер Холл шагнул в него и мгновенно оказался подле своей экономки.

– Что стряслось? – спросил он.

Сиенна набралась смелости и тихим голосом поведала хозяину все, что произошло несколькими минутами ранее. Я с замиранием сердца следила за тем, как испуганное лицо мистера Холла становится сердитым.

– Она сделала что? – прогремел он, дослушав рассказ женщины до самого конца.

После грозного вопроса в комнате повисла тяжелая тишина. Я ощутила ее пугливым холодком, скользнувшим по позвоночнику.

– Этель согласилась, чтобы ее наделили даром слышать твоё имя, – тихо повторила Сиенна. – Она хотела помочь. Речь зашла о снятии с тебя полномочий, Итан.

Мистер Холл перевел свой взгляд на меня и посмотрел так, словно впервые видел.

– Это всего лишь угроза, – не поворачиваясь к экономке, сказал он.

Его глаза изучали мое лицо настолько пристально, что я едва сдерживалась, чтобы не передернуть плечами, желая избавиться от странного ощущения.

– Ты знаешь Бриона, – не унималась Сиенна. – Он душу дьяволу продаст, лишь бы известить тебя. Ждет лишь повода.

– Вот и извел бы, зачем соглашался на эту глупость? – сказал мистер Холл.

Он сделал несколько шагов по направлению ко мне, и я чуть было не отступила, но все же справилась с собой и осталась стоять на месте.

– Мисс Янг заверила его, что твоей вины нет, что это всего лишь недоразумение. Она взяла всю ответственность на себя. Тэлмер согласился, а Бриону ничего не оставалось, ведь именно Тэлмер является твоим куратором. Решать именно ему.

– Мисс Янг? – переспросил мистер Холл, как будто из слов Сиенны услышал только мое имя. Он нахмурился, стараясь что-то вспомнить. – Так это о вас шепчется весь город?

– Итан! – возмутилась Сиенна.

Я вздрогнула. В голову полезли самые ужасные мысли, но в глазах мистера Холла не было презрения или упрека, лишь любопытство.

– А теперь послушайте меня внимательно, мисс Янг, – сказал он, как-то по-особому выделяя мое имя. – Очень внимательно послушайте. Я изо всех сил пытаюсь вас понять, но, увы, не могу. Что вы знаете о нас? О той жизни, что мы ведем столетиями? Почти ничего. Насколько я понял, вы не в курсе, кто я.

– Вы маг, – выпалила я.

– Хорошо, я маг, но в чем моя сила? Чем я занимаюсь? Что собой представляю? Вы кидаетесь в опасный омут, не имея ни малейшего представления о сути проблемы, с которой столкнулись мы все. Как так можно?

Я не стала отвечать, чувствуя, что образовавшаяся тишина была лишь паузой. И я не ошиблась.

– Вы не кажетесь мне пустой глупышкой, хоть и поверили проходимцу вроде мистера Бенсона, который ославил вас на весь Грейстэл. Я не пытаюсь вас оскорбить, лишь констатирую факт. Смотрю сейчас на вас и не понимаю. Повторяю, вы не кажетесь мне глупой и уже вполне могли понять, что я... – на мгновение он запнулся. В глазах мистера Холла появилась боль, он отвернулся. – Я несу наказание. Вы не знаете причины, но все равно кидаетесь с головой туда, где легко можете ее потерять. Что это, если не глупость?

– Возможно, – гордо ответила я, – но я не привыкла, чтобы за мои ошибки платил кто-то другой!

Мои слова заставили мистера Холла резко повернуться, лицо у него сделалось таким, будто я дала ему пощечину. Только тогда поняла, насколько двусмысленно прозвучала моя короткая речь. Несмотря на то, что свою судьбу Сиенна и другие обитатели этого дома выбрали сами, это не меняло того факта, что они платили за ошибки своего хозяина. И снова мысль об их преданности поразила меня.

– Возможно, я жесток, – сказал мистер Холл, – опасен, неуправляем. Вам не приходило это в голову?

– Вы не можете быть плохим, – уверенно заявила я. – Это совершенно исключено!

Глаза мистера Холла вспыхнули чем-то недобрым, но я вновь не испугалась. Точнее, испугалась, конечно, но только в душе, внешне же старалась не подавать виду.

– И почему же? – спросил он.

– Даже несмотря на то, что характер у вас скверный, заслужить такую верность плохой человек не может!

Мистер Холл взглянул на Сиенну, глаза которой наполнились слезами.

– А может, я заставил их остаться со мной? – спросил он, вновь поворачиваясь ко мне.

– Вы сами сказали, я не глупа, мистер Холл. Могу отличить страх от искренней любви и преданности.

И снова повисла тишина. Сиенна прижимала руки к груди и улыбалась. В ее глазах я видела что-то напоминающее гордость. Хозяин особняка подошел к приоткрытой витрине у стены и налил себе выпить. Делать первый глоток он не торопился, медленно

опустился в кресло, поставил стакан на стоящий рядом столик и сложил руки перед собой.

– Ладно, вы не считаете меня плохим, бог с вами, но как же можно соглашаться на нечто неизвестное и заведомо опасное? Сиенна сказала вам, что это болезненно?

– Сказала, – чуть расслабившись, ответила я.

– Сдается мне, вы не до конца осознали, мисс Янг. Я объясню.

– Итан, – вновь оборвала его Сиенна.

– Так будет честно, разве нет? – резко сказал он, бросая суровый взгляд на экономку. – Раз вы решили действовать сами, я обязан пояснить. Итак, мисс Янг. Процедура, как бы это выразиться, внедрения магии весьма болезненна сама по себе. Ваше тело слишком хрупкое для любых чар. Ваши кости прочувствуют проникновение каждой частички впускаемой силы. По меркам моего мира сила эта ничтожно мала, но для вас просто чудовищно огромна. Вы не представляете, что испытает ваше тело.

Он сделал паузу, позволяя мне обдумать каждое произнесенное им слово. Вероятно, мистер Холл надеялся, что я испугаюсь и отступлю. Но для некоторых людей физическая боль не так страшна, как душевная. А мне казалось, что тело мое не способно чувствовать боль, после того как предательство выжгло душу. Мистер Холл вглядывался в мое лицо, ожидая реакции, но так и не дождался. Я стояла перед ним не шелохнувшись. Он сделал жадный глоток и кивнул.

– Что ж, допустим, вы выдержали это испытание. Но впереди другое, более продолжительное. Вам придется привыкать к чему-то новому, чужому в своем теле. Оно будет метаться, волноваться и волновать вас. Я не могу предугадать наперед, что именно вы будете испытывать. Мне приходилось наблюдать за подобными процедурами. Все, кто получал магию на моих глазах, чувствовали себя по-разному. Это будет зависеть только от вас. Возможно, это обернется ежедневной пыткой. Вы можете потерять сон, аппетит, испытывать головные боли и даже сойти с ума. Последствия слишком непредсказуемы.

Мне казалось, что мистер Холл нарочно запугивает меня, чтобы я струсила и отказалась от принятого решения, но, бросив взгляд на Сиенну, поняла, что он говорит правду. Сердце сдавила ледяная рука страха, но я снова постаралась не подавать виду.

– Не пытайтесь скрыть от меня ваши чувства, мисс Янг, я узнаю их даже отсюда. Меня радует, что страхи у вас все же есть, – сказал он и откинулся на широкую спинку кресла. – Но раз вас не пугают физические мучения, я поведаю о душевных. То есть о муках совести. Мой мир жесток, мисс Янг, и вы не представляете насколько.

Мистер Холл вновь поднялся на ноги, схватил бокал, но потом вновь поставил его на стол.

– Жесток ровно настолько же, насколько прекрасен. Видите ли, Хморс не самое умное существо на свете. Сиенна вам потом расскажет о нем и о его сородичах. Он жаден, малодушен и корыстен. А еще кичлив. Так вот, кому он успел выдать мое имя, предположить трудно. И сколько еще случайных людей могли его услышать, неизвестно. Вы поняли, что я сказал?

Я машинально кивнула, не понимая, почему он делает акцент именно на этом.

– А теперь представьте, что в моем мире есть магическая тюрьма и называется она Мерцающая башня. Представили?

И снова кивок. Мне уже не нравилось, к чему двигался этот разговор.

– Все, кто так или иначе узнали мое имя, попадут в эту тюрьму и просидят там до тех пор, пока... В общем, не столь важно. Очень долго просидят.

– Но это же несправедливо! – воскликнула я. – Если ваше имя было услышано случайно и не произнесено ни разу, как же можно?..

– Я сказал, мой мир жесток! – с горечью произнес мистер Холл и допил содержимое своего бокала. – А теперь подумайте о том, что всех этих существ определите в эту тюрьму именно вы!

– Неужели нельзя действовать как-то иначе? Может, заставить их забыть? – с мольбой в голосе спросила я. Слова мистера Холла смогли сделать мне больно, испугали и заставили сердце сжаться от отчаяния.

– Нет, – жестко отрезал он. – Такого наказание даже для невинных. Это мое проклятие, мисс Янг, и я с ним живу.

Больше мистер Холл ничего не сказал, он с неприятным стуком, заставившим меня подпрыгнуть на месте, поставил стакан на столик и стремительно вышел из комнаты.

Глава 6

В своей комнате я бродила из угла в угол, кусая губы и заламывая руки. Слова мистера Холла засели в голове и продолжали мучить меня. В заключении всех этих существ буду повинна я. Не выдержав нахлынувших чувств, я села на кровать и обхватила голову руками, желая выгнать страшные мысли, чтобы хоть сколько-нибудь отдохнуть. За что мне все эти испытания? Почему именно я угодила в ловушку судьбы? Моя доверчивость и наивность привела меня в этот дом, я наказана за легкомысленность. Сейчас я с омерзением вспоминала, как позволила Роберту переступить черту и сделать меня своей до брака.

Горько усмехнулась. До брака, которого даже в мыслях у него не было. Невольно возвращаясь в ту ночь, что провела с ним, я не могла без содрогания думать о вольностях, которые позволил себе Роберт. Теперь его ласки казались гадкими, а мой стыд усиливался во много раз. Ничего приятного или волшебного в ту ночь я не ощутила, было неловко, я краснела и постоянно смущалась. Но мне казалось, что я люблю и в том, что происходило, было особое таинство. Роберт говорил о том, как я дорога ему, как я прекрасна, как он не может дышать, когда меня нет рядом. Боже, как стыдно чувствовать себя такой дуручкой.

Прошло несколько месяцев, и боль притупилась, сердце больше не разрывалось на части, только ныло время от времени, стоило подумать о тетушке Харриет. Но вот я нашла успокоение в стенах этого дома. И что произошло? Я обрушила на него весь мир.

Закрыв лицо руками, упала навзничь на кровать и подавила вопль отчаяния. Ведь всего этого Провидению оказалось мало, и теперь мне придется искать тех несчастных, кому не посчастливилось услышать имя мистера Холла и отправлять их в заключение.

В дверь тихонько постучали, а потом я почувствовала знакомый аромат. Сиенна аккуратно присела на край кровати.

– Я так и знала, что вы не спите. Итан тоже мечется в своей комнате.

– Он зол на меня? – пропищала я.

– Немного, – не стала лгать экономка. – Но больше всего он недоволен собой. Вы не думайте ничего такого, Итаниэль бывает резким, но это только от бессилия.

– Я бы тоже на его месте была резкой, – ответила я.

Смотреть в лицо Сиенны не было сил. Знала, что она не винит меня, что ее чистое и доброе сердце уже давно меня оправдало, но я не вынесу ее уговоров.

– Не отговаривайте меня, – прошептала я, опережая ее. – Я уже все решила. Расскажите лучше про Хморса. Кто он такой? Мистер Холл сказал, что он не самое приятное... существо.

– Так и есть. Хморс – гоблин, – фыркнула Сиенна. – Малоприятный народец. Хитрый, изворотливый, жадный.

– Но что привело его к мистру Холлу? – спросила я.

Вопрос прозвучал так обыденно, что я даже ужаснулась. Неужели я совершенно серьезно говорю с миссис Батлер о гоблинах? Я почувствовала, как рука Сиенны напряглась, похоже, я затронула самую сложную тему. В ожидании сердце замерло. Откроется она мне сейчас или снова отложит этот разговор?

– Видите ли, Этель, – тихо начала она, – Итаниэль не просто маг. На его плечи возложена сложнейшая и опаснейшая миссия. Когда-то, много столетий назад, она казалась почетной, но времена меняются и сейчас эта миссия считается страшнейшим наказанием.

– Что это за миссия? – непослушными губами прошептала я.

Сиенна поднялась и подошла к окну. Распахнула тяжелые шторы и глянула сквозь стекло в небо, будто искала поддержки у сияющих звезд.

– Итаниэль – конфидент.

Слово показалось мне смутно знакомым, но я никак не могла уловить, что именно оно мне напоминало. По позе, напряженной спине и стиснутым губам Сиенны я поняла, что слово это как проклятье.

– Что это значит? – вслед за ней я поднялась с кровати.

– Конфидент – это человек, с которым ведут тайные переговоры. Конфиденциальные.

Пока ничего зловещего я не услышала. Слово конфиденциальный, конечно же, было мне знакомо.

– В нашем мире это означает, что Итаниэль – человек, кому открыты все тайны. Он как сосуд, наполненный чужими секретами.

И многие из них опасны.

– Вот почему его имя нельзя разглашать, – догадалась я. А потом нахмурилась. – Но здесь каждый знает его имя.

– Именно, – грустно улыбнулась Сиенна. – Здесь все знают, что он мистер Холл, но из-за отсутствия магии никто не знает, кто он такой. В моем мире Итаниэля тоже знают под его именем, но опять же никто не догадывается, что именно он конфиденгент.

– Но как тогда те, кто хочет поведать тайну, его находят?

– Есть специальное заклинание, оно и приводит к конфиденгенту. Собеседник видит только комнату, полностью обезличенную и самого конфиденгента, который скрывает свое лицо под маской.

– И что за тайны доверяют мистеру Холлу? – спросила я, чувствуя, как от волнения пересохло в горле.

– Совершенно разные, – пожалала плечами Сиенна. – Это может быть измена жене, место, в котором прячут нажитое добро, план какого-нибудь преступления, открытия, тайные беседы, заговоры и еще много всего. Конфиденгент не только слушает и хранит эти тайны, он может еще выступать в качестве лица, передающего тайную информацию.

– Действительно, тяжелая ноша, – прошептала я, обнимая себя руками.

– Вы даже не представляете себе насколько. Наш мир хранит множество страшных секретов, от которых Итаниэлю часто бывает просто жутко. Он очень мало и плохо спит, раздираемый всей этой чудовищной информацией.

– Он не может ее рассказать? Ну, то есть раскрыть кому-то?

Вопрос прозвучал глупо, но я почему-то задала его.

– Нет. Конфиденгент связан заклятием, которое не позволяет ему передавать эти самые конфиденциальные разговоры кому-то стороннему. В этом вся суть. Тайны надежно запечатаны внутри «сосуда».

– Сосуда, – пробормотала я задумчиво. – Вы сказали, что мистер Холл плохо спит. Эти тайны не дают ему покоя?

– Их так много, – вздохнула Сиенна. – И они, как живые, копошатся в нем, словно черви. Отключиться не всегда получается.

– Что же это за пытка такая! – ужаснулась я.

– Как мы уже говорили, это наказание, – жестко сказала экономка. Она задернула шторы и повернулась ко мне. Я мгновенно поняла, что на сегодня разговор окончен. Возражать не стала, видела, что этот разговор причиняет милейшей женщине боль. – Прошу вас, дорогая моя, отдохните. Грядущий день будет очень тяжелым. Возможно, это будет ваша последняя спокойная ночь. Мы не можем предвидеть, чем обернется принятое вами решение.

– Я очень благодарна вам за понимание, – улыбнулась я. – Не переживайте, я вижу, что вы сама не своя. Все будет, как должно, не более и не менее.

– Ох, Этель, мне бы ваше спокойствие. Но это всего лишь от незнания. Боюсь, завтра вы проклянете нас с Итаном за то, что не остановили ваш благородный порыв.

Конечно, о спокойствии и речи не было, внутри у меня все дрожало. Но зачем же тревожить Сиенну? Она и без того места себе не находила. Я пообещала ей, что тотчас лягу в постель и просплю до самого утра. Только после этого экономка покинула мою комнату и отправилась отдыхать.

Я поступила, как и обещала, забралась в постель, укрылась воздушным одеялом и попыталась уснуть. Получилось не сразу, но все же через час или два усталость взяла свое. Сон был странным, тягучим и непонятным, я почти не отдохнула, но вспомнить, что именно мне приснилось, наутро не смогла.

Утром я первым делом отправилась на кухню и только там вдруг подумала о том, кто еще меня окружает. Слуги смотрели на меня по-новому. Видимо, Сиенна поведала им, что я теперь знаю гораздо больше. Мои предположения подтвердились. Экономка выстроила передо мной весь персонал и представила совершенно иначе:

– Горничные Бэтани и Кэти – наши маленькие сирены, лишенные сил.

Девушки разом взяли за края юбок и поклонились. Это движение было лишним, и я смутилась. Но горничные тепло улыбнулись, отчего на душе стало светлее. Две совершенно разные девушки, отличающиеся ростом, цветом волос, фигурой, но одинаково прекрасные, словно с картинки.

Сирены. Как интересно. Нужно будет освежить в памяти, на что способны эти существа, если не лишены сил. Хотя подозреваю, что в

сказках не рассказано и половины.

– Наш лакей Морган – лесной фей, – продолжала Сиенна.

Тут я несказанно удивилась, ведь из тех же сказок знала, что феями бывают только девушки. Сиенна трактовала мое изумление безошибочно.

– Это все вымысел. Вы видели на картинках красивых девушек в цветах и с крыльями. На самом деле феи бывают обоего пола и крыльев у них нет, хотя летать они умеют.

Юноша кивнул, а потом совершенно неожиданно задорно подмигнул мне. В этот момент мне захотелось увидеть его таким, каким он был на самом деле. Сейчас передо мной стоял довольно симпатичный молодой человек с пшеничного цвета волосами, завивающимися на концах, веселыми голубыми глазами и чуть вздернутым острым носом.

– Моего супруга Альберта вы уже знаете, он служит в этом доме камердинером и тоже является эльфом.

Мистер Батлер учтиво поклонился мне, я кивнула ему в ответ. Лицо у него было добродушным и открытым, а манеры приятными.

У меня возникло острое желание увидеть всех этих существ в истинной ипостаси, но пришлось его подавить. Я смотрела на лица преданных мистеру Холлу людей и понимала, что уже не смогу видеть их прежними. Просто прислугой. Под всеми этими масками скрывались совершенно другие сущности, имеющие многовековую историю, собственную культуру, собственные законы и порядки. Только сейчас я, наконец, ощутила, что попала в совершенно другой мир.

Сиенна предложила всем выпить чаю. Она так и не посвятила своих друзей в мои проблемы, но мне казалось, что они и сами догадываются. Сопоставить слухи в городе и мое внезапное появление было нетрудно. Мне было достаточно того, что они не осуждали и не смотрели с упреком. Девушки рассредоточились по кухне и слаженно накрыли на стол, и я снова обратила внимание на то, что в особняке не было кухарки. Я задала свой вопрос, на который мне ответил Морган:

– Мистер Холл не любит кухарок. Готовят для него наши девочки. Они за долгие годы научились сносно стряпать, а он научился это жевать.

Лакей мгновенно получил по затылку большой деревянной ложкой, которую Кэти взяла с соседнего стола и все, кто был в кухне, рассмеялись. Впервые за долгое время я почувствовала себя уютно, словно дома. И жители особняка заметно расслабились, будто почувствовали, что могут быть самими собой. Невероятное ощущение. Люди, казавшиеся мне замкнутыми и очень осторожными, оказались веселыми и очень интересными. Я была рада, что невидимая стена между нами исчезла.

– Сиенна! – прервал наше веселье мистер Холл. Он стоял в дверях и со странным выражением лица смотрел на свою прислугу. Хотя, наверное, неправильно их так называть. Заметив мой взгляд, мистер Холл нахмурился, и его лицо стало непроницаемым. – Ингус прибыл. Пора.

В кухне стало очень тихо, настолько тихо, что уши не выдерживали. Я сглотнула, отставляя дымящуюся чашку, и перевела взгляд на Сиенну. Экономка побледнела и медленно встала со стула. Если я правильно помнила, то Ингусом звали того, кто сможет наделить меня даром разыскивать людей, услышавших имя мистера Холла. Веселья как не бывало, обитатели дома перестали жевать и притихли, провожая меня сочувственными взглядами.

Поравнявшись с мистером Холлом, я невольно затаила дыхание и прикрыла глаза. Сердце отчего-то дрогнуло, когда услышала его неровное дыхание. Мир вокруг на мгновение замер, и я вместе с ним. Ноги отказывались идти дальше. Я вздохнула, и легкий аромат кедра и какого-то цветка окутал меня невесомым шелком. Удивительное ощущение, неожиданно вскружившее голову. Почувствовав, что пауза затянулась, и мистер Холл так и стоит на месте, почти касаясь своей рукой моих пальцев, я заставила себя продолжить путь.

Всю дорогу по лестницам и коридорам я ощущала на себе внимательный взгляд хозяина особняка. Какие мысли при этом витали в его голове? Злился ли он или, напротив, сочувствовал? Я же внутренне дрожала от страха, ладони леденели, а в горле появился ком. Ноги стали тяжелыми, а движения медленными, нерешительными. Я все еще верила, что поступаю правильно, но страх перед неизвестностью брал верх над разумом.

Шедшая впереди Сиенна вошла в открытую дверь кабинета мистера Холла, а я не успела. Мистер Холл стремительно поравнялся

со мной и резко вскинул руку, после чего дверь с грохотом захлопнулась у меня прямо перед носом. Я вздрогнула, развернулась к нему и оказалась зажатой между высоким телом мистера Холла и стеной.

– Вы хорошо подумали, мисс Янг? – вновь странным образом выделяя мое имя, холодно спросил он. – Назад пути не будет. Вы заварили эту кашу, но я еще могу не позволить вам совершить несусветную глупость.

– Какое вам дело до глупостей, которые я совершаю? Хотите оградить меня от физических мук? – шепотом спросила я.

– Физические муки ничто по сравнению с муками совести, мисс Янг, – резко сказал мистер Холл. – А ваша совесть уничтожит вас, если вы согласитесь на процедуру.

Его рост, поза, голос и недовольный взгляд давили на меня невероятно, но я выдержала все это, впервые заглянув в серые глаза мистера Холла и увидев в них те самые муки, о которых он так уверенно говорил. Я увидела боль, безграничные страдания и слезы, которые никогда не проливались, так ясно, что сердце наполнилось сочувствием.

– Благодарю за предупреждение, мистер Холл, – тихо ответила я и сдвинулась в сторону, хватаясь за ручку двери. – Даже если я совершаю ошибку, отвечать за нее только мне.

– Не только вам, – сказал он. – Но и людям, которых вы обнаружите.

Я посмотрела в глаза мистера Холла и твердо спросила:

– Если я откажусь, этих людей не станут искать?

– Станут, – ответил он. – И найдут. Не так быстро, как вы, но найдут.

– Вот и ответ.

Я никогда не считала себя упрямой, но в этом вопросе отступить не могла. Казалось, все мое существо бьется внутри, толкая меня на выполнение задуманного. Я повернулась к двери и сделала один глубокий вдох, а пока выдыхала, мистер Холл шагнул вплотную ко мне и тихо проговорил прямо в ухо:

– Я предупреждал.

Он накрыл мои пальцы своими, немного сжал их, а потом надавил на ручку двери. В животе все стянулось в тугий узел, тело словно

одеревенело, но мистер Холл коснулся своей горячей ладонью моей спины и мягко втолкнул в кабинет. Стоило мне войти, как он быстро обошел меня и максимально увеличил расстояние между нами. Мне показалось, что он нарочно лишил меня своей поддержки. Будто говорил: «Я предупредил, вы не прислушались. Дальше вы сами по себе».

Я оглядела всех, кто ждал меня. Сиенна стояла чуть в стороне от трех мужчин, двух я видела накануне, а третий оказался совсем еще молодым мужчиной с черными длинными волосами и такими же черными глазами. Кожа его казалась белой, а губы неестественно для обычных людей алыми.

– Приветствую вас в своем доме, господа, – ничуть не радушно сказал мистер Холл. Все это выглядело лишь как соблюдение правил приличия.

– Итаниэль, – кивнул Тэлмер.

Мистер Холл кивнул в ответ, и мне показалось, что Тэлмер был тем единственным, кого хозяин дома не хотел вышвырнуть за его пределы.

Брион промолчал, а вот Ингус подошел и протянул мистеру Холлу руку. Меня никто не замечал, они даже не смотрели в мою сторону. Мистер Холл глянул на протянутую ладонь и поднял глаза на лицо Ингуса. Гость понял, что приветствия не будет и, пожав плечами, опустил руку.

Наблюдая за всем этим, я не сразу заметила, как возле меня оказалась Сиенна.

– Кто-нибудь возьмет на себя поддержку этого человека? – указал на меня Ингус.

– Я возьму, – ответила Сиенна.

– А что это значит? – спросила я у нее.

– Процесс внедрения магии в слабое тело человека довольно болезненный, – пояснил вместо нее Тэлмер. – Это длительная процедура, неприятная. В редких случаях человек может получить поддержку магического существа. Это значит, что вышеупомянутое существо поделится своими силами.

– Нет, – решительно отказалась я. – Мне не нужна поддержка.

– Глупая, – недовольно фыркнул мистер Холл.

– Я могу отказаться от поддержки? – невзирая на его слова, спросила я у Тэлмера.

– Можете, но почему не хотите принять ее? – поинтересовался тот.

– Это же мое решение, зачем подвергать кого-то испытанию?

Конечно, я не до конца понимала тонкости того, что меня ожидало, но мне совершенно не хотелось, чтобы кто-то делился со мной своими силами. Тем более Сиенна.

– Вы не понимаете, Этель, – сказала экономка. – Мои силы помогут пережить боль, это не так страшно для меня. Не питайте иллюзий, я недостаточно сильна, чтобы максимально облегчить ваше положение, но хоть чем-то мне бы хотелось вам помочь.

– Вам тоже будет больно? – глядя ей в глаза, спросила я, рассчитывая на честный ответ.

Сиенна замялась, пытаюсь найти подходящие слова, и я сама все поняла. Господи, сколько же дел я натворила!

– Решать вам, – сказал Тэлмер. – Если вы не согласитесь, Сиенна не сможет вам помочь.

– Я справлюсь сама, – решительно повторила я и посмотрела на Ингуса.

Его темные глаза были обращены ко мне, и в них я заметила любопытство. Возможно, в мире магии не принято отвечать за свои поступки самостоятельно, но я знаю немало людей, которые поступили бы так же.

– Довольно, – сказал Брион. – Приступай, Ингус, не затягивай.

Упомянутый маг снова пожал плечами и приблизился ко мне. Проникновенный взгляд его черных глаз меня пугал. Казалось, что на меня смотрит сама тьма. Не желая всматриваться в этот мрак, я повернулась к мистеру Холлу. Он сидел за своим столом, сложив руки в замок и касаясь указательными пальцами губ. Его взгляд застыл, словно мыслями мистер Холл унесся куда-то невообразимо далеко.

– Дай руки, – прозвучал глубокий низкий голос, совершенно не вязавшийся с внешностью молодого мага.

Мне пришлось вновь посмотреть на Ингуса. Он развернул свои ладони вверх и ждал. Оказывается, решиться не настолько просто, как казалось.

– Других вариантов нет? – послышался голос мистера Холла.

– Есть, – ответил Брион. – Но тебе они не понравятся. Выбирай, Итан, ты или человек.

– Итаниэль, – позвала его Сиенна. Она сделала порывистый шаг к хозяину, будто ощутила призрачную надежду, схватилась за промелькнувший шанс. – Мы готовы, правда.

Мистер Холл наградил свою преданную помощницу тяжелым взглядом. Она вновь повторила то, что уже говорила ему ранее. Что это могло значить? На что они готовы? Готовы принять наказание за мой проступок? Чем пожертвовать? Что будет, если с мистера Холла снимут его обязанности? Внутри вновь все сжалось, когда мистер Холл поднялся из кресла и медленно направился к Бриону.

– Ты уверена? – мрачно спросил он, не глядя на свою экономку.

Брион замер, наблюдая, как хозяин дома кошачьей походкой приближается к нему. Только слепой не заметил бы явной неприязни между этими двумя магами. Мистер Холл недолюбливал Бриона, а Брион, по всему видно, люто ненавидел мистера Холла.

– Мы все готовы, клянусь. Просвета уже никто не ждет. Долгие годы мы ничем не могли утолить свою тоску, Итан. И ты не мог.

Я наблюдала за выражением лица мистера Холла и видела, как боль вернулась, как беспощадно она его терзает.

– Если мы вынесем ваше решение на совет старейшин, то остановить этот процесс уже не получится, Сиенна, – с сочувствием сказал Тэлмер. – Ни я, ни кто-либо другой не сможет прогнозировать, какой вердикт вынесет совет.

– Именно от этого мы и устали, Тэлмер, – сказала Сиенна. – Столетиями мы ждем, что совет примет окончательное решение. Мы тянем и совершенно напрасно надеемся на что-то. А вы этим пользуетесь. Итан несет свой крест уже втрое дольше, чем кто-либо другой. Найти нового конфидента сложная задача, поэтому совету легче кормить нас туманными ответами. Вина Итана столь велика, но и обстоятельства неоднозначны... и прочее, и прочее. Сколько это может еще продолжаться? И какова, по-твоему, вероятность, что совет простит его и позволит нам вернуться домой, позволит нам жить свободно?

– Вас никто не заставлял делить его вину, – зло процедил Брион. – Вы сами выбрали этот путь, чего теперь жалуетесь?

– Мои слова с жалобами не имеют ничего общего, – спокойно ответила Сиенна. – Я лишь констатирую факт, совет не собирается принимать окончательного решения.

– Но ведь надежда... – начал Ингус, все еще протягивая мне руки.

– Надежда в нашем случае не спасение, – прервала его Сиенна, – она губительна для нас, Ингус.

Мистер Холл посмотрел на меня долгим взглядом, от которого мне стало не по себе. Сердце сжалось, когда вдруг поняла, что он готов принять решение. Я повернулась к Ингусу и тихо спросила:

– Что будет, если совет примет решение снять с мистера Холла полномочия? Ему дадут свободу?

– Такая вероятность ничтожна, – ответил мне маг. – Но варианта все же два: могут посчитать, что наказание было достаточным, а могут, наконец, решиться на кардинальные меры.

– Какие?

– Мерцающая башня для него и всех, кто был все это время рядом. Казни, на которой настаивал Брион, избежать все же можно, но и тут утверждать с уверенностью я бы не стал.

– Казни... – прошептала я. – Что такого сделал мистер Холл?

Ингус вздрогнул и нахмурился.

– Ты понятия не имеешь, кого защищаешь?

– Что бы там ни было, это случилось столетия назад, – ответила я.

– Есть вещи, которые не прощаются и через столетия, – произнес Ингус. Однако в его словах я не услышала личной злобы. Казалось, маг понимал и даже сочувствовал мистеру Холлу и его близким. – Тебе рассказать?

Признаюсь, соблазн был велик, но я вдруг подумала, что мистер Холл вряд ли был бы рад, если бы о его боли рассказал кто-то другой. Возможно, этот другой назовет это преступлением или чем-то вроде того, но я вижу вину мистера Холла как чудовищную боль, которая не дает ему дышать спокойно.

– Не стоит, – сказала я. – Давайте лучше продолжим.

Ингус прищурился, взглянул на мои руки, которые я протянула ему навстречу, и повернулся к негромко спорящим магам. Тэлмер, как ни странно, отговаривал мистера Холла от решительного шага. Я перевела взгляд на Ингуса и кивнула. Маг усмехнулся и взял меня за руки.

Мое тело тут же пронзили тысячи лезвий, я выгнулась и до боли стиснула зубы, чтобы не закричать. Каждая мышца, каждая кость звенела от напряжения, я невольно начала вырываться, но Ингус держал крепко.

– А ты молодец, – сказал он мне. – Но это только начало.

Раскаленная лава медленно растекалась по коже и будто сдирала ее с меня. Пальцы Ингуса, крепко вцепившиеся в меня, тоже казались мне пылающими.

– Этель! – услышала я возглас Сиенны. – Итан, она не стала ждать...

– Не подходи! – рявкнул Ингус. – Уже поздно. Ты не справишься.

Болью была пронизана каждая клеточка моего тела. Кости выкручивало, и мне казалось, что я выгибаюсь в неестественных позах, меняя их одну за другой. Ингус еще крепче перехватил мои пальцы, и я ощутила нечто сравнимое, наверное, с проникновением кинжала в плоть. Не выдержав, рухнула на колени и закричала. А потом огнем вспыхнули глаза, из них тут же потекли слезы. Я сомкнула веки, но пожар под ними не угас. Мне казалось, что вся боль, что я ощущала до этого мгновения, разом устремилась к глазам.

– Она слишком слаба, – сказал Ингус. – Вот-вот сломается.

– Не сломается! – гаркнул мистер Холл и ринулся вперед.

В следующую секунду он опустился на колени позади меня и обхватил мое тело руками, прижимая к своей груди.

– Ты обезумел! – прошептал Ингус.

Его шепот показался мне криком. Я попыталась зажать руками уши, но мистер Холл не позволил, прижав меня к себе еще крепче. Спинай я ощутила прохладу, она расплзалась по телу, принося облегчение горящей коже. Боль не уходила, но я уже могла не кричать. С силой прикусила губу и подавила очередной вопль.

– Заканчивай, – процедил мистер Холл.

Это еще не все?

– Разом? – спросил Ингус. – Но так быстро нельзя. Это ее убьет.

– Доверься мне! – нетерпеливо рявкнул мистер Холл. – Заканчивай!

Последовал новый, сильнейший натиск. Я вновь закричала. Прохлада отступила, вновь победило пламя. В голове появился шум множества голосов. Перед глазами замелькали странные картинки:

незнакомые места, картины и тысячи лиц. Всего этого было так много, что мне казалось, будто они разрывают меня на части. Они все говорили, и говорили будто именно со мной. Я металась и продолжала кричать, желая выбросить все это из своей головы, но голоса становились лишь громче.

– Кто они? – едва выдавила я. – Их так много...

И тут я услышала шепот над ухом. Мягкий голос говорил что-то на незнакомом языке. Было похоже на какое-то заклинание.

– Она не выдерживает, Итан, – прокричала Сиенна.

– Вижу, – гаркнул мистер Холл, а потом мягкий голос вновь вернулся.

Нас с мистером Холлом окутала белая дымка. Хозяин особняка приложил руку к моему лбу и надавил так, чтобы я могла опереться головой на его плечо. Я ощущала, как его дыхание касается моего уха, он продолжал что-то говорить. Другая его рука легла на мой живот. Мужчина стискивал меня все сильнее и продолжал произносить странные слова.

Мне казалось, что все эти люди у меня в голове видят меня, тянутся ко мне. Они будто отрывали от меня по кусочку, а я не могла им помешать. Я корчилась и стонала, пока мистер Холл снова не заговорил со мной.

– Слушай только меня, – сказал он, – только меня, слышишь? Тысячи голосов заглуши. Я научу тебя их слушать, но сейчас существую только я. Сконцентрируйся на моем голосе, иначе погибнешь. Есть только ты и я. Только мой голос важен, остальные отпусти. Только я... только я...

Я хотела слушать только его, но не могла. Эти существа в моей голове были сильнее. Они говорили не умолкая. Их голоса были такими разными и такими мучительными. Голова раскалывалась от сотен тысяч образов и картин, казалось, я видела все и всех, кто только ходил по нашей земле, да и не только по нашей.

– Я! Есть только я, сумасшедшая ты девчонка, – сквозь зубы проговорил мистер Холл. – Забудь о них. Есть мой голос, только мой! Они все не здесь, не с тобой, ты можешь их отключить. Давай же!

– Ингус, сделай что-нибудь! – взмолилась Сиенна. – Тэлмер!

Я понимала, чего от меня хочет мистер Холл, но избавиться от голосов никак не получалось. И боль не отпускала. Сил совсем не

осталось.

– Холл! Его имя мистер Холл! – четко услышала я.

А еще я услышала шаги и шуршание листвы под чьими-то ногами. Это точно был какой-то лес, но картинка сменялась так быстро, что я не успела понять, кто назвал имя. Запястье обожгло, я вновь закричала, выдрала свою руку из пальцев Ингуса и вцепилась в мистера Холла.

– Она услышала! – воскликнул Тэлмер. – Смотрите, знак появился на ее руке!

– Не время, Тэлмер, – рассердился мистер Холл. – Помоги!

Спустя мгновение я ощутила еще одну прохладную руку на лице. А потом еще один голос присоединился к заклинанию, которое снова и снова повторял мистер Холл.

– Еще немного, – сказал Ингус. – Последний взмах...

Маг махнул рукой и перед глазами потемнело. Последнее, что я услышала, прежде чем упасть во мрак, был мой собственный крик.

Глава 7

Солнечный луч коснулся глаз, я попыталась их открыть, но свет принес лишь боль. Я зажмурилась, и слезы побежали по щекам.

– Не открывайте глаза, Этель, – тихо сказала Сиенна, которая, по-видимому, сидела где-то рядом со мной. Я ощутила прохладное прикосновение ее пальцев к моему лбу. – Расскажите, что вы чувствуете.

– Ничего, – ответила я и не узнала собственный голос. Он охрип и казалось, что он прорывается откуда-то из могилы. – Кроме рези в глазах, ничего.

– Хорошо, очень хорошо, дорогая моя.

Я услышала облегченный вздох, и Сиенна улыбнулась. Как странно. Как я это поняла? Просто расслышала.

– Что случилось? – спросила я.

– Мы чуть не потеряли вас, – вздохнула экономка. – Ваше тело было не готово к подобному испытанию, но Итан вовремя вмешался, и все закончилось благополучно.

– Как он? – вопрос вырвался сам по себе. Я просто предположила, что и для хозяина этого дома случившееся стало испытанием.

Некоторое время стояла тревожная тишина, я четко слышала, как гулко забилось мое взволнованное сердце.

– Отдыхает. Ему пришлось приложить немало усилий, чтобы удержать вас у края бездны.

– Бездны? – испугалась я.

– Или смерти, или безумия.

Я прикрыла глаза ладонью, пытаюсь справиться с волнением. Лежать на кровати стало неудобно, тело требовало действия. Мне нужно было двигаться, чтобы совладать со своими чувствами. Я вновь попробовала открыть глаза, но свет, как и прежде, причинил боль. Тут же вспомнила процедуру – резь в глазах, слезы и непрерывный шум в голове.

– Почему я больше ничего не слышу?

– Так нужно. Магия в вас обживается. Ей нужно время. Итан поставил блок, чтобы голоса вас не беспокоили до тех пор, пока он не

будет в состоянии поддержать и обучить вас пользоваться дарованной силой.

– Дарованной, – прошептала я.

– Как бы ни странно это звучало после вчерашнего, но магия – дар. А в нашем мире за него нужно платить. Людям не выпало на долю обладать магическими способностями, это не ваша природа. Поэтому, чтобы получить волшебный подарок, платить приходится недешево. – Сиенна снова вздохнула. – Я понимаю, что вам сейчас мои слова могут показаться насмешкой...

– Нет, Сиенна, – прервала я ее. – Я понимаю. Правда.

И снова в комнате повисла тишина. Это позволило в очередной раз прислушаться к себе. В голове моей действительно была пустота. Тишина и покой. От былой боли и лавины голосов не осталось и следа.

Я попробовала сесть, но с закрытыми глазами это оказалось непросто. Сиенна тут же взяла меня за руки. Ее помощь пришлась кстати.

– Глазам какое-то время будет больно, – сказала она. – Итан просил передать вам, чтобы вы их не открывали. Это будет нелегко.

– Почему?

– Магия, которой наделил вас Ингус, влияет на ваше зрение. Вы сможете видеть и слышать не только ваш мир, но и наш. Вам придется справляться с множеством картин и звуков, лиц и голосов. Подглядывать и подслушивать.

Последние слова экономки прозвучали совсем тихо. Она понимала, что говорит, и понимала, как расстроят меня ее слова.

– Хотите чего-нибудь? Чаю? Может быть, вы голодны? – обеспокоенно спросила Сиенна.

– Да, я бы не отказалась от легкого обеда, – сказала я, намеренно улыбаясь, чтобы успокоить расстроенную женщину.

В кухню мы шли довольно долго. Передвигаться, не имея возможности видеть, сложная задача. Как только мы вошли, голоса тут же стихли. Возникшее безмолвие немного насторожило.

– Со мной все в порядке, – сказала я, пытаюсь избавить всех присутствующих от напряжения, повисшего в воздухе. – Все позади, не волнуйтесь.

– Мы вас слышали вчера, – ответила Кэти. Кажется, это был ее голос. – Вам было очень больно?

– Было больно, лгать не стану, но сейчас все прошло. Я пока не могу открыть глаза, но и эта проблема решится. Я помню, как мистер Холл сказал, что научит меня управлять этой силой.

– Обучение отнюдь не будет легким. – А это, кажется, был Морган.

– Не пугай ее, Морган, – сурово сказала Сиенна, подтверждая мое предположение. – Все образуется. Этель сильная, да и мы поможем, чем сможем, верно?

– Конечно. Поможем. Само собой, – слышались бодрые голоса со всех сторон.

– А теперь ступайте, у вас работы нет, что ли? – сказала Сиенна.

Сначала я услышала шаги каждого из них, а потом и почувствовала их прикосновения. Все по очереди, покидая кухню, посчитали своим долгом подбодрить меня, сказав пару-тройку добрых слов. Это вызвало у меня совершенно невообразимые чувства. Приятное тепло согрело душу, к глазам снова подступили слезы. Нервы совсем расшатались. Я втянула носом воздух и, опираясь на руку Сиенны, дошла до ближайшего стула. Сидела и слушала, как экономка заботливо готовит для меня обед.

Как пришел мистер Холл, я не слышала. Его присутствие я почувствовала, ощутив едва уловимый аромат кедра. Ощущения были странными. Сердце забилось чаще при мысли, что мужчина был где-то поблизости, но я не могла его увидеть. Приятная волна пробежала по телу.

– Как вы, мистер Холл? – спросила я, чтобы стряхнуть с себя наваждение.

– Я же просил не открывать глаз.

Его тихий голос показался мне усталым. Чуть склонив голову и прислушиваясь, я услышала, как мужчина опустился на соседний стул.

– А я и не открывала, – прошептала я.

И снова тишина. Я кожей ощутила на себе пристальный взгляд мистера Холла. Кровь хлынула к лицу, щеки запылали, я невольно поежилась.

– Хочешь чего-нибудь? – спросила Сиенна у него.

– Нет, я пришел за мисс Янг, нам пора начинать.

– Так скоро? – удивилась экономка.

– Брион не даст ей вздохнуть. Имя было произнесено и услышано.

Когда мягкие пальцы коснулись моего запястья, я вздрогнула от неожиданности. Почувствовав себя глупо, протянула руку сама. Мистер Холл вновь аккуратно дотронулся до меня, провел пальцем по коже запястья. Я прикусила губу, чтобы не выдать неприятных ощущений.

– Словно ожог, – сказала Сиенна где-то совсем близко. Я подняла голову на ее голос. – У вас след остался на руке. Он означает, что вы слышали имя.

– Каждый раз так будет?

– Боюсь, что да, – ответил мистер Холл. – И это не самое неприятное.

– Да, вы говорили.

Мой голос прозвучал немного раздраженно, и я сама это понимала, но ничего не смогла с собой поделать.

– Можно я хотя бы накормлю мисс Янг? – спросила Сиенна.

Ответа не последовало, возможно, мистер Холл кивнул или что-то вроде того, потому что больше меня никто никуда не звал, и я спокойно дождалась своего обеда. Ела, уже не ощущая былого аппетита. Может быть, дело было в том, что я постоянно чувствовала присутствие хозяина особняка. Стоило мне отложить ложку, как мистер Холл поднялся и оказался у меня за спиной.

– Я сейчас перемещу нас в кабинет, – тихо сказал он мне на ухо. Я повела плечами, разгоняя приятные мурашки, вызванные его близостью, и сама себя испугалась. Мне не нравилось, как тело реагировало на этого мужчину. Сердце замерло, стоило мистеру Холлу встать за спиной. Чтобы успокоить себя, я решила, что все дело в том, что я сейчас не могу видеть. А в таком состоянии все воспринимается острее, чем следовало бы. – Не пугайтесь, я положу руки вам на плечи.

Я непроизвольно сжалась, ожидая его прикосновения. Чувства смешались воедино. Я волновалась, думая о том, как буду принимать магию, о болезненных ощущениях, о том, насколько буду сообразительной, и насколько терпеливым будет мистер Холл.

– Чтобы избавить вас от долгого перехода по ступеням, я перенесу нас обоих в кабинет с помощью магии, – продолжал он. – После этого у вас может закружиться голова...

– Ничего, – прервала я его. – Все нормально.

Мистер Холл мягко опустил свои ладони на мои плечи и легонько сжал пальцы. На мгновение мне показалось, что теплый порыв ветра ударил в лицо, мои волосы взметнулись вверх, а потом плавно упали на плечи. Как только мистер Холл убрал руки, я пошатнулась. Тошнота подступила к горлу.

– Я провожу вас к креслу, – сказал он, и мы вместе сделали несколько неторопливых шагов. – Присаживайтесь, и мы начнем.

Я подчинилась, совершенно не представляя, чего ждать. Мне было и страшно, и любопытно одновременно. В голове до сих пор не укладывалось, что во мне поселилась магия. Ладони похолодели от волнения.

– Скажу сразу, приятного будет мало. Особенно вначале. Вам придется привыкать.

– Я выдержу, – ответила я.

Услышала в голосе усмешку и обиделась. Я помнила, что вчера маги называли меня слабой.

– Тело ваше слабое, но дух способен на многое, – будто прочитав мои мысли, сказал мистер Холл. – Да и выбора у вас уже нет.

– Могу я спросить, прежде чем мы начнем? – робко поинтересовалась я.

– Спрашивайте.

– Зачем люди, ну, или существа, несут вам свои тайны? Надежнее же оставить их при себе.

Очень неудобно было вести беседу, когда не видишь собеседника. Я склонила голову и вновь начала прислушиваться. Но мистер Холл либо стоял неподвижно, либо двигался настолько бесшумно, что я даже шороха не слышала. Я нахмурилась и невольно повела носом. Это движение стало неожиданным для меня. Однако тонкий кедровый аромат вынудил повернуть голову в нужном направлении.

– Не всегда, – хрипло ответил мистер Холл и прочистил горло. – Они не просто делятся тайной, они отдают ее мне.

– Как это? – удивилась я.

– Оставляют на хранение. Тот, кто поделился с конфидентом, помнит лишь очертания, но не суть. Без подробностей. Это довольно сложный магический процесс. Объяснить будет непросто.

– И вы помните их все? – ужаснулась я.

– Не то чтобы помню, я в любой момент могу добраться до каждой из них, – тихо ответил мистер Холл. – Иногда, чтобы передать другому лицу, но по большей части, чтобы просто сохранить.

– И сколько же тайн накопилось у вас за несколько сотен лет?

– Много, мисс Янг, очень много.

– Вам очень тяжело? – не удержалась я от вопроса.

Мистер Холл с ответом не торопился. Я очень сожалела, что не могу видеть его лица. Именно в этот момент я отчаянно этого хотела. Сама не знаю почему. Запах кедрового дерева стал намного сильнее, и я запоздало поняла, что мистер Холл приблизился ко мне. Я вцепилась руками в подлокотники кресла и затаила дыхание, но отстраняться не стала.

– Не время говорить обо мне, мисс Янг, – негромко сказал мистер Холл. Я ощутила, что хозяин особняка сидит прямо напротив меня, его дыхание коснулось моего лица. – Когда будете готовы, открывайте глаза.

Он взял меня за руки, а я решительно вдохнула и выдохнула, после чего распахнула глаза.

– Осторожно! Не так быстро, мисс Янг! – Мистер Холл быстро накрыл мои глаза своей ладонью. Я едва удержалась, чтобы не вскрикнуть от неожиданности. – Иногда мне кажется, что вы даже не слышали об инстинкте самосохранения.

В его голосе послышались ворчливые интонации, и я невольно улыбнулась.

– Будьте серьезнее, мисс Янг, – недовольно сказал он.

– Простите, – отозвалась я, коснувшись его руки, которую он так и не убрал.

Мистер Холл прокашлялся, убрал пальцы от моего лица и отодвинулся в сторону. Я нахмурилась.

– Вы слышите меня? Мои движения... – Его голос прозвучал неуверенно.

– Да, – ответила я и вновь покраснела. – И чувствую.

– Как это? – не понял он.

– Запах, я слышу кедр и какой-то цветок, не могу разобрать...

– Не цветок, мисс Янг, а трава, ветиверия. Сиенна делает масло...

Речь мистера Холла была медленной, словно бы задумчивой. О чем в этот момент он размышлял? Мне оставалось лишь догадываться.

– Это ненормально? – осторожно поинтересовалась я. – Что я так слышу и чувствую.

– Думаю, нормально. Нередко люди, потерявшие зрение, замечают, как обостряется восприятие других органов чувств. В какой-то степени это даже хорошо. Очень надеюсь, что так вам будет хоть чуточку легче.

– Долго я не буду видеть?

– Я не могу сказать точно, – честно ответил мистер Холл. – Давайте попробуем снова открыть глаза, но на этот раз очень медленно. Открывайте, а я буду постепенно снимать блок с вашего зрения.

Я подчинилась. Снова робко набрала в легкие воздух, медленно выдохнула, желая унять сердцебиение, и разомкнула веки. Свет больно ударил в глаза, и я зажмурилась, не сдержав шипящего взгласа.

– Пока это всего лишь свет, мисс Янг. Вам нужно привыкнуть сначала к нему.

Я повторила попытку, и на этот раз было значительно легче. Несколько раз моргнув, я открыла глаза окончательно, но видеть как прежде не могла. Как объяснить, что происходило? Не знаю. Передо мной все плыло, сливалось, вертелось и дергалось. Голова пошла кругом. Я не могла разглядеть ни одного предмета, не могла назвать цвета, которые меня окружали. Очертания стерлись, став единым непонятным пятном. Тревога на моем лице не укрылась от взора мистера Холла.

– Что не так? Не молчите, говорите со мной. Я должен знать, что происходит, прежде чем начать снимать защиту.

– Я почти ничего не вижу, – прошептала я и описала свои ощущения подробнее.

– Так бывает, это нормально. К свету вы привыкли?

– Да, уже да.

– Тогда я начну, – сказал мистер Холл.

Я кивнула; мистер Холл дотронулся пальцем до моего подбородка и вынудил меня смотреть прямо перед собой. Его лица я тоже не могла рассмотреть, несмотря на то, что он наклонился предельно близко. Мистер Холл начал читать заклинание. Его ровный голос звучал твердо, слова будто врезались в меня, пелена с глаз медленно сползала. Другой мир, не похожий на наш, оглушил меня. Гвалт обрушился

разом, я попыталась отвернуться, но мистер Холл не позволил этого сделать.

– Смотрите на меня, прямо на меня! – сердито сказал он. – Слушайте мой голос!

Его слова пробивались сквозь мощный заслон гула и голосов. Голова взорвалась резкой болью.

– Больно? – спросил мистер Холл.

Ответить не хватало сил, я едва-едва смогла кивнуть, обхватив голову руками.

– Посмотрите на меня, на меня, мисс Янг!

Он продолжал читать заклинание, а я заставила себя сосредоточиться на лице мага, как он и просил. Не сразу, но я смогла различить его глаза. Хотя в тот момент мне казалось, что я вижу два глубоких озера и готова была поклясться, что вода в них плескалась. Больше я не смогла оторвать от них взгляд, будто в этих глазах скрывался целый мир, волшебный и необъятный. На мгновение я забыла о голосах в голове.

– Я еще немного опущу блок, – тихо сказал он.

– А это еще не все? – не то простонала, не то проскулила я.

– Нет, – ответил мистер Холл. – Я буду медленно продолжать, а вы слушайте только *мой* голос, постарайтесь сосредоточиться на нем. Мой мир ворвется в ваш с новой силой, и это может вас дезориентировать, взволновать и даже напугать. Но помните, вы здесь, в этом доме, в этой комнате, со мной. Вы поняли меня?

Сквозь головную боль я постаралась осмыслить его слова, но они доходили до сознания не сразу. Хотелось лечь и вновь закрыть глаза. Сначала мне казалось, что ничего не изменилось, но как только голос мистера Холла зазвучал тверже и настойчивее, оба мира сошлись воедино. Это было как взрыв, нечто такой мощности, что могло разорвать меня в клочья. Я до крови прикусила губу и постаралась заглушить вопль. На какое-то время стало легче, и я задышала чаще, интуитивно набиралась сил для новой волны боли.

– Что вы слышите?

– Тысячи голосов, – выдавила я.

– Попытайтесь оттеснить их, задвинуть назад. Они должны стать лишь фоном, не более. Сейчас это будет очень непросто, но чем быстрее вы научитесь, тем скорее инородная сила подчинится вам.

Пока вы чужие друг другу. Постарайтесь почувствовать ее как живую, принять, но не главенствовать. Она может не откликнуться сразу, но вы не оставляйте попыток. Если вы с ней не справитесь – она вас погубит!

Мистер Холл, как всегда, говорил прямо, не юлил, не приукрашивал действительность.

– Как мне овладеть тем, что мне не принадлежит?

Каждое слово давалось с большим трудом, но я понимала, что с новой волной станет хуже.

– Сейчас магия в вашем теле и вы как наполненный сосуд. Ваша задача не расплескать его, удержать магию внутри и постоянно ее контролировать. Закройте вновь глаза, передохните. Я не буду поднимать блок, вы сможете перевести дух. Голоса немного утихнут, но не оставят вас.

Я с облегчением повиновалась. И правда, шум в голове немного уменьшился. Боль ослабла.

– Как вы с этим справляетесь? – спросила я. – Сиенна сказала, что вы тоже словно сосуд, но вас наполняют тайны. Как они ведут себя в вашей голове?

Я услышала, как мистер Холл отошел в сторону. Сейчас мне казалось, что он намеренно передвигается так, чтобы я могла знать, где именно он находится. Прежде он ходил бесшумно. Что-то звякнуло, а потом я услышала, как мистер Холл наливает что-то в стакан. Отвечать на мой вопрос он не спешил. На какой-то миг мне показалось, что я так и не дождусь ответа.

– Как пчелы, – внезапно сказал мистер Холл. – Жужжат постоянно, а иногда жалят.

Мужчина сделал глоток, а потом поставил стакан на стол. Легкий ветерок коснулся лица, я поняла, что мистер Холл прошел мимо. Если верить звукам и прохладе, появившейся в кабинете, он открыл балконную дверь.

– Я все равно не понимаю, зачем людям нужно оставлять свои тайны вам на хранение.

– В моем мире недостаточно просто молчать, мисс Янг. Страшные тайны, опасные секреты или что-то нелицеприятное лучше скрыть надежнее, впрочем, как и неудобные мысли. Опасно держать их в голове. Конфидент существует для того, чтобы благодаря приватной

беседе избавлять людей от всего ненужного. Я могу служить посредником в тайной беседе между двумя или большим количеством лиц, и они будут уверены в полной конфиденциальности. Могу выслушивать что-то вроде исповеди, забирая у людей то, что они хотят не только скрыть ото всех, но и забыть навсегда. Все это они оставляют confidentу и могут за этим вернуться или не вернуться.

Я скривилась, стараясь отвлечься от ужасного самочувствия и при этом хоть как-то насладиться передышкой. Слова мистера Холла заставили меня ужаснуться.

– Интересно. Можно сотворить что-то, а потом рассказать вам и будто не было ничего. Вновь почувствовать себя чистым. Так, получается?

– А вы проницательны, – усмехнулся мистер Холл. – В мире магии существа уже привыкли избавляться от своих грязных секретов, как от мусора.

– Какая жуть, – сказала я и обняла себя руками.

– Не всегда, – почти шепотом произнес он. – Бывают минуты, когда я рад выполнить свои обязанности.

– Когда?

– Когда нужно сделать так, чтобы ребенок забыл о чем-то ужасном. Когда девушка может избавиться от страшных воспоминаний, причиняющих ей боль. Мой мир не без подлецов, мисс Янг. Дриэн не лишен зла.

– Дриэн?

– Мир магии – Дриэн, мир людей – Алада. Когда-то они оба были частью единого целого. И имя ему было Алададриэн.

– Как красиво! – восхитилась я.

Запах кедра и ветиверии вновь мягко окутал меня, сердце пропустило удар.

– А вы бы хотели избавиться от плохих воспоминаний? От какого-нибудь секрета? Он ведь у вас есть? – вкрадчиво проговорил мистер Холл.

Я ощутила дыхание на своей коже, маг вновь был очень близко. Он ждал, а я на миг задумалась: что бы было, если бы Роберт исчез из воспоминаний? Если бы мой постыдный секрет просто испарился из памяти?

– Нет, мистер Холл, – тихо ответила я, стараясь держать голову прямо, сохраняя остатки достоинства. – Все, что со мной случилось, я не стану забывать. Боль, разочарование, обида, гнев – все это уже часть меня. Мои ошибки сделали меня той, кто я есть сейчас. Они изменили меня, привели сюда, они же будут напоминать об осторожности, о том, что доверие опасная вещь. А слепое доверие тем более.

– Вы считаете, что человек должен помнить о своих ошибках? Даже если они мешают спать по ночам?

– О них особенно, – прошептала я. – Какими бы страшными они не были, если о них забыть, как потом надеяться на искупление?

– Искупление, – пробормотал он. – Вы верите в искупление?

– Верю, мистер Холл.

В библиотеке стало тихо, неестественно тихо. Меня тревожил тот факт, что я не могу видеть мистера Холла. Оттого мне казалось, что он повсюду. Это и смущало и нервировало.

– Попробуем еще раз, – сказал маг, резко сменив тему.

Глава 8

Я тут же напряглась, понимая, что не хочу больше открывать глаза. Но отступить было поздно. Легкий ветерок ударил в лицо, аромат кедра заставил шумно втянуть носом воздух.

– Я возьму вас за руки, так мне будет проще помочь вам сдержать магию. Помните, в вашей власти с ней совладать.

Я лишь кивнула в ответ, прокручивая в голове все, что мистер Холл говорил мне сегодня. Свет уже не приносил неудобства, но звуки и образы ворвались в голову со страшной силой. С губ сорвался тихий стон, руки мага сжали мои пальцы. Мир мистера Холла был и прекрасен и ужасен. Теперь я понимала хозяина особняка чуточку больше.

Передо мной мелькали бескрайние земли, населенные всевозможными существами, застроенные невиданной красоты городами и причудливыми деревеньками. Дух захватывало от такого великолепия. Я будто летела над всем этим, только скорость этого полета не позволяла мне рассмотреть еще лучше разнообразие Дриэна. Тошнота подступила к горлу.

– Вы побледнели, вам все еще больно? – спросил мистер Холл.

– Ничего, – выговорила с трудом, – я уже привыкаю.

Я солгала, но жаловаться после того, как сделала осознанный выбор, было бы глупо.

– Расскажите, что вы видите, – велел он.

– Ваш мир огромен. Я вижу густые леса, поля с сочной зеленой травой, горы, узкие улицы, старинные дома, переливающиеся и искрящиеся города, и все это вперемешку. Видения словно бьют меня по голове, а разговоры, смех, шепот, плач и шумы Дриэна разрывают ее на части.

По щекам побежали слезы, но сегодня мне было легче, чем вчера, я старалась думать только об этом.

– Как я уже говорил, мисс Янг, постарайтесь оттеснить звуки, притормозите бег этих картинок в голове, замедлитесь.

– Как мне это сделать?

– Дышите со мной, – спокойно сказал он и крепче сжал мои руки. – Дышите глубоко и медленно, слушайте мой голос.

– Я пытаюсь, – простонала я, – но они сильнее...

Я слушала голос мистера Холла. Он был мягким и ровным, но сердце мое лишь ускорялось, будто пыталось сбежать от него, дыхание не выравнивалось, а происходящее в голове только набирало силу и скорость. Я вырвала свои руки из пальцев мистера Холла и обхватила ими голову.

– Вы не стараетесь! – недовольно сказал маг.

– Стараюсь, но становится только хуже.

– Прилагайте больше усилий, мисс Янг. Времени у нас не так много. Брион притащит сюда свой... В общем, он уже видел отметину на вашей руке, а титаническим терпением он не отличается. Это значит, что он явится ближе к вечеру.

– Я стараюсь, – сквозь слезы сказала я, слова мои прозвучали как каприз. Оставалось только ногой топнуть.

– Плохо стараетесь, вы можете лучше! – давил мистер Холл.

Я проглотила ответ, который чуть было не сорвался с губ, вдохнула и сжала кулаки. Дриэн кружил в моей голове сумасшедшим вихрем. Я вздрогнула, когда в глаза ударило видение безобразной физиономии с почти лысой головой землистого цвета, в бородавках и с гнилыми зубами. Тошнота усилилась. Я напряглась и изо всех сил постаралась оттеснить видения, чуть отстранить их, а потом замедлить. Голова будто по швам трещала. Тело била дрожь, я вцепилась в подлокотники и вновь не сдержала болезненного стога, но у меня почти получилось.

– У вас получается, – сказал мистер Холл. – Продолжайте.

Я понимала, что долго не выдержу. Внутренности будто местами поменялись, тело качало, и я чувствовала, что меня вот-вот стошнит.

И вдруг раздался шелест листвы, послышались шаги и мужской голос произнес: «Мистер Холл». След на руке запылал, я схватилась за запястье.

– Вы видите, мисс Янг? Кто произнес имя? Где вы? Что вас окружает?

– Листва... шумят кроны... ветер не холодный, но сильный... шаги...

Голова буквально разрывалась.

– Мужской голос...

Я протянула руки и схватилась за одежду мистера Холла, чувствуя, что вот-вот сорвусь. Сил не хватало.

– Я больше не могу! – Слезы ручьями лились из глаз. – Не могу больше...

– Еще немного, мисс Янг. Лицо, вы должны увидеть лицо! Имя само придет. Смотрите во все глаза, важна каждая мелочь!

– Листва, красная листва...

Теплая струйка полилась из носа, я вскрикнула.

– Довольно, Итан, – закричала Сиенна. – Ты убьешь ее!

В одно мгновение в голове что-то вспыхнуло, глаза обожгло, и я ощутила облегчение.

– Закройте глаза, Этель, – ласково сказала экономка. – Закрывайте. Вы молодец.

– Она не закончила! – сердито сказала мистер Холл. – Сдалась раньше времени. Еще немного...

– Достань уже свою совесть из той глуши, куда ты ее засунул, Итаниэль! – сурово велела Сиенна. – У девочки носом кровь пошла, тебе мало? Она бледна как мертвец. Ты чего хотел, запытать ее до смерти?

– Я хотел, чтобы она справилась!

– С первого раза? Ты в своем уме? Это не под силу даже некоторым магам!

– У нее огромный потенциал, Сиенна. Она способна на большее.

– Да что с тобой? Приди в себя!

Я услышала стремительный звук, и голос мистера Холла зазвучал иначе.

– Брион не будет таким терпеливым, Сиенна. Ты хочешь, чтобы он взял этот процесс под свой контроль? Ты разве не понимаешь, что будет, если он заберет твою маленькую мышку с собой?

В кабинете воцарилась тяжелая тишина, я ощутила напряжение, которое повисло в воздухе. На какой-то миг мне показалось, что Сиенна испугалась.

– Этель не сможет вернуться обратно, – прошептала она. – Он выжмет из нее все, что ему нужно, оставив лишь бездушную оболочку.

– Именно, Сиенна. И пусть я покажусь вам монстром, но лучше я буду давить на нее, чем Брион. К его приходу она должна выдать хоть

одно имя, чтобы я мог выиграть немного времени.

– Я понимаю, Итан, – сказала Сиенна, – но если ты будешь так истязать бедняжку, она сломается.

Я хотела ответить, хотела принять участие в разговоре, в котором решалась моя судьба, но не могла. Сил не было даже губами шевелить. Боль отступила, но оставила после себя звенящую пустоту. Тошнота не прекращалась, в груди давило, к горлу подступал ком.

– Уйдите! – из последних сил взмолилась я. – Мистер Холл, уйдите!

Не знаю, что увидел маг на моем лице, но прошло всего мгновение, и я услышала, как он закрыл за собой дверь. А потом меня рвало, кости ломило, но несмотря на все это, становилось легче. Сиенна прикладывала к моей голове мокрое полотенце и обтирала лицо и шею. А мне было стыдно и страшно. Я хотела быть полезной, хотела сделать все, как надо, и злилась на свое тело, которое оказалось таким слабым.

Очнулась я в своей кровати, заботливо укрытая одеялом. Рядом кто-то суетился, звеня посудой.

– Кто здесь?

– Это я, Кэти, – сказала девушка. – Я принесла тебе отвар, который поможет восстановить силы. А еще тебе нужно поесть.

Желудок взбунтовался, тошнота вернулась. О еде даже думать не хотелось.

– Спасибо, – хрипло сказала я, – но есть совсем не хочется.

– Так нельзя, ты себя изведешь, – ласково проговорила Кэти.

Я вспомнила, как меня тошнило в кабинете мистера Холла, стыд заставил щеки пылать. Я закрыла лицо руками. Заботливая горничная быстро приложила что-то холодное к моему лбу.

– Я... Я там, в кабинете, – выговорила я. – Прости...

– Ничего, – улыбнулась девушка. – Не волнуйся, мы все уладили.

– Мистер Холл, наверное, рассердился.

– Он не знает. – Девушка утешительно коснулась моей руки, и я была благодарна ей за эту маленькую ложь. Вряд ли мистер Холл не знает о чем-то, что происходит в его доме.

Когда Кэти ушла, я еще немного полежала, обдумывая все, что произошло. Я ведь действительно почти справилась. В душе боролись два различных желания: справиться как можно скорее, чтобы не

разочаровывать мистера Холла, и не справиться вовсе, чтобы ни в чем не повинный человек не угодил в тюрьму Дриэна. А еще я думала о том, что должен быть какой-то другой способ. Я не хотела быть палачом и отправлять несчастных существ в Мерцающую башню. Ответ пришел не сразу, и я даже удивилась, как не додумалась до этого раньше. С души будто груз упал. Я даже улыбнулась, понимая, что могу спасти невинных.

Мне не терпелось поделиться размышлениями с мистером Холлом. Я знала этот дом достаточно хорошо, чтобы медленно, но верно добраться до кабинета мага. С закрытыми глазами, наощупь, я неспешно брела по коридорам и лестницам. Сердце дрожало от радости.

Где-то у дверей кабинета меня остановили голоса.

– Мне нужен результат, Итан!

Это, скорее всего, Брион. Его недовольный тон был мне уже хорошо знаком. Я содрогнулась, догадываясь, что опоздала.

– Чего ты хочешь? – спросил мистер Холл.

– Чтобы вы действовали быстрее. Твое имя распространится по Дриэну, как лесной пожар в засуху.

– Я не буду издеваться над ней только для того, чтобы угодить тебе! – ледяным тоном ответил хозяин дома.

– Она должна хорошенько постараться, Итан.

А это был голос Тэлмера, как мне показалось.

– Она старается изо всех сил, даже ты не смог бы лучше! – рявкнул мистер Холл.

– Если ты не справляешься, то мы сами... – начал Брион.

– Черта с два я отдам ее тебе!

В кабинете послышалась какая-то возня, а потом я разобрала сдавленный голос неприятеля мистера Холла.

– Ты можешь вообще ничего не делать, и мы решим этот вопрос так, как я и хотел с самого начала. Ты просто получишь по заслугам, и я, наконец, вздохну с облегчением.

Я слышала обжигающую ненависть в голосе Бриона. Он не пытался ее скрыть или хотя бы немного сдержать. Оголенные чувства рвались наружу, маг, возможно, был готов даже к драке.

– Они когда-то были друзьями, – вздохнула рядом со мной Сиенна. Я подпрыгнула от неожиданности и едва успела захлопнуть

рот, чтобы испуганный возглас не выдал моего присутствия мужчинам, спорившим в кабинете.

– Друзьями? – отдышавшись, спросила я шепотом.

– Не то чтобы друзьями, – поправилась экономка. – Итаниэль дружил с младшим братом Бриона. Сам Брион очень хорошо относился к Итану и даже, можно сказать, любил почти так же, как младшего брата.

– Что между ними произошло?

– Это давняя история, – снова вздохнула Сиенна. – Возможно, вы когда-нибудь ее услышите...

– Но не от вас, – закончила я.

Экономка отвечать не стала, но я и так понимала, что это секреты мистера Холла и ему решать, что я должна знать, а что нет.

– Остынь, Брион, – уже спокойнее сказал мистер Холл. Мне показалось, что он давно устал от этой вражды. – Я сказал, что решу этот вопрос и девушку тебе не отдам. Ты давно не тот, кому бы я мог доверить настолько хрупкое и чистое существо.

– Тогда поторопись.

– Она увидела лес близ Абрилона.

– Это логично, – вмешался Тэлмер. – В Абрилоне мы взяли Хморса.

– Этого недостаточно, – сказал Брион. – Мне нужно имя того, кто знает о тебе.

– Нам нужно еще немного времени, – ответил мистер Холл. – Она едва не погибла сегодня.

То, что мистер Холл не называл меня по имени, почему-то огорчало, будто обезличивало меня, делало никем.

– Мне плевать! – жестко бросил Брион. – Если от нее не будет пользы...

– Не смей! – перебил его хозяин дома. Что-то звякнуло, я вновь вздрогнула. – Когда ты стал таким?

– Когда ты уничтожил мою жизнь, погубив брата!

Я закрыла рот руками, чтобы сдержать восклицание ужаса. Горячая волна прошла по телу.

В душе что-то взволнованно трепыхнулось, но я оттринула в сторону свои чувства, постучала в дверь и вошла в кабинет. Сиенна не последовала за мной.

– Могу я поговорить с вами, мистер Холл? Всего минуту.

Смотрела я в никуда, пытаюсь ориентироваться лишь на слух. Знакомый запах окутал меня, и я нервно повела плечами.

– Сейчас нет времени на разговоры! – выпалил все еще разгневанный Брион. – Мне нужно хотя бы одно имя, срочно!

– Это всего минута, – попыталась я настоять на своем.

– Ни минуты, ни секунды! Добудь мне имя, Итан! – проигнорировав мои слова, сказал маг.

Легкое дуновение ветерка возле моего лица, и я услышала тихие слова:

– Если не дадим ему имя, он не уберется отсюда. – Потом я услышала нечто похожее на сдавленный вздох. – И если он захочет сам вами заняться, я не в силах буду ему помешать.

– Но у меня возникла мысль... – Я снова предприняла попытку заговорить о важном для меня открытии.

– Позже, мисс Янг, позже. Иначе будет хуже.

– Но...

– Позже! – строже повторил мистер Холл.

Пусть это покажется сумасшествием, но я словно почувствовала его ободряющее прикосновение к моим плечам, хотя готова поклясться, что мистер Холл ко мне не притрагивался.

– Присаживайтесь, мисс Янг, и когда я скажу, откройте глаза.

И все повторилось вновь, но на этот раз ради себя самой я старалась еще лучше, надеясь, что как только справлюсь, пытка прекратится. А еще я надеялась, что снова никого не увижу, и у меня появится возможность рассказать мистеру Холлу о своих соображениях. Но как назло не случилось ни того, ни другого. Спустя ужасающих десять минут, а может, и чуть меньше, я четко увидела невысокого человека с крючковатым носом и живыми озорными глазами. В моем мире ему дали бы лет шестьдесят, в Дризне могло быть сколько угодно. Мужчина сидел на крылечке небольшого домика в лесу с деревьями, усыпанными красной листвой. Человек плел корзинку и напевал что-то задорное себе под нос.

– Назови имя! – потребовал Брион.

Я стиснула зубы, не желая отправлять на муки этого приятного на вид человека, ну или кем он там был на самом деле. В сущности, это не имеет никакого значения. Кем бы он ни был, он не заслуживал

ссылки в Мерцающую башню, даже если я совершенно не представляю, что именно его там ждет. Заключение, каким бы оно ни было, все равно останется заключением.

– Имя! – прогремел Брион. – Я вижу, что ты нашла!

– Назовите имя, мисс Янг, не то он вытрясет его из вас, – печальным голосом попросил мистер Холл.

– Не могу... Он же не заслужил, – простонала я, цепляясь за чудесное и такое умиротворенное видение в своей голове.

– У вас нет выбора, – прошептал мне мистер Холл. – Назовите, и все кончится.

– Имя! Или я выбью его из нее! – рассвирепел Брион.

Я ужаснулась. Отчего этот злобный маг так усердно пытается узнать имя? Что заставляет его так рьяно добиваться результата? Тэлмер тоже здесь, но он ведет себя иначе. Может, у Бриона есть какие-то свои мотивы?

– Рискни! – тихим, но пробирающим до костей голосом сказал мистер Холл.

И я сдалась, понимая, что так или иначе Брион все равно все выяснит. А разжигать еще больше и без того пылающий между магами конфликт было бы глупостью.

– Агенс Буклот.

– Закрывайте, закрывайте глаза, – велел мистер Холл.

Я тут же повиновалась и быстро отвернулась, чтобы скрыть от мужчин свои слезы. Я просто не могла не думать о показавшемся мне славным Агенсе Буклоте. Что его ждет? Я была той, кто назвал его имя и обрек неизвестно на какой срок пребывания в тюрьме Дриэна.

В лицо ударил порыв ветра, а затем я услышала голос мистера Холла.

– Они ушли.

– Что будет с этим существом? – дрожащим голосом спросила я.

– Вы не захотите этого знать.

Мне пришлось закрыть лицо руками. Чувства настолько сильные завладели мной, что я задрожала, но постаралась не издать ни единого звука. Мне некого винить, не на что жаловаться, только на себя, только на свой собственный выбор.

– Не корите себя, – сухо сказал мистер Холл. – Вы или кто-то другой, его все равно рано или поздно нашли бы.

– Почему нельзя просто отнять у него ваше имя? Пусть он расскажет вам и забудет его.

Некоторое время маг молчал, а я затихла, в волнении ощущая, как трепетно бьется огорченное сердце.

– Это тоже часть моего наказания. Нескончаемое чувство вины, – горько усмехнулся он. – Мне не позволят. Я должен буду прочувствовать все сполна.

– Это чудовищно!

– Я говорил, что Дриэн жесток, – отрезал мистер Холл.

Как бы коротко он не говорил, как бы не старался убежденно произносить свои слова, я все равно слышала и боль, и разочарование, и обиду, и смертную тоску. Мое сердце задрожало от сочувствия.

– Он всегда таким был? – решила я на вопрос.

– Нет, не всегда, – с печалью в голосе ответил мистер Холл.

Не нужно быть сверхпроницательной, чтобы понять, что больше говорить на эту тему мистер Холл не станет. По крайней мере, сейчас. Из всех сил я постаралась взять себя в руки, нескончаемо думая о том, через что он прошел, сколько мук и душевных терзаний пережил. Я тоже справлюсь. Если очень постараться, то можно найти выход из любой ситуации. Даже если это самообман, я была рада обманываться. Ничего другого все равно не оставалось.

– Давайте хотя бы попытаемся, – негромко заговорила я. – Этот Агенс такой...

– Невинный? – спросил мистер Холл. – Забавный? Приятный? Добродушный? Я знаю, мисс Янг, мы знакомы.

В это мгновение я в сотый раз пожалела, что не могу видеть лица мага. Конечно, его чувства я и так способна была понять, но все же смотреть в глаза – дело совсем иное.

– И вы позволите? – непослушными губами произнесла я.

– Если я вступлюсь, Агенсу будет только хуже. Брион не упустит возможности сделать мне больно, даже таким способом.

– Я не понимаю, – честно призналась я. – Сила его ненависти к вам настолько велика, что он готов причинять вред невинным существам? Просто ради того, чтобы уязвить вас? Кем же надо быть?

– Не пытайтесь понять, мисс Янг. Это дела минувших дней, вас они никоим образом не касаются.

Мне хотелось спросить о брате Бриона, о том, что произошло, но я не решилась. Я чужой человек для мистера Холла, незваный и нежеланный гость в его доме, зачем ему откровенничать со мной.

– Я все же прошу вас, умоляю, давайте сами искать этих несчастных! Давайте забирать у них ваше имя еще до того, как Брион вмешается. Тогда не нужно будет никого отправлять в Мерцающую башню! Это ведь возможно?

– Нет, – разрушил мои надежды мистер Холл.

– Ну хотя бы подумайте об этом! – не сдавалась я.

– Вы даже не представляете, о чем говорите, мисс Янг! – раздраженно сказал он.

– Так объясните!

– Вам пора к себе, – отрезал мистер Холл, и его тон ясно дал понять, что спор окончен.

И снова очень медленно, раз или два задев мебель, я добралась до двери кабинета. На сердце легла горечь, хотелось плакать от досады, но я держала себя в руках. Хватит слез. Впервые в жизни в сердцах чертыхнулась. Я не сдамся! В душе все равно теплилась глупая надежда, что мистер Холл хотя бы подумает над вероятностью осуществления моей задумки.

Вечером за ужином я не удержалась и поделилась своей идеей с Сиенной. Вот кто должен меня хотя бы терпеливо выслушать и попытаться понять.

– Может ли Брион контролировать этот процесс постоянно? Как он узнает, видела ли я кого-то еще? Или следы на руках останутся?

– Нет, – задумчиво ответила Сиенна. – След исчез, как только вы назвали имя того, кто вам нужен.

– Означает ли это, что в следующий раз, стоит мне назвать имя, ну, скажем, мистеру Холлу, как след исчезнет и Брион уже не узнает, что он там был? – обрадованная этим обстоятельством, живо спросила я.

– В теории – да, – неуверенно сказала экономка.

– Тогда моя идея вполне осуществима! – еще больше обрадовалась я. – Не понимаю, почему мистер Холл упрямится.

– Я хочу, чтобы вы понимали, дорогая моя Этель, это все немалый риск. Итану нельзя в Дриэн. Существа вызывают его туда только специальным заклинанием. Передвижения конфидента строго

отслеживаются. Это заклинание не позволяет ему покинуть место, куда его вызвали. Он прибыл, сделал, что требовалось, и вернулся обратно. Так и никак иначе. Или же Итан получает запрос и сам приглашает на беседу. Это все слишком сложно... и в то же время просто. Если маги узнают, что Итан нарушил запрет и явился в Дриэн, суда может и не быть. Брион только и ждет, чтобы Итаниэль оступился.

– Неужели совсем ничего нельзя сделать? – уже понимая, что и в этом споре проиграла, пробормотала я.

Само собой, я не хотела причинить еще больший вред этому дому и его славным обитателям. Я не могла позволить себе капризничать, топтать ногами и требовать. В конце концов, мистер Холл неоднократно предупреждал меня о сделке с собственной совестью.

– Чтобы забрать свое имя, Итан должен сам явиться в Дриэн и убедить того, кого отыскал, согласиться на конфиденциальный разговор. Это делается только добровольно.

– Я думаю, достаточно несчастному узнать, что его ждет, и уговаривать не придется, – сказала я.

– Вы плохо знаете обитателей моего мира. Среди них есть алчные, завистливые, тщеславные существа, которые готовы продать любой секрет, невзирая на риск. Тайна имени конфиденента – это лакомый кусочек и продать его можно за баснословную сумму, – грустно сказала Сиенна.

– Таких и среди людей хватает, – невольно вспомнив о Роберте, вздохнула я.

– Не отчаивайтесь, дитя мое, я подумаю над вашим предложением. Ничего не буду обещать, но мало ли...

– Спасибо вам, – улыбнулась я.

На душе стало чуточку светлее, но я запретила себе мечтать о благополучном исходе, чтобы потом не было больнее. Засыпала я уставшей и разбитой.

Из сна меня вырвал громкий стук в дверь и голос мистера Холла:

– Мисс Янг, просыпайтесь! Мисс Янг! Срочно просыпайтесь!

Глава 9

– Мисс Янг! – снова послышалось за дверью.

Я не на шутку перепугалась, вскочила с кровати и пошатнулась. От неожиданности распахнула глаза – и Дриэн снова безжалостно ворвался в голову. Пришлось быстро сомкнуть веки и отдышаться, чтобы устоять на ногах. Стук в дверь прекратился, но я знала, что мистер Холл никуда не ушел. Осторожно добралась до двери и медленно приоткрыла ее, не представляя, чего ожидать.

– Что случилось? – спросила я.

– Вы все еще хотите отыскать тех несчастных?

Сердце забило быстрее от охватившего меня волнения. Неужели мне не послышалось? Или я все еще сплю? Решив не испытывать судьбу и не тратить время на расспросы, я быстро кивнула.

– Тогда переодевайтесь. До рассвета времени совсем немного.

Десятки вопросов кружили в голове, но я сдержалась. Раз мистер Холл говорит, что времени мало, я не упущу ни единой минуты, которая может оказаться роковой для тех, кому не повезло узнать истинное имя конфидента.

– Только одевайтесь теплее. В Дриэне сейчас тоже ночь, а они там холодные.

В Дриэне? И снова мне показалось, что слух играет со мной в какие-то фантастические игры. Я закрыла дверь и прошла к шкафу. Вот бы кто-нибудь из девочек помог мне разобраться с одеждой. Хорошо, что сейчас ее у меня было совсем немного. Я отыскала юбку, блузку и оделась, очень надеясь, что получилось прилично и я не пропустила ни одной пуговицы.

Мое лицо пылало от возбуждения. Что мистер Холл имел в виду, говоря, что в Дриэне холодно? Я попаду в Дриэн? Возбуждение быстро сменилось разочарованием. Я ведь совершенно ничего не увижу! Новый робкий стук возвестил о нетерпении мистера Холла.

– Вы готовы?

Я сняла с вешалки пальто и открыла дверь.

– Простите, одеваться, не имея возможности пользоваться зрением, весьма затруднительно.

– Я очень надеюсь, что скоро мы это исправим, – ответил мистер Холл.

И снова сердце совершило радостный скачок. Я протянула руку, зная, что мистер Холл меня поддержит. По коридорам шли быстро. Я полностью доверяла хозяину особняка, а он, в свою очередь, вел меня скоро, но аккуратно.

Если я правильно сориентировалась, то мистер Холл привел меня в любимую гостиную Сиенны. Он усадил меня в кресло, какое-то время помолчал, а потом сказал:

– То, что мы задумали, опасно. Все уверены? Я никого не принуждаю.

– Если бы мы передумали, – сказала экономка, – нас бы здесь не было. Тем более это моя идея, которую девочки помогли развить, а потом и воплотить в жизнь.

– Сиенна, – позвала я.

– Я здесь, дорогая Этель, и Кэти, и Бэтани. Мы все здесь.

– Итак, – вмешался в разговор мистер Холл, – если все формальности и приветствия соблюдены, то приступим. Брион не будет ждать. Сегодня он явится за новым именем. Наша задача его опередить.

– Не терпится же стервецу, – проворчала Сиенна.

– Ты знаешь, почему он спешит, – ответил маг. – Его секреты тоже в моей голове.

Этот факт удивил меня еще больше, чем неожиданное явление гостя в ночное время. Не понимаю, если Брион так ненавидит мистера Холла, как может ему свои секреты доверять?

– У него не было выбора, – ответил на мои мысли мистер Холл. Видимо, они были написаны у меня на лице. – Он был против моего назначения, голосовал за казнь, – на последнем слове мистер Холл споткнулся, – но Тэлмер настоял, взяв на себя полную ответственность. А потом еще стал моим куратором. Поскольку пост Бриона довольно высок, он просто обязан часть информации оставлять на сохранение confidentу, кем бы тот ни был.

Вот тебе и еще один повод для злости. Изливать душу врагу – малоприятное занятие.

– Хорошо, поняла, – кивнула я, давая понять, что об этом можно больше не говорить, хотя мне нравилось слушать, и в голове было еще

много вопросов. Но сейчас важным было не это. – Так что вы задумали?

– Мне не спалось, Этель, – устало сказала Сиенна. – Я пришла к Итану, и мы снова обмозговали вашу идею.

– И вы что-то придумали, да? – чуть подаваясь вперед, спросила я нетерпеливо.

– Да, – отрезал мистер Холл. – Но не думайте, что это будет легко. Сиенна уже говорила вам, что мне нельзя в Дриэн без особого заклинания, иначе меня почувствуют.

– И тогда...

– Не перебивайте, не то я передумаю, – проворчал он. – Сначала узнайте подробности. Они вам могут не понравиться. Во-первых, вам будет тяжело, и это не способ вас запугать, чтобы вы отступили. Я уже смирился, что с вами этот метод не работает. Это просто факт. Я прочитаю древнее заклинание, оно позволит вам видеть Дриэн, но на время лишит зрения здесь, в Аладе. Так вы скорее увидите того, кто нам нужен. Вы будете, так сказать, настроены только на мой мир. Сколько времени у нас будет, Кэти?

– Не больше пятнадцати минут, – ответила девушка, которая была где-то справа от меня. – На большее наших сил, боюсь, не хватит.

– И за это спасибо. Пятнадцать минут дома – это небывалая роскошь, – тихо сказал мистер Холл. – Вы рискуете чуть ли не больше нас.

– Мы скроем вас своей песней, – пояснила, скорее всего для меня, Кэти. – Это позволит вам ненадолго появиться в Дриэне и не быть обнаруженными.

– Вы прежде так делали? – спросила я.

– Нет, никогда, – ответила Бэтани.

– А почему?

– Не увидят маги, но почувствуют сирены, – объяснил мистер Холл. – Это тоже опасно. Сирены – народ непростой. Кого отлучили от семьи, не пощадят.

Да что же это за мир такой! В нем есть хоть что-то, кроме жестокости? Я поежилась, ощущая, как неприятный страх расплзается по коже.

– Сестры почувствуют нашу магию, – печально сказала Бэтани. – Но в эти пятнадцать минут вам нужно уложиться.

– Но опять же, – добавила Кэти, – мы не можем обещать, что после, когда вы уже вернетесь домой, они не сообщат о вас магам.

– Чем грозит именно вам нарушение запрета на возвращение в Дриэн? – спросила я девушек.

– Мерцающей башней. Или нас отдадут обратно в семью, – тихо сказала Кэти.

Я ахнула и закрыла рот руками. Ничего из того, что сказала девушка, если судить по ее тону, не показалось мне хоть сколько-нибудь сносным. Я не могла не задуматься, а стоило ли оно того? Вправе ли я просить их об этом? Сердце сдавило от мысли, что с тех самых пор, как я переступила порог этого дома, я принесла ему только неприятности.

– Мы можем попробовать один раз, – мягко сказал мистер Холл, вероятно понимая, что происходило у меня на душе. – Может сработать эффект неожиданности. Это будет наш козырь. Тогда нас не успеют засечь. Или засекут, но не успеют вовремя разобраться, что именно произошло. Шальные всполохи непонятных заклинаний не редкость в Дриэне. Иногда на них просто не обращают внимания. Этот шанс мы можем использовать. А вот если понадобится вернуться в Дриэн снова, нужно будет искать другой путь.

Я понимала, что он пытался меня утешить, и это было приятно. Тепло мягкой волной пробежало по телу.

– Если все согласны, давайте рискнем, – согласилась я, понимая, что мне уже не унять трепетное биение испуганного и одновременно окрыленного надеждой сердца. – Вот только не узнает ли Брион о том, что вы отняли чей-то секрет? Он может это видеть?

– Нет. Он контролирует только мои передвижения в Дриэне. То есть его задача убедиться, что я был призван заклинанием, а не явился самовольно. Кто меня вызвал и зачем, Бриону знать не положено.

В моей голове появились вполне очевидные мысли о том, что мистер Холл мог бы пользоваться этим преимуществом, которое казалось мне явным. Отсюда возник мой следующий вопрос.

– А есть ли у вас в Дриэне друзья, которые могли бы вызвать вас якобы для конфиденциальной беседы?

– Нет. Да, – одновременно произнесли мистер Холл и Сиенна.

– Нет! – резко повторил маг, и мне это показалось странным. – А теперь не будем терять времени даром. Я вновь возьму вас за руки, а вы медленно откроете глаза.

– Хорошо, – согласилась я, для себя решив, что свои вопросы не отодвину слишком далеко и как только появится возможность, обязательно их задам и продолжу разговор, прерванный мистером Холлом.

Я поднялась на ноги и решительно протянула ему свои слегка дрожащие от волнения руки. Мистер Холл сжал мои пальцы и начал тихо читать заклинание. Его голос, произносивший непонятные слова, завораживал. Я понимала, что он творил какую-то непостижимую для меня магию и сожалела о том, что не могу этого видеть. Мурашки бежали по телу от каждого замысловатого слова, которое тут же вылетало из моей головы. К горлу подступила тошнота, я невольно стиснула руки мага сильнее.

– Открывайте, – сказал он.

Я приоткрыла глаза, заморгала и распахнула их шире. Сначала передо мной появилось небольшое темное пятно, потом оно стало расти, пока не заволокло все свободное пространство. Я вновь погрузилась во тьму.

– Аладу вы больше не видите, ваш мир временно закрыт для вас. Но в моем вы почувствуете себя немного лучше и магии, что живет внутри вас, тоже станет чуточку легче. Кэти, давай, ваша очередь.

Я почувствовала, как подошли девочки, а потом услышала самую красивую в жизни песню. Голоса сирен мелодично переливались, мне хотелось и смеяться, и плакать. Столько разнообразных чувств вызвало их пение.

Пели они недолго и ничего магического я так и не почувствовала, если не считать собственных эмоций.

– Теперь ты, Сиенна, – велел мистер Холл.

Экономка заговорила, а потом я почувствовала запах дождя и ощутила прохладу. Мистер Холл повел меня за собой, мы сделали несколько шагов и остановились. В крошечной тьме появился просвет, он ширился и передо мной предстал проход в Дриэн, который ранее показывала Сиенна.

– Только пятнадцать минут, Итан, – напомнила она. – Поспешите и будьте осторожны.

Как описать то, что происходило у меня в душе? Наверное, таких слов еще не придумали. Растревоженное сердце рвалось из груди от волнения. Я повернула голову и впервые за последнее время увидела лицо мистера Холла. Маг был сосредоточен, но почувствовав мой взгляд, попытался расслабиться.

– Почему я вас вижу? – шепотом спросила я.

– Как бы ни было, в действительности я принадлежу Дриэну, – так же тихо ответил он. – Мы все принадлежим миру магии.

Повинуясь внутреннему возбужденному любопытству, я повернулась к тем, кто еще был в комнате. Тьма вернулась, ибо видеть гостиную я уже не могла. Но вот магические существа, что были в ней, явились во всей своей красе. Невысокая рыжеволосая Сиенна мягко улыбалась мне, ее молодое лицо будто сверкало во мраке, окружавшем экономку. Или лучше сейчас называть ее эльфийкой?

Я перевела взгляд и увидела двух красивейших девушек. Черты лиц горничных чуть заострились, их красота стала подчеркнута холодной, а взгляды чуть горделивыми. Роскошные густые волосы, выразительные глаза и будто нарисованные губы. Но не это удивило меня больше всего. Теперь я видела перед собой то, что давно позабыла. Сирены были женщинами лишь наполовину, другая же половина принадлежала птицам. Роскошные крылья девушек смотрелись ошеломительно. Оперение переливалось и сияло. Я затаила дыхание, любуясь прекрасными созданиями.

А потом я вновь посмотрела в лицо мистера Холла. Вероятно, я все еще находилась под впечатлением, но и его лицо немного преобразилось. В его чертах появились величие, власть и решительность, которых я прежде не замечала. Возможно, все это было и раньше, но я не разглядывала мага вот так, настолько пристально.

– Пора, – сказал он, и сердце мое вновь дрогнуло.

Мистер Холл все еще держал мою руку, поэтому сделав шаг в проход, он мягко увлек меня за собой. До того самого мгновения, пока я не оказалась по ту сторону, казалось, я даже не дышала.

Дриэн встретил меня переливистым пением птиц. Звуки заполнили все окружающее пространство, они мелодично лились

между стволами деревьев и трогали самые потаенные струны моей души. Что за птицы поют по ночам? На соловья не похоже.

– Это дрозды, – сказал мистер Холл. – Живой лес Алададриэна славится ими. Он самый древний и самый населенный.

Я не удержалась и вновь посмотрела на мага. Он прикрыл глаза и, казалось, наслаждался звуками родных мест. Грудь сдавило от жалости. Этот человек так давно не был дома! Я понимала, что времени у нас мало, но не могла лишиться его коротких мгновений счастья. Чуть плотнее укуталась в пальто. Мистер Холл не лукавил, когда говорил, что по ночам в Дриэне холодно.

Лес и вправду казался древним. Толстые стволы, заросшие густым мхом, богатые листвой широкие кроны, чарующие звуки, влажный, пахнущий землей воздух. У меня даже голова закружилась. Я отпустила руку мистера Холла и внимательно осмотрелась. Мы вышли из прохода рядом с поляной, залитой лунным светом. Всего несколько шагов, и я оказалась в ее центре, где лежал огромный валун, расколотый пополам. На нем я разглядела какие-то странные надписи. Палочки и закорючки были мне незнакомы, поэтому понять, что там написано, я, конечно же, не могла.

– Это Улиэндер, – пояснил мистер Холл, – святыня Алададриэна. После распада нашего мира на Аладу и Дриэн он тоже раскололся надвое, а некогда питал и насыщал Алададриэн. В нем был весь свет нашего мира.

Я робко коснулась гладкой поверхности валуна, ощущая неясную тоску и горечь за судьбу мира, которого никогда не знала.

– Почему мы пришли именно сюда? – спросила я.

– Здесь вам легче будет отыскать того, кто нам нужен. В Улиэндере еще есть немного силы. Он защитит вас, если я не смогу.

Я изо всех сил попыталась скрыть, что слова мага напугали меня. От чего он не сможет меня защитить? Дриэн жесток – так говорил мистер Холл и мне не стоит об этом забывать.

– Оставьте руку на валуне, мисс Янг, – велел он. – Закройте глаза, позвольте Улиэндеру усмирить магию внутри вас. Что вы чувствуете?

– Что здесь мне не нужно ее усмирять, – сказала я, буквально ощущая, как энергия камня насыщает меня. – Удивительное чувство – свежесть, бодрость, сила и... покой.

– Хорошо, Улиэндер принял вас. А теперь ищите, мисс Янг. Откройте свое сознание и впустите голоса, слушайте их. Мое имя обязательно прозвучит.

Я изо всех сил постаралась сделать все как надо. У нас появился шанс спасти хоть кого-то, было бы ужасно, если бы я не справилась. От этих мыслей стало только хуже. Голоса не приходили. Ну почему так? Когда они мне мешают, я не могу их выключить, а когда нужны как воздух, не получается их вызвать! В голове возник хаос. Я расстраивалась все сильнее, у меня ничего не получалось.

– Перестаньте думать о том, что вы делаете, – велел мистер Холл. – Выбросьте все постороннее из головы. Прислушайтесь к себе. Магия сама найдет путь. Вы слишком стараетесь.

– Я боюсь все испортить, – призналась я, открывая глаза. – Что если я не справлюсь, и мы не сможем никого спасти?

Мистер Холл посмотрел мне в глаза, и этот взгляд перевернул мою душу. Он смотрел так, будто верил в меня, верил в то, что у нас все получится. Я задохнулась пронзившими меня эмоциями. Волшебный лунный свет мягко касался лица мага, отчего его кожа казалась бархатистой. Невольно захотелось коснуться щеки мистера Холла и убедиться в этом.

– Не смотрите на меня так, – хрипло сказал он. – Прошу...

Я будто очнулась от наваждения, почувствовала, как кровь прилила к щекам и снова закрыла глаза. Две, быть может, три минуты мы уже потеряли. Отвлекаться по пустякам было бы непростительной глупостью.

Я глубоко вздохнула, пытаюсь освободить голову от всего лишнего. Провела рукой по валуну и вновь ощутила его энергию и мощь. Каким же сильным магическим камнем он был раньше, если даже сейчас я чувствую его неслабую магию!

– Слушайте, мисс Янг, слушайте.

Я сделала глубокий вздох и голоса, наконец, ворвались в голову. Сначала я даже вскрикнула, но мистер Холл взял меня за руки, одну вернул на валун, от которого я оторвалась, а вторую сжал в своих пальцах.

– Вы способны замедлить их, – сказал он. – Вы можете ими управлять. Ищите нужный.

– Но как?

– Чтобы ускорить этот процесс, произнесите мое имя, – сказал он.

– Вслух? – отчего-то смутилась я.

– Можно и вслух, – ответил мистер Холл.

Не знаю почему, но мне потребовалось несколько секунд, чтобы сделать это.

– Итаниэль Холл, – сорвалось с губ.

Сердце вновь ускорило свой ритм, когда маг, будто в ответ, погладил мою руку большим пальцем. По телу пробежала приятная дрожь, запах кедра вновь добрался до меня, окутал, словно защищая. Я сосредоточилась на голосах. Они медленно затихали, гвалт превратился в ровный шум где-то там вдалеке, на краю слышимости. Теперь голоса шумели, как река, и словно капли я могла различать отдельные фразы, пока четко не расслышала нужное имя. Я рефлекторно сжала руку мистера Холла.

– Кто? – спросил он. – Где?

Я наклонила голову влево, понимая, что вот-вот потеряю голос и чуть подалась вперед, будто пытаюсь его удержать.

– Вы его уже нашли, уже услышали, он ваш, – проговорил мне на ухо мистер Холл. – Вы уже не потеряете его.

Вместо того чтобы отстраниться, я пошатнулась и прижалась спиной к груди мага. Он стал опорой, будто почвой под ногами, которая позволяла стоять ровно.

– Кто назвал мое имя, мисс Янг? – спросил он, не пытаюсь отстраниться от меня.

– Я слышу колокол! Но не рядом, чуть вдалеке. Пахнет грибами и еще чем-то прелым...

– Еще, мисс Янг, еще что? – торопил меня мистер Холл.

– Скрип, будто качели, – хмурилась я прислушиваясь. – Нет, не качели, что-то другое. Не могу понять, скрип ровный, повторяющийся. И будто свист ветра...

– Мельница! – воскликнул мистер Холл. – Быть может, мельница?

– Да, наверное, мельница, – согласилась я.

– Имя, ищите имя! Кто знает обо мне? – настаивал маг. – Я знаю место, теперь нужен человек.

Стоило мистеру Холлу произнести эти слова, как имя пришло ко мне. Но помимо него пришло и другое. Я зажала рот рукой, увидев

женщину в окружении детей. Не выдержала, повернулась к магу и схватила его за рубашку.

– Итан, у нее шестеро детей! Они еще маленькие! Мы должны поспешить. Нельзя обрекать эту семью на такие страдания! Нельзя оставлять детей без матери!

Мои собственные чувства смешались с безграничными, как мне казалось, страданиями этой семьи. Я знала, что такое расти без матери, поэтому очень остро восприняла надвигающуюся на этих людей опасность.

Мистер Холл удивленно вскинул брови, и я осеклась. Мое поведение было непозволительным, и оправдывать себя ничем, кроме резких перемен в жизни, я не могла. Осторожно убрала руки от одежды мага и опустила глаза, вспоминая, что назвала его по имени.

– Прошу прощения, мистер Холл, я не совлада с собой, – извинилась я, отступая.

– Ничего, – сухо ответил он. – Скажите мне имя, и мы отправимся в деревеньку под названием Хлистон.

Я назвала ему имя несчастной женщины, и мистер Холл положил руки на Улиэндера. Камень едва заметно засиял, и это сияние тонкой струйкой обволокло руки мага. Он закрыл глаза и зашептал какие-то слова.

– Держитесь за меня, нам придется рискнуть, – обратился ко мне мистер Холл. – Хлистон далеко отсюда, придется переместиться. Сирены этого уже не пропустят.

Я послушно взяла мага за руку, чуть выше локтя, поскольку его ладони все еще лежали на валуне. Мир пошатнулся, к горлу подступила тошнота, я едва устояла на ногах. От неприятных ощущений закрыла глаза, а когда открыла, мы уже оказались совсем в другом месте. Это действительно была деревенька, маленькая, но такая уютная. Крыши низких домов были покрыты сочной зеленью, бросающей тень на окна. Над деревней уже занимался рассвет.

– Времени совсем мало, – сказал маг. – Будем искать.

– Как вы узнали место? – спросила я, пытаюсь поспеть за торопливыми шагами мистера Холла.

– Колокол, – ответил он на ходу. – В такое раннее время колокол звонит только здесь.

– Не думала, что жители Дриэна религиозны, – удивилась я.

Мистер Холл повернулся ко мне, наградил снисходительным взглядом, а потом заглянул в окно ближайшего дома.

– Это не церковный колокол, мисс Янг. Религии в Дриэне не существует как таковой. Здесь колокол возвещает о рассвете, о начале сборов на работу. Хлистон – пристанище лесных фей, а труд у них, поверьте, нелегкий. Хоть они и не жалуется, в конце концов, это часть их самих.

– Что вы делаете? – спросила я, наблюдая, как маг поочередно заглядывает в окна.

– Не буду же я стучаться во все дома подряд, – ответил он. – Мы здесь такой переполох устроим. Я ищу, мисс Янг, ищу Камелию и ее детей.

– Как? – не поняла я.

– Я все еще маг, – сердито бросил мне мистер Холл. – Сил меня никто не лишал.

Мистер Холл передвигался очень быстро, я едва успевала за его переходами от одного дома к другому. Мне казалось, что деревня просыпается слишком быстро и нас вот-вот заметят. Как отнесутся ее обитатели к странному человеку, который подглядывает за ними?

– В моем мире любой маг может узнать имя владельца дома. Это как в Аладе. Только вы вешаете таблички, а у нас имя оставляет магический след. Я его чувствую, могу прочесть.

Столько всего интересного, необычного и волнующего я узнавала о Дриэне, но мне было этого мало. Я хотела знать все. Как мир магии стал таким жестоким? Почему раскололся Алададриэн? Что было причиной?

– Мы на месте, – прервал мои размышления мистер Холл. – Стучите в дверь.

– Я?

– Вы не напугаете хозяйку, – сказал он мне. – Она почувствует меня почти сразу, но сначала пусть увидит вас.

Не собираясь спорить, я решительно поднялась по ступенькам и, выдохнув, быстро постучала в дверь. Сердце мое дрожало от волнения и переживаний. Сколько времени у нас осталось? Сможем ли мы объяснить все женщине? Успеем ли отнять имя конфиденнта и вернуть ей покой?

Дверь отворилась и передо мной появилась привлекательная, еще молодая женщина с полными тревоги зелеными глазами. Ее темные волосы были убраны под цветастый шелковый платок, кудряшки выбивались из-под него и пружинили при каждом движении головы. Чуть заостренный нос сморщился, острые уши зашевелились, и, если бы не тревога, это позабавило бы меня.

– Камелия, – робко произнесла я, совершенно не представляя, что делать дальше.

Но женщина уже не смотрела на меня, она заметила мистера Холла, сверкнула глазами и бросилась в дом.

– Закройте дверь, – велел мне маг, скрываясь в эльфийском жилище.

Я последовала за ними, предварительно бросив взгляд на пустынную улицу. В доме оказалось очень уютно, чисто и тепло. Камелия стояла у кровати, вокруг нее столпились дети. Все они испуганно смотрели на нас.

– Что магу нужно в наших краях? – спросила она, гордо задрав подбородок.

Эта сцена заставила мое сердце сжаться. Дети пугливо цеплялись за мать, они не понимали, что происходит, отчего их мама так встревожена и испугана.

– Мы не причиним вам зла, – осторожно сказала я. – Обещаю.

– Ты знаешь, зачем мы здесь, – отрезал мистер Холл, пристально глядя на женщину-эльфа.

– Я не искала его, – ответила она. – Оно мне не нужно. Любой знает, – это верный путь к смерти.

– Да, знаю, – сказал маг. – Верни его мне, и мы уйдем.

Лицо Камелии вытянулось, в глазах появилось удивление. Она нервно обхватила детей руками, очевидно не доверяя словам гостя.

– Он говорит правду, – попыталась я уговорить ее. – Он заберет то, что ему принадлежит и уйдет, оставив вас в целости и сохранности.

– Это какая-то игра? – не поняла женщина. – Я знаю закон.

– Мы его обойдем, – сдерживая нетерпение, ответил мистер Холл. – Или ты хочешь подчиниться ему?

– Нет! – поспешно выпалила Камелия, но доверия в ее глазах не прибавилось.

– Тогда согласись на тайный разговор, – велел маг.

Женщина посмотрела на своих детей, которые, судя по всему, вообще не понимали, о чем шла речь. И слава богу. Мистер Холл проследил за ее взглядом, взмахнул рукой и произнес несколько слов. Малыши застыли, как стояли, даже не моргая. Камелия вскрикнула и чуть было не разразилась проклятиями.

– Стой! – резко выкрикнул маг. – Они не должны стать свидетелями процедуры. С ними все в порядке.

– Не бойтесь, – повторила я, делая несколько шагов по направлению к женщине. – Мы не хотим обидеть ни вас, ни ваших детей. Верните ему имя, и мы покинем ваш дом.

– На уговоры нет времени! – рявкнул мистер Холл. Он все больше нервничал. Я наградила его взглядом полным укора.

– Значит, вы действительно пришли не для того, чтобы забрать меня в башню? – проговорила женщина.

На последнем слове ее голос сорвался. Я чуть было не расплакалась, глядя, как медленно появляется облегчение на ее лице. Еще несколько секунд и Камелия окончательно справилась с собой.

– Я не знаю, почему вы это делаете, но я благодарна, до конца дней своих буду благодарна. Я хочу помнить об этом.

– Это большой риск для тебя, – удивился мистер Холл.

– Знаю, но я хочу помнить то, что вы для меня сделали, это мое условие! – решительно заявила она.

– Вы можете его нарушить? – шепотом спросила я.

– Нет, – ответил мистер Холл. – Беседа с конфидентом дело добровольное. Условия выдвигает тот, кто открывается мне. Я лишь соблюдаю их. Говори! – велел он Камелии.

Женщина кивнула и, бросив взгляд на детей, подошла ближе к мистеру Холлу. Она волновалась, и я ее очень хорошо понимала. В руках мага неизвестно откуда появился длинный клинок. Он был похож на саблю, висевшую у моего дяди на стене в кабинете, только лезвие не было изогнутым. Как правильно называлось это оружие, я не знала. Мистер Холл с силой воткнул его в пол между собой и эльфийкой и Камелия произнесла:

– Я хочу вернуть тебе имя! Имя и твою внешность. Я буду помнить, что ты для меня сделал, но не смогу опознать.

Маг кивнул, а потом медленно заговорил, и вокруг клинка закружилась магия. Это было невероятное зрелище. Сияние магии

осветило комнату, оно заплясало в глазах мистера Холла, он напрягся, ожидая секрета Камелии. Сияние на клинке разделилось на две части, одна устремилась к женщине, другая – к магу. Я как замороженная наблюдала за удивительным колдовством.

– Итаниэль Холл, – произнесла эльфийка.

Ее слова буквально выскользнули изо рта и превратились в голубую дымку, которая тут же слилась с сиянием магии конфидената. Мистер Холл вновь напрягся, его лицо исказила боль, когда голубой свет скользнул сначала по лезвию, а потом направился к нему. Процедура оказалась короткой, но я нутром ощущала, что мы задержались.

Как только сияние померкло, маг убрал свое магическое оружие, бросил взгляд на казавшуюся зачарованной Камелию и быстро покинул дом. И вновь мне пришлось поспешить, чтобы нагнать его.

На улице маг молча протянул мне руку, за которую я тут же схватилась.

– Мы потеряли много времени, это опасно, – сказал он мне, и я вновь ощутила тошноту.

Перемещение к камню было таким быстрым, что в этот раз я не устояла и точно упала бы, если бы мистер Холл не подхватил меня под руку.

– Дело плохо, – отрывисто бросил мне маг. – Нас засекали.

– Кто? – испуганно спросила я.

– Сирены!

В этот миг над головами пронесся чудовищный визг, от которого я чуть не лишилась сознания. Он разрывал голову, причиняя физическую боль.

– Сирены умеют не только петь, – сказал мистер Холл. – Торопитесь, идите в проход.

– Куда? Я его не вижу!

Маг стоял у камня, положив на него ладони. Мистер Холл был бледен и казался измученным.

– Присмотритесь же! Живее!

Крик повторился, а за ним последовали взмахи тяжелых крыльев. Я заставила себя успокоиться и отыскала, наконец, проход в Аладу. Прежде чем шагнуть в него, обернулась. Мистер Холл едва стоял на ногах. Он бормотал что-то себе под нос, взгляд его стал мутным. Мне

показалось, что он вот-вот упадет. Не раздумывая, бросилась обратно и подхватила мужчину, перекинув его руку через свое плечо.

– Обопритесь на меня, – сказала ему.

– Непослушная девчонка, – выговорил маг хриплым голосом.

И снова душераздирающий крик сирен чуть не взорвал мою голову. Внутренности взбунтовались, по коже пробежал леденящий холодок. Но вместо того чтобы остановиться, я ускорила шаг, помогая мистеру Холлу добраться до прохода. Краем глаза заметила мощные крылья сирен, они приближались слишком быстро. Мистер Холл слабел с каждой секундой, все эти заклинания дались ему с большим трудом. Я была абсолютно уверена, что помимо всех необходимых, он воспользовался и прочими, чтобы обезопасить нас как можно тщательнее. Когда снова раздался визг, мы одновременно шагнули в портал и оказались в уютной гостиной особняка в Грейстэле.

Глава 10

Мое зрение вновь изменилось. гостиная погрузилась во мрак, только существа, что ее заполняли, являлись моему взору.

– Сиенна, – позвала я, – помогите!

Экономка мигом подбежала ко мне и подхватила своего хозяина под другую руку, после чего мы посадили его в кресло.

– Как все прошло? – обеспокоенно спросила Кэти.

Я смотрела на нее во все глаза. Чудесное существо притягивало взгляд, но стоило вспомнить душераздирающий крик, который она способна издавать, как мороз пробегал по коже.

– Нас заметили, – хрипло сказал мистер Холл и откинул голову на спинку кресла.

Девушки разом ахнули и всплеснули руками. А потом переглянулись. В их глазах я видела тревогу.

– Я успел затуманить им взоры заклинанием. наших лиц они не видели, а чтобы распознать мою магию, нужно время.

Мистер Холл прикрыл лицо ладонью, на лбу у него выступила испарина.

– Ты пользовался колдовством в Дриэне? – спросила Сиенна шепотом.

– А ты как думала? Как, по-твоему, я должен был отыскать этих несчастных? Пешком пройти до нужного места? – раздраженно спросил он.

– Да, прости, – вздохнула эльфийка, – конечно, ты прав.

– А что вас удивило? – не поняла я. – Мистер Холл и так должен был использовать магию, отнимая свое имя.

– Это другое, Этель, – объяснила Сиенна. – Конфиденциальные разговоры не его магия, она была дарована. Мы говорим о той, что принадлежит Итану с рождения.

Очень медленно и постепенно я старалась вникнуть во все, что касалось Дриэна, его порядков, правил и обитателей. Но это было непросто, если ты не принадлежишь миру магии.

– Я расскажу вам, – вдруг сказал мистер Холл. – Чуть позже, мне нужно лишь перевести дух.

– Ты потратил очень много сил, – мягко сказала Сиенна, касаясь руки хозяина.

– Переместившись к Улиэндеру, я почувствовал ваших сестер, – обратился он к сиренам. – Они приближались очень быстро.

Девушки вновь дружно ахнули. Но помимо страха в их глазах я заметила тоску. Представить не могу, как эти существа мечтают вернуться домой.

– Они видели вас? – спросила Бэтани.

– Нет, – выдохнул мистер Холл. – С заклинанием я справился. Улиэндер помог. Но этот способ возвращения в Дриэн отныне закрыт для нас.

При напоминании об этом мое сердце дрогнуло, а потом заныло. И как же быть? Как нам найти остальных? Да и делать это нужно быстрее. Внезапно я почувствовала нечто странное, нечто такое, отчего по телу прошла дрожь. Ледяное дуновение, коснувшееся кожи. Я невольно схватилась за горло и поежилась. Казалось, будто меня коснулась могильная мгла. Ведомая интуицией, повернула голову к проходу, который пока никто не закрыл. На мгновение мне показалось, что я увидела тень, скользнувшую из него. Она метнулась ко мне, а потом исчезла. Я невольно отшатнулась, вновь ощущая холод. Мистер Холл тоже вздрогнул, приподнялся на локтях, повернул голову.

– Что не так, Итан? – насторожилась Сиенна.

– Не знаю, – нахмурился он. – Будто что-то... Нет, не знаю.

Мистер Холл еще некоторое время всматривался в стены гостиной, а потом расслабился, вернувшись в полулежачее положение.

– Что мы скажем Бриону, когда он явится? – спросила экономка.

– Скажем, что ничего пока не получается. Что сил у мисс Янг недостаточно, – устало сказал маг.

– Ты думаешь, этот ответ его удовлетворит?

– Знаю, что нет! – повысил голос мистер Холл. – Знаю. Но ничего другого пока сказать не могу.

– Он будет мучить Этель, добиваясь результата.

– Не дави, Сиенна! – рявкнул мистер Холл раздраженно. – Я все знаю! Отправь ее куда-нибудь. Выиграем время. Брион не посмеет покинуть мой дом. Не будет искать ее по улицам Грейстэла.

Я вдруг представила, как выхожу за ворота и ужаснулась. Меня тут же бросило в жар. Я не покидала этот дом уже несколько месяцев,

дальше сада никуда не выходила. А пытаюсь выйти, понимала, что не могу и шага ступить за порог.

– А другого пути нет? – тихо спросила я.

– Вам что, не с кем повидаться в городе? – резко спросил мистер Холл. Я понимала, что он чертовски устал, что потратил много сил, но его тон все равно задел меня.

– Не с кем, – ответила еще тише.

– Вы прожили в этом городе столько лет и вам не с кем повидаться? – скривился он. Вероятно, маг совсем забыл, каким образом я попала в его дом, а я напоминать не торопилась.

– Я не могу выйти, – попыталась я объяснить.

– Если хотите избежать встречи с Брионом, вам придется, – безапелляционно заявил мистер Холл.

– Не заставляйте меня, – пропищала я, чувствуя, как нарастает страх.

Мистер Холл чертыхнулся и прикрыл глаза. Его дыхание было тяжелым, медленным и глубоким. Легкая бледность прошла; судя по всему, маг потихонечку приходил в себя, хотя подозреваю, что на полное восстановление понадобится гораздо больше времени.

– Когда-то я мог ослепить сирен одним движением руки и даже не поморщился бы, – горько усмехнулся он, будто прочитав мои мысли. – Но это было до того, как моя магия стала под запретом в Дриэне.

Я так и не поняла, для кого именно он это говорил, возможно, даже для самого себя. Мне показалось, что мистер Холл хотел бы остаться один, но он и здесь смог меня удивить.

– Сиенна, закрой проход, а потом принеси нам с мисс Янг чего-нибудь перекусить, свари мне крепкий кофе. У нас будет длинный разговор.

Сердце пропустило удар, а потом начало медленно сползать в пропасть. Во рту пересохло от страха. О чем именно мистер Холл хотел со мной поговорить? Что принесет мне это разговор?

Маг махнул рукой, и девушки быстро покинули гостиную. Они все еще переживали, были возбуждены и даже немного испуганы. И я их понимала, так мне казалось, во всяком случае.

– Подойдите ко мне, мисс Янг, присядьте рядом, и я верну вам зрение. Вы все еще способны видеть Дриэн.

– Вы еще недостаточно окрепли для нового заклинания, – тихо заметила я. – Да и к тому же так мне легче. Голову не разрывают голоса и образы. Магия будто дремлет.

Настоящую причину своего нежелания видеть Аладу я ему не открыла. Во время разговора я хотела видеть его лицо. И пусть все остальное погружено во тьму, но мне важны были его чувства. Мне все труднее было говорить с ним во тьме. Голос мистера Холла, запах и ощущения от близости с ним кружили голову, сбивали с толку и путали мои мысли. Я очень надеялась, что, имея возможность видеть его лицо, я буду чувствовать себя иначе.

Мистер Холл присмотрелся ко мне получше, прищурился и слабо кивнул.

– Но после разговора мне все равно придется это сделать. Даже несмотря на то, что магии, помещенной в вас, так значительно комфортнее. Вам обеим.

Я тоже кивнула в знак согласия, а потом попыталась сориентироваться, примерно представляя, где именно сидит мистер Холл. Я немного отступила, прошла вправо и больно стукнулась об стол. Сдержав вырывающееся шипение, я провела ладонью по гладкому дереву и продолжала двигаться вперед. Нашупав, наконец, стул, села, облегченно вздыхая при мысли, что оказалась в относительной отдаленности от мужчины, говорить с которым становилось все сложнее.

Мистер Холл все это время молча наблюдал за моими манипуляциями, и выражение его лица казалось озабоченно-задумчивым. Что творилось в этот момент у него в голове? Я и хотела бы знать и побаивалась.

– О чем вы хотели со мной поговорить? – нарушила я затянувшееся молчание. Да и взгляд мага начинал смущать.

Он будто очнулся, сел прямее, но голову все же положил на спинку кресла. Силы еще не вернулись окончательно. Дверь приоткрылась и в гостиную вошла Сиенна. Она принесла дымящийся ароматный кофе для своего хозяина, крепкий чай с мятой для меня, булочки, масло, сыр и джем. На какое-то время она растерялась, не понимая, как накрыть на стол, ведь мы с мистером Холлом сидели довольно далеко друг от друга. На мой взгляд, это показалось ей странным, однако экономка быстро справилась с задачей. Она

отставила поднос и направилась к витрине с сервизами. Достала из-за резного стекла еще тарелку, на скорую руку сделала нам бутерброды и поставила угощение на столики, что были рядом с нами. Для меня на большой обеденный, для мистера Холла на маленький кофейный. Так любопытно было наблюдать за тем, как предметы появляются в ее руках, а потом исчезают, стоит экономке выпустить их из рук. Я опустила глаза, чувствуя взгляд мага. Сиенна удалилась из комнаты так же тихо, как и появилась.

Мистер Холл взял свой кофе и сделал долгожданный глоток. Он прикрыл от удовольствия глаза, оставил чашку в руке и снова откинулся на спинку кресла.

– Я хотел немного рассказать вам о Дриэне, а точнее об Алададриэне.

Я невольно подалась вперед, желая оказаться ближе и не упустить ни единого слова. Этот вопрос занимал мои мысли уже так долго. Невыносимо долго. Я жаждала знать как можно больше. Сердце зашлось восторгом от предвкушения. Я затаила дыхание и совсем забыла про угощение, что так старательно приготовила для нас Сиенна.

– Алададриэн был рожден от искры Улиэндера, – не открывая глаз, начал свой рассказ мистер Холл. – Тогда еще он не был камнем. Улиэндер представлял собой нечто напоминающее вспышку или зарницу. Только он не был молнией или другим природным явлением, скорее сгустком магии, несущим огромнейшую энергию. Улиэндер дал жизнь обоим мирам, он же их объединил. Он питался от Алады, а потом питал Дриэн. Тем самым миры были взаимосвязаны. Алада несла свет в Дриэн, и в те времена мой мир походил на сказку. Волшебство во всех его чарующих проявлениях процветало, люди мирно сосуществовали с миром магии, они уравнивали, сглаживали и озаряли светом Дриэн.

Мистер Холл распахнул глаза, я вздрогнула, понимая, что не дышала все это время, слушая его бархатистый голос. А еще я поймала себя на том, что не могу отвести глаз от его лица. Когда маг рассказывал о своем мире, его лицо казалось умиротворенным. Заметив мой взгляд, мистер Холл усмехнулся, отвел глаза и сделал еще один глоток.

Я смутилась и выпрямилась на стуле, очень осторожно нащупала чашку, чтобы хоть чем-то занять руки. Еще мгновение тишины и мистер Холл поднялся на ноги, продолжая свой рассказ:

– Таким Дриэн мог быть только благодаря Аладе.

– Таким? – едва шевеля губами, переспросила я.

– Да, таким – чарующим, возбуждающим, уютным, радужным, искрящимся, благотворным, безмятежным, дарующим покой и счастье. Конечно же, ни один мир не может быть безупречным. Бывало всякое. Люди есть люди, даже если они магические существа.

Мистер Холл сам усмехнулся своим словам, поставил чашку на стол и сложил руки на груди.

– Оба мира не могли существовать друг без друга, и об этом знал буквально каждый в Алададриэне. Точнее, конечно, могли, но уже не в первоначальном виде. После раскола Дриэн продолжительное время погружался во мрак. Он стал холодным, мрачным и жестким. Свет покинул мир магии вместе с Аладой. Только когда люди и маги объединяются, наступает баланс, так необходимый обоим мирам. Алада пострадала меньше, поскольку Улиэндер покровительствовал ей больше. Люди слабее, ранимее, уязвимее. К другим своим детям Улиэндер был более жесток. Одарив нас больше, чем людей, Улиэндер был строже и требовательнее к существам, нежели к людям.

– Вы говорите о нем так, словно Улиэндер живой, способный на чувства и поступки, – замороженно проговорила я.

– В каком-то смысле так и есть, – сказал маг. – Он хоть и выглядел как некая светящаяся субстанция, – простите, я не могу объяснить понятнее, ибо это нужно видеть. Только так, иначе слов просто недостаточно. Я видел, как он менялся, как сиял или тускнел, как делался больше или меньше. Улиэндер очень ярко продемонстрировал магам недовольство или благосклонность.

– А почему он не наделил всех какими-либо способностями? Почему обошел людей? – спросила я.

– Полагаю, ради того самого баланса. Людям он подарил больше света, любви, добра, сострадания. Не могло быть все сразу и у всех сразу. Таков закон не только природы, но и магии. Равновесие. Но вы не подумайте, оба мира были вполне согласны, ибо умели ценить дарованное.

– И что, совсем никто не возражал? – удивилась я. – Вы же сказали, что люди всегда остаются людьми. Порок рано или поздно прорывается даже сквозь самое благое.

Прямо на моих глазах, которыми я пристально наблюдала за мистером Холлом, его лицо изменилось, будто окаменело. На миг он застыл, и мне показалось, что его память устремилась куда-то далеко. Я не смела тревожить мага, просто ждала.

– Конечно, нет, мисс Янг, – очень тихо сказал он. – Были и те, кто хотел обладать магией, кто считал, что Улиэндер поступил с ними несправедливо. И особенно это касалось тех, кто был выделен магией.

– Как это?

– Вот вроде вас, – пояснил он, поворачиваясь и делая несколько шагов. Я забеспокоилась, стиснула руками ткань юбки, но когда он присел на корточки у моих ног, не шелохнулась, отстраняться не стала. – Вас магия не пугает, я видел. Наоборот, она влечет, возбуждает вас. Вы тянетесь к ней. А она принимает вас. Но люди не должны обладать магией, мисс Янг.

Последние слова мистер Холл прошептал, от них по моей спине пробежали мурашки. Голос мага пробрался под кожу, заставил сердце биться чаще, во рту снова пересохло.

– Улиэндер не позволял этого, таков был закон. Люди не раз пытались его обойти, но их были единицы, они не меняли света, льющегося из Алады, не исказили его. Да, считалось, что один человек не мог изменить порядок или как-то навредить Алададриэну.

Серые глаза мистера Холла смотрели прямо на меня, я сглотнула, чувствуя, как аромат кедра обволакивает меня, волнует, дурманит. Теплая волна пробежала по телу.

– Но это ошибочное утверждение? – тихо спросила я, не отводя глаз.

– Да, мисс Янг, это утверждение было ошибочным. Один человек вполне способен изменить устоявшийся порядок.

Мистер Холл резко поднялся на ноги, отвернулся от меня. В моей душе нарастала тревога по мере того, как его молчание затягивалось. Я смотрела на опустившиеся плечи мага и ломала пальцы, опасаясь того, что услышу, как только мистер Холл справится с волнением.

– Я был этим человеком, – сказал он, снова поворачиваясь ко мне. – Я был тем, кто разрушил Алададриэн.

Я не сдержала удивленного возгласа и тряхнула головой, не до конца понимая, о чем только что сказал маг. Слова очень медленно доходили до сознания и безусловно шокировали, но в то же время вызывали что-то вроде недоверия.

– Вы в ужасе? – тихо спросил мистер Холл, кивая своим мыслям. – Я вижу.

Я не отрываясь смотрела в его лицо и совершенно не представляла, как относиться к такому заявлению. Он говорил буквально, или просто считал себя виноватым по какой-то причине?

– Как это случилось? – спросила я.

– Подробности вам сейчас ни к чему, – тихо сказал он, снова отворачиваясь от меня. – Я лишь хотел, чтобы вы понимали, за что именно я несу ответственность и не тешили себя надеждами на то, что мое наказание несправедливо или является результатом какого-либо недоразумения. Я действительно виновен.

Виновен! Это слово навязчиво звучало в моих ушах, но все же не укладывалось в голове. Казалось, что что-то не так, что-то не сходится.

– Я не понимаю, – задумчиво хмурясь, пробормотала я. – Если вы говорите, что погубить Алададриэн мог один человек, пожелавший обладать магией, то при чем здесь вы? У вас-то силы уже имелись, вы уже были наделены магией, разве нет?

– Вы очень внимательно слушали, мисс Янг, – ответил он. – Я погубил мир магии, но я не сказал, что магия нужна была именно мне.

Мистер Холл ненадолго задумался, устремив свой взгляд, как мне казалось, в распахнутое окно. Очень сложно было воспринимать окружающий мир, который не видишь. Я могла опираться на память и собственные ощущения. С той стороны веяло прохладой, и если я правильно сориентировалась, то именно там было окно. Сейчас я могла видеть лицо мистера Холла. Лицо его стало печальным, глаза будто дымка заволочла, казалось, маг погрузился глубоко в прошлое.

– Простите меня за этот вопрос, мистер Холл, но я невольно услышала слова Бриона о его брате. Вы дружили? Что с ним случилось?

И снова некоторое время маг не отвечал мне. А я терпеливо ожидала, в общем-то, не особенно надеясь на ответ. Но внезапно мистер Холл развернулся, чуть помедлил, а потом присел на корточки рядом со мной.

– Экрен погиб, пытаюсь исправить то, что я натворил, – сказал он, а затем прикрыл мои глаза рукой и забормотал заклинание.

Так я поняла, что разговор окончен. В моей голове еще осталась масса вопросов, но я их придержала. Сегодня мистер Холл и без того был небывало разговорчив. Я осторожно накрыла его руку своей, и он на мгновение затих.

– Мистер Холл, – тихо сказала я. – А нельзя что-нибудь сделать, чтобы отключить магию совсем? Ну, чтобы в Аладе я казалась нормальной. То есть, чтобы... Вы велели покинуть дом, и я подумываю навестить подругу, но есть трудности. Маргарет обязательно встревожится, если увидит неладное и забросает меня вопросами. Сейчас голоса ворвутся в мою голову, а поскольку управлять ими в достаточной мере у меня не получается, мое состояние не укроется от глаз подруги.

Мистер Холл медленно убрал руку, и я открыла глаза. Его лицо оказалось неожиданно близко, на миг я даже растерялась, а потом не удержалась и посмотрела в серые глаза мага. Сердце взволнованно затаило, отстукивая все медленнее и медленнее.

– Попросим Сиенну приготовить зелье, подавляющее магию. Оно долго не прослужит, но на пару часов его должно хватить. Но предупреждаю, от него вам может стать дурно.

– Опять что-то магическое? – спросила я, продолжая тонуть в его глазах.

– Нет, – слабо улыбнулся маг. – На самом деле это варево скрутит любой желудок, на вкус просто отвратительно.

Я тоже не сдержала улыбки. На какой-то миг мы оба замолчали. Мистер Холл внимательно смотрел в мои глаза и это ужасно смущало и в то же время приятно волновало. Мое тело странным образом реагировало на близость с этим удивительным мужчиной. Оно дрожало, словно тонкий лепесток на ветру и будто само тянулось к нему. Прежде я не испытывала ничего подобного. С Робертом все было иначе. Он был первым, кто вызвал во мне интерес, кто привлек меня, кто заставил думать о нем день и ночь.

Роберт Бенсон красив, статен, элегантен, благороден. Хотя о последнем можно судить лишь по происхождению, как оказалось. Он умеет красиво говорить, быть учтивым и благодушным. Мистер Холл совсем другой. Даже его внешняя привлекательность иная, она

кажется суровой, а порою немного надменной. Речь его грубее, он не пытается казаться лучше, чем есть, не старается понравиться, не льстит, не играет словами.

На этом мой опыт общения с мужчинами, помимо тех, с кем я связана родственными узами, заканчивался.

Прошло уже несколько месяцев с тех пор, как Роберт обидел меня, но боль все еще не ушла. И злость на саму себя тоже не исчезла. Я наивно доверилась человеку, который первым согрел мое сердце, и мне показалось, что я самозабвенно полюбила его. Но куда сейчас делась эта любовь? В душе осталась лишь горечь и глубокое разочарование, а еще легкое презрение. И к себе самой в том числе. Я отдала Роберту не только сердце, но и тело, о чем сейчас ужасно жалела. Внезапно воспоминания о ночи, что мы провели вместе, вспыхнули с новой силой, несмотря на то, что я так долго старалась их подавлять. Я словно окаменела, стыд прожигал душу, и отчего-то стало совершенно невыносимо находиться рядом с мистером Холлом.

Но чтобы не выдать своих чувств, я просто сделала глубокий вдох и заставила себя отвести глаза. Мне нельзя находиться так близко к этому мужчине. Его запах, голос, а также взгляд рождали внутри то, чего я больше не желала, чего хотела бы избежать.

Волшебство момента тут же испарилось, стоило мне вынырнуть из глаз мистера Холла. Он прокашлялся, а потом спросил:

– Вы сказали – трудности. Есть что-то еще?

– Я не знаю, как это объяснить, но... я не могу покинуть ваш дом, – заламывая руки, попыталась я объяснить. – Несколько раз пробовала, но что-то неизбежно останавливает меня.

– Это всего лишь страх, мисс Янг, – сказал мистер Холл, поднимаясь на ноги. От так и недосказанного заклинания он пока отказался. – Вы пережили нечто настолько вас подавившее, что на первый план вышли страх и стыд. Здесь вы нашли новый мир, а старый будто стал чужим. Вы настолько погрузились в наши проблемы, что забыли о своих и так и оставили их нерешенными.

– Мои проблемы решить нельзя, мистер Холл, – грустно сказала я. – Исправить свои поступки я не могу, позор с имени тети и дяди не смою. Наше общество довольно жестоко и сейчас, пока меня нет рядом с ними, я отчаянно надеюсь, что им не приходится стогать от стыда снова и снова.

– А вам не кажется, что вы слегка преувеличиваете свою вину? – заметил маг. – Да, вас обманул этот мерзавец, но вы не первая и не последняя.

– Вы просто не понимаете, – вздохнула я, пряча глаза. Как рассказать ему о том стыде, что засел внутри? Не могла же я поведать мистеру Холлу, что в своих отношениях с Робертом зашла слишком далеко. – У тети Харриет были определенные надежды на мой счет, я их не оправдала и уже не оправдаю.

– Надежды? – усмехнулся маг. – Но это ее надежды, а что насчет ваших? Вы же не товар, чтобы выгодно вас продавать.

– Вы несправедливы! – возмутилась я. – Моя семья никогда не относилась ко мне как к товару.

– Возможно, я выразился слишком грубо, – примирительно поднял руки мистер Холл, – но меня всегда поражала тяга людей к выгодным бракам. Это как обязанность, не более. Но люди, как и существа из моего мира, созданы для того, чтобы соединяться с теми, кого выберут их глупые сердца. Ради чего тогда жить? Влачить жалкое существование рядом с кем-то, кого тебе выбрали родители, это ведь не жизнь, а мучение.

– Иногда и собственный выбор оборачивается трагедией, поэтому брак во имя долга это не всегда плохо, – тихо сказала я.

– Долг? Кому и за что вы должны, мисс Янг? Тете с дядей за то, что приютили вас после смерти родителей? Но близкие люди делают подобные вещи не из соображений долга, а из любви, преданности, человечности, в конце концов! Остальное лишь фальшь, эгоизм и показуха.

Мне показалось, что мистер Холл реагировал излишне горячо, но с его мнением я была отчасти согласна.

– Мне не в чем упрекнуть мою тетю, – сказала я. – Она никогда не пыталась выдать меня замуж насильно.

– Возможно, – кивнул он. – Вас не принуждали, но это самое чувство долга все равно взрастили с самого детства, оно и повлияло на ваш выбор. Однако если поразмыслить, вы Артриджем ничегошеньки не должны. Содержали они вас на ваши же средства, а за уют, любовь и тепло можно отплатить тем же, не более.

– Откуда вы так много знаете обо мне и моей семье? – удивилась я.

– Я должен знать о том, кто живет в моем доме, мисс Янг.

Я задумалась ненадолго над его словами о долге, о любви бескорыстной и, в общем-то, была с ним согласна, но существовал еще один фактор, который заставлял меня стыдиться.

– Вы просто не все знаете, – попробовала я настоять на своем.

– О чем? – Голос мистера Холла стал ледяным. – О том, что Роберт Бенсон украл не только ваше сердце?

Я вздрогнула, мое лицо вспыхнуло от стыда и возмущения. О таких вещах не принято говорить. Но я сама виновата.

– Как?.. Откуда?.. – прошептала я.

– Вашу боль я чувствовал издали, мисс Янг. И не нужно быть слишком умным, чтобы понять, отчего так бесконечно страдает ваше сердце.

– Пообещайте мне, что больше никогда не заговорите об этом, – поднимаясь на ноги, велела я. – Пообещайте!

Душа горела, я едва сдерживала слезы горечи, но продолжала смотреть на мистера Холла.

– Моей целью не было вас оскорбить, – сурово ответил он, – и уж тем более осудить. Любовь слепа, глупа и безрассудна, хотя я вовсе не уверен, что вы вообще любили этого проходимца. Но я все равно не тот, кто имеет хотя бы какое-то право осуждать вас за глупые порывы и необдуманные поступки, связанные с заблуждениями сердца.

И снова возмущение поднялось из глубины моей души. Захотелось ответить на слова заносчивого мага, но он мне не позволил.

– Я не подниму больше этой темы, мисс Янг, обещаю. А теперь мне нужно попросить Сиенну приготовить вам отвар и решить, каким образом доставить вас к подруге так, чтобы вы не испытывали неудобства.

Сказав это сухим тоном, мистер Холл покинул гостиную.

Глава 11

В душе остался странный осадок от нашей беседы с мистером Холлом. Он знал обо мне то, чего ему знать не следовало. Это удручало и заставляло стыдиться еще больше. Мне почему-то казалось, что поняв причину моей боли, он был разочарован. Хотя какое ему дело до моей невинности?

Я закрыла лицо руками и постаралась успокоиться. После слов о зелье мистер Холл произнес заклинание и мои мучения вернулись. Маг велел одной из горничных проводить меня в комнату, а сам заперся в кабинете. С тех пор прошло не меньше трех часов. Мысли мои метались, я пыталась обдумать абсолютно все, что произошло со мной с того самого вечера, как я оказалась в этом особняке. Это и есть то, что называют судьбой? Это она привела меня сюда? Но зачем? Чтобы доставить хлопоты людям, которые изо всех сил старались выжить и продержались четыре сотни лет, балансируя на грани, каждый божий день ожидая приговора?

У меня не было возможности хорошо обдумать признание мистера Холла в том, что он разрушил Алададриэн, но теперь времени было предостаточно. Что заставило его совершить этот поступок, зная о возможных последствиях? Что заставило его желать магии?

– Или кто?! – пронзила мое сердце догадка.

Ради кого мистер Холл мог совершить такую глупость? Ответ напрашивался сам собой, но отчего-то я не хотела его произнести.

Я не осуждала мистера Холла, не винила его в разрушении мира. И не мне было его судить. Алададриэн я не знала, он мне чужд. Я не была свидетелем этой трагедии, она казалась мне чем-то далеким и даже призрачным, будто старая сказка, которую слушаешь на ночь и воспринимаешь как трагическую, но красивую историю. Безусловно, моя фантазия рисовала множество вариантов развития тех событий, но фантазии это одно, а реальное положение дел – совсем другое. Я могла бы расспросить Сиенну, но мне было очень важно услышать эту историю из уст мистера Холла. Почему? Ума не приложу.

– Этель, – позвала Сиенна, которая сначала постучала в дверь, а потом вошла. – Как вы?

– Магия ужасно беспокоит, – нахмурилась я, растирая виски, – но я уже привыкаю.

– Это хорошо, – как-то неуверенно сказала экономка. – Я очень надеюсь, что скоро все кончится и Ингус отберет у вас эту силу, чтобы вы могли вернуться к нормальной жизни.

– Вы думаете, это возможно? – спросила я.

Я вновь толком ничего не видела, голоса в голове хоть и звучали уже немного глуше, будто отдалились, но все равно создавали навязчивый шум. Это ужасно изматывало, но я старалась не прислушиваться к ним, чтобы не сойти с ума. С переменным успехом я концентрировалась на собственных мыслях, предположениях и фантазиях. И если с гулом в голове хоть как-то удавалось уживаться, то с тошнотой и периодическими головокружениями дела обстояли сложнее.

– Конечно, возможно, – мягко сказала Сиенна, беря меня за руку. – Вот сейчас мы с мистером Холлом дадим вам пусть и недолгую, но приятную передышку от магии, да и от нас тоже.

– Вы приготовили отвар? – спросила я.

– Да, моя милая, – потрепала меня по руке Сиенна. – Он неприятный, признаю, но даже несколько глотков того стоят.

– А как я попаду к Маргарет, мистер Холл уже знает? – почему-то шепотом спросила я.

– Он сам вас перенесет, – так же тихо ответила она, и мне показалось, что экономка несколько замялась. – Ваша подруга не из робкого десятка?

– Почему вы спрашиваете об этом? – напряглась я.

– Итан посчитал, что вы не захотите войти через парадную дверь, – пробормотала Сиенна. – Он переместит вас на балкон.

Эта мысль меня ужаснула, я невольно отпрянула. На балкон? Вот Маргарет удивится! Сердце возбужденно забилось, я сжала пальцы Сиенны сильнее.

– Он заберет вас обратно, как только опасность минует.

Вот интересно, как я все это подруге буду объяснять? Мысли вновь заметались в голове. Непростой предстоит разговор. Но Маргарет прекрасная девушка, она ни за что не будет меня осуждать. А уж какие-нибудь объяснения я придумаю.

– Что я могу ей рассказать? – робко спросила я.

– Все, что считаете нужным, мисс Янг. Это слова Итаниэля, – улыбнулась Сиенна. – Мы надеемся на ваше благоразумие. Хоть Итан и уверен, что вы совершенно не разбираетесь в людях, я убедила его довериться вам.

При этих словах стало тяжело на душе. Я и без того хорошо понимала, что нельзя рассказывать о магической сущности этого дома и его обитателей, а недоверие мистера Холла неприятно било по самолюбию. И еще одна мысль никак не давала покоя.

– Что будет, когда явится Брион? У мистера Холла будут проблемы?

– У них всегда проблемы, – вздохнула Сиенна. – Но вы не беспокойтесь, Итан защитит вас.

– А себя? Себя он сможет защитить? – спросила я, и голос прозвучал излишне встревоженно. Даже я сама это заметила, что уж говорить о проницательной эльфийке.

– Все будет хорошо, – ответила она, но я почему-то не поверила ей. Возможно оттого, что не услышала в ее голосе уверенности. – А теперь нам пора.

Мы медленно добрались до кухни, где экономка протянула мне мерзкое пойло, один запах которого вызывал рвотные позывы. Мне пришлось зажать нос пальцами, чтобы выпить хотя бы несколько глотков. Вязкая, тягучая жидкость, в которой чувствовались комочки трав, медленно скользила по горлу и неохотно проваливалась дальше. Несколько раз мне приходилось останавливаться и глубоко дышать, чтобы она не прорвалась обратно.

– Достаточно, – сказала наконец Сиенна и забрала чашку.

Я вздохнула с облегчением и села, ощущая, как скручиваются внутренности. В животе громко бурлило, а вот в голове, наоборот, прояснялось.

– Действие зелья недолговечно, – послышался голос мистера Холла, и я вздрогнула.

Как давно он здесь? И почему я не слышала, как он пришел? Неловкость вернулась, я опустила глаза, хотя очень хотелось смотреть по сторонам, поскольку зрение понемногу возвращалось.

– Вашу подругу зовут Маргарет Дрей? – спросил он, приближаясь.

Я только кивнула, когда он взял меня за руку и вынудил подняться на ноги. Мои пальцы нервно подрагивали, глаза я все еще не решалась поднять.

– Что вы чувствуете? – негромко спросил мистер Холл, и его голос вновь забрался под кожу, вызывая приятную теплую волну по телу.

Я прислушалась к себе, а потом все же заглянула магу в глаза. Серая хмурая глубина открылась мне, окутала, приняла в свой плен. Сердце предательски оборвалось, а дыхание сбилось. Я любовалась чертами лица мистера Холла и понимала, что куда-то проваливаюсь, что мир перестает существовать, что все, что было вокруг, уже не имело никакого значения.

– Это какое-то колдовство? – зачарованно глядя в глаза мистера Холла, спросила я.

– Вы о зелье? – прошептал он. Его дыхание скользнуло по щеке, а запах тела вскружил голову.

– Нет, – пролепетала я, а когда зрачки мага слегка удивленно расширились, очнулась. – То есть да, я о зелье. И само собой, это колдовство, простите, я растеряна...

Я начала нервно отступать и на ходу одергивать одежду, чувствуя себя совершеннейшей дурой.

– Зелье и правда ужасно на вкус, простите, Сиенна, – продолжала я тараторить. – И как мы попадем к Маргарет? Нас не увидят? Вы спросили, что я чувствую? Мне лучше, голоса утихли, зрение почти полностью вернулось.

Мне подумалось, как четко я увидела невероятные глаза мага, как утонула в них. Зрение определенно вернулось, да так, что я не смогла оторвать глаз от лица мистера Холла и даже не заметила того, что еще меня окружало.

– Отлично, – отчего-то нахмурился маг. – Тогда отправляемся немедленно.

Прежде чем подойти ко мне, он помедлил, что расходилось с его словами. Как все странно и нелепо и непонятно.

– Я должен буду обнять вас за талию.

Его голос послышался где-то совсем близко. Я старалась не поднимать глаз, чтобы не совершить какую-нибудь глупость. Щеки и так пылали, стоило лишь вспомнить, как я глазела на мага и какой бред потом несла. Маг шагнул еще ближе, его рука оказалась у меня за

спиной. Неожиданный рывок – и я уже прижата к груди мистера Холла.

– Возможно, у вас немного закружится голова, но вы уже привыкли, я думаю, – сказал он.

Я не стала отвечать, отчаянно желая, чтобы мы уже переместились, и я могла оказаться подальше от него. Словно почувствовав это, маг прошептал заклинание и мир вокруг нас пошатнулся. Я едва не вскрикнула, когда пол из-под ног будто выдернули, а потом ноги вновь коснулись его. Только теперь это был не паркет, а камень. Я подняла голову.

– Надеюсь, мы не промахнулись, – сказал маг.

Оказывается, на Грейстэл уже спустились сумерки, легкий ветерок охлаждал кожу и доносил аромат розмарина из сада. Миссис Дрей обожала этот запах, поэтому ее садовник высаживал все возможные сорта, цветущие до самой осени.

– Мы не промахнулись, – сказала я, с тоской вспоминая, сколько времени проводила в этом саду вместе с Маргарет. – Я хорошо знаю и этот сад, и этот балкон.

Я подошла к дверям и с радостью убедилась в том, что они открыты. Значит, в комнату я могу попасть беспрепятственно. Подруги внутри не было. Скорее всего, она была внизу, ужинала с семьей.

– Я заберу вас, как только появится возможность, – сказал маг. – Выйдете на балкон, и мы вернемся домой тем же путем, что и прибыли сюда.

– Хорошо, – сказала я. – Благодарю.

Мистер Холл кивнул и исчез прямо на моих глазах. Я вздрогнула и ощутила пустоту. Этот дом, этот балкон, этот запах... Все стало чужим, хотя прежде я любила особняк Дреев. Дышать стало трудно, мне больше не хотелось здесь быть. Я завертела головой, желая найти путь, чтобы покинуть дом Маргарет, но это, конечно же, было невозможно. Даже если бы я спустилась вниз, то впала бы в привычный ступор и не смогла пошевелиться, как бывало всякий раз, стоило мне приблизиться к воротам в доме мистера Холла.

Понимая, что задыхаюсь, я решительно вошла в комнату Маргарет, нашла самый темный угол и села в кресло, пытаюсь успокоить дыхание и привести мысли в порядок. Мистер Холл был

прав: внешний мир и прежняя жизнь пугали меня до ужаса, до леденеющей в жилах крови.

Вдобавок появилось навязчивое чувство, что я в комнате была не одна. От этого я начала чесаться и все время вглядываться в темноту. Тревожность только росла, поэтому я ужасно обрадовалась, услышав шаги в коридоре. Окликнула подругу сразу, как только она вошла, чтобы не сильно напугать. Она вздрогнула, присмотрелась и зажала рот рукой.

– Этель! О боже, Этель! Это и правда ты?

Подруга смотрела на меня во все глаза и, похоже, не верила тому, что видит. Она сделала несколько робких шагов, потом застыла на месте, помедлила и бросилась в мои объятия.

– Боже, Этель, я так волновалась! – щебетала она сквозь слезы и смех. – Миссис Артридж говорила мне по секрету о твоих записках. Она прячет их в своем столе, чтобы мистер Артридж не увидел. Твой дядя еще не остыл. Случившееся очень ранило его самолюбие.

Оторвавшись от подруги, я ненадолго отвернулась, чтобы скрыть боль и сдержать подступившие слезы. Дядя Малкольм держал свои чувства при себе, и я подозревала, насколько тяжело ему было. Я была надеждой, а стала полным разочарованием.

– Как ты попала сюда? Как вошла в дом?

Я вновь развернулась к Маргарет. Это был вопрос, которого я опасалась, но ответ нашелся сам собой.

– Дверь была не заперта, и я тихо прокралась в твою комнату, опасаясь попасться кому-нибудь на глаза. Не знаю, что сказали бы твои родители, увидев меня.

Мэгги виновато опустила глаза, пытаясь скрыть от меня тревожные мысли. Скорее всего, в ее семье тоже активно обсуждали мое бегство. Однако подруга быстро взяла себя в руки.

– Почему ты сбежала? – тихо спросила она, аккуратно беря меня за плечи и разворачивая лицом к себе. – Они бы поняли тебя и со временем непременно простили бы.

– Знаю, – вздохнула я. – Но я не смогла бы смотреть им в глаза. Я опозорила их.

– Чем? – недоуменно мотнула головой подруга. – Тем, что поверила проходимцу?

Я вздохнула, понимая, что Маргарет не знает моей тайны. Впервые за долгое время мне захотелось по-настоящему поделиться тем, что я натворила. Сиенна догадалась сама и благодаря тактичности и необъяснимой любви ко мне она не поднимала эту тему, дабы не расстраивать меня. Мистер Холл... А что мистер Холл? До сегодняшнего дня я даже не знала, что ему все известно. Я устало потерла виски.

– Я расскажу тебе все, – сказала я, поймав взгляд Маргарет.

Тот вечер отпечатался в памяти очень подробно, но ощущение было такое, словно я смотрела на себя со стороны. Я понимала, что это мои воспоминания, но будто движущиеся картинки смотрела с моим участием, не более. Я не испытывала никаких чувств. Странное ощущение. Я рассказала о том, как бродила по городу под дождем, о своем страхе и стыде. О том, почему не смогу явиться на глаза тете Харриет и дяде Малкольму.

Как я и предполагала, Мэгги не осудила меня, в ее глазах я нашла лишь понимание и полное участие. Я была благодарна. Маргарет взяла меня за руку, мягко сжала мои пальцы и потянула за собой на диван, где я и продолжала свой рассказ, а она не перестала держать меня за руку. Конечно, о магии и магических существах я рассказывать не стала, чтобы Мэгги не решила, что я не в себе, а вот о добром сердце экономки поведала с огромным удовольствием.

– Ты живешь в особняке мистера Холла? – переспросила Маргарет, недоверчиво взирая на меня. – Того самого?

– Того самого? – нахмурила я брови.

Маргарет развела руками и приподняла брови. Мне понадобилось несколько долгих секунд, чтобы понять, что так удивило мою подругу. Самый загадочный особняк в городе, так мы его всегда называли, любуясь с улицы на красивейший кованый забор и необычный, словно волшебный сад. Нередко мы с Мэгги фантазировали, представляя себе его обитателей, выдумывая разные невероятные истории и приходя от этого занятия в восторг. Мистера Холла мы считали кем-то вроде пирата или шпиона, который вынужден избегать общества и подолгу отсутствовать, пускаясь в увлекательные путешествия. Я уже успела позабыть о наших глупых фантазиях, так давно это было. Теперь таинственный особняк стал мне домом, его обитатели дарили любовь и заботу, а чудесный сад приносил покой.

– Того самого, – улыбнулась я. – И мистер Холл вовсе не пират и даже не шпион.

– Обидно, – сделала смешную гримасу Мэгги. – Аура таинственности рассеялась в один миг.

Я снова улыбнулась, а потом подумала о том, как бы радовалась Маргарет, узнай она о волшебстве. Шпионы и пираты показались бы ей детской шалостью.

– Только не говори, что сам мистер Холл оказался старикашкой с лысиной и скверным характером, – попросила подруга. – Я этого не перенесу.

– Нет, – рассмеялась я. – Характер у него и правда скверный, но он не старикашка, а молодой мужчина лет тридцати.

Маргарет нахмурилась, пристотрелась ко мне пристальнее, а потом совершенно серьезно спросила:

– И какой он? Как тебе у него живется?

И снова я не удержалась от вздоха. Какой он? Самый сложный человек на свете, и самый необычный, и еще точно не самый тактичный, но при этом самый честный. Думая об этом, ощутила, как сердце вновь взволновалось, будто трепетная крошечная птичка, почувствовавшая опасность или мотылек, восхищенный пламенем, которое может его погубить.

– В его доме я чувствую себя так, словно именно там и должна быть, – уклончиво ответила я. – Это сложно объяснить, но там мое место, рядом с его обитателями.

– Я не совсем об этом спрашивала, – тихо сказала Мэгги. – Поверь, я очень рада, что ты нашла такой радушный приют, но ты живешь в доме молодого неженатого мужчины, чем усугубляешь свое положение.

– Не беспокойся, – натянуто улыбнулась я, – об этом никто не знает. С того самого дня, как я узнала о свадьбе Роберта, из дома мистера Холла я не выходила. Сегодняшний вечер первый.

– Я очень надеюсь, что ты знаешь, что делаешь, – сжав мои пальцы, сказала Маргарет. – Если о связи с Робертом никто в Грейстэлле не знает, и ты могла бы вернуться домой и просто пережить неприятные разговоры, но если в городе станет известно о том, где и с кем ты теперь живешь, восстановить твою репутацию будет невозможно.

– Я это понимаю, милая, – заверила я подругу. – Поверь, очень хорошо понимаю. Но возвращаться я не собираюсь.

– А как же твое наследство? Оно ведь немалое! – удивилась Мэгги.

– Оно мне не нужно, – пожалала я плечами.

И правда, прежде я даже не думала о деньгах, а теперь ответила с такой легкостью и уверенностью, что сама удивилась. Главное, чтобы мистер Холл не лишил меня крыши над головой. Хотя... Это мне не нужно наследство, но ведь жить-то на что-то надо. Не могу же я стать полной содержанкой Итаниэля Холла. Внутри все похолодело. За месяцы, прожитые в его доме, я ни разу даже не задумалась о том, что живу нахлебницей. Я поежилась и твердо решила поговорить об этом с мистером Холлом. Сегодня же.

– Расскажи мне лучше о тете и дяде. Как они? Как мои кузены Джозеф и Джастин? А кузина Джейн?

– Ну, о мистере Артридже и его тревогах я уже поведала вроде как. Сейчас он даже слышать о тебе не хочет, но у него доброе сердце. Он изо всех сил скрывает, что тоскует по тебе, но я вижу это каждый раз в его глазах, когда миссис Артридж спрашивает, не писала ли ты мне.

Мое бедное сердце вновь заныло, и чувство вины охватило меня с новой силой.

– А тетя твоя своих чувств не скрывает. Она показывала мне каждую весточку, что ты отправляла ей. Мы вместе их перечитывали. Она огорчена тем, что не может отправить ответ и тем, что не знает, где ты.

– Они вскоре позабудут обо мне, – прошептала я. – И так будет лучше.

– Ты серьезно? – удивилась Маргарет. – Я не узнаю тебя, Этель!

– А что ты предлагаешь? – воскликнула я. – Появиться перед тетей? И что я скажу? Где была все это время? Правда ее убьет. Да и каково предстать перед ней, понимая, что достойного брака мне уже не видать, как своих ушей? Это она не знает о моей близости с Робертом, но я-то знаю! Как ты себе это представляешь? Ну хорошо, положим, я вернулась домой, страсти улеглись, и даже со временем какой-нибудь мужчина решит взять меня в жены. Что я должна буду делать? Солгать ему? Или, напротив, сказать правду и сгореть со стыда?

Мы обе затихли. Я закрыла руками лицо и разрыдалась, понимая, что выпустила все свои скверные мысли на свободу.

– Прости, – прошептала Мэгги, поглаживая меня по спине. – Прости меня. Конечно, ты сделаешь так, как считаешь нужным. Мне просто жаль миссис Артридж, но и тебя тоже.

– Я понимаю, что прошу о многом, Маргарет, – сказала я, поднимая голову. – Но ты не могла бы сказать ей, что видела меня, что я в добром здравии, что со мной все хорошо. Я счастлива и довольна той жизнью, что у меня есть. Более чем довольна. Передо мной открылся новый, совершенно удивительный мир, который полностью меня поглотил, и все бывшее стало не таким важным. Скажи, что я отчаянно прошу у нее прощения и бесконечно ее люблю.

Мэгги посмотрела на меня долгим взглядом и кивнула, давая понять, что выполнит мою просьбу.

– Ты видела его? – вырвался у меня неожиданный вопрос.

Маргарет ответила не сразу. Она отпустила мою руку и встала с дивана. Поежилась, будто замерзла, а потом сказала:

– Да, на приеме у Брикманов.

– И как он тебе показался? Счастлив?

Почему я задавала все эти вопросы, я не знала. Понимала, что ковыряла едва-едва зажившую рану, но все равно мучила себя.

– Счастлив, – отрезала Мэгги. – Он счастлив со своей женой, милая. И как мне кажется, он позабыл о том, что ты вообще была в его жизни. Прости, это звучит жестоко, но я должна сказать тебе правду. Этот человек предал тебя и теперь наслаждается жизнью с деньгами и красавицей-женой. Ты тоже должна идти к счастью, не поворачивая головы туда, где мрак и боль.

Сердце сдавило, когда я представила Роберта под руку с красивой Лирианой Кэмтол, теперь уже Бенсон. Мне виделись их счастливые улыбки, смех и прикосновения друг к другу. Такие прикосновения, которые могут себе позволить лишь муж и жена. А еще невольно пришли мысли о брачном ложе и о том, как они наслаждаются друг другом. Теперь, точно зная, что происходит между супругами в постели, мое тело вспыхнуло от подобных представлений. Я не должна об этом думать. На мгновение, чтобы понять важную для себя вещь, я попробовала мысленно встать рядом с Робертом, взять его за руку, коснуться губами щеки, а потом и его губ. Ничего кроме отвращения я

не ощутила. Горечь, обиду, боль приносило предательство, гнусный поступок Роберта, но не мои пламенные чувства к нему.

– Мистер Холл был прав, когда говорил, что не уверен, любила ли я Роберта, – испуганно пробормотала я. – Ведь любовь не проходит так быстро? Истинная любовь не превращается в неприязнь и даже презрение? Сердце ведь не может так быстро отринуть того, при виде которого так сильно билось? Оно наоборот постоянно старается оправдать, обмануться...

– Как ты, милая? – позвала меня Мэгги.

Голова уже немного гудела, голоса еще не овладели моим разумом, но я чувствовала, как магия возвращается. Нужно было покинуть дом подруги, но я понятия не имела, когда мистер Холл сможет меня забрать. В тишине я вновь отчетливо ощутила чье-то присутствие. Повернулась, почувствовав легкий холодок по коже, и показалось, что тень скользнула по стене. Я вздрогнула и зажмурилась, а когда открыла глаза, уже ничего не было. В памяти всплыла похожая картинка. И как я могла забыть о том, что видела, когда мы с мистером Холлом вернулись из Дриэна? Тогда он тоже насторожился. Почувствовал что-то? Но потом он вновь расслабился, может, поэтому и я не придавала значения тому, что меня напугало.

Стало как-то не по себе, я вновь завертела головой. Мне не нравилось ощущение присутствия кого-то или чего-то совершенно незнакомого.

Голоса возвращались уже чуть быстрее, перед глазами все плыло, но я еще видела все, что меня окружало, в том числе и странное выражение лица Маргарет.

– Прости, дорогая, – через силу улыбнулась я. – После той ночи под дождем меня иногда мучает недомогание. Голова болит. Но доктор заверил, что это пройдет.

– Ты уверена? – спросила подруга.

– Да, не беспокойся. Он сказал, что это сильный стресс. И еще простуда, которую я подхватила, вымокнув до нитки. Последствия еще сказываются, но это временно.

Не знаю, насколько убедительно прозвучали мои слова, но другого объяснения моему ухудшающемуся состоянию я дать не могла. По крайней мере, сейчас.

Внезапно дверь отворилась и в комнату Мэгги вошла ее матушка, миссис Дрей. Женщина застыла в нерешительности, взирая на меня. Ее лицо мгновенно побледнело, брови сердито сдвинулись.

– Что вы делаете в нашем доме, мисс Янг?

Ее слова принесли боль. Прежде Милдрет Дрей называла меня по имени. Я очень часто бывала в этом доме, и здесь мне были рады. Родителей Маргарет радовала наша дружба.

– Мама! – возмутилась Мэгги.

– Не встревай, Маргарет! – твердо сказала миссис Дрей. – Я прошу вас покинуть комнату моей дочери и более не подвергать ее репутацию риску. Общение с вами не принесет Мэгги ничего хорошего.

Я будто пощечину получила, лицо вспыхнуло, сердце сдавило, на глазах выступили слезы. Слова мамы Маргарет звучали жестоко, но я понимала ее беспокойство, поэтому кивнула, стискивая зубы, чтобы не всхлипнуть.

– Мама! – вновь воскликнула моя подруга. – Что ты такое говоришь?

– Вам больше не рады в этом доме, мисс Янг, – сказала миссис Дрей. – И дело даже не в том, что вы спутались с мужчиной, который вскоре оставил вас, а в том, что вы сбежали, усугубив положение вашей тетушки. Вы неблагодарная особа, заботящаяся лишь о себе и своих низменных желаниях, не способная ответить за содеянное.

– Мама! – резко вскрикнула Маргарет. – Этель ни в чем не виновата! Роберт обманул ее ожидания, говорил, что хочет просить ее руки. Он подлец! В чем вина Этель?

– В легкомыслии, конечно же, – фыркнула миссис Дрей. – Мужчине простят все, а вот женщина обязана думать о своей репутации, которую так легко утратить.

Я с трудом подавила желание разрыдаться, расправила плечи и запрокинула голову.

– Вы более не увидите меня в этом доме, миссис Дрей. Я ничем не побеспокою ни вас, ни вашу дочь!

– Этель, – прошептала Мэгги. В ее глазах стояли слезы. – Я так не думаю, ты дорога мне...

– Я знаю, милая, – ответила я, ощущая, как головная боль усиливается. – Я очень люблю тебя, но твоя мама права. Моя

репутация сейчас способна навредить тебе.

Вдруг резкий приступ заставил меня зажмуриться и застонать сквозь стиснутые зубы. В голову ворвался голос: «Итан Холл». Голос был мужским, громким, четким и довольно приятным. Кто-то еще узнал имя конфиденнта. Но как я его услышала здесь, когда магия еще полностью не вернулась? И снова тень скользнула по стене и я подумала, что схожу с ума.

– Что с тобой, дорогая? – кинулась ко мне Маргарет.

– Голова, – сказала я. – Всего лишь приступ головной боли.

– Позвольте мне отдышаться на свежем воздухе, – сказала я, обращаясь к миссис Дрей, не зная, как мне выкрутиться из этого положения. – Я выйду на балкон и справлюсь с головной болью, а потом исчезну из вашей жизни.

– Прежде вы никогда не обманывали и казались мне достойной девушкой, Этель, – ответила она. – Я поверю вам. Вы можете пробыть на балконе столько, сколько посчитаете нужным, чтобы ваше состояние улучшилось.

– Благодарю вас, – прошептала я и порывисто обняла подругу. – Не грусти обо мне, милая Мэгги. У меня все будет хорошо. Если смогу, пришлю весточку.

– Я... – всхлипнула Маргарет. – Прости...

– Все хорошо, я не сержусь на твою маму и нисколько не обижаюсь. Все верно, она должна заботиться о тебе. Я люблю тебя.

– И я тебя...

Не в силах больше смотреть подруге в глаза, я направилась к балкону, взмахом руки останавливая попытку Мэгги последовать за мной. Миссис Дрей подхватила дочь под руку и прошептав ей что-то на ухо, увлекла за собой прочь из комнаты.

Сколько я простояла, опираясь на ограждение балкона, точно не знаю. Тело била мелкая дрожь, поток тихих слез не останавливался. Поэтому, когда мистер Холл вдруг появился рядом со мной, я необдуманно шагнула к нему и прижалась щекой к его груди, даже не заметив, что его лицо покрыто свежими ссадинами.

Глава 12

– Что случилось, мисс Янг? – взволнованно спросил мистер Холл.

Я все еще рыдала, хватаясь за рубашку мага. Как назло, слезы никак не хотели останавливаться, будто вся моя боль вдруг разом вырвалась на свободу. Как же не вовремя... Я понимала, что стоило довериться переживания подушке в тишине своей спальни, но уже ничего не могла с собой поделать.

– Мисс Янг, – тихо позвал мистер Холл, мягко касаясь моих плеч. – Этель...

Его шепот в тишине пробрал до мурашек, я подняла глаза и увидела нежность и тревогу во взгляде мага.

– Что стряслось? – повторил он.

– Ничего, мистер Холл, – выговорила я с трудом и заставила себя отстраниться. Стало неудобно, я поежилась и обняла себя руками. – Я всего лишь столкнулась с действительностью.

– Подруга осудила вас? – спросил он.

– Нет, что вы, – отворачиваясь сказала я.

Головная боль пронзила виски. Я пошатнулась, но ухватилась за спинку кресла и устояла на ногах.

– Понятно, – усмехнулся маг, – ее семья.

Не ожидая от него такой реакции, я резко повернулась. Мистер Холл сел в кресло и только сейчас я смогла рассмотреть его лицо, да и кабинет тоже. В комнате царил хаос. Сброшенные с полок книги, опаленная штора, косо повисшая на окне, опрокинутая мебель, битое стекло на полу. Мистер Холл выглядел не лучше. Его одежда была разорвана в некоторых местах, волосы всклокочены, на лице повсюду ссадины.

– Что произошло? – теперь настала моя очередь спрашивать.

– Речь сейчас не обо мне, – сурово ответил он. – Что сказали вам в доме подруги?

Мистер Холл казался рассерженным, но в чем истинная причина? Вечер у него явно был не лучше, чем у меня. В душе все еще клокотало негодование от его предположения о поведении семьи

Мэгги. Не то чтобы мне очень хотелось обсуждать эту тему, но я предположила, что ее можно быстро закрыть раз и навсегда.

– Ничего из того, чего я не могла ожидать, – изображая равнодушие, сказала я. Слезы высохли, обида заставляла меня держать себя в руках. – Мама Маргарет заботится о репутации дочери, а я сейчас не самая лучшая компания для молодой незамужней девушки.

– Идиотизм, – усмехнулся мистер Холл, и злость вновь заставила меня сжать кулаки. – Ваше высшее общество прогнило до мозга костей. Сплошное лицемерие и бахвальство. Я мог бы рассказать вам о том, что говорят и делают многие мужчины Грейстэла. И даже женщины. Но ваша нежная душа не сможет этого вынести. Все, что вы видите, лишь внешний лоск. Внутри все они остаются лишь людьми – алчными, порочными и низменными.

– Далеко не все, мистер Холл! – оскорбилась я. – Вы судите слишком предвзято.

– Быть может, мисс Янг, – сердито ответил он. – Но меня раздражает всяческое лицемерие. Общество готово уничтожить молодую девушку, которая поддалась красивым речам подонка, в то время как само оно ни о чем, кроме богатства, власти и положения не заботится.

Мистер Холл поднялся на ноги, снял пиджак и отшвырнул его в сторону, совершенно не заботясь о том, куда он упадет. Его движения были резкими, раздраженными и нетерпеливыми. Он отыскал уцелевший графин с остатками спиртного, плеснул в полуразбитый бокал и осушил его одним глотком.

– Чопорные мамы, как наездки, кудахчут о воспитании, приличиях и мужском благородстве. А их мужья в это время спасаются от скуки в игорных домах и борделях, обласканные проститутками.

– Мистер Холл! – возмутилась я.

– Возможно, я груб, – резко сказал он, поворачиваясь ко мне, – но от этого мои слова не становятся менее правдивыми. Меня зло берет при мысли, что вас они готовы растоптать, а сами утопают во лжи и в каких-то придуманных, фальшивых мирах. Брак, заключенный по договоренности, почти всегда пытка, мисс Янг. Женщины угасают в нем, стараясь поддерживать видимость счастья. Они зачастую ненавидят своих мужей и молятся о том, чтобы те не требовали исполнения супружеского долга.

Я почувствовала, как кровь прилила к лицу. Слова мистера Холла были излишне откровенными и даже злыми. Отчего-то мне казалось, что эта тема была слишком личной. Хотелось возразить, поспорить или просто прекратить этот разговор, но так я поступила бы раньше. Не сейчас.

– Вас смущают мои слова, мисс Янг? – вновь усмехнулся он. – Я прошу прощения, но вы ведь уже знакомы с любовью и страстью. Так вот, представьте, что многим женщинам приходится отдавать себя тем, кого они на дух не переносят. И то, что должно было быть настоящей чувственной близостью, превращается в мучение.

– По-вашему, страдают только женщины? – холодно спросила я.

– Отчего же? Не только. Просто мужчинам есть где отвести душу, – сказал мистер Холл. Он отбросил стакан обратно на пол, и растер ладонями лицо. – Простите, я всего лишь хотел сказать, что крайне несправедливо, когда женщины позволяют своим дочерям идти тем же путем. Зная, что ждет их в подобном браке, они обрекают их на сущий ад, бессмысленное, безрадостное существование рядом с мужчинами, которым позволено жить в свое удовольствие.

– Не всем выпадает такая участь, мистер Холл! – возмутилась я. – Мой дядя и тетя смогли полюбить друг друга. Они счастливы.

– А вы уверены? – спросил он, медленно делая шаг ко мне.

– Д-да, – пролепетала я, наблюдая за тем, как он приближается.

Что-то странное было в его глазах, что-то горестное, печальное и в то же время смелое. Сегодня мистер Холл был не похож на самого себя. Он, в общем-то, почти всегда говорил, что думал, но сейчас его поведение казалось мне странным.

– Вы уверены, что ваш дядя любит вашу тетю? А она любит его?

– Да, – чуть тверже сказала я, когда маг подошел совсем близко. – Они очень тепло общаются друг с другом, проводят вместе время, улыбаются...

– И все? – усмехнулся мистер Холл, глядя мне в глаза. – А они прикасаются друг к другу?

Я затаила дыхание, когда мистер Холл скользнул пальцами по моей руке. Приятные мурашки разбежались по спине, внизу живота разлилось тепло, я невольно повела плечами. Пальцы мистера Холла продолжали подниматься, коснулись шеи, затем щеки, а потом застыли

над губами. Я совсем перестала дышать. Ни одного звука больше не слышала вокруг, только биение своего взволнованного сердца.

– Касается ли ваш дядя своей супруги... вот так? – прошептал маг, и его большой палец мягко скользнул по моим губам.

Неожиданно для самой себя я приоткрыла рот и рвано выдохнула, чувствуя, как подкашиваются ноги. Мистер Холл отошел от меня, но ненадолго. В одно мгновение он оказался у меня за спиной, его дыхание растревожило локоны, выбившиеся из прически, а спиной я ощутила крепкую грудь. Пошевелиться не было сил, я прикусила губу, чтобы не выдать своих истинных чувств. Маг шумно втянул носом воздух, а потом я услышала тихий стон.

– Наслаждается ли ваш дядя запахом своей жены?

Каждое слово будто под кожу забралось. Мое тело само потянулось к мужчине, стоявшему за спиной. Не соображая, что делаю, я отклонилась назад и прижалась к его груди. Руки мага обняли меня и прижали плотнее, его нос уткнулся мне в шею, и я затаила дыхание, наслаждаясь прикосновениями мистера Холла.

Я уже была близка с мужчиной, но теперь мне казалось, что прежде мною двигало лишь любопытство и то, что я чувствовала с Робертом, не входило ни в какое сравнение с теми чувствами, что вызывал во мне мистер Холл. Я дрожала и растворялась в его руках, все больше жаждала прикосновений, горячего дыхания на коже и смелых поцелуев. Эта мысль отрезвила меня мгновенно, но прежде чем я успела отодвинуться, мистер Холл сам убрал руки и отошел.

– Любовь бывает разной, мисс Янг, но натянутые улыбки и вынужденное сосуществование – это не она. Некоторые люди действительно благородны и изо всех сил стараются довольствоваться лишь тем, что у них есть. Они уважают тех, кто с ними рядом и не смогут их обидеть, невзирая на желания собственного сердца. Им живется тяжелее, чем прочим.

Та холодность, с которой он говорил, причинила мне боль и принесла горькое разочарование. Мое тело все еще пылало, дыхание не восстановилось, а вот мистер Холл выглядел совершенно спокойным и даже равнодушным.

– Спасибо за урок, мистер Холл, – тщательно контролируя свой голос, сказала я, решая больше никогда не позволять ему подходить ко мне так близко. Отчего-то я чувствовала себя униженной. – Но

оставим эту тему. Есть разговор важнее наших взглядов на любовь и близость.

Сама не ожидала, что скажу подобное. Рядом с мистером Холлом я становилась смелее. Он показал мне совсем другой мир, отличный от моего. Он говорил обо всем, о чем желал, не обращая внимания на правила приличия и тактичность.

– Если вы хотите узнать, что здесь произошло, то даже не пытайтесь, – отмахнулся он, – я не буду это обсуждать.

Ничуть не сомневаюсь. Тут уж действительно бесполезно. Я спрошу у Сиенны, как только выйду из кабинета. На мгновение мне в голову пришла мысль, что дискомфорта, вызываемого магией, я больше не ощущаю.

– Почему мое состояние улучшилось? У Маргарет дома я уже чувствовала приближение мигрени, мне было нехорошо, перед глазами все плыло. А сейчас ничего этого нет.

– Ваши эмоции, – пристально глядя на меня, ответил маг, – они сейчас чертовски сильны по-видимому. Они берут верх, так бывает. Как только вы успокоитесь, все вернется.

– Это необычно? – наблюдая за ним, спросила я. – Вы, похоже, удивлены.

– Вы вообще необычная, – задумчиво сказал он. – Это то, о чем вы хотели поговорить?

– Нет, – поспешно ответила я. – Я хотела поговорить о другом. Видите ли, после нашего возвращения из Дриэна у меня есть ощущение, как бы это выразиться, чтобы вы не приняли меня за помешанную... Мне кажется, что рядом кто-то есть. Словно тень, скользящая по стенам поблизости. Мне все время кажется, что за мной наблюдают.

По мере того как я говорила, голос мой становился все тише. Я неосознанно приближалась к мистеру Холлу, чтобы слышать меня мог только он. Маг не только не решил, что я сошла с ума, он нахмурился, всерьез обдумывая мои слова.

– А сейчас вы чувствуете чье-то присутствие? – тихо спросил он.

Я прислушалась к своим ощущениям и смутилась. Пришлось даже отвернуться, чтобы скрыть от мага, что ни о ком, кроме него, думать сейчас вообще не получается. Он полностью завладел моими мыслями, и это было удивительно приятно. Я закрыла глаза,

выдохнула, а потом вновь распахнула их. Медленно осмотрелась, все больше чувствуя чье-то присутствие. Даже поежилась от неприятных ощущений.

– Там, – прошептала я. – За вашим столом...

Стоило мне это произнести, как тень скользнула по стене, пытаюсь скрыться. Но мистер Холл оказался быстрее. Он бросился к своему столу и, громко произнеся какое-то заклинание, взмахнул рукой. Послышался крик, а потом грохот. Я зажмурилась, пискнув, а когда открыла глаза, увидела небольшого забавного человечка с копной кудрявых волос, с бакенбардами, густой бородой и испуганными золотистыми глазками.

– Вот тебя еще тут не хватало! – недовольно рявкнул мистер Холл. – Как ты меня нашел, Шуст?

– Не без труда, – ответил человечек. – Все дело в твоей подружке. Внутри у нее большая сила!

– В ней нет никакой силы, – скривился мистер Холл. – Она человек, не маг.

– А я не о магии говорю, – усмехнулся Шуст. – В ней большая сила, которая рано или поздно покорит тебя.

Мы с мистером Холлом в недоумении переглянулись, пытаюсь мысленно применить слова маленького человечка друг к другу. Маг нахмурился, поморщился... и снова его реакция почему-то оскорбила меня.

– Не говори ерунды, мелкий ты пакостник, – беззлобно сказал мистер Холл.

– Я, может, и мелкий и даже порою пакостник, но если ты помнишь, Итан, в подобных вещах я разбираюсь, – улыбнулся Шуст. Он внимательнее присмотрелся ко мне, словно оценивая, а потом стал разглядывать кабинет. – Признай это, и мы сможем сэкономить время.

– Зачем ты здесь? – сердито спросил мистер Холл.

Маленький человек многозначительно вздернул брови, давая понять, что ждет чего-то. Я никак не могла определиться, какое именно впечатление производит на меня это существо. Мне не нравилась его беспардонность и то, как быстро испарился страх из золотистых глаз, будто испуг не был настоящим. Однако было в нем что-то такое необычно привлекательное.

– Не удивляйся, – ухмыльнулся Шуст, глядя на меня, – я на многих произвожу такое впечатление.

Я тихо ахнула от удивления, а мистер Холл закатил глаза.

– Не доверяйте этому проходимцу, мисс Янг, он способен запутать мысли.

– Разве? – снова вскинул брови Шуст. – Нет, Итан, мысли запутываю не я, а чувства, в которых вы не способны разобраться самостоятельно. Моя задача растолковать, направить, если нужно.

– Именно! – воскликнул маг. – Если нужно! Но ты ведь не из тех, кто придерживается правил, верно? Насколько я помню, ты предпочитаешь являться, когда пожелаешь, наводить кавардак, а потом с невинным видом хлопать глазами и демонстрировать свою непричастность.

– Тот кавардак навел не я! – твердо сказал Шуст, выставив наставленный на мага указательный палец.

– Не смей! – моментально расвирепел мистер Холл.

Я мгновенно ощутила искрящееся между ними напряжение и, чтобы избавиться себя и остальных от ненужного конфликта, решила переключить их внимание на себя.

– Довольно! – сурово сказала я, вклиниваясь между ними. – Я вижу, что вас связывает какая-то история из прошлого, но сейчас не время ее обсуждать. Мистер Холл, будьте любезны, объясните мне, кто навел нас и давайте уже выясним, зачем он следил за мной!

Не знаю, что именно удивило мага больше всего, мой тон или слово «нас», которое, надо признать, и меня саму смутило. Я выдержала взгляд мистера Холла, почти не дрогнув.

– Я искал тебя столько лет не для того, чтобы ссориться, Итан, – спокойно сказал Шуст. – Не хочется думать, что все это время зря старался. Ты словно исчез, испарился, не оставив в Дриэне ни единого следа! Как ты умудрился скрываться все это время?

– Не твоего ума дело, – отрезал маг. И снова в его тоне я не услышала злобы. Мне казалось, нечто важное связывало этих двоих в прошлом. Возможно, не дружба в обычном понимании, но нечто такое, что способно сблизить и помочь узнать друг друга настолько хорошо. – Для моего уединения были веские причины.

– Эгоизм, некогда присущий тебе? Тщеславие? Мания величия? – спросил Шуст. – Судя по всему, за эти годы ты совсем не изменился.

Его слова подняли в моей груди волну возмущения, а на мистера Холла не возымели совершенно никакого эффекта.

– Для того чтобы говорить подобные вещи, нужно быть более осведомленным, – не сдержалась я. Обида за мистера Холла перевесила казавшееся сейчас неуместным здравомыслие. – Кто вы такой, чтобы бросаться подобными словами?

– Недурно, – усмехнулся Шуст, переворачивая опрокинутое кресло и усаживаясь в него. – Я не ошибся, эта малышка не так проста, как кажется на первый взгляд.

Столь фамильярное и даже неприличное обращение заставило меня на миг оторопеть, и я не сразу нашлась, что ответить. Однако пора было привыкать, что существа из Дриэна говорят и ведут себя иначе. Нужно принимать это как факт и учиться давать отпор.

– Вы тоже не так просты, как я погляжу, – холодно заметила я. – Пристали ко мне еще в Дриэне, как пиявка и просочились сюда, высматривая и вынюхивая что-то. И сначала даже испугались, когда мистер Холл вас обнаружил, а теперь ведете себя так, словно вы на вершине мира. Это что, разновидность наглости или способ скрыть истинные побуждения?

– Bravo, мисс Янг! – неожиданно рассмеялся мистер Холл. Я удивленно повернулась к нему, совершенно не понимая, в чем причина подобного веселья. Разобраться в поведении мага и без того непросто, а сейчас он буквально сбивал меня с толку. Может, это нервное? Я смотрела на него во все глаза и поражалась тому, что и следа от бывшего напряжения не осталось. Будто все тревоги растворились, и сейчас перед нами не было странного человечка с непонятными намерениями. – Вы не перестаете меня удивлять.

Как бы не радовали меня его слова, как бы не завораживал меня его смех, я все равно чувствовала растерянность вкупе с чудовищной усталостью. К тому же, головная боль и помутнение в глазах возвращались, а значит, эмоций было уже недостаточно. Мистер Холл это заметил, кашлянул в кулак и стал серьезным.

– Шуст не совсем обычное существо, он принадлежит к весьма малочисленному народу, в моем мире именуемому рувимами.

– И чем так необычны рувимы? – спросила я.

– Эмпатией, надо полагать, – ответил маг. – Они считывают наши чувства и по идее должны помогать в них разобраться.

– А на деле? – уже предполагая, в чем подвох, все же поинтересовалась я.

– А на деле они хитрецы, каких поискать, – заключил мистер Холл. – Обманщики, манипуляторы и лицемеры.

– Если ты не нашел подход к моему народу, это еще не значит, что проблема в нас, Итан, – усмехнулся Шуст.

– Так, хорошо-хорошо! – примирительно подняла я руки, чтобы мужчины снова не затеяли перепалку. – Лучше скажите, как он так проник сюда, что вы его не заметили? И что нужно ему от меня?

У меня в голове внезапно, словно раскат грома, возник вопрос, что заставило меня найти опору, чтобы устоять на ногах. И вопрос этот я боялась произнести. А знает ли Шуст, кто такой мистер Холл на самом деле?

– У рувимов есть преимущества перед другими существами, – ответил мне маг. – Они способны становиться тенью и только тот, чьи чувства так сильны, как ваши, может их обнаружить.

– Это так, – кивнул Шуст. – Я был очень удивлен, когда понял, что ты в упор меня не замечаешь. Лишь вначале ты словно что-то почувствовал, а потом забыл. Я присмотрелся и был поражен, насколько ты истощен эмоционально. Неудивительно, что ты прозевал мое присутствие. Я помнил тебя другим – пылким, полным страсти, стремлений!

– Это было очень давно, – тихо ответил мистер Холл. Клянусь, в этот миг я увидела сочувствие во взгляде Шуста. Сердце мое сжалось. – Зачем ты здесь?

– Я искал тебя, искал долгие годы. Даже предположить не мог, что ты в Аладе. После того как тебя увезли на суд...

Я вздрогнула, а мистер Холл сделал резкий жест рукой, словно предупреждая гостя. Шуст прищурился, глядя магу в лицо и несколько раз кивнул головой. В глазах его, как ни странно, появилась тоска.

– Ты нужен Дриэну, – сказал рувим.

Эти слова, сказанные так просто, вызвали вереницу чувств в душе мистера Холла, и все они отразились на его лице. Я с замиранием сердца смотрела, как удивление сменяет тревога, а потом ничем не прикрытая боль.

– Ты ошибаешься, – ответил маг, – мы не нужны друг другу.

В этот миг мне показалось, что я могу коснуться страданий мистера Холла. Я видела их, чувствовала в окружающем воздухе, слышала в слегка охрипшем голосе мага.

– Ты должен усмирить... то, что создал, Итан, – сказал Шуст.

Мистер Холл резко вскинул голову, в его глазах я увидела ярость.

– Я ничего не создавал!

– Ты ошибаешься, Итаниэль, – сурово сказал рувим. – Ты создал монстра.

В кабинете повисла тяжелая тишина, мистер Холл подошел к столу, сбросил с него бумаги и присел на край. На гостя он не смотрел и на меня тоже. Я старалась даже не дышать, чтобы маг не вспомнил обо мне и не посчитал, что разговор с рувимом должен стать более личным. Мои руки дрожали, а головная боль стала почти невыносимой. Я нуждалась в отдыхе, но оставить мистера Холла почему-то не могла.

– Разве ты ему не служишь? – не без сарказма спросил маг.

– Служу, – кивнул Шуст, – и на это меня обрек ты.

– Так не служи, насильно-то тебя никто не держит, – сказал мистер Холл.

– Ты прав, – согласился гость, – но кто-то должен сдерживать этого монстра.

– Ты всегда любил преувеличивать, – отмахнулся мистер Холл.

– Не в этот раз, – твердо проговорил Шуст. – Столетиями я пытался контролировать болезненную жажду, которую не так-то просто удовлетворять.

– И зачем тебе это? – с подозрением спросил маг.

– Если не направлять и не сдерживать эту манию, она вырвется на свободу и Дриэн поглотит хаос!

С каждым словом голос рувима становился все тише, а мое сердце пропускало удар за ударом, предчувствуя недоброе.

– Ты хочешь, чтобы я поверил, что ты думал о ком-то, кроме себя? – жестко выпалил мистер Холл.

– Все меняется, Итан, – рявкнул Шуст. – Это ты спрятался в другом мире, забыв о тех, кого оставил позади! Не все могут позволить себе подобную роскошь!

Слова рувима прозвучали жестоко, но из них я сделала хотя бы один успокоительный вывод: он не знал о возложенной на мага

ответственности.

– Чего ты хочешь от меня? – устало прикрыв глаза, спросил мистер Холл.

– Вернись в Дриэн и разгребь то дерьмо, что оставил после себя! Обуздай монстра, который слушает только тебя, хотя я уже не уверен, что это так и осталось.

Мистер Холл молча подошел к окну, его силуэт расплывался перед моими глазами, но я отчаянно цеплялась за него, игнорируя чудовищную головную боль, которая разрезала голову пополам. Меня мучило, но я держалась из последних сил, пытаюсь заглушить голоса, терзающие мой мозг. Одному богу известно, сколько сил мне понадобилось для этого. Можно было сдаться, но я чувствовала, что должна остаться рядом с мистером Холлом, что могу ему понадобиться. Глупо, конечно, но воспринимать себя рядом с ним иначе я уже не способна.

– Что происходит? – внезапно повернулся ко мне Шуст. – Что с ней такое? Столько боли физической, ее тело едва справляется!

– Мисс Янг, – обеспокоенно позвал меня маг. – Вам хуже?

– Нет-нет, – прошептала я, невольно касаясь вспотевшего лба. – Я в порядке. Она вернулась, но я справляюсь, поверьте...

Я смотрела в его глаза и пыталась скрыть, как важно мне оставаться рядом в такую сложную для него минуту. Это желание отметало прочь все неудобства, связанные с чужеродной магией во мне.

– Когда я говорил о силе этой девчонки, я даже предположить не мог, какова ее внутренняя мощь! – прошептал Шуст, приближаясь.

Его взгляд мне не нравился, он будто раздевал, но не так грязно, как могло показаться, а совсем иначе. Рувим словно снимал слой за слоем с моей души, проникал в самое потаенное, ворошил сокровище. Я поежилась, ощущая, как ком подкатил к горлу. Еще немного и боль вновь обернется рвотой.

– Глупая! Упрямая девчонка! – зашипел мистер Холл, стремительно приближаясь. – Зачем нужно было скрывать? Так хотелось удовлетворить свое любопытство? И я тоже хорош!

Ноги подкосились, и я непременно рухнула бы на пол, если бы мистер Холл не подхватил меня на руки. Перед глазами все поплыло, я едва держала их открытыми.

– Я подумала, что нужна вам...

Мистер Холл вдруг мягко улыбнулся и прошептал:

– И видит бог, как вы были правы!

Глава 13

– Вы совсем себя не бережете, дитя мое, – причитала Сиенна. – Ну разве можно так легкомысленно относиться к своему здоровью?

Экономка складывала постельное белье, пока я полулежала в кресле, прикрыв глаза и пытаюсь справиться с недомоганием, которое стало мне верным спутником в последнее время.

– Итан принес вас едва дышащую, сказал, вы скрывали, насколько вам дурно. Мы все очень благодарны вам, но...

– Что вы знаете о Шусте? – перебила я Сиенну, не желая в таком состоянии выслушивать стенания добрейшей женщины.

Даже мне показалось это грубым, но Сиенна ничуть не обиделась, а я пообещала себе больше так не разговаривать с ней.

– О Шусте? – переспросила она.

Мне захотелось открыть глаза, чтобы видеть ее лицо, но в этом не было совершенно никакого смысла, ибо зрение мое снова стало ужасным. Как странно, но и к этому я тоже уже начинала привыкать. Никогда бы не подумала.

– Да, о нем. Он говорил с мистером Холлом так, словно они давние приятели.

– Ну-у, – протянула Сиенна, – называть их приятелями вряд ли можно, но очень много лет назад они довольно тесно общались. Оба, надо признать, в то время наворотили дел.

– В результате появился тот монстр, о котором говорил рувим? Тот, которого нужно усмирить и сделать это якобы может только мистер Холл?

– Монстра? Усмирить? – задумчиво переспросила экономка. Я была абсолютно уверена, что в этом доме от Сиенны ничего не могло укрыться. Она была осведомлена о каждой мелочи. И дело было не только в ее природном любопытстве, но и в незыблемом доверии к ней мистера Холла. – Быть может... Но это давняя история, дорогая Этель, не стоит вам в нее вникать.

– Моя неосведомленность уже однажды натворила бед и мы теперь пришли к тому, что имеем, Сиенна, – растирая виски, проворчала я.

– Здесь другое, – мягко отозвалась она. – Итан не хочет, чтобы вы знали.

– Почему? – удивилась я. Признаюсь, ее слова причинили нечаянную боль. – Часть правды мне уже известна, почему бы не поделиться остальным?

– Поймите, Этель, – сказала экономка, и я почувствовала, как она ласково коснулась моей руки, – мало кто захочет признаваться в своих промахах, а у Итана характер непростой, ему признавать ошибки еще тяжелее. А уж делиться ими с кем-то... кем-то вроде вас, попытке подобно.

– С кем-то вроде меня? – удивилась я. Но ответом мне была лишь тишина. – Хорошо, тогда расскажите о визите Бриона. Судя по тому, что я видела в кабинете, они дрались? Да и лицо мистера Холла...

Сердце замерло в ожидании ответа, Сиенна ответила почти мгновенно, а мне показалось, что прошла целая вечность.

– О да! Брион, естественно, вышел из себя, когда понял, что вас нет в доме. Он обвинил Итана в беспечности, самоуверенности и еще бог знает в чем. К тому же Итаниэль наотрез отказался вас возвращать, сославшись на то, что вам просто необходим отдых.

– И Бриону явно такой ответ пришелся не по нраву, – пробормотала я.

– Ох, Этель, эта давняя вражда зачастую приводит к таким последствиям. Брион постоянно ищет повод для ссоры, а Итан не отказывает ему в удовольствии, позволяя выпустить пар. Иногда мне кажется, что так он сам себя наказывает. И я боюсь, что рано или поздно это плохо кончится. Очень плохо. Для одного из них.

Не стану лгать, мне было приятно, что мистер Холл так рьяно бросился защищать меня и мой покой. Но мечтать я себе не позволила. Зажмурившись, постаралась не обращать внимания на боль, пульсирующую в висках. Отвлекаясь от заботы хозяина этого дома, я невольно вернулась к разговору с Маргарет. Мысли о Роберте причиняли боль. Нет, даже не так. Мысли о том, что я натворила, о том, как уничтожила свою жизнь. А еще резкие слова миссис Дрей все время напоминали о себе, но их я не собиралась забывать. Вызывала в памяти снова и снова, чтобы привыкнуть, наконец, к этой жгучей тоске, которую они рождали. Ох, Маргарет... Я знаю, она

будет защищать меня до последнего, что неизменно станет причиной конфликтов с матерью, а мне бы этого не хотелось.

Еще я размышляла о том, чем мог закончиться разговор мистера Холла с Шустом, и куда в итоге делся рувим.

Неожиданно в памяти всплыл голос, и я подскочила на месте. Да, что это стало с моей памятью? Я могла оправдать себя лишь тем, что события разворачиваются настолько стремительно, что я просто не успеваю за ними.

– Мне нужно к мистеру Холлу! – воскликнула я, быстро поднимаясь.

Голова тут же закружилась, я пошатнулась. Не стоило так делать. Мое тело было все еще ослабленным. Я ждала, что Сиенна придет мне на помощь, но ее уже не оказалось рядом. Вероятно, я задумалась надолго, и экономка покинула комнату, а я этого даже не услышала. Я перевела дух и отправилась на поиски мистера Холла. Я не была уверена в том, где его искать, но интуиция повела меня к его кабинету. Передвигалась я все так же медленно, касаясь пальцами стен.

По пути мне встретился Морган, он предложил свою помощь, но я заверила его, что справлюсь сама.

Когда достигла цели, поняла, что интуиция не подвела. Из-за закрытой двери ясно слышала спор на повышенных тонах. Голос мистера Холла я узнала мгновенно, второй принадлежал Шусту. Словно и не уходила на отдых. В нерешительности застыла, не представляя, как поступить дальше. Невольно прислушалась и сначала не смогла ничего толком разобрать, но потом маг сорвался чуть ли не на крик:

– Я не могу вернуться, как ты не понимаешь?!

– Как же, – ехидно ответил Шуст, – я ведь почувствовал тебя в Дриэне! Там я и прицепился к твоей подружке! Ты был там, забыл?

– Тайно, Шуст! Мне запрещено возвращаться. Ты думаешь, я ради удовольствия поселился среди людей? Я наказан! Путь домой для меня закрыт! Для всех нас.

На некоторое время в комнате воцарилась тишина, а я по-прежнему не представляла, что делать. Постучать или тихо удалиться? Только я подняла руку, решившись все же постучать, как Шуст сказал:

– Она жаждет магии, Итан!

Сердце дрогнуло, я сжала дрожащими пальцами юбку.

– Что бы она ни делала, она ее не получит.

Голос мистера Холла показался мне усталым, а быть может, огорченным. Тут судить было сложно.

– Если бы, если бы... – проворчал рувим.

Я никак не могла понять, почему теперь слышала каждое слово так, словно сидела рядом с мужчинами по ту сторону двери. Они уже давно не кричали и порою их голоса становились совсем тихими, вот как сейчас, но мне это нисколько не мешало слышать абсолютно все, даже тихие вздохи.

– Что ты хочешь сказать, Шуст? Не темни. – Я уловила нотки тревоги в голосе мистера Холла.

– Она всегда умела найти сторонников, Итан. Ты это знаешь не хуже меня. И сейчас рядом с ней есть кто-то очень сильный. Возможно, не такой, как ты, но очень сильный.

Слово «очень» Шуст произносил с особенной интонацией, словно благоговая.

– Я уже далеко не так силен, – не без сожаления сказал мистер Холл. – Жизнь вдали от Дриэна ослабила меня.

– Судя по тому, сколько сил ты отдаешь девчонке, я не удивлен. Кто она? Зачем нужна тебе?

Я поняла, что речь зашла обо мне. Сердце взволнованно заколотилось в груди, я затаила дыхание, ожидая ответа, хотя не надеясь на откровенность со стороны мага.

– Это тоже не твоего ума дело, – ответил он, и я испытала нечто похожее на разочарование.

– Вы оба сбиты с толку, и я вижу тебя таким впервые, но...

– Не смей! – резко прервал Шуста мистер Холл. И снова я расстроилась, желая услышать то, что хотел сказать рувим. – Не смей больше копаться в моих чувствах и в чувствах моей гостьи!

– Как скажешь, конечно, но у девушки чувства такие яркие, такие чистые. Это просто невероятно! Мое сердце дрожит и волнуется рядом с ней. Я в жизни такого не видел. Она очень необычная, хоть и человек.

Слово «человек» прозвучало так, словно рувим считал таких, как я, низшими существами.

– Я ничего не хочу слышать о ее чувствах, Шуст. Тем более от тебя! – непреклонно заявил мистер Холл.

– А зря, тебе пошло бы на пользу, – вздохнул рувим.

– Когда-то я уже это слышал, – прозвучал ответ.

– Отчасти в том была и моя вина. Я это признаю. Но здесь другое...

– Хватит! – вновь отрезал маг. – Расскажи лучше о том, кто сейчас с ней.

– Я его не видел, – после недолгой паузы ответил Шуст. – Она прячет его ото всех.

– Они любовники? – Голос мага показался мне сдавленным.

Я вздрогнула, услышав этот вопрос, мне стало ужасно неприятно, что он вообще его задал. Кто была эта загадочная «она»? И что она значила для мистера Холла?

– Пф, Итан! – фыркнул рувим. – Неужели ты все еще...

– Нет, не в том дело! – грубо перебил его маг. – Включи мозги, Шуст. Ее власть над ним станет еще сильнее, если они перейдут грань.

– Ах, ну да, ну да, вот ты о чем...

Мне показалось, что рувим не поверил мистеру Холлу. Я, признаться, тоже сомневалась, что интересовала мага лишь эта сторона вопроса.

– Ну и что ты знаешь о нем? Почему опасаясь? – нетерпеливо повторил мистер Холл.

И вновь в комнате повисла тишина, которой я совсем не ожидала. Это меня насторожило, но прежде чем я успела что-либо понять, четкий голос мистера Холла произнес:

– Вы уже можете войти, мисс Янг. Я уверен, вы устали так долго стоять под дверью.

Более неловко я никогда еще себя не чувствовала. Щеки вмиг запылали от крови, которая кинулась в лицо. Мне отчаянно захотелось провалиться сквозь землю. Ну почему я так непозволительно часто забываю, что дом этот необычный, что его хозяин обладает магией?

– Прошу прощения, – пробормотала я, осторожно входя в кабинет. – Я вовсе не собиралась подслушивать. Хотела кое-что вам сказать, но услышав спор, растерялась...

– Она говорит правду, – усмехнулся Шуст. – Она смущена и пристыжена.

Я не могла видеть сидевших в кабинете мужчин, но благодаря голосам поняла, что маг стоял у окна, а Шуст расположился где-то в

кресле справа от меня.

– Мне не нужны твои комментарии, чтобы видеть это, – сухо сказал мистер Холл. – Я без твоего вмешательства хорошо знаю, кому здесь можно верить.

И снова мое лицо загорелось смущенным румянцем, но теперь от радости. Слова мага бальзамом легли на душу, я едва сдержала счастливую улыбку.

– Ух ты! Невероятно яркие эмоции! – воскликнул Шуст.

– Прошу вас прекратить! – воскликнула я. – Мне неприятно то, что вы делаете. Это, в конце концов, неприлично. Вы будто бесцеремонно вторгаетесь в мою душу, а я вас туда не звала.

– Он больше не будет, мисс Янг, – заверил меня маг. Отчего-то мне показалось, что в возникшей тишине он наградил рувима тяжелым многозначительным взглядом, обещающим в будущем обсудить эту тему. – Так что вы хотели мне сказать?

– Если можно наедине, мистер Холл, – робко попросила я.

– Можно, – отозвался маг. – Шуст, иди к себе, с тобой мы продолжим позже.

Я услышала, как рувим прошел мимо, легкий ветерок коснулся моей руки.

– И не трогай сирен! – бросил вдогонку мистер Холл. – Можешь поплатиться, я не буду за тебя заступаться.

– Фи, – фыркнул Шуст где-то позади. – Подумаешь, какие недотроги!

– Я серьезно, Шуст. За четыре сотни лет их неприязнь к тебе никуда не делась.

– Поверь мне, Итан, – рассмеялся рувим, – она напускная!

– Как же, – пробормотал мистер Холл едва слышно.

В голосе мага я впервые слышала шутливые, легкие интонации. Так странно, слова рувима явно насторожили его, встревожили, но в то же время общение со старым знакомым принесло и неожиданную для всех радость. Клянусь, я слышала, что он все еще улыбался, когда обратился ко мне:

– Так с чем вы пришли, мисс Янг?

– Я слышала имя, ваше имя, – ответила я тихо.

Мысль о том, что мы с мистером Холлом вновь остались наедине, странным образом меняла ритм моего сердца. А тот факт, что я не

могла видеть его лица, обострял восприятие происходящего.

– Когда? – послышался его голос где-то справа от меня.

– Когда была у Маргарет. Ваше имя прозвучало так четко, словно... словно я была совсем близко к тому, кто его произнес. И произнесено оно было как-то иначе. Не знаю, как объяснить... Будто говоривший совершенно точно знал, что делает.

– Вам не показалось?

От теплого дыхание локоны, свободные от прически, колыхнулись, я судорожно вздохнула, не сумев скрыть приятное волнение.

– Возможно, – кивнула в ответ. – Я еще не слишком хорошо разбираюсь в том, что слышу.

– Вы разберетесь, – хриплым шепотом произнес маг.

По телу пробежала дрожь, а в голове появилась мысль, что мистеру Холлу доставляло удовольствие подходить так близко и наблюдать за моей реакцией. Я знала, что он наблюдал, но ничего не могла с собой поделать. Тело само собой откликалось на действия мага.

– Как мы найдем того, кто узнал ваше имя, если воспользоваться порталом уже не сможем?

Я услышала вздох, а потом перестала ощущать присутствие мистера Холла так близко. Судя по звукам, маг распахнул балкон. Прохладный порыв ветра заставил поежиться и обнять себя руками.

– Есть у меня мысли на этот счет, но мне они не по нраву.

– Почему? – робко спросила я, не особенно надеясь на ответ.

– Буду с вами откровенным, мисс Янг. – Сердце пропустило удар. – Шуст принес печальные новости. Да вы и сами слышали. Из-за них меня не покидает мысль, что я должен исправить то, что случилось по моей вине. Но любой свой шаг я должен тщательно продумать.

– Вы хотите вернуться в Дриэн? – ужаснулась я. – Вы всерьез размышляли над этим? Но это же прямое нарушение запрета! Не думаю, что на подобную геройскую вылазку хватит пятнадцати минут, которые могут подарить вам сирены. Вас казнят!

– Когда живешь так долго, мисс Янг, отношение к долголетию меняется. Что я могу потерять, кроме жизни? Ничего настолько важного у меня нет.

– Нет? – сорвалось с моих губ.

Я отчаянно хотела видеть его лицо, хотела рассмотреть хоть мимолетную тень сомнения, хотела заметить блеск в глазах, обращенных ко мне, хотела увидеть, что я ему дорога. От этой мысли пришла в ужас, меня бросило в жар. Когда его чувства стали настолько важны для меня?

– Что такое, мисс Янг? – вновь слишком близко раздался его вкрадчивый голос. – О чем вы думаете? Что за мысли бродят в вашей миленькой головке? Вы покраснели.

От этих слов кровь еще быстрее хлынула к щекам, я обхватила заледеневшими ладонями свое лицо. Дышать стало трудно.

– Что с вашим дыханием? – тихие слова пробежали мурашками по коже.

– Ничего, мистер Холл, – прошептала я, скользя руками по шее, будто безуспешно пытаюсь скрыть то самое сбившееся дыхание, о котором шла речь.

– Это очень интересное «ничего», Этель, – сказал он, и теплая волна окатила мое тело.

Маг кружил вокруг меня, словно кот, появляясь то с одной стороны, то с другой. А я все больше нервничала, желая и прекратить и продолжить эту сладкую пытку.

– Что за мысли заставляют вас так волноваться?

Впервые мне захотелось рассказать о них и будь что будет. Но это обернулось бы трагедией. Я пугала саму себя, а точнее, мои мысли и желания пугали меня.

– Голос! – выпалила я и сделала шаг, как мне казалось, в сторону от мистера Холла.

Но расчеты мои оказались неверны. То ли маг успел передвинуться, то ли реакция его была быстрее, чем я могла того ожидать. Одним словом, я угодила точно в его объятия. Касание ласковых рук, теплое дыхание и запах мгновенно вскружили голову, и я отпрыгнула как ошпаренная. Ответом на мои действия стал тихий смех.

– Вам нравится смущать меня? – возмутилась я.

– Клянусь, в жизни не видел ничего милее!

Я совершенно не представляла, как реагировать на его слова и всю эту ситуацию. Рассудок твердил, что я играю с огнем, а сердце

отвечало, что я хочу сгореть в этом огне дотла. Этот человек сбивал меня с толку, а ведь мне казалось, что после предательства Роберта я не смогу ощутить что-то подобное.

– Давайте будем серьезнее, мистер Холл, – сдерживая истинные чувства, сказала я. – Голос! Нам необходимо отыскать того, кто произнес ваше имя.

Я услышала очередной вздох, и тон мистера Холла изменился, став строже.

– Да, голос.

– Мы говорили о том, что вы знаете путь, чтобы вернуться в Дриэн. Каков он?

Мистер Холл с ответом не торопился, мне оставалось лишь ждать. Как же я устала оттого, что не могу видеть происходящее вокруг меня! Какой невыносимой пыткой была эта слепота, лишавшая меня возможности наблюдать за собеседником.

– В Дриэне есть человек, с которым я могу связаться, если понадобится. Человек, которого я могу попросить вызвать меня, как конфиденента.

Его слова насторожили меня. Что-то в них меня беспокоило, но я никак не могла уловить, что именно.

– Интересно, – пробормотала я. – Это должен быть очень близкий человек, верно? Тот, кому вы откроетесь, тот, кому вы должны хоть немного доверять. Тот, кто что-то значит для вас. Это не простая связь?

– Я уже не в первый раз убеждаюсь в вашей проницательности, мисс Янг, – усмехнулся мистер Холл. – Да, это человек, с которым я связан определенным образом.

Почему-то я была абсолютно уверена, что человеком этим была женщина. Внутри все сжалось, я похолодела. Хотя чему тут удивляться, вряд ли стоило рассчитывать на то, что в жизни мистера Холла не было близкой женщины.

– Это хорошо, что у вас есть такой человек, – внезапно осипшим голосом сказала я.

– У меня нет однозначного ответа на ваши слова, – сказал он. – Я не общался с этим человеком несколько сотен лет и, если быть до конца откровенным, не хотел бы начинать снова.

– А почему бы вам тогда не попросить Шуста? Пусть он вернется в Дриэн и вызовет вас заклинанием, – сама не понимая, чему именно

так радуюсь, предложила я.

– Он не может, – ответил маг. – То есть вернуться в Дриэн может, а вызвать меня – нет.

– Это еще почему? – удивилась я.

– Видите ли, мисс Янг, Шуст был тем, на кого в какой-то степени распространилось мое наказание.

– Он был соучастником?

– Что-то вроде того. Все, кто был близок ко мне в то время, так или иначе заплатили за это. Шуст не знает о том, кто я. Из-за нашего общего прошлого ему запрещено вести конфиденциальные разговоры, дабы он не вынашивал какие-либо неугодные магическому сообществу планы.

– Они могут это контролировать?

– Им нравится так думать.

Жаль, что моя идея не оказалась полезной. Я попыталась скрыть сожаление. Не знаю, насколько хорошо у меня получилось.

– Хорошо, так что это за человек, который может вас вызвать? С кем у вас такая нерушимая связь?

Мой голос предательски дрогнул, я затаила дыхание.

– Моя мать, – ответил он.

– У вас есть мама? – изумилась я, чуть не подпрыгивая на месте.

– У всех есть, мисс Янг. Маги тоже рождаются от матерей, – усмехнулся мистер Холл.

– Я не в том смысле, конечно же. Я... Она еще жива?

– Она колдунья. И могущественная.

– И как же вы живете вдаль друг от друга? – ужаснулась я. – Вероятно, вы оба очень страдаете.

– Не особенно, – не без горечи в голосе сказал мистер Холл. – Мы не близки.

Его эмоции я слышала достаточно хорошо и сама поражалась тому, что могу их распознавать. Нет, не все, конечно, но многие. Интонации, дыхание, паузы и прочее, – все это я улавливала, даже не стараясь.

– Но она же не выдаст вас? – с тревогой спросила я.

– Я не могу сказать наверняка, – ответил мистер Холл. – Моя мать свято верит в законы Дриэна, она принимала участие в их создании и продвижении. Она любила Алададриэн всей душой, а я стал тем, кто

опозорил ее. С тех пор она ни разу не посмотрела мне в лицо. Не думаю, что Мариона сильно изменилась за эти годы.

– Мариона, – повторила я. – Красивое имя.

– Как и его обладательница.

– Неужели мать не смогла простить свое дитя? Ведь матери любят безоговорочно, безусловно, – недоумевала я.

– Не все, мисс Янг, далеко не все. – Я услышала, как мистер Холл налил себе выпить. – К тому же, у нее есть новая семья, дети. Я, вместе со своими ошибками, остался в прошлом.

– Я отказываюсь в это верить! Возможно, ее чувства сокрыты глубоко внутри. Люди по-разному выражают их. Некоторые держат чувства в себе, предпочитая не показывать слабость, как вы. Возможно, это качество вы унаследовали именно от матери.

– Ах, мисс Янг, вы наивны и доверчивы, и это уже сыграло с вами злую шутку, – сказал мистер Холл.

– А вы считаете своим долгом не позволять мне забыть об этом, – сказала я и стиснула зубы, сдерживая обиду.

– Нет! Вовсе нет, мисс Янг. Я не к тому это сказал. Вообще-то, я имел в виду тот факт, что вы стараетесь видеть в людях только хорошее, а это опасно. Стоит быть осмотрительнее.

– Смотреть на людей вашими глазами и постоянно ждать предательства? Чем же это лучше?

– Тем, что если не ждешь ничего хорошего, то и не разочаруешься! – сурово проговорил он. – Я никогда не ждал от матери похвалы или добрых слов, поэтому не расстраивался, когда мои успехи не вызывали у нее одобрения.

– Вы нечестны не только со мной, но и с собой, мистер Холл, – тихо ответила я. – Ваша боль говорит сама за себя. Вы, как раз наоборот, очень ждали внимания со стороны вашей матери и, не получая его, страдали, как страдаете сейчас, стоило упомянуть об этом.

Я понимала, что слова мои прозвучали дерзко, понимала, что могла причинить мистеру Холлу боль, но они вырвались сами собой, сдержать их я была не в силах.

Я услышала, как ударился стакан о поверхность стола и как мистер Холл стремительно сократил между нами расстояние. От его приближения у меня захватило дух, волнение перемешалось со

страхом. Я совершенно не представляла, чего мне ожидать от разъяренного мага.

Но он ничего не сделал, не сказал, не коснулся. Я слышала, как тяжело он дышит рядом со мной. Что заставило его сдержаться, не знаю.

– Я прошу прощения, что перешла границы, мистер Холл, – тихо проговорила я. – Я ни в коем случае не хотела...

– Не надо, – сухо ответил он. – Возвращайтесь к себе. Я пришлю за вами, как только получу ответ от Марионы. Если вообще его получу.

– Если она вас пригласит, вы сможете взять меня с собой?

– У меня нет выбора, ибо без вас я не найду нужного человека так быстро, как хотелось бы.

Больше я не стала терзать его своим присутствием и медленно побрела к двери. Я и сожалела о сказанном, и нет. Никогда прежде я еще не говорила так ни с кем.

– Велите Сиенне приготовить вам отвар. И не тешьте себя иллюзиями насчет моей матери. Вам лучше подготовиться не только к неприязни, но и к возможной опасности.

Глава 14

– Я не одобряю твоего решения, Итан, – строго сказала Сиенна, – но отговаривать не стану. Ты все равно не слушаешь. Наверняка ты уже взвесил все за и против, по крайней мере, я на это надеюсь. Хочу лишь напомнить, что эта женщина никогда тебе не помогала, с чего бы ей вдруг начинать?

Экономка ворчала и размахивала руками, чего я еще никогда не видела. А сейчас действительно за этим наблюдала. Мне вновь пришлось выпить тот самый отвар, что помогал видеть Дриэн и погружаться во тьму в Аладе. Сиенна не скрывала своего раздражения и недовольства решением мистера Холла воспользоваться помощью матери.

– Может, все не так уж плохо? – робко вклинилась я. – Столько лет прошло, матушка мистера Холла могла тосковать все это время...

– Ох, дитя мое, – улыбнулась экономка, – как же я люблю это ваше прекрасное сердце, готовое открыться любому.

Сиенна подошла ближе, приложила ладонь к моей щеке, глаза ее засветились теплом и любовью.

– Мне очень жаль разочаровывать вас, Этель, но есть такие женщины, которые просто не способны быть хорошей матерью. Их, подобно мужчинам, интересуется власть, они раздают поручения и не замечают того, что происходит у них под носом. Я много лет пыталась втолковать Марионе, чтобы она хоть иногда обращала свой взор на сына. И не суровый и укоризненный, а материнский заботливый. Такой, чтобы мальчик знал, что его любят.

– Довольно, Сиенна, – прервал ее мистер Холл. – Ни к чему это.

На лице мистера Холла была надета холодная маска с тех самых пор, как я вошла в кабинет и узнала, что его мать согласилась на конфиденциальный разговор. Он тщательно скрывал то, что творилось в душе.

– А что довольно? – взвилась Сиенна. – Ты решил отправиться к той, что чтит законы превыше всего и решил уговорить ее нарушить их? Что это, если не глупость?

– А ты знаешь другой выход? – ответил маг. Мне казалось, что мистер Холл едва сдерживает ярость, но не дает ей воли, чтобы не выпустить вместе с ней все, что прятал на сердце. – Это разве не вы уговорили меня отыскать всех несчастных, которым грозило заточение в башне? Мы утратили возможность использовать портал, других способов попасть в Дриэн я не знаю!

Экономка застыла на месте, с тревогой глядя на того, кого воспитала. Она сжала губы, на глазах навернулись слезы. Мое сердце сжалось, когда она заставила себя смиренно кивнуть.

– Просто будь осторожен и... защити свое сердце понадежнее. Эта встреча может кончиться плохо.

– Любая встреча в Дриэне может кончиться для меня плохо, – уже мягче сказал маг. Он вздохнул и обнял Сиенну за плечи. – Мы не можем защититься от всего. И от уготованного нам уйти тоже не можем. Когда-то наша жизнь должна была сдвинуться с этой мертвой точки. Почему бы не сейчас?

Мистер Холл слабо улыбнулся женщине, а она коснулась ладонью его груди, нервным жестом расправила пиджак, подавила вздох и отошла от своего подопечного.

– Не теряйте времени даром, идите, – сказала она. – Призыв уже прозвучал?

– Да, – кивнул маг, – я его слышу.

Я взволнованно сжала и разжала кулаки, в душе поселилось что-то беспокойное, но я, как и все здесь, пыталась скрыть свои чувства, чтобы не расстраивать остальных.

– Готовы? – спросил меня мистер Холл.

Говорить было тяжело, в горле застрял ком, поэтому я просто кивнула в знак согласия и вложила свои пальцы в протянутую руку мага. Мистер Холл легонько сжал их и притянул меня к себе.

– Это путешествие будет иным, мисс Янг, – прошептал он. – Я подчинен магии, хозяйкой положения будет моя мать. Здесь нам придется полностью положиться на ее решение.

– Нас может ждать ловушка? – тоже шепотом спросила я, поднимая глаза и вглядываясь в лицо мага.

– Да, – тихо сказал он.

Сердце гулко забило в грудной клетке, я невольно прижалась к мистеру Холлу плотнее, не отводя глаз от его приоткрытых губ.

– Что ж, как вы и сказали, мы не можем защититься от всего, – сказала я.

Мистер Холл одобрительно улыбнулся и бережно положил мою голову к себе на грудь.

– Закройте глаза, мисс Янг, сейчас будет много света.

Я охотно подчинилась, полностью доверяя его словам. Закрыла глаза и позволила магу обхватить меня руками. Никогда еще я не чувствовала себя подобным образом. Никогда еще не ощущала себя в большей безопасности.

Даже сквозь сомкнутые веки яркий свет причинил боль. Я с силой зажмурилась, подавляя желание прикрыть глаза руками. Отпустить мистера Холла сейчас было бы глупостью, ведь пол исчез из-под ног, а наши тела завертелись в воздухе.

– Еще немного, Этель, – сказал маг, все еще крепко прижимая меня к груди. – Мы почти на месте.

Еще пара витков и мои ноги вновь коснулись твердой поверхности. Дышалось тяжело, но это лишь от головокружительного полета и волнения. Я нехотя отстранилась от мага и подняла голову.

Мы оказались в роскошном саду, благоухающем и изобилующем изумительными цветами. Казалось, здесь были их все сорта и виды, всех цветов и оттенков. Я шагнула к ближайшей клумбе и вдохнула мягкий аромат фрезии.

– Мариона всегда любила цветы, – тихо сказал мистер Холл. Я обернулась и увидела, что маг рассматривает бутоны. Его лицо стало задумчивым. – Когда-то я вытоптал их все...

– Вы хотели привлечь ее внимание? – догадалась я.

– Возможно. Не знаю.

Мистер Холл поднял глаза и какое-то время просто смотрел в мое лицо, а потом будто очнулся.

– Но это все равно не помогло. В тот день я получил хороший урок.

– Мы все его получили, Итаниэль, – послышался ровный женский голос.

Я вздрогнула, заметив за спиной мистера Холла высокую женщину средних лет. Она стояла прямая, словно трость, сложив руки в замок и глядя на нас свысока. Мистер Холл и правда был чем-то похож на нее – те же глаза, тот же нос, та же сила и мощь.

Маг прикрыл глаза на мгновение, а я подавила желание подойти к нему ближе и взять за руку. Сейчас это ему не нужно, он должен справиться сам.

– Зачем ты просил о конфиденциальном разговоре? – спросила Мариона.

Я ужаснулась. И это все? Она не видела сына четыре сотни лет и ее первый вопрос о том, зачем он пришел? Я с трудом заставляла себя держать язык за зубами. Это оказалось не так уж просто. Мистер Холл мигом распознал мои намерения, слабо улыбнулся, а потом отрицательно качнул головой. Я вновь подчинилась его приказанию.

– Мне нужна была твоя помощь, – сказал ей маг, а потом все же повернулся к матери.

Лицо ее даже не дрогнуло, ни одна эмоция не проявилась на нем, когда она посмотрела на сына. Да, эту женщину можно было сравнить с глыбой льда.

Мариона перевела взгляд на меня, присмотрелась, изящно приподняла одну бровь.

– Как я вижу, ничего не изменилось. Ты по-прежнему выбираешь не тех женщин.

– Близкие мне женщины не интересовали тебя в прошлом, меня устраивает такое положение дел и сейчас.

– Хорошо, – сказала она, – тогда перейдем к делу.

Мариона прошла в глубь сада и присела на скамейку в большой беседке, увитой плющом. Она не приглашала нас, не выказывала радушия, держалась отстраненно, что вызывало в моей душе настоящий ураган.

– Я попросил тебя об одолжении, чтобы попасть в Дриэн, – сказал мистер Холл. – Из-за ряда обстоятельств возникла неприятная ситуация и мне необходимо ее исправить, чтобы не пострадали невинные жители Дриэна.

Женщина медленно подняла глаза на сына. Во взгляде ее было столько осуждения, что даже я чуть не захлебнулась. Представить трудно, каково было мистеру Холлу выдержать его.

– Ты всегда обвинял обстоятельства, Итаниэль, и не признавал, что лишь твоя беспечность и эгоизм причина страданий невинных людей. Прошло четыреста лет, а ты вновь подверг кого-то смертельной

опасности. Признаюсь, я надеялась, что ты изменился. Как же я разочарована.

– Вы несправедливы! – выпалила я. – Вы ведь даже не потрудились разобраться. Мистер Холл ни в чем не виноват! Это мои ошибки он исправляет, это я стала причиной...

– Этель! – остановил меня маг.

Его голос прозвучал холодно, но я ничуть не обиделась, хорошо понимая, с чем именно это было связано.

– Ты лишь подтвердила мои слова, – стальным голосом сказала Мариона. – Мой сын так и не научился выбирать женщин! Он падок на доступных пустышек, желающих погреться подле его мощи.

– Мама! – взбесился мистер Холл. – Ты можешь говорить обо мне все, что тебе заблагорассудится, но не поливай грязью Этель. Она не тянется к моей магии, я не нужен ей. Здесь все по-другому.

– Как же, – скривилась Мариона. – Ты либо слепой, либо глупец. Она едва дышит рядом с тобой. Всем своим жалким существом тянется к тебе, словно привязанная.

– Даже если и так, – гневно ответил матери Итан, – дело вовсе не в этом!

– А в чем же еще? – вскинулась Мариона. – Из-за всепоглощающей, болезненной любви к такой вот... – Не знаю, каким словом мать Итана хотела меня назвать, но взглянув в полные ярости глаза сына, проглотила нелестное обращение. – Однажды ты уже разрушил наш мир. И вот снова являешься ко мне и говоришь, что я должна помочь тебе исправить ошибку, совершенную тобой женщиной! Ты не учишься даже на собственных ошибках!

– Здесь все иначе, – сквозь зубы процедил маг. – Этель не моя женщина. Она просто человек, попавший в беду. Девушка, которая попыталась защитить меня, но невольно выдала мое имя тому, кому не следовало!

Гнев завладел Итаном полностью. Он тяжело дышал, говорил, с трудом не срываясь на крик.

– И это тоже результат твоей беспечности! Как я поняла, именно на тебя возложили огромную ответственность. Тебя сделали конфидентом. О чем они только думали? Эта должность подразумевает дисциплинированность, ответственность и терпение. Ты ни одним из

этих качеств не обладаешь и твое появление у меня на пороге тому доказательство.

Мистер Холл сделал порывистый шаг к матери, но она ничуть не испугалась. Поднялась на ноги и встала прямо перед ним. Воздух вокруг нас словно сгустился, напряжение росло с невероятной скоростью.

– Итан, – позвала я. – Итан, посмотри на меня!

Не знаю, откуда взялась смелость, но я вклинилась между матерью и сыном, положила руку на грудь мага, прямо над сердцем, и вновь позвала:

– Итан!

Мистер Холл дернул головой, а потом медленно опустил глаза. Я прочитала в них столько боли и разочарования, сколько едва ли мог выдержать один человек. Пока он смотрел на меня, я чувствовала, как успокаивается его дыхание, как замедляется сердцебиение, как мистер Холл медленно расслабляется. Я посмотрела на него с мольбой, не желая дальнейшего развития конфликта. Да, Итан был прав, когда говорил, что я не должна обманываться на счет его матери, но с этим придется смириться.

– Вы глубоко заблуждаетесь, – сказала я, разворачиваясь к ней. – Ваш сын дорого заплатил за свои ошибки, он все еще платит за них. И вам неведомо, от чего ему пришлось отказаться и чего ему это стоило. Вы предпочли отстраниться, как делали всегда. Вы забыли о том, что у вас есть сын на долгие четыреста лет. Что ж, ваше право. Но теперь он пришел к вам с просьбой о помощи, и вы просто обязаны откликнуться.

– Почему из-за его ошибок я должна отступать от закона? – надменно спросила Мариона.

– Хотя бы потому, что он ваша плоть и кровь, – тихо ответила я, ощущая, как пальцы Итана касаются моей спины. – Никто не без греха, Мариона. Все совершают ошибки. И обычно родители изо всех сил поддерживают своих детей, прощают их и помогают вновь встать на ноги! Материнская любовь разве может быть другой?

На одно короткое мгновение мне показалось, что я увидела страдание в глазах матери мистера Холла. Что-то призрачное мелькнуло на ее лице, что-то вполне человеческое, способное навести

на мысль, что у Марионы все же есть сердце. Только это что-то исчезло так быстро, что я даже подумала, не показалось ли мне.

– Возможно, законы Дриэна для вас важны и мы это уважаем, – продолжала я, – но вы говорили об ошибках и их исправлении. Мы как раз исправляем ошибку, мою ошибку. Мы хотим спасти невинных людей от заключения в Мерцающую башню. Их вина лишь в том, что они не глухие. Невольно услышав имя конфиденанта, они подверглись смертельной опасности. Их семьи будут страдать. Это несправедливо! Я произнесла имя конфиденанта, сама того не понимая, и его тихая жизнь пошла прахом. Так в чем вина жителей Дриэна, беззащитных перед моей оплошностью и законом Дриэна?

Мариона долго смотрела на меня. Не знаю, о чем она в этот момент думала, но мне хотелось верить, что мои слова затронули хоть что-то в ее на первый взгляд черствой душе.

– Она действительно кажется другой, – сказала наконец Мариона сыну. – Ее и впрямь заботит кто-то еще, помимо нее самой.

Я услышала, как мистер Холл вздохнул, его рука легла на мою спину и я почувствовала, как разлилось тепло по телу от его прикосновения.

– Помоги нам, и мы исчезнем из твоей жизни. Я исчезну и больше не потревожу твой покой. Ты сможешь и дальше наслаждаться садом и обществом новой семьи, детьми, которые не разочаруют. Я вернусь туда, откуда пришел, и больше не буду напоминать о том позоре, который олицетворяю.

– Ты действительно думаешь, что для меня важно лишь это? – ужаснулась Мариона.

– Ты ясно дала это понять, – тихо сказал маг. – Так ты сможешь?

Мать Итана глубоко вздохнула, успокаиваясь. Казалось, она хотела еще что-то сказать, но отбросила эту мысль. Эти двое были слишком упрямы, чтобы хоть раз поговорить начистоту. Мариона боялась говорить, а Итан боялся слушать. В этом вся проблема. И то, что казалось мне понятным всего несколько минут назад, сейчас стало ужасно запутанным. Пусть кто угодно меня осудит, но я видела, как мать и сын любят друг друга, видела, как они страдают. Но никто из них не желал понимать другого, ни один не готов был принять чью-то чужую правду, помимо своей. Любовь бывает разной и не все проявляют ее одинаково. Скорее всего, Мариона видела ее по-своему,

а Итан не мог угадать любовь в поступках матери, потому что ждал от нее другого.

– Чего вы от меня хотите? – сдалась она.

– Согласись на конфиденциальный разговор, пока Этель будет искать того, кто знает мое имя. Это поможет мне сохранить жизнь и оправдать свое пребывание в Дриэне.

– Оправдать свое пребывание? – удивилась Мариона.

– Это часть наказания.

– Ты четыреста лет не был дома? – ужаснулась мать Итана. Это стало для нее настоящим открытием. – Кто придумал эту пытку?

– Брион, – ответил маг. – Это была его идея.

– Я должна была догадаться... А Сиенна?

– Она со мной. Они все остались со мной, согласившись на заточение в Аладе.

– Не все, – задумчиво пробормотала Мариона, и тень скользнула по лицу Итана.

В этот момент мне показалось, что мать впервые посмотрела на сына другими глазами. Не все... О ком она говорила? О той женщине, из-за которой, по всей видимости, все и произошло? Она не пошла за Итаном? Предала его?

– Хорошо, – сказала Мариона. – Я согласна на разговор, но я не хочу о нем забывать. Это мое право.

– Знаю, – кивнул мистер Холл. – Как пожелаешь.

Маг мягко развернул меня к себе и, держа за плечи, усадил на скамью. Его движения были плавными, но взгляд казался колючим. Отчего-то мне подумалось, что у моих выпадов в сторону его матери еще будут последствия, когда мы вернемся домой.

– Поторопитесь, мисс Янг, – сказал он. – Начинайте искать немедленно. У нас не так много времени. Позвольте голосам вернуться, ищите. А я пока выполню свой долг, чтобы Брион ненароком не явился сюда.

Я вздрогнула при упоминании ненавистного имени, но Итан сжал мои плечи, будто утешая, и я кивнула.

Мать и сын не ушли от меня далеко. Итан вновь достал свой магический клинок, а когда Мариона заговорила, я не смогла оставаться глухой. Мой слух совершенно преобразился в последнее

время, и даже если я не собиралась слушать, все равно все слышала. Первые слова женщины заставили меня с силой прикусить губу.

– Она приходила ко мне.

– Зачем?

– Ищет тебя, и теперь я понимаю, почему так долго не может найти. Она требовала, чтобы я воспользовалась материнским сердцем и смогла призвать тебя.

– Но ты этого не сделала.

– Я всегда считала, что эта женщина погубит тебя. Она использовала тебя четыре сотни лет назад и сейчас ищет именно по той же причине. Чтобы использовать.

– Я уже не тот, – тихо сказал Итан и бросил быстрый взгляд на меня, застывшую в изумлении.

– Возможно, твоя спутница права и я порою была слепа по отношению к тебе. Но не думай, что твои страдания доставляют мне удовольствие. Никогда не доставляли. Просто ты не слушал меня... – Почувствовав, что снова распаляется, Мариона замолкла на несколько секунд, а потом, собравшись с силами, продолжила: – Не о том сейчас речь, Итаниэль. Что бы ты ни думал, как бы ни был уверен в себе, но эта женщина очень опасна. И цели ее опасны.

– В чем ее цель, ты знаешь?

– Нет, но чувствую, что добром это не кончится. Она всегда хотела обладать тем, что ей не принадлежит. Она не остановится и рано или поздно найдет тебя, Итаниэль.

– Что тебя на самом деле беспокоит?

– Что ты не устоишь перед ней снова.

Слова Марионы прожгли огромную дыру в моей душе. Как же сильно Итан любил эту призрачную женщину из прошлого! Как много она для него значила! Даже разговор о ней сильно беспокоил его, что же будет, когда он увидит свою былую любовь лицом к лицу?

Итан повернулся ко мне. Он знал, что я слышу каждое слово. Я искусала свою несчастную губу и вся дрожала от волнения.

– Теперь все иначе, мама, – сказал маг, глядя мне прямо в глаза. – Теперь в моем сердце для нее не осталось места.

Мариона повернулась ко мне.

– Эта подлая женщина может любым способом проложить дорогу обратно в твое сердце, Итаниэль. Не забывай об этом.

Итан тряхнул головой, словно сбрасывая наваждение, и повернулся к матери.

– Чем еще ты хотела бы поделиться?

– Тревогами, – ответила Мариона. – Тревогами о Дриэне. Что-то грядет.

– Ты знаешь, что именно?

– Нет, пока только чувствую.

Дальше я попыталась не слушать, чтобы выполнить, наконец, то, зачем мы здесь. Голоса ворвались не сразу, а это значило, на мой взгляд, что мы с магией привыкаем друг к другу. Она больше не мучила меня, проникала в голову плавно, будто щадила. Среди тысяч звуков я никак не могла выделить нужный, поэтому произнесла имя своего спутника, как и в прошлый раз, чтобы усилить эффект. Но он оказался неожиданным.

Я увидела парк в Грейстэле, знакомые скамейки и деревья, услышала пение птиц и запах распустившихся роз. Передо мной возник молодой и привлекательный мужчина. Он смотрел прямо на меня и улыбался, сердце мое дрогнуло. Мужчина стоял на тропинке, ведущей в беседку, которая стала местом моих свиданий с Робертом.

– Итаниэль Холл, – произнес мужчина и снова улыбнулся.

Откуда-то я точно знала, что это совсем нехорошо. Как и прежде, мне показалось, что он знает, что делает, что произносит имя намеренно. Чтобы его услышали, чтобы его нашли. Но может, он как-то узнал о том, что Итан помог Камелии и ее детям? Может, он хотел, чтобы и его избавили от Мерцающей башни? Я ступала, совершенно не понимая, что делать дальше.

– Уходите! – внезапноскомандовала Мариона. – Бегите в дом!

Я быстро вскочила на ноги. Видение парка, скамейки и молодого мужчины тут же исчезло. Мать Итана выпрямилась, словно каменное изваяние, на ее лице застыла тревога.

– Идите в дом, Итаниэль! Мои дети спрячут вас. С Брионом я разберусь сама!

– Мама... – проговорил Итан, глядя в потемневшее небо.

– Прочь, я сказала! – рявкнула она. – Убирайтесь, пока не поздно!

Глава 15

Итан сгреб меня в охапку и кинулся к дому. Еще не до конца придя в себя после видения, я растерянно озиралась, пока мистер Холл увлекал меня за собой сквозь сад. Огромный особняк, немного похожий на старинный замок, вырос будто из-под земли. Дверь перед нами открылась сама собой.

– Что происходит, Итан? – громким шепотом спросила я, вновь забыв о формальностях.

– Брион явился к моей матери. Вот что происходит, Этель, – ответил он, окидывая взглядом просторный холл.

– Но я никого не видела.

– Мы почувствовали, он не скрывался, – пытаюсь отдышаться, сказал Итан.

– Он знает, что ты здесь? – испугалась я.

Итан нахмурился и отрицательно покачал головой.

– Нет, не знает, не думаю...

Прозвучало неуверенно, и тревожиться я не перестала.

– Но узнает, да? Он же может почувствовать твое присутствие, как ты смог почувствовать его приближение?

Я шагнула ближе и заглянула магу в глаза, чтобы не упустить того, что он захотел бы скрыть от меня, чтобы не расстраивать. Итан открыто ответил на мой взгляд.

– Даже если захочет, Брион не почувствует вашего присутствия, – послышался голос со стороны.

Мы с Итаном обернулись и увидели, как по широкой лестнице к нам спускаются двое юношей и девушка. Все трое были похожи друг на друга, но при этом разные. Девушка казалась старше – высокая, стройная, с длинной тугой косой до пояса, с суровым взглядом. Юноши выглядели моложе. Один смотрел настороженно, но с любопытством, у второго глаза блестели весельем и азартом, он, по всей видимости, был самым младшим.

– Этот дом и заклинание нашей сестры укроют вас от магии Бриона, – произнес средний. Он продолжал с интересом нас изучать,

разглядывая умными серыми глазами. – Я Инжен, а это моя старшая сестра Иледия и младший брат Грайс. А вы кто?

Я вздрогнула от неожиданности. Значит, эти молодые люди не имели ни малейшего понятия, что перед ними их старший брат? Сделала шаг вперед, желая объяснить, но почувствовала, как Итан взял меня за руку, останавливая на полушаге.

– А Мариона не сказала вам? – чуть хрипловатым голосом спросил он, внимательно разглядывая родственников.

– Нет, – подал голос Грайс. – Мама сообщила лишь о важной встрече. Она попросила быть предельно внимательными и готовыми ко всему, что бы это не значило.

Итан горько усмехнулся, в его взгляде я угадала разочарование. Иледия тоже молчала, изучая лицо моего спутника. На мгновение ее взгляд просветлел, будто ее озарила догадка, но потом глаза стали колючими.

– Зачем вы явились? – с вызовом спросила она.

Итан поднял голову и посмотрел на сестру, которая более всех остальных походила на их мать. Та же непреклонность и уверенность читалась в ее осанке и движениях.

– За помощью, – сказал он.

– Вы подвергаете опасности нашу маму, – выделив слово «нашу», произнесла Иледия. – Ей не стоило соглашаться на встречу.

Всем своим видом и тоном голоса девушка продемонстрировала неприязнь и нежелание принимать Итана как брата. Я это видела, а значит, Итан тоже. Мне стало жутко обидно за него, и я невольно стиснула сильнее его пальцы.

– Что она вам сказала? – спросил маг, глядя сестре в глаза.

– Ничего, – дернула она головой. – Лишь то, что встреча очень важна для нее. А с кем и зачем, не обмолвилась ни словом.

Мы с Итаном без труда прочитали смысл, вложенный девушкой в эти простые слова. Она на это и рассчитывала. Она хотела сказать, что братья не догадываются, кто перед ними, а также настаивала на том, чтобы так и оставалось, пока она сама не решит по-иному.

– Марионе грозит опасность? – тихо спросила я у Итана.

Но в тот момент, когда я говорила, в холле стояла оглушительная тишина и все присутствующие могли слышать мои слова и почувствовать мое беспокойство.

– Это мы запросто можем узнать, – самоуверенно усмехнулся младший брат, выходя чуть вперед.

– Не думаю, что подслушивать хорошая идея, Грайс, – строго сказала Иледия.

– Как же хорошо, что я никогда не прислушиваюсь к твоему мнению, сестренка, – еще шире улыбнулся юноша и подмигнул мне.

Я ожидала взрыва негодования со стороны Иледии, но она лишь покачала головой и закатила глаза. Видимо, давно смирилась с нравом младшего брата.

Грайс прошел в открытую гостиную и поманил нас за собой. Там он развел широко в стороны руки и произнес замысловатое заклинание. Я с любопытством смотрела, как юноша начал вращать кистями рук и перед ним возникло нечто, похожее на зеркало. Болотного цвета глаза Грайса заискрились лукавым блеском и в зеркале мы все увидели Мариону и Бриона.

– А услышать мы сможем? – спросила я.

Итан кивнул, отпустил мою руку и тоже прошептал заклинание. Мариона слегка повернула голову, словно услышала что-то, а потом сказала:

– Ты так и не объяснил, зачем явился.

В голосе ее был только лед, который едва не трескался от сдерживаемого гнева. Не нужно хорошо разбираться в людях, чтобы понять: эти двое с трудом выносили друг друга.

– Ни за чем особенным, Мариона, – ответил маг. – Я хотел поинтересоваться, как ты поживаешь. Не виделась довольно давно.

– Ты явно держишь меня за дуру, Брион, – бросила мама Итана. – Визит вежливости и ты – вещи несовместные. Тем более визит ко мне. Говори уже начистоту.

Брион хмыкнул, но в глазах его не было веселья, лишь неприкрытая злоба. Он обошел Мариону, коснулся пальцами свежего бутона розы и сказал, не глядя на собеседницу:

– Ты вызывала конфиденнта?

Женщина дернулась, а ее дети в комнате переглянулись и посмотрели на Итана.

– Следишь за мной? – спросила она, овладев собой.

– Не за тобой, за конфиденнтом.

– Я имею право на тайные беседы, как и все, – холодно произнесла Мариона.

– Имеешь, – теперь уже совершенно серьезно сказал маг. – Никто не отнимает у тебя этого права. О чем вы говорили?

– Это уже ни в какие ворота не лезет! – возмутилась женщина. – Кто дал тебе право совать нос в мои дела? Кто ты такой, чтобы я делилась с тобой сокровенным?

Брион рассвирепел в мгновение ока, он быстро приблизился к матери Итана и сжал кулаки, будто изо всех сил сдерживал желание ударить ее.

– Я тот, чью жизнь разрушил твой сын! Я тот, кто имеет право спросить с него за это! Я тот, кто наделен большой властью, тот, чье сердце горит ненавистью!

Мариона даже не дрогнула, хотя слова мага не могли не причинить ей боль. Итан рядом со мной прикрыл глаза, а Иледия прожигала его презрительным взглядом. Мне захотелось загородить собой ставшего таким дорогим мужчину.

– Я тоже наделена властью, Брион, – гневно сказала Мариона. – И ты не можешь являться ко мне и вести себя здесь, как владыка мира! Для меня ты никто, мелкая сошка, проложившая себя дорожку ложью и предательством! Я же получила свою силу заслуженно, не шагая по трупам!

Она подняла руку и, даже не касаясь мага, заставила его поперхнуться, а потом схватиться за горло. Брион пыхтел и пучил глаза, раздирая шею пальцами, будто пытаюсь что-то отодрать от нее.

– Ты совсем забылся, – уже тише добавила Мариона, – раз позволил себе подобную вольность. Мой род древнейший в Алададриэне, моя сила почти безгранична. Я уничтожу тебя, если ты еще раз явишься сюда!

Она опустила руку, и Брион едва не свалился к ее ногам. Надо отдать ему должное, он устоял на ногах и даже, пытаясь изобразить самообладание, спокойно оправил пиджак.

– В любой разговор ты примешиваешь имя моего сына, – сказала Мариона, срывая тот самый бутон, которого касался Брион. – Зачем тебе надо знать суть моей беседы с конфиденнтом?

– Я не позволю тебе забыть о том, что он сделал, – яростно процедил маг. – Здесь есть часть твоей вины, ты не можешь этого

отрицать!

– А я никогда и не отрицала этого. – Голос Марионы вновь стал ледяным. – Но и твоя вина была. Ты оттолкнул их, когда они явились за помощью. Твой брат обозлился, и эти глупцы воплотили в жизнь откровенно идиотскую идею. Теперь мы имеем то, что имеем. Они были молоды, самолюбивы и глупы, Брион. А вот мы с тобой совсем другое дело.

– Не смей винить меня...

– Смею, – жестко сказала Мариона. – Виню тебя, как саму себя. Мы оба упустили наших детей. И ты бесишься именно из-за того, что хорошо понимаешь это. Вымещаешь злобу на Итаниэле лишь потому, что он выжил.

– Да! Да, черт возьми! Я злюсь на Итана за то, что он выжил. Он втянул Экрена в это безумие, а потом бросил!

Итан отыскал мои пальцы и стиснул их так, что я едва не вскрикнула. Пришлось прикусить губу, чтобы подавить болезненный стон. Какие муки он сейчас переживал, даже подумать страшно.

– Ты знаешь, что это ложь, но все равно упиваешься ею. Тебе легче обвинять кого угодно, но только не себя. Я была там, помнишь? Итаниэль сделал все, чтобы спасти друга, но Экрен принимал решение сам. Мой сын был бессилён что-либо исправить.

– Твоим сыном двигала похоть. Страсть к бездушной твари, желающей обладать магией, – тихо сказал Брион.

– А твоим братом – любопытство и жажда открытий новых заклинаний и новых возможностей!

На некоторое время в саду воцарилась тишина. Итан ослабил хватку, он внимательно наблюдал за матерью – за ее лицом, движениями, выражением глаз.

– Это пустой разговор, Мариона, – наконец проговорил маг.

– И снова ты не ответил мне, – недовольно процедила она. – Как связаны мой сын и конфидент? Почему ты примчался, словно смерч?

– Никак, – отмахнулся он. – Никак они не связаны. Я лишь подумал, что ты затеваешь что-то. Ты ведь никогда не пользовалась услугами конфидента. Это удивило меня.

– Что-то происходит? – насторожилась Мариона.

– А ты сама не чувствуешь? Что-то грядет. Над Дриэном нависла новая угроза, совет пытается разобраться.

Мариона задумалась, а потом кивнула.

– Да, и ты сразу решил, что мой сын как-то замешан. Вполне в твоём духе. Оставь уже Итаниэля в покое!

– Не защитила его прежде, решила сейчас попробовать?

Я резко повернулась к Итану, его боль нельзя было не заметить. Как это не защитила? Мариона, что же, не вступилась за сына?

– Тогда я считала, что он заслуживает любого наказания, – выговорила она.

– А сейчас?

– Много лет прошло, у меня было время подумать, Брион. – Она повернулась к магу и сделала жест, будто отмахнулась от назойливой мухи. – А теперь убирайся прочь. У меня нет желания зря сотрясать воздух.

– Если Итаниэль объявится, хоть как-то даст о себе знать...

– Ты будешь последним, кому я сообщу об этом.

Ноздри Бриона гневно раздулись, он тоже махнул рукой, но только для того, чтобы вмиг исчезнуть. Все вокруг будто замерло, мы все пытались понять, что же только что услышали.

– Фу-у, вот это разговорчик, – усмехнулся Грайс. – А мама сделала его! Клянусь, этот Брион даже хвост поджал!

– Угомонись, Грайс, – сказал Инжен, который до сего момента сохранял молчаливое спокойствие.

– Сними защиту, и мы уйдем, – процедил Итан, глядя на Иледию.

– Охотно! – выпалила она. – И не смей возвращаться. Никогда!

Итан сжал губы, глядя ей в глаза, а мое сердце сжималось от боли за него. Все эти люди могли стать одной большой семьей, но не все из них способны принять друг друга с ошибками и недостатками.

В дом вошла Мариона, она поравнялась с младшими детьми и взглянула каждому из них в лицо поочередно. Интересно, ее материнское сердце не разрывается на части?

– Не спеши, если у тебя есть время, – обратилась она к Итану, что удивило всех присутствующих.

– Нет, – отрезал он, с трудом сдерживая обиду. – Обычно я не задерживаюсь там, где мне не рады.

Итан смотрел, как Мариона привычным жестом коснулась лица Грайса, а потом сжала руку дочери, которая пыталась

продемонстрировать Итану, что их семья и без него полноценна. И ей это удалось.

– Что происходит? – спросил Инжен.

– А ты до сих пор не понял? – гордо задрал подбородок, ответила Иледия. – Не узнал? Это же Итаниэль! Тот самый Итаниэль – сын нашей матери!

Глаза ее братьев расширились от удивления, Грайс сделал шаг вперед, глядя в лицо Итану, и у меня появилась призрачная надежда. Инжен тоже не начал кричать и размахивать руками, и это уже хорошее начало. Вот только Итан не позволил братьям сказать хоть что-то. Он притянул меня к себе, и мир вновь перевернулся с ног на голову.

Когда мы очутились дома, маг отпустил меня и заглянул в глаза.

– Думаешь, я повел себя, как капризный ребенок?

– Нет, вовсе нет, – ответила я ласково и коснулась его щеки. Итан не возражал, и я осмелела настолько, что обхватила его лицо обеими руками. – Твоя обида вполне объяснима, Итан. Ты увидел перед собой крепкую семью, частью которой стала и твоя мать. С тобой она не была такой, не демонстрировала свою любовь. Твоя горечь понятна. И не важно, что ты намного старше своих братьев и сестры. Мы остаемся детьми до тех пор, пока живы наши родители.

– Удивительно, – прошептал Итан, глядя мне в глаза, – как легко ты умеешь успокоить бурю в моей груди.

Я улыбнулась в ответ на приятные слова. Сердце взволнованно участилось, а дышать я и вовсе перестала.

Внезапно что-то с силой ударило меня в живот, я согнулась пополам и задохнулась.

– Этель! – вскрикнул Итан.

– Что происходит? – спросила я.

В ушах вновь возник голос, произнесший имя конфиденнта. А потом я услышала женский:

– Давно пора повидаться.

– Итан! – воскликнула я. Но в это время меня куда-то резко дернуло, и очнулась я уже совсем в другом месте.

Вокруг меня все было сплошь красным и бархатным. Стены, обивка мебели, шторы и даже волосы той, чей голос я услышала перед перемещением, пылали, словно кровавый закат. Я успела заметить

лишь волосы, в лицо незнакомке взглянуть не решилась. Медленно обводя взглядом помещение, я пыталась справиться с ужасом и дрожью в ногах. Впервые я очутилась в Дризне без Итана.

В том, что это был магический мир, сомневаться не приходилось, мое зрение говорило об этом, да и ощущения в целом.

Комната оказалась просторной, дорого обставленной, но, на мой взгляд, излишне красной. Этот цвет подавлял и угнетал. Интуиция сразу подсказала, кто вызвал меня, оставалось выяснить зачем. Что-то ледяное застыло в груди, мешая мне повернуть голову и встретиться лицом к лицу с той, ради которой Итан погубил целый мир.

Отругав себя за малодушие, я все же набралась мужества, взглянула на нее и удивилась. Я ожидала, что избранница Итана будет наделена невиданной красотой и грацией, но увидела вполне обычную внешность, даже слегка разочаровалась.

Молодая женщина была чуть выше меня ростом, чуточку круглее, но ровно настолько, чтобы фигура выглядела вполне привлекательно. Насколько я могла судить, во всяком случае. Черты лица мягкие, но не запоминающиеся. Глаза, пожалуй, более всего притягивали взгляд. Большие, серые, обрамленные густыми длинными ресницами. Они точно так же пристально смотрели на меня, как и я на их хозяйку. Наверное, именно в них я увидела то, что могло покорить Итана. В них пылала сила, решительность и уверенность. Их обладательница, скорее всего, была очень целеустремленной, не привыкшей к отказам и неудачам.

В голове появилось множество вопросов. Почему эта женщина выглядит так молодо, если магией не обладает? Как же я сюда попала и кто смог меня переместить?

– Как твое имя? – спросила она глубоким, не совсем подходящим ей голосом.

– Сначала сама назовись, – как можно холоднее ответила я. Меньшее, чего я хотела рядом с ней, это утратить самообладание.

Да, эта женщина сильна и обладает определенной властью, но я не собиралась робеть перед ней, не желала демонстрировать слабость. Голова сама собой горделиво запрокинулась. В конце концов, чем она может меня напугать? Кинется в драку? Нет уж, вряд ли.

– Я – Ребекка, Итан не говорил обо мне? – усмехнулась женщина, снисходительно глядя на меня.

– Нет, – солгала я. Хотя почему солгала? Со мной он действительно никогда не говорил о бывшей возлюбленной. – Видимо, ты не настолько важна, чтобы упоминать твое имя.

Укол вырвался сам собой, я вовсе этого не хотела, но отчего-то чувствовала, что должна дать ей понять: Итану она больше не нужна. Хотя я вовсе не была в этом уверена. На какой-то миг мне показалось, что тень пробежала по лицу Ребекки. В душе всколыхнулось непрошеное торжество.

– Или наоборот, я для него слишком важна, чтобы обсуждать с кем-то вроде тебя, – заявила она, обходя меня вокруг и продолжая бесстыдно разглядывать.

На это не было желания отвечать. К чему этот ненужный спор? Да, наружу рвалось множество упреков, но я сдержалась, не считая себя кем-то, кто мог бы заявлять свои права на Итана. Мои пылкие чувства к нему, о которых было приятно, но немного страшно думать, к сожалению, не наделяло меня ими.

Не скажу, что слова Ребекки не задели меня, но я решила, что думать об этом не время и не место. Вместо этого я спросила ее, зачем я ей понадобилась.

– Ты всего лишь приманка, – пожала плечами Ребекка. – Мне нужен Итан.

– И ты думаешь, что он придет за мной? – невольно улыбнулась я. – С чего бы ему это делать?

Конечно, в душе у меня была надежда, что если бы у Итана была возможность, то он пришел бы за мной. Но я знала, что он просто не сможет. Подобная выходка могла стоить ему жизни. Ему и его домочадцам. Говорить открыто о том, что Ребекка просчиталась, я не решилась, поскольку не знала, что ей вообще известно о жизни бывшего возлюбленного.

– Он всегда был излишне совестливым, – дернула плечом она.

Я наблюдала, как Ребекка изящно присаживается на алый диван и не спеша разглаживает на коленях платье, перебирая ткань тонкими пальцами. Почему-то каждый ее жест, каждая ужимка, каждый вздох ужасно меня раздражали. Эта женщина живет в свое удовольствие, судя по всему, не испытывая ни малейшего неудобства, а тот, кто пытался положить весь мир к ее ногам, мучается уже четыре столетия.

Что это за любовь такая? Или же она его вовсе не любила? Возможно, Мариона была права. Эта мысль разозлила меня еще больше.

Наверное, я прониклась бы к Ребекке сочувствием, если бы увидела, как она страдает, если бы поняла, что она сознает, что когда-то они с Итаном совершили ошибку. Но гибель Алададриэна ничуть не взволновала эту женщину, как мне показалось. Она вообще виделась мне той, кого заботят лишь собственные интересы.

Внезапно Ребекка приподняла изящную бровь и хищно улыбнулась.

– А вот и Итан! Я же говорила, что он придет.

Я вздрогнула и нервно огляделась. Неужели? Неужели он действительно наплевал на запрет и решил найти меня?

– Ты даже не представляешь, что натворила, – прошептала я, прожигая Ребекку взглядом, полным ненависти. – Ты погубила его!

– Ты говоришь о запрете? – хмыкнула она. – Он нам не помеха. Вместе с Итаном мы сильны, здесь его никто не найдет. Секреты, доверенные confidentу, даруют ему неприкосновенность. Просто Итан еще не смотрел на ситуацию под таким углом.

– Ты однажды уже погубила его, хочешь сделать это снова? – в ужасе спросила я.

– Ты глупая девчонка, тебе не понять! Я научу Итана пользоваться тем, что оказалось у него в руках!

Ребекка поднялась и широко улыбнулась, глядя куда-то мне за спину. Легкое дуновение колыхнуло мои волосы, а потом я почувствовала присутствие того, кого отчаянно ожидало мое сердце.

– Этель! – было первым, что я услышала.

Сердце мгновенно отозвалось, взволнованно трепыхнувшись в груди. Я повернулась и мгновенно оказалась в объятиях Итана.

– Ты в порядке? – с тревогой спросил он, внимательно меня разглядывая.

Итан приподнял мое лицо, скользнул большими пальцами по щекам, а потом облегченно вздохнул. Только после всего этого маг поднял глаза и так же, как и я ранее, осмотрел комнату. Лицо его превратилось в застывшую маску. Думаю, он сразу узнал место, в котором мы оба оказались не по своей воле.

– Здравствуй, Итан, – прошелестела Ребекка, делая уверенные шаги ему навстречу.

Я почувствовала, как руки мага напряглись, как его тело стало подобно камню. Мне даже показалось, что я услышала стон его сердца.

– Ребекка, – хрипло выговорил он, впиваясь взглядом в лицо бывшей любовнице.

Никогда прежде я не видела ничего подобного. Мое сердце невольно сжалось, я до боли прикусила губу, наблюдая, как Итан выходит вперед, не спуская глаз с Ребекки. Казалось, она, будто магнит, притягивает его. Четыреста лет огромный срок, но эти двое словно и не заметили их. Возможно, все это было лишь моей болезненной фантазией, но Ребекка и Итан смотрели друг на друга слишком долго, будто никак не могли наглядеться.

Мне захотелось немедленно встать между ними, развести подальше друг от друга, чтобы Итан очнулся, чтобы перестал так пристально смотреть на Ребекку. Но я не могла. Эта встреча должна была состояться рано или поздно, жаль только, что я стала ее свидетелем.

– Ты совсем не изменился, – прошептала Ребекка, приблизившись и скользнув пальцами по щеке Итана. – Все так же силен и красив.

Ребекка полностью завладела его вниманием, а я даже подумать боялась, что именно сейчас происходило у него в душе. О чем он думал? Что чувствовал? Вспомнил ли он о том, как был предан Ребекке, как любил ее, чем пожертвовал ради нее?

В голову невольно полезли мысли о близости между ними, фантазия нарисовала красочные картины, я даже зажмурилась.

– Зачем ты это сделала? – наконец холодно спросил Итан, будто очнувшись. – Чего добивалась?

– Я слишком долго искала тебя, милый!

Итан резко стряхнул ее руку со своего лица и отступил на пару шагов. Мне стало немного спокойнее, но тревога не отступила окончательно.

– Твои чары на меня больше не действуют, – продолжал Итан. – Переходи к делу.

– Не лги хотя бы самому себе, – усмехнулась Ребекка, направляясь к маленькому столику возле дивана. – Выпьешь?

– Нет.

– К делу так к делу, – пожала плечами она, наливая вина в высокий бокал. – Только уберу отсюда твою приживалку. Все, что будет происходить здесь дальше, предназначено только для нас двоих.

Душу опалило гневом. Да как она смеет? Что она о себе возомнила? Я резко сжала кулаки, пытаюсь сдержать тихую ярость.

– Ничего здесь не будет происходить, – спокойно ответил Итан. – Мы с Этель отправимся обратно, а ты, если больше ничего не хочешь сказать, катись ко всем чертям.

– Сколько пыла! – улыбнулась Ребекка. – Ты едва дышишь рядом со мной, Итан. Не пытайся меня убедить, что я тебе безразлична.

– Не буду, – сказал он. – Ты все равно предпочитаешь верить собственным домыслам. Так было всегда.

– А еще я всегда добиваюсь желаемого, если ты помнишь! – резко заявила она. – И даже если мне придется не оставить тебе выбора, я это сделаю. Грей!

Имя Ребекка произнесла так громко, что я даже подпрыгнула. В комнату тут же вошел тот самый привлекательный молодой человек, которого я видела в парке Грейстэла.

– Убери ее! – махнула рукой любовница Итана, указывая на меня. – Нам нужно уединение.

В испуге я отступила назад, а Итан попытался преградить парню дорогу, но у него не получилось. В одно мгновение Грей исчез, а потом появился рядом со мной и схватил за горло. Я почувствовала удушье, в глазах потемнело, закружилась голова.

– Убери от нее свои руки! – рывкнул Итан, делая резкий взмах рукой.

Грея швырнуло об стену и ударился парень довольно сильно, однако быстро оправился и вновь исчез.

– Не играй со мной, Бекка! – гневно процедил Итан. – Убери своего цепного пса от Этель, иначе я перестану сдерживаться!

И вновь бровь Ребекки поползла вверх, только на этот раз от удивления. Грей опять возник возле меня так неожиданно, что я взвизгнула. Теперь его хватка стала сильнее. Воздух покидал меня стремительнее.

– Я не шучу! – рассвирепел Итан.

– Всегда любила твой гнев, – усмехнулась Ребекка. – Когда ты зол, я люблю тебя еще сильнее. Магия клокочет в тебе, опьяняет,

заставляет меня дрожать от возбуждения!

– Ты не знаешь, что такое любовь, – выдавил Итан. Он подошел к ней и схватил за руку. Я увидела, как воздух вокруг них дрогнул, будто мощная волна прокатилась по комнате. – Отпусти Этель!

Грей ослабил хватку, но не убрал руку, не позволил отойти от него. Я шумно вздохнула.

– Ты все еще силен и очень, – усмехнулась Ребекка. – Но ты забыл, что твоя магия для меня не опасна. Ты сам наделил меня этим даром.

– Моя глупость подарила тебе его вместе с бессмертием, я помню, – ответил он. – Чего еще тебе не хватает?

Лицо Ребекки вмиг исказила ярость.

– На кой черт мне бессмертие без магии? Я всегда ее хотела! Ее и тебя! Больше мне ничего не нужно! Будь со мной, и мы оба получим все, чего захотим!

Итан отпрянул и вновь присмотрелся к некогда любимой женщине. Он казался крайне удивленным.

– Я знаю, что ты все еще любишь меня, Итан, – уже спокойнее и даже ласковее сказала Ребекка. – Вижу страсть в твоих глазах. Просто признай это. Я единственная была и буду обладать твоим сердцем. Мы принадлежим друг другу душой и телом. Я твоя, а ты мой. Так должно быть. Вспомни, как мы любили друг друга! Вспомни, как упивались друг другом!

– Ты любила и упивалась магией и самой собой, – не без горечи ответил ей Итан. – Лишь магия была тебе нужна.

– Ты знаешь, что это неправда. Злишься, я понимаю. Но даже сейчас, злясь, ты все еще смотришь на меня точно так, как и четыре столетия назад. Ты любишь меня, желаешь моего тела, и это все, о чем ты можешь думать.

Итан промолчал, и это было во сто крат больше, чем пальцы Грея на моей шее. По спине пробежал холодок. Неужели Ребекка права, Итан все еще желает ее?

– У тебя нет выбора, – тише сказала Ребекка. – Теперь ты не сможешь вернуться в Аладу. Тебя тут же схватят и казнят. А если не казнят, то отправят в Мерцающую башню. Тебе больше ничего не остается, согласись дойти со мной до конца!

– И это ты называешь любовью? – с трудом выговорила я. – Принуждение?

– Он знает меня, как никто другой. Знает и любит такой, какая я есть. Я никогда не корчила из себя праведницу. Твоя фальшивая мораль скучна ему, ты пресная и унылая. Я огонь, я страсть, я то, без чего он не может!

Каждое ее слово жестоко било меня по самолюбию, но смотрела я только на затылок Итана, который все еще молчал. Сердце вновь болезненно сжалось.

– Даже если мне грозит гибель, я лучше вернусь в Аладу с Этель, чем останусь с тобой!

Вместо ожидаемого гнева, я услышала переливистый смех Ребекки. И смех этот был искренним.

– Я терпелива, Итан, ты знаешь, – сказала она, перестав хохотать. – Что бы ни происходило дальше, ты уже не выбросишь меня из головы. Твои мысли будут возвращаться к моему телу, а фантазии и воспоминания – в мою постель. Ты в скором времени сам придешь ко мне, как только поймешь, на что способен наш союз. Грей!

И вновь имя прозвучало как приказ. Парень повиновался и быстро отступил от меня.

– Ты можешь совершить эту ошибку и вернуться в Аладу, Итан. Я не стану мешать твоему глупому упрямству. Теперь ты знаешь путь ко мне, я подожду. Но знай, что теперь у меня есть то, чего нам недоставало четыреста лет назад. Теперь мы сможем довести начатое до конца!

Итан не стал отвечать ей, но я увидела вспыхнувшую в его глазах искру, которая насторожила меня. Маг подошел ко мне, обнял и мир вокруг померк, когда я зажмурилась, чтобы пережить перемещение домой.

Глава 16

– Садись, Этель, – велел Итан усталым голосом. – Закрой глаза и глубоко вздохни. Я избавлю тебя от магии, и у нас останется немного времени, чтобы поговорить.

– Избавишь от магии? А ты это можешь? – удивилась я.

– Конечно, – горько усмехнулся он. – Я многое умею, просто до этого момента не смел нарушать правила. Сейчас мне уже нечего терять.

– Ты нарушил их из-за меня! – воскликнула я и отвернулась, чтобы не смотреть Итану в глаза. – Зачем ты пришел? Она бы ничего мне не сделала. Зачем так рисковал?

– Этель, – сказал он, и я почувствовала, как его ладони легли на мои плечи. – У меня сейчас нет времени на споры. Сделай то, о чем я прошу. Я должен рассказать тебе все, прежде чем за мной придут. Я хочу, чтобы ты знала.

Я качнулась назад и прижалась спиной к его груди, закрыла глаза и вдохнула любимый аромат. Итан обнял меня, обхватив сильными руками, сжал сильнее, а потом резко отпустил. Этот порыв был слишком коротким, но для меня очень и очень важным.

Я подчинилась, села в кресло и позволила Итану сделать то, что он хотел. Изъятие магии было процессом гораздо менее мучительным, я лишь пару раз стиснула зубы и с силой сжала пальцами подлокотники кресла.

– Эта дрянь все-таки добралась до тебя, – сердито проворчала Сиенна, когда принесла мне отвар, о котором просил Итан. – Нет ей покоя, никак не оставит тебя, никак не уймется, чтоб ей провалиться в недра Аунедиса.

Итан с тех пор, как вернулся, был угрюм и немногословен. Он сообщил обитателям дома о том, что произошло и чего им всем ожидать в ближайшее время. Как он уверял, сначала придут за ним, а потом участь его близких решит суд Алададриэна. Никто не испугался, не разбежался с воплями. Сиенна лишь прижалась к мужу, наградив его теплым взглядом, девушки смиренно кивнули, а Морган промолчал, сохраняя достоинство и спокойствие. А мое сердце

безмолвно разрывалось на части, когда я смотрела в мужественные лица.

– Оставьте нас, друзья мои, – попросил Итан, – я должен рассказать Этель все, как было. И пусть она определит, чего я заслуживаю, ибо никакой другой суд мне не страшен.

Так мы остались в полной тишине. Я сидела в кресле и пила отвар, чтобы как можно скорее прийти в себя после колдовства Итана, он же прочитал заклинание, которое должно было дать ему необходимое для беседы время, и начал непростой для нас обоих разговор.

– Я не буду приукрашивать действительность и приуменьшать свою вину, – сказал он, расположившись прямо напротив меня, пододвинув второе кресло.

– Но и не преувеличивай, – попросила я.

Глаза Итана вспыхнули ласково, он мягко улыбнулся и кивнул. Я не смогла не улыбнуться в ответ, даже несмотря на то, что вся дрожала от страха за его судьбу. Я не могла не понимать, что как только этот разговор закончится, Брион заберет его из этого дома, заберет его у меня. Эта мысль была невыносимой, она терзала и мучила меня, заставляя душу рыдать. Но я старалась оставаться спокойной, потому что Итану было гораздо тяжелее.

– Очень много лет назад я был другим – открытым, веселым, амбициозным, подающим большие надежды магом. Мы с Экреном дружили чуть ли не с пеленок. Он был силен в теории, в заклинаниях, истории их возникновения и создании новых. Я был практиком. Как ты понимаешь, мы отлично дополняли друг друга. А еще мы были одинаково безрассудны. Нас ослепляла сила, наши способности и, не буду врать, некая вседозволенность. И я, и мой друг были отпрысками сильнейших и древнейших родов Алададриэна. Мы считали себя неуязвимыми, самыми умными и самыми талантливыми. Отсюда дерзость и даже наглость, за которую нам нередко выносили строгие выговоры.

– Многие молодые люди ведут себя подобным образом, когда за ними стоит кто-то более сильный. Это не редкость и в Аладе, – заметила я, желая хоть немного сгладить этот тяжелый момент откровения.

– Да, – вновь усмехнулся он, – но мы не стояли на месте. Мы проникали в святая святых магического совета, без разрешения ворошили древние книги, использовали запрещенные заклинания. И каждый раз выходили сухие из воды. Моя мать, несмотря на всю свою строгость, пыталась сохранить лицо. Она наказывала меня, давая понять, что закон есть закон и его необходимо соблюдать, но из передряг все равно вытаскивала.

– Каким был Экрен? – спросила я.

Итан вскинул голову и взглянул мне в лицо. Его глаза наполнились печалью, но губы растянулись в легкой улыбке.

– Неугомонным, полным жизни, желания открытий. Он мечтал о том, чтобы магия была вседозволенной, доступной одинаково для всех, неограниченной. Нет, не подумай, Экрен с уважением относился и к людям, никогда не хотел их ущемлять, подавлять или что-то в этом духе. Не в этом была его цель.

– А в чем тогда?

– Не знаю, как объяснить.

Итан поднялся на ноги, обошел кресло, взъерошил растрепавшиеся волосы и положил ладони на спинку.

– Экрен горел магией, болел ею, он ее боготворил и превозносил над всем остальным. Он постоянно хотел колдовать, хотел познавать новые возможности и грани, хотел раздвигать границы возможного. Поэтому часто он создавал заклинания, а я их использовал. Нам вдвоем было хорошо.

На какое-то время Итан затих, то ли он вспоминал дорогого друга, то ли ту, что разрушила этот союз.

– Как вы встретили Ребекку? – спросила я, когда молчание затянулось.

– Мы часто общались с людьми. Как ты знаешь, Алададриэн был един, мы зависели друг от друга, жили в согласии. Баловства ради мы с Экреном иногда устраивали представления, колдовали на публику. Признаться, восторг в глазах людей опьянял, от него было сложно отказаться. Ребекка приехала с подругами в Маалон, столицу Алададриэна, и там впервые увидела магию, которую мы творили с другом. Она была поражена настолько, что отважилась подойти. Так все и началось.

– Ты влюбился, – с замиранием сердца пробормотала я.

– Да, – резко поднял голову он. – Влюбился без памяти. Голову потерял. Это было похоже на безумие от начала и до самого конца. Ребекка умела говорить, она затуманивала разум сладкими речами о моей силе, о красоте и власти, которую я могу иметь. Она дарила мне ласки в постели, всегда была щедра на них, была искусна. Я тонул в ее любви и все больше поддавался страсти.

Я прикусила нижнюю губу изнутри, чтобы сдерживать эмоции, одолевавшие меня. Слушать о страсти и любви Итана было более чем неприятно.

– Прости, – сказал он, словно почувствовав это, – но я решил быть полностью откровенным, чтобы ты понимала, чем были продиктованы мои поступки. Чтобы ты не смела оправдывать меня. Прозвучит грубо, но я желал Ребекку всегда и везде. Ради ее ласк я был готов на что угодно. Готов был убить любого, кто посмеет просто посмотреть на нее. Она принадлежала мне, а я ей. Так я считал, во всяком случае.

Итан вновь опустил в кресло и закрыл лицо руками. Он выглядел усталым и глубоко несчастным. Я подавила порыв взять его за руки и утешить.

– Она не сразу начала говорить о своей жажде. Сначала лишь просила колдовать рядом с ней, и ее желания были все изощреннее и изощреннее. Экрен тоже поддавался на ее уговоры, поскольку Ребекка оказалась намного смелее нас. Она спрашивала обо всем на свете и вскоре знала уже все об устройстве нашего мира, о правилах, законах и возможностях. Ребекка узнала о силе Улиэндера, и это сразило ее. Я все чаще находил свою любимую замороженно застывшей возле святыни Алададриэна. Что за мысли одолевали ее в тот момент? Я должен был задуматься, но я был слеп.

Я пораженно взирала на Итана и никак не могла понять, как одна женщина может иметь столько власти над мужчиной? Что в ней было такого, что лишало его способности здраво мыслить? Только лишь ласки? Постельные утехи? Возможно, я слишком мало знаю о них, чтобы понять. Моя близость с Робертом была не так прекрасна, как мне представлялось. Да и он вряд ли обо мне когда-нибудь скажет хоть что-то, напоминающее слова Итана о Ребекке.

– Мы много пили, развлекались, в общем, жили в свое удовольствие. И вот однажды Бекка заговорила о магии совсем иначе. Сначала все ее слова казались шуткой, чем-то несерьезным, игрой,

если хочешь. Может, поэтому мы с Экреном не насторожились. Ребекка умело подходила к вопросу. Она поддразнивала Экрена, играла с его самолюбием, с жадной открытий. А мне она говорила о своей смертности, о брэнности тела, о неприглядности старости.

– А ты хотел быть с ней вечно? – прошептала я непослушными губами.

– Да, хотел. Отчаянно хотел! Одурел от этой мысли. Она вскружила мне голову. И я помог Ребекке уговорить Экрена. Несмотря на жажду знаний, мой друг все же немного охладел, когда осознал всю суть просьбы Ребекки. Но мы насели на него оба и все же смогли убедить, что если даровать силу лишь одному человеку, Алададриэн не пострадает, а Улиэндер не заметит позаимствованной у него щепотки магии.

Итан запустил пальцы в волосы и с силой сжал голову руками. Продолжая рассказ, он больше не поднимал головы.

– Обнаружив нужное заклинание, Экрен доработал его. Мы собрали нужные ингредиенты для ритуала. Мой друг решил принять дополнительные меры предосторожности и отправился за помощью к брату, чтобы тот подстраховал нас в случае провала. Брион мог бы обернуть заклятие вспять, у него хватило бы сил. Но он лишь рассмеялся, отмахнувшись от брата и назвав все это пьяными бреднями. Его винить трудно, на самом деле. Он устал от наших выходов, почти постоянного пьянства и разгула. А возможно, он даже предположить не мог, что мы действительно решимся на это безумие. Представляю, как же он потом жалел об этом.

Очень странно было слышать подобные слова в адрес Бриона. Но возможно, и я сейчас понимала мага чуть лучше. Тяжело, наверное, возиться с двумя отбившимися от рук хулиганами.

– Первой неладное почувствовала моя мать. Улиэндер почти мгновенно отреагировал на вторжение, но мы были ослеплены первыми успехами и не заметили этого. Земля всколыхнулась, блики померкли, сияние святыни замерцало. Я снова и снова прокручиваю ту ночь в памяти, воскрешая каждую мелочь: любой звук, любой взмах руки, запах, цвет. Я ищу возможность прекратить... предотвратить непоправимое.

Мое сердце больше не выдержало, я соскользнула с кресла на пол, встала перед Итаном на колени. Взяла его ладони в свои руки и

притянула любимого мужчину к себе на пол, а потом со всей своей нежностью обняла. Мне хотелось забрать его боль, облегчить его страдания, стать его утешением.

– Ты не мог знать, – сквозь слезы прошептала я.

– Я должен был, Этель. В каждом слове Бриона – истина. Мною руководила лишь страсть. Запретное желание. Я погубил этот мир. Чудесный мир, Этель! Ты даже не узнала его!

Итан поднял голову и посмотрел мне в глаза. Боль пронзила мое сердце, я едва справлялась с ней.

– Ты не смогла увидеть Алададриэн! Он был чистым и прекрасным. Это я сделал его таким жестоким и холодным. Я расколол Улиэндера, отнял его магию, отобрал силу и чистоту у Дриэна.

– Если бы ты знал, что так произойдет, ты бы в жизни не сделал ничего подобного, Итан. Ты не хотел его уничтожать. Ты просто не знал!

Он вновь уронил голову в руки и следующие его слова заставили меня прикусить губу до крови, чтобы рыдания не прорвались сквозь сцепленные зубы.

– Ты даже не представляешь, сколько молодых магов погибло, пытаясь напитать Улиэндера силой в ту ночь! Совсем молодых, Этель. Почти детей.

Сколько боли было в этих словах, сколько вины. Итан не смотрел мне в глаза, даже головы не поднимал, но я точно знала, что на его лице застыла мука, что жила с ним все эти четыре столетия.

– Юные дарования оказались ближе всех, – тихо, почти шепотом продолжал он, – их преподаватель почувствовал неладное. Они присоединились к нам, когда Экрен пытался обратить собственное заклинание. Я изо всех сил сдерживал Улиэндера, пытаясь не позволить ему разломиться. Но мы все уже понимали, что это невозможно.

Итан сделал несколько глубоких вдохов, набираясь сил. Он мягко сжал мои пальцы, а потом высвободил руки и поднялся. В комнате повисла тягостная тишина. Итан налил себе выпить, а потом внезапно дернул головой и застыл, будто прислушиваясь.

– Времени совсем мало, Этель, – вздохнул он. – Брион уже пробивается сквозь мое заклинание, долго оно не выдержит.

– Что будет с тобой? – едва шевеля губами от ужаса, спросила я.

– Не знаю, – честно ответил Итан. – Суд... или сразу казнь.

– Они четыре сотни лет не могли определиться с наказанием, хотя, как по мне, ты уже давно наказан, – рассердилась я.

Итан повернулся, и я заметила, что он горько усмехнулся.

– Не думай сейчас об этом, мне нужно закончить свой рассказ, – сделал большой глоток, сказал он. – Дрэвон, так звали учителя юных магов, осыпал нас с Экреном проклятиями. Он тоже знал, чем все это обернется. Он гнал прочь своих учеников, но они его не послушались. Около двух десятков ребят встали тесным кругом и тоже попытались разрушить наше колдовство. Мы с Экреном будто очнулись в тот момент – окончательно очнулись, понимаешь?

Итан вновь схватился за голову, стиснул зубы и поднял глаза на меня. Глядя на него, я встала на ноги, захотела подойти, но не осмелилась, опасаясь, что чувства переполнят Итана и он не сможет закончить рассказ. Это было важно для него, а я не хотела мешать.

– В долю секунды с моих глаз, души и сердца будто пелена спала. Я осознал, что натворил! Чуть с ума не сошел, спрашивая себя снова и снова: как я мог? Словно в тумане все это время бродил, разума лишился. Когда эти дети гибли на моих глазах один за другим, я умирал с каждым из них! Моя мать тоже была там, она тоже пыталась помочь, именно ее сила спасла меня. Но я ревел, рыдал и умолял ее отпустить меня, дать мне умереть. Она не позволила, сказав, что мне придется нести эту ношу до конца моих дней.

Я глотала горячие слезы и не понимала, как именно мне отнестись к поступку Марионы. Она не смогла дать сыну умереть, но каковы были ее истинные намерения? Она поступила как мать или как судья, обрекая сына на тяжелую расплату, которой он не должен был избежать? Я вспомнила лицо матери Итана и снова не смогла определиться, к какому варианту склониться. Из слов Итана мне казалось, что совсем не материнские чувства руководили Марионой, однако мать есть мать. Вряд ли она смогла бы спокойно смотреть, как умирает ее сын.

– Я никому не сказал, что Мариона спасла меня. Она тоже молчала. Она вообще перестала разговаривать какое-то время. Мне кажется, ее сразило то, что я натворил. – Итан сделал еще один большой глоток и с громким стуком поставил бокал на столик. – Когда Улиэндер раскололся, я остался сидеть в кругу мертвых тел, среди которых был мой лучший друг. Самый близкий человек на тот момент.

А потом наступил хаос. Мир вокруг стал меняться, он буквально трещал по швам. Как я узнал уже позже, на суде, еще несколько людей и существ погибли в процессе этих перемен. Алададриэн разделился на Аладу и Дриэн не без последствий для обоих миров. Паника, гибель, катаклизмы, всяческие магические сбои, а потом возник заслон, окончательно расколовший некогда чудесный мир. Магам пришлось в буквальном смысле слова изгонять людей, оставшихся на этой стороне. Для их же блага. Их лишали жилища и бросали на произвол судьбы. Агрессия по отношению к людям стала повсеместной. Поступок Ребекки, ее жажду магии считали первопричиной. Людская жадность и зависть...

– Куда во всей этой истории делась Ребекка? Почему она не заплатила за содеянное? Тем более маги знали, что она стала причиной раскола Алададриэна. Почему платил только ты один?

– Она сбежала, – пожал плечами Итан. – Исчезла, испарилась. Когда все кончилось, ее уже не было рядом. Возможно, осознав, что произошло, она предпочла скрыться.

– Как подло! – возмутилась я. – Заварить такую кашу, а потом испариться! И эта женщина смеет говорить о любви?

Итан поднял голову, посмотрел на меня, и легкая горькая улыбка тронула его губы.

– Ты бы так не поступила.

– Нет конечно! О чем ты? Я бы не оставила тебя там одного!

– Нет, не оставила, – тихо сказал он. – Ты бы не просто не оставила – ты бы не привела нас в такое болото.

«Нас»! Сердце дрогнуло, по телу разлилось приятное тепло. Всего одно слово, но оно перевернуло мой мир. Итан сделал робкий шаг мне навстречу, потом еще один и еще... Я застыла ожидая, когда он подойдет ближе, и я смогу утонуть в его глазах. Тело дрожало и трепетало, предвкушая блаженство прикосновений, я практически перестала дышать.

– Ты такая чистая, – прошептал он, когда расстояние между нами можно было преодолеть всего одним шагом, – нежная, искренняя...

– Итан, – прошептала я в ответ, заметив, что он замер, так и не сделав этого самого шага.

– Ты мое облегчение, – тихо сказал он, – лекарство на моих ранах, мой воздух, без которого уже не обойтись. Ты мое искупление. Только

ты способна меня уничтожить. Только твои слова, твое осуждение и ненависть способны меня убить. Все остальное неважно. Не суд, не Мерцающая башня, не казнь – ты! Какой из миров, какой из богов прислал тебя ко мне, чтобы я вновь все это пережил? Неужели само Провидение столкнуло меня с такой чистотой, с таким всепрощающим сердцем?

– Если бы я могла избавить тебя от страданий, Итан...

Слезы вновь побежали по моим щекам. Этот шаг, такой короткий и такой длинный, мешал нам воссоединиться. Я чувствовала, что Итан не сделает его. Боялась этого. Я могла бы сделать этот шаг, но Итан должен был решиться сам. Но вместо этого он лишь протянул руку и коснулся пальцами моего лица. Я закрыла глаза, чтобы насладиться этим теплом всецело.

– Я не вижу в твоих глазах презрения, Этель, – все так же тихо сказал он. – Это поможет мне преодолеть все на свете. Даже если меня обрекут на пребывание в башне до конца моих дней, я буду счастлив лишь одной мыслью, что ты меня не ненавидишь.

– Нет! – воскликнула я, открывая глаза и хватая Итана за руку, чтобы удержать ее у моего лица хотя бы на одно мгновение. – Твоя вина велика, но она не только твоя! Вы втроем натворили все это. Ребекка жаждала магии, Экрен экспериментировал с заклинаниями, а ты был поглощен любовью. Брион тоже виноват. Он не должен был отворачиваться. Зная, что вы просто безумцы, как он не понял, что слова брата были сказаны всерьез? Как не предположил, что вы действительно решитесь на эту дикость? Ему легче было закрыть глаза, уговорить себя, убедить, чем ввязаться в это дело и остановить вас. Все эти годы и даже сейчас он продолжает уговаривать себя, убеждать, что все случившееся только твоя вина. Так легче избавиться от угрызений совести, проще не брать на себя ответственность. Ведь это именно он должен был приглядывать за братом – он, не ты! Он должен был наставлять вас, подавать пример, да даже наказывать за ваши проступки. Он допустил и пьянство и кутеж. Брион просто закрывал на это глаза.

Я перевела дыхание, чувствуя, как мой гнев понемногу утихает. Я дернулась, чтобы прижаться к груди Итана, но остановилась, так и не преодолев этот злосчастный шаг. Итан видел это, но тоже остался стоять на месте.

– Это несправедливо, Итан! Почему заплатил только ты?

– Я взял все на себя. О Ребекке ни слова не сказал на суде. Ее видели, свидетелей хватало. Я молчал о ней, но не оттого, что хотел защитить, а из-за того, что не мог поверить. Я сказал, что заставил Экрена помочь мне, сказал, что мною двигало любопытство, что я хотел доказать, насколько силен.

– Но это же ложь! – вновь возмутилась я. – Брион ведь говорил с братом. Он мог подтвердить, что Экрен пошел на это осознанно. Эта ложь отяготила твою вину. Зачем?

– Я не хотел, чтобы трепали имя Экрена, не хотел, чтобы о нем осталась дурная память. Сказал, что друг уговаривал меня отступить, что пытался помешать.

– А Ребекка?

– Она ускользнула в Аладу, ее не нашли. Поисками руководил Брион, возможно, он и не старался. А может, Ребекка сама смогла затаиться в новом огромном мире. В том хаосе сложно было разобраться. Оба мира привыкали к переменам. Да, и виновник у них уже был. Я ничего не отрицал, вину свою признал, никого больше не вмешивал.

– Как же ты все это пережил? – спросила я, сжимая кулаки.

– Как в тумане. Я уже ничего не соображал. Перед глазами постоянно стояли тела погибших у Улиэндера. Я видел их и во сне и наяву. Долгие месяцы в башне чуть не свели меня с ума.

– Ты был в башне?

– Конечно. Разбирательство было долгим, очень долгим.

– Хоть кто-то поддерживал тебя?

– Сиенна, – улыбнулся он. – Она приходила ко мне и на суде выступала, кляня последними словами Ребекку. Об Экрене я запретил говорить, она подчинилась. А вот о Бекке говорила вдоволь. Но Ребекка всего лишь человек. Суд посчитал, что моя вина огромна. Я маг, я должен был сознавать всю ответственность. «Люди слабы», – сказали они мне. У Ребекки не было магических способностей, поэтому фактически сделал все я один. В скором времени она перестала интересовать суд и магическое сообщество. О ней просто забыли. А может, посчитали, что она сгинула где-нибудь в Аладе, где ей самое место.

– Это несправедливо, – повторила я. – Она должна была заплатить!

– И что? Что бы изменилось? Вернуть Алададриэн уже невозможно...

– Ты ее защищаешь? – поразилась я, не веря своим ушам. – Ведь это она столкнула вас в пропасть!

– Сделал-то все я! – горячо воскликнул Итан. – Это моя магия разрушила мир! Моими усилиями раскололась святыня. Моими руками был разрушен мир и покой Алададриэна! – Он помолчал, успокаиваясь. – Как ты не понимаешь, мне дела нет до того, кто еще был наказан. Ничьей вины, кроме собственной, я тут не вижу. Это я привел Ребекку в наш мир, я дал ей свободу мыслить и мечтать о запретном. Я не то чтобы не запрещал ей, но даже помогал! Я не заметил в ней эту болезненную жажду, я, ослепленный страстью и похотью, ни о чем, кроме постельных утех, думать не мог. Я был жалок, Этель. В этом вся правда. И если тебя это успокоит, Бекка тоже была наказана. Она обрела бессмертие, но до магии так и не дотянулась. Для нее это самое сильное наказание, не находишь?

Я была не согласна с Итаном, но спорить сейчас не стала. Он склонил голову, задумался и кивнул каким-то своим мыслям. Мое сердце сжалось, предчувствуя приближение беды.

– Мне пора снять щит, Этель. Пора повиноваться судьбе.

– Нет, не надо, – испугалась я. – Прошу, не делай этого! Не уходи!

– Я должен, – мягко улыбнулся он. – Не волнуйся, о тех, кто еще знает мое имя, я позабочусь. Надеюсь, их осталось не так много. Хотя, возможно, это уже и не важно. С меня, скорее всего, снимут обязанности конфидента. Процесс этот не быстрый, но и оставить мои полномочия совет будет не в силах.

Душа моя ныла и стонала от страха и боли, от осознания неминуемой разлуки, от понимания, что этот разговор может стать последним. Я даже не узнаю, как все будет происходить, не смогу поддержать Итана, не смогу быть рядом. Эта мысль убивала меня.

– Я хочу, чтобы ты знала, Этель, – сказал он, – ты подарила мне надежду. Ты дала мне силы выбраться из этого забвения, из тягостного существования, в котором я и не жил вовсе. Ты наделила меня храбростью. Я не боюсь того, что будет дальше.

– Но я боюсь!

– Не бойся, я...

В этот момент послышался чудовищный скрежет, воздух стал тяжелым, а потом в лицо ударил порыв ветра. В комнате появились четверо магов, среди которых были Брион и Тэлмер.

– Итаниэль, – обратился к хозяину дома Тэлмер, – в связи с нарушениями запрета, с самовольными появлениями в Дриэне, с колдовством на его территории, ты возвращаешься в Мерцающую башню. В ближайшее время состоится новый суд, где будет вынесено окончательное решение о твоей дальнейшей судьбе.

Я застыла как вкопанная, чувствуя, как ледяной душой холод распространяется по телу, сковывая меня. Я могла смотреть лишь в лицо Итана, который покорно принял слова Тэлмера и протянул ему руки. Маг, не скрывая сочувствия, махнул рукой, и запястья Итана стянули магические оковы.

Брион молчал, но мне казалось, его зубы скрежетали от переполнявших его эмоций. Впервые в жизни мне захотелось кого-то ударить.

– Прощай, – сказал мне Итан. – Спасибо, что стала моим светом в непроглядной тьме.

Слишком поздно я сделала тот самый необходимый нам обоим шаг. Я даже коснуться Итана не успела. Он исчез вместе со своим конвоем за долю секунды до того, как я протянула к нему руки.

Глава 17

Два дня прошло как в тумане, я почти не спала и не ела. Никак не могла перестать думать об Итане, о том, через что ему приходится проходить, где он, как он? Я изводила себя представлениями о том, как его пытаются, как мучают и истязают. Душа моя горела тревогой и страхом за жизнь любимого мужчины. Иногда становилось настолько невыносимо, что я уходила ночью в сад и подолгу пряталась среди цветов и благоухающих трав.

Сиенна говорила, что я стала похожей на призрак, на неуспокоенную душу, которая мается в поисках чего-то или кого-то. Она тоже измучилась от тоски и волнения, но старалась поддерживать остальных обитателей особняка. Весь дом погрузился в тишину. Даже Шуст, который так и остался с нами, приуныл и стал задумчивым.

– Этель, детка, так больше нельзя, – сказала однажды вечером Сиенна. – Вы должны поесть хоть что-нибудь. Ваша кожа стала бледной, а глаза не перестают наполняться слезами.

– Я не могу, не могу, Сиенна, все время думаю о том, как он там, страдает ли? Больно ли ему? Одиноко ли? Это сильнее меня, Сиенна! Я хочу быть рядом, хочу разделить его судьбу, хочу, чтобы он знал, что я всегда рядом!

– Ох, милая моя!

На глазах экономки выступили слезы, она ласково улыбнулась мне. Ее тепло согревало меня, заставляло чувствовать себя как дома, в уюте и безопасности. Не сдержавшись, я прильнула к груди Сиенны и дала волю слезам.

– Вы не представляете, девочка моя, как я счастлива, что Итан не одинок. Как радостно мне видеть любовь в ваших глазах. Я чувствую вашу тягу к нему, вижу, как ваше сердце бьется и страдает о нем, как оно трепещет!

– Но мысль о том, что я ничем не могу ему помочь, убивает меня, – всхлипнула я.

– Я понимаю, – с горьким вздохом ответила экономка.

Она отстранила меня от себя и взглянула в лицо. Добрые глаза смотрели с участием и пониманием. От усталости и переживаний я

едва стояла на ногах, поэтому Сиенна подвела меня к креслу и заботливо усадила в него.

– От того, что вы заморите себя голодом, Итану легче не станет, – сказала она и дернула шнурок колокольчика, чтобы позвать кого-нибудь из горничных. – Давайте мы с вами лучше перекусим и побеседуем.

Спустя десять минут, выпив ароматную чашечку чая с булочкой, я немного расслабилась, слезы высохли, а руки перестали дрожать.

– Расскажите мне о нем, Сиенна, – попросила я.

Экономка улыбнулась от души, отставила свою чашку в сторону и заговорила:

– Я взяла его на руки, когда ему было несколько месяцев от роду. Он родился маленьким и молчаливым, но ужасно серьезным, словно уже тогда чувствовал, что пробиваться к сердцу матери ему придется долго и трудно. Итан с детства был талантливым магом. Тут сыграла свою роль еще и кровь. Род его матери очень древний и очень могущественный. – Сиенна бросила задумчивый взгляд в окно. – Мариона всегда была занятой, она входила в магический совет, принимала законы, следила за их соблюдением. Заниматься сыном времени у нее не было, поэтому я стала Итану нянькой.

– А где его отец? – робко поинтересовалась я.

– Кто ж его знает? Кем он был, мне неизвестно. Я интересовалась этим много лет назад, но Мариона велела не вспоминать о нем, объяснив это мимолетной встречей и ошибкой молодости. Сдается мне, здесь тоже не все так просто. Отец Итана, скорее всего, тоже могущественный маг, ибо сила в моем мальчике огромная.

– Итан тоже не знает? – удивилась я.

– Не знает, – кивнула Сиенна. – Мариона в этом вопросе оставалась и остается непреклонной. Ну да ладно, что уж теперь говорить о том, что нам неизвестно. Так вот, Итан был одаренным учеником и друга себе под стать нашел. – Экономка снова тепло улыбнулась. – Вы бы их видели! Молодые, гордые, сильные красавцы! Оба статные, улыбочивые. С появлением Экрена Итан стал веселее. Друг очень хорошо влиял на него. Преданность Экрена сделала Итана счастливее, он был менее одинок. Мариона не возражала. Правда, ровно до тех пор, пока эти два сорванца не начали зарываться.

– Как мне кажется, в них не было зла, но Итан сказал, что они оба потеряли контроль. Много пили, кутили, выходили за пределы дозволенного.

– Да, – вздохнула Сиенна печально. – В какой-то момент мальчики потерялись. Как мне кажется, с Итаном это случилось, когда Мариона в очередной раз осталась равнодушной к его успехам. В тот момент он и сорвался. Будто нарочно. Или это его боль так искала себе выход.

– Как же можно быть слепой к собственному сыну? – прошептала я.

– Я много думала, дитя мое, – сказала экономка, ласково касаясь моей руки. – Мариона, конечно, виновата перед сыном, это неоспоримо. И я злюсь на нее за отчуждение, за равнодушие, которое мой мальчик видел в ее глазах. Но спустя столько лет, мне уже не кажется, что она была равнодушной. Хотя это похоже на бред, но мне кажется, что Мариона, напротив, слишком сильно любила Итана. Любила и боялась этой любви. Не знаю, как объяснить. Возможно, все дело в его отце, и то, что Мариона хотела выдать за ошибку молодости, было многим больше.

– Вы хотите сказать, что она очень любила отца Итана и по какой-то причине не смогла быть с ним? Им что-то помешало? И если учесть, что она тщательно скрывала его имя, то всем своим поведением она демонстрировала магическому миру, что эта связь была мимолетной, а Итан лишь плод этой связи? Даже не знаю, что чудовищней.

– Возможно, таким странным способом она защищала сына, – пожалала плечами Сиенна. – Мариона не была злой, холодной или расчетливой. Она любит свою работу, свято верит в свои идеалы, но вот с сыном всегда держалась прохладно. Причина должна быть, Этель. Ее не может не быть. Иначе я не могу оправдать ее материнского поведения.

Я ненадолго задумалась о словах Сиенны и вспомнила рассказ самого Итана. Мариона спасла его. А могла ли спасти остальных? Или все свои силы отдала тому, кого любила? Она просто не могла позволить сыну умереть. Но и защищать на суде не стала. А Бриону она сказала, что винит себя в случившемся. Если бы ей было наплевать на сына, она, подобно Бриону, винила бы лишь Итана. Его гордыню, распутство и тщеславие.

Боже, как же понять чью-то душу, если в своей так тяжело разобраться?

– Мне хочется верить, что вы правы, – сказала я. – Тогда у меня есть надежда, что Мариона навещает Итана сейчас. Где бы он ни был.

– Мне тоже хочется верить, милая, мне тоже, – печально покачала головой Сиенна.

– А Ребекка? – робко спросила я, до конца не понимая, что хочу услышать от Сиенны.

Она подняла на меня глаза и вздохнула. Этот разговор печалил и ее, воспоминания причиняли боль.

– Она никогда не смотрела на Итана так, как вы. Не робела рядом с ним, не дрожала, не трепетала. Ребекка всегда была сильной, напористой и хитрой. С первого взгляда я поняла, что она принесет беду моему мальчику. Я и говорила ему, и предостерегала, но все без толку. Итан будто ослеп. Он любил ее без памяти.

– Итан сказал, что им руководила похоть, – дрожащим голосом сказала я.

– И это тоже. Девица была распутной, умела пускать пыль в глаза. Она почти сразу забралась в постель Итана. – Я вздрогнула, что не укрылось от глаз экономки, и она смягчилась. – Вы еще молодая и неискушенная девочка, дорогая моя. Женщина в постели имеет большую власть над мужчиной. А умелая женщина способна его поработить. К сожалению, это так. Я видела, что Итан горит. В буквальном смысле сгорает от любви к этому исчадию ада. Он был глух и слеп. Мы даже ссорились на этой почве, но однажды, поняв, что если буду давить, потеряю его, я отступила. Молча наблюдала, как мой любимый мальчик катится в пропасть. Я могла лишь быть свидетелем, отступив в тень.

– Неужели же Ребекка не любила его так же, как и он ее? – искренне недоумевала я.

– Сложно сказать, – пожала плечами Сиенна. – Я даже не могу сказать, способна ли она любить. Возможно, в какой-то степени она и любила Итана. Как могла, как умела. Но магию в нем она любила больше.

– Она предала его! Бросила там одного. Он платил за содеянное совсем один, – вновь разгорячилась я, чувствуя, как во мне поднимается пламя негодования.

– Это было его решение, Этель, – опустила глаза Сиенна. – Я ничего не смогла сделать. Рассказала на суде про Ребекку, они согласились, что ее власть над Итаном была неоспорима, но...

– Но магией она не обладала и поэтому платит тот, кто разрушил Алададриэн собственными руками, – повторила я слова Итана.

– К сожалению, так и есть. Совет магов тоже не идеален, Этель. И они не обделены тщеславием и самомнением. Заточив Итана, они решили, что Ребекка не опасна. Тем более что она испарилась. А быть может, они подумали, что Бекка, попробовав украсть незаконным способом немного магии, убедилась, что это невозможно и забилась в какую-нибудь щель потемнее и дожила там свой век. Люди ведь не бессмертны.

– Но она обрела бессмертие, – раздраженно сказала я. – И более того, от желания обрести магию не отказалась! Ребекка все еще опасна!

– Но совет об этом не знает! До недавних событий никто не знал. За исключением разве что Итана и Марионы, как оказалось.

– Итан знал? – удивилась я.

– Догадывался, я думаю. Не забывайте, Этель, он могущественный маг. Да, последние столетия его магия прозябала здесь, в Аладе. Он не мог ее использовать всецело. Вся мощь уходила на то, чтобы пережить конфиденциальный разговор, справиться с тысячами тысяч секретов, удержать их в себе, не сойти с ума.

– А почему же Мариона тогда не заявила о том, что Бекка приходила к ней?

– Это очень хороший вопрос, Этель. Очень хороший.

Мы ненадолго замолчали, и я невольно вернулась к мыслям о заточении Итана.

– Что собой представляет Мерцающая башня? – затаив от страха дыхание, спросила я.

Сиенна печально вздохнула и отрицательно покачала головой, будто даже думать об этом не хотела. На какой-то миг мне показалось, что ответа я не дождусь.

– Это ужасное место для любого обитателя Дриэна, – наконец заговорила она. – Мерцающей башня называется потому, что отражает кошмары ее обитателей. Она будто состоит из их воспоминаний, сменяющих друг друга. Каждый, кто в ней заточен, обречен проживать

свои самые ужасные дни снова и снова. Это могут быть не только воспоминания, но и жуткие фантазии, страхи. Вот почему там нередко сходят с ума.

Сердце безжалостно сдавила боль. Я точно знала, что именно видит там Итан. Не в силах усидеть на месте, я вскочила и подошла к окну. Прислонилась лбом к прохладному стеклу.

– Я хочу быть рядом с ним, Сиенна. Хочу избавиться от этого ада, хочу подарить ему покой. Он давно его заслужил!

– Вы ничего не можете сделать, девочка моя, – тихо сказала экономка, обнимая меня за плечи. Я даже не заметила, как она подошла. – Людям нельзя появляться в Дриэне. Под страхом смерти.

– Но Ребекка живет там! Как она смогла? – воскликнула я, поворачиваясь к Сиенне.

– Не знаю, дитя, не знаю. Каким-то образом она смогла обойти запрет.

– Это несправедливо! – взорвалась я. – Мало того, что эта женщина вышла безнаказанной из чудовищной переделки, в которой была виновата, так она еще и живет себе припеваючи прямо под носом у магов! Да что это за мир такой? Где эти вездесущие могущественные колдуны, которые какую-то проходимку не смогли обнаружить?

– Они давно ее не ищут, Этель, – попыталась успокоить меня Сиенна. – Я же говорила, сообщество не знает, что Бекка обрела бессмертие.

– Тогда пусть узнают! Пусть она тоже заплатит!

Я едва дышала от переполняющего меня гнева, от слез, что душили меня, от кома в горле. Никогда еще я не испытывала такой ярости и такого отчаяния. Беда, случившаяся со мной несколько месяцев назад, показалась пустяком по сравнению с тем, что я испытывала сейчас. Сегодня на кону стояла жизнь мужчины, которого я отчаянно любила. И не было отныне ничего важнее его существования в этом мире, его счастья, его благополучия.

– Как нам выяснить секрет Ребекки? Как узнать, кто помогает ей? Ведь кто-то же помогает? Не думаю, что это тот молодой маг, что крутится рядом с ней... Шуст, вот кто нам поможет! Шуст!

Не знаю, откуда во мне взялась эта сила, не знаю, каким образом так изменился мой голос, из каких глубин поднялась смелость. Теперь я знала, что нужно делать, видела свою цель и не желала отступать.

– Что вы задумали? – нахмурилась Сиенна.

– Я не буду сидеть сложа руки. Я найду способ попасть в Дриэн. Любыми путями доберусь до Итана и дам ему понять, что он не один. Не знаю как, но я буду бороться за него!

– Этель, вы не понимаете, это самоубийство! – ужаснулась Сиенна.

– Быть может, так и есть, – сквозь слезы улыбнулась я, – но иначе я жить не хочу. Я прошла этот путь не зря, Сиенна. Он привел меня в ваш дом. Я должна была совершить ошибку и на время потерять себя, чтобы обрести вновь именно здесь. Рядом с вами, рядом с Итаном. Я должна была понять цену истинной любви, должна была познакомиться с собственным сердцем. Теперь я должна познакомиться с ним Итана, подарить Итану то, что таит моя душа. Осталось только понять, как все это сделать.

– Возможно, с этим я смогу помочь, – сказал Шуст, который, наконец, откликнулся на мой зов.

Я повернулась к рувиму, отчаянно сражаясь с собственными чувствами. Я жаждала и боялась впустить в свое сердце надежду:

– Чем именно?

– Советом для начала, – сказал он. – Но прежде ты должна решить для себя, на что именно ты готова пойти ради своей цели.

– На все, – ни на мгновение не задумываясь, выпалила я.

– Этель! – предостерегла меня Сиенна. – Советы рувима никогда не бывают однозначными. В них всегда таится опасность.

– Может и так, – ничуть не оскорбился Шуст, – но советы рувима действенны, ибо мы безошибочно распознаем чувства.

– Вот тут я бы поспорила. С Ребеккой ты сильно промахнулся, – не удержалась от шпильки Сиенна.

– Ее чувства были очень сильны, – ответил рувим. Я заметила, как дрогнул его голос, как напряглись желваки. Эта ошибка не давала ему покоя долгие годы, хотя Шуст и пытался казаться беспечным и безразличным. – Ее эмоции смешались. Жажда магии сплелась с любовью и, возможно, Бекка сама верила в эту любовь. Чувства к Итану у нее были, я их видел!

– А предательство ты там не видел? – продолжала нападать Сиенна. – Подлость не разглядел? А коварство?

– Нет, – чуть задрав нос, сказал рувим. – Ребекка необычная женщина. Она умеет добиваться своего. Повторяю, либо она любила Итана, либо внушила это чувство самой себе. Да так умело, что смогла обмануть рувима!

– Хорошо, – остановила я их спор. – Не будем вспоминать ошибок прошлого. Сейчас они нам ничем не помогут. Давайте подумаем о проблемах насущных. Я ответила на ваш вопрос: ради спасения Итана я готова на все. Хочу попасть в Дриэн и быть с ним рядом.

Пока не высказала свое желание, сама не до конца понимала, что оно настолько ясное. Шуст подошел ко мне очень близко. Его глаза вспыхнули бирюзовым светом, потом он с силой втянул носом воздух, словно втягивал нечто, принадлежащее мне.

– Что вы делаете? – боясь пошевелиться, спросила я шепотом.

– Подстраховываюсь, чтобы на этот раз не совершить ошибки, – ответил он, когда его глаза перестали светиться. – Для того чтобы видеть твои чувства, мне не нужно древнее дыхание бииндила. Так называется дар рувимов. Тем более они чисты и настолько мощны, что порою мне трудно устоять на ногах рядом с тобой. Чувства Бекки были не менее сильны, и я обманулся. Мой грех. Я отмахивался от некой алчности, которая время от времени проскальзывала в ее жажде. Списывал все на страсть и магнетизм между Ребеккой и Итаном. Не забывайте, четыре сотни лет назад я тоже был молод, неопытен, несколько тщеславен. Такие сильные эмоции питают мою магию, вот я и зацепился за этих двоих. В их тепле я грелся, их мощью наслаждался. Отказаться от такого соблазна очень тяжело. Оттого я и отмахивался от признаков безумия Ребекки. Успокаивал Итана, подталкивал его к возлюбленной, отговаривал, когда в редкие минуты его посещали сомнения, когда алкоголь выветривался и страсть хоть и ненадолго, но отступала. Я делал это ради себя, не ради него. Жалею ли я об этом? О да! Хочу ли я это исправить? Еще как!

– Отчего вдруг тебе понадобилось исправлять все? – с подозрением прищурилась Сиенна.

– Эти годы и для меня не прошли бесследно. Я тоже многое потерял. Но моя глупость лишила Итана дома, близких, уважения окружающих. Я тоже сыграл во всем этом немалую роль. А ведь рувимы призваны служить людям и существам, живущим в Дриэне.

Наш долг помогать им, и уже в последнюю очередь подпитываться их эмоциями.

– Подпитываться? – переспросила я.

– Именно, Этель, подпитываться. Чувства, что вы транслируете в мир, насыщают рувимов, делают их сильнее, могущественнее. Находясь рядом с Итаном и Беккой, я приумножил свою магию, но стал одним из тех, кто уничтожил Алададриэн. За силу и мощь всегда нужно платить. Таков закон природы.

– В твоих словах есть разумное зерно, Шуст, – сказала Сиенна, – но мне все равно трудно поверить в твою искренность.

– Алададриэн был и моим домом! – порывисто выпалил рувим. – Я тоже был там и тоже ничегошеньки не сделал, чтобы остановить разрушение нашего мира! Пусть я не кричу на всех углах о морали, но и мне недостает ласковых рассветов на горе Аунедис.

В словах Шуста слышалась горечь. Возможно, Сиенна права, и доверять рувиму было бы опрометчиво, но что-то было в его словах и намерениях. Что-то такое, что вызывало сочувствие и заставляло проникнуться если не доверием, то чем-то смутно похожим на него.

– Путь на Аунедис тебе закрыт. Старейшины изгнали тебя за помощь Итану, – напомнила Сиенна. Она не хотела его унижить, лишь констатировала факт, как мне показалось.

На какое-то время между ними возникла зрительная борьба. Они оба испытывали довольно сильные эмоции, что было заметно и без дара эмпатии.

– Ладно, допустим, что ты действительно готов помочь, и в твоих помыслах нет ничего скрытого, – сохраняя настороженность, сказала Сиенна. – Что ты предлагаешь? Что советуешь?

– Вы должны изучить законы Алададриэна. Должны найти лазейку.

– А она есть? – В образовавшейся после его слов тишине мой голос прозвучал хрипло.

– Должна быть. Своды законов меняются со скрипом. Нам нужны самые древние. Те, в которых говорится о взаимодействии существ с людьми. Они не изменились по сей день. Ввиду отсутствия в Дриэне людей о них просто забыли.

– И что они нам дадут? – поинтересовалась я, искренне этого не понимая.

– Возможно, там ты найдешь способ попасть в Дриэн, а может, и на суд. Иногда один и тот же закон можно толковать по-разному. Все зависит от того, под каким углом ты на него смотришь. Не хотите действовать тайно? Попробуйте воспользоваться законными методами. Тогда и совет не в силах будет что-либо сделать.

В комнате образовалась тишина. Каждый обдумывал слова Шуста, каждый пытался в них поверить. Даже он сам. Я обратила взволнованный взор на Сиенну, меж бровями которой залегла глубокая складка. Она размышляла, и на какое-то мгновение мне показалось, что всерьез.

– Древние законы не стоят на полках в нашей библиотеке, Шуст. Эти книги недоступны. Тем более те, что сейчас не используются. Как ты предлагаешь до них добраться? – строго спросила Сиенна.

– Я могу попытаться проникнуть в архив библиотеки.

– Ты, видимо, совсем обезумел, – рассмеялась Сиенна, но заметив, что рувим не разделяет ее настроения, быстро прекратила веселье. – Ты что, серьезно? Архив расположен в здании магического совета! Как ты собираешься туда проникнуть?

– Я же говорил, что Бекка и Итан здорово увеличили мои силы, а учитывая, что я тоже был в опале все эти годы, растрачивать их у меня попросту не было возможности, – грустно усмехнулся он.

– И все же конкретнее можешь сказать? – не сдавалась Сиенна.

– Я могу стать тенью, если помнишь, – пожал плечами рувим. – Пройти в архив не станет проблемой.

– А что же станет? – прищурилась я, чувствуя какой-то подвох.

– Проблемой будет прочитать ту часть, что относится к Аладе. Ее осилит только человек.

– Только не говори мне, что хочешь взять с собой Этель! – взвизгнула Сиенна. – Я не отпущу ее с тобой!

– Это единственный способ, – ответил Шуст.

Я слушала их разговор и не понимала, почему мы, если рувим может взять меня с собой, не можем проникнуть на заседание суда без всяких сложностей, и спросила об этом Шуста.

– Не так все просто, Этель, – сердито ответил рувим. – Здание суда хорошо охраняется, как и башня. Там на всех входах такие мощные заклятия стоят, что почти никому не под силу их одолеть.

– А здание совета не охраняется? – недоверчиво спросила я.

– Охраняется, – кивнул Шуст. – Так же хорошо. Только в здание совета я знаю тайный путь. Мне показал его Экрен. Точнее, нам всем показал его Экрен, которому в свою очередь поведал о нем Брион. Иногда, во время очередного кутежа, мы пользовались им, чтобы проникнуть на какой-нибудь тайный совет или чтобы украсть документ из архива, а потом наблюдать за его суетливыми поисками. Мы всегда возвращали их на место спустя какое-то время. Это было всего лишь шалостью.

– И Брион не догадывался? – спросила Сиенна.

– О нет, Экрен лишил его воспоминания об этом, – скривился рувим. – Это был первый и последний раз, когда юноша воздействовал магией на брата. Он сделал это только ради того, чтобы защититься, когда Брион начал что-то подозревать.

– Экрен был значительно сильнее своего брата, – задумчиво пробормотала Сиенна, которая, видимо, пыталась уложить в голове рассказ рувима. – И все равно это очень опасно. Этот ход теперь тоже может охраняться. Прошло четыреста лет! И сколько сил тебе понадобится, чтобы проникнуть туда, где обитает безграничная власть Дриэна, да еще и человека прихватить?

– На это у меня хватит сил, Сиенна. Возможно, только на это.

– Зачем? – вновь не поверила ему эльфийка.

– Ради одного рассвета.

– Не слишком ли высока плата?

– Сейчас все переменилось, Сиенна. Мы поставили на кон все, что у нас есть. Это единственный шанс хоть как-то изменить то, что мы натворили. Жить как прежде уже невыносимо. Теперь каждый наш шаг это риск. Каждое слово опасно. И мы либо изменим все, либо погибнем в стенах башни. Любой исход избавит нас от постылого существования.

– Ты надеешься, что старейшины простят тебя? – спросила Сиенна.

– А кто бы не надеялся? Ты разве не хочешь на сочные луга Дриэна? Не жаждешь тяжелых капель дождя на лице? Не серых и унылых, что падают с неба Алады, а искрящихся и питательных, которые может подарить только наш мир? Пора уже что-то делать! Чего ты боишься? За Итана, как и всегда? – Шуст порывисто шагнул к нам. – Но бояться поздно. Он уже в башне и только ему одному

известно, какие страхи медленно его убивают. Чего ждать, Сиенна? За что держаться?

– Я бы не хотела погубить Этель, – тихо сказала она.

– Я согласна с Шустом, – улыбнулась я Сиенне. – Пришло время что-то менять. И нужно хотя бы попытаться. А вдруг мы сможем что-то сделать? Вдруг есть возможность возродить Алададриэн? Вдруг четыреста лет сделали магов ленивыми, слепыми и глухими? Может, пора их расшевелить?

Сиенну ужаснули мои слова, но при этом будто вдохновили. Сначала она испуганно отпрянула, но когда они дошли до сердца, в глазах ее появилась призрачная надежда.

– Возродить Алададриэн? О чем вы, дорогая моя? – дрогнувшим голосом спросила она.

– Не знаю, – схватив ее за руки, сказала я, – честно, сама не знаю. Отчего-то вдруг подумалось об этом. А что, если это возможно? Что если можно исправить ошибку Итана? Улиэндер еще жив. Да, сил в нем мало, но, может быть, его можно напитать?

– Вы забываете, что в ту самую ночь маги погибли, пытаюсь напитать нашу святыню, – прошептала Сиенна, сжимая мои пальцы.

– Я помню, – сказала я, стискивая губы, чтобы сдержать боль. – Хорошо помню.

– Почему вы решили, что если бы был способ, маги не обнаружили бы его за долгие годы? Им тоже не по нраву жить в унынии без света, исходящего от Алады.

Этот вопрос немного отрезвил меня, но решимости я не утратила.

– Я знаю, что вы против, но позвольте мне пойти вместе с Шустом. Может, я смогу найти нечто, способное спасти если не Алададриэн, то хотя бы Итана!

Я с надеждой и мольбой посмотрела в глаза чудесной женщине, которая искренне беспокоилась за меня и которую я всем сердцем любила.

– Я не могу вам запретить, – сжав мои пальцы, ответила Сиенна. – Я все равно не до конца доверяю рувиму. Он может завлечь вас в дебри, а там погубить.

– Зачем ему это нужно? – постаралась улыбнуться я.

– Ох, не знаю, Этель.

Женщина схватилась за голову, тяжело вздохнула и опустилась в кресло, сложив руки на коленях. Она выглядела растерянной и крайне удрученной. Я присела на корточки подле нее и прошептала:

– Мне не будет покоя, если я не попытаюсь ему помочь. Мое сердце рядом с ним, оно зовет меня, терзает и мучит. Я не смогу жить здесь, пока Итан находится там. Он назвал меня своим светом, Сиенна, и этот свет ему жизненно необходим в той тьме, где он сейчас пребывает.

Сиенна подняла на меня заплаканные глаза, коснулась прохладными пальцами моей щеки, а потом крепко обняла. Я расценила это как согласие. Обернувшись заметила, что глаза рувима прикрыты, а от тела исходит слабое свечение, но только уже не бирюзовое, а зеленое.

– Прежде чем вы начнете кудахтать, – сказал он, не открывая глаз, – должен заметить, что на успех нашей опасной операции повлияет количество моих сил. Я немного подпитался вашими искренними эмоциями. Это поможет мне, а от вас не убудет. У Этель их столько, что она могла бы годами питать прежний Алададриэн. А теперь давайте не будем зря терять времени. Пока я бодр и силен, нам стоило бы отправиться в архив. Тем более что в Дриэне сейчас глубокая ночь.

– Я готова! – вовсе того не ощущая, сказала я.

– Вот и прекрасно, – улыбнулся Шуст, открывая глаза.

Сиенна удержала меня за руку, заглянула с тревогой в мои глаза и прошептала:

– Будьте крайне внимательны, не доверяйте слепо его словам. Осторожность не повредит.

– Хорошо, не волнуйтесь.

– Надежды обманчивы, они ослепляют, – вздохнула она. – Ваша любовь к Итану делает вас уязвимой перед тем, кто так хорошо ее чувствует.

– Я постараюсь не забыть об этом, – пообещала я. Потом позволила рувиму взять меня за руку и произнести длинное заклинание на непонятном языке.

Глава 18

В Дриэне действительно стояла глубокая ночь, как и говорил рувим. Мы шли тихими улочками какого-то большого, давно дремлющего города. Несмотря на темную ночь, я любовалась зданиями необычной архитектуры. Уличные фонари в виде сияющих светлячков освещали переулки и площади, большие и поменьше.

– Это Маалон – сердце Дриэна, – сказал Шуст, крепко державший меня за руку.

– Столица, – пробормотала я.

– Нет, именно сердце. Здесь зародился Алададриэн, когда Улиэндер явил себя двум еще не объединенным мирам. Именно этот город из последних сил питает наша святыня.

– А что будет, если его силы иссякнут? – тихо спросила я.

Шуст резко остановился, развернулся ко мне и заглянул в глаза. В его взгляде я прочитала смертную тоску и страх.

– Мир, который так дорог всем нам, погибнет, – ответил он и снова двинулся вперед, увлекая меня за собой.

Больше я ни о чем не спрашивала, молча наблюдая за тем, как город раскрывается передо мной. Сердце замирало от восторга и удивления, а еще от ужаса каждый раз, когда мне казалось, что нас вот-вот заметят. Шуст заверил меня, что его сил хватит, чтобы мы могли призрачными тенями проскользнуть по улицам и войти в нужный коридор, о котором Экрен поведал ему много лет назад. Я спросила, почему бы сразу не оказаться у входа в тайный проход, но рувим сказал, что безопаснее будет сначала немного пройти, чтобы он, по его словам, настроился на меня.

– Боже! – прошептала я, запрокидывая голову и обращая взор ввысь настолько, насколько это было возможно.

Перед нами возник дом, который казался таким высоким, что мог коснуться облаков. Хотя, конечно, в ночи мне могло просто показаться. Свет фонарей доползал лишь до высоты примерно в два человеческих роста, а дальше рассеивался и уступал место звездам и луне. Стены дома были покрыты чем-то небольшим овальным и выпуклым. Сначала я даже не поняла, что бы это могло быть. Любопытство взяло

верх над осторожностью, я сделала шаг ближе и протянула руку. Внезапно одна из выпуклостей дернулась и стала светлее. Я ахнула, когда поняла, что это глаз, открывшийся глаз. Прикрыв рот свободной рукой, я не могла оторвать свой взгляд от того, как медленно, будто накатывающая морская волна, открывались глаза, один за другим. Поразительное зрелище. Ничего более удивительного я еще никогда не видела. Шусту пришлось не слишком вежливо дернуть меня за руку, чтобы я последовала за ним.

Дальше нам встречались дышащие дома, двигающиеся, подземные, парящие над землей и даже поющие тихую мелодию звездной ночи. А еще, конечно, были и самые обычные, немного похожие на те, которые я каждый день видела в Аладе.

Повернув за угол самого обычного дома, я застыла как вкопанная. Я увидела ее – Мерцающую башню. Догадаться, что это, было совсем несложно. Она выглядела как башня – круглая, каменная, с множеством окон. И мерцали именно они.

Сердце взорвалось болью, грудь сдавило, а слезы сами собой навернулись на глаза. Как близко... и как далеко я была сейчас от Итана! Казалось, протяни руку, и я смогу коснуться холодных стен. Душа горела и рвалась к нему. Я даже не заметила, как сильно стиснула пальцы рувима.

– погоди немного, девочка, еще не время, – сказал он тихо. – Твоя боль может сбить меня с ног. Удивительно, вот она какая – истинная любовь. Ты действительно готова на все, лишь бы оказаться сейчас рядом с ним.

– Если бы кто-нибудь предложил мне поменяться с ним местами, я бы даже думать не стала, приняв это предложение за дар! – не отводя глаз от башни, прошептала я.

– Теперь вижу, в чем именно была моя ошибка много лет назад, – опустил голову Шуст.

– Все познается в сравнении, – мягко сказала я. – Уже будучи знакомой с Ребеккой, я могу понять, почему вы приняли ее чувства за любовь. Сейчас мне кажется, что это безумие, но, возможно, много лет назад, когда они оба горели страстью, она затмевала прочие чувства, что таились глубоко в душе этой женщины.

Рувим поднял на меня глаза, и в них я увидела благодарность. Искреннюю.

– Все, что произошло, безусловно, трагедия, но никто из вас ее не желал. Вы были молоды, азартны, немного безрассудны. Вина лежит на многих, Шуст. Я говорила Итану и вам повторяю, не стоит брать это бремя лишь на себя.

Мне показалось, что рувим хотел что-то сказать, но отчего-то передумал. Он слабо улыбнулся своим мыслям и кивнул, приглашая продолжить путь. Я еще раз бросила взгляд на башню, терзаясь мыслями о том, какие именно кошмары видит сейчас Итан, и мысленно пообещала ему, что мы снова увидим друг друга и я сделаю все, чтобы облегчить его боль. Это обещание я дала не только ему, но и себе. Оно было мне необходимо, иначе ноги не оторвались бы от земли, и я не смогла бы покинуть это место.

– А вот и здание магического совета, – прошептал Шуст, указывая на большой особняк с двумя башнями, верхушки которых походили на короны. – Теперь будь предельно внимательной и постарайся не шуметь. Мы с тобой будем пробираться, словно слепые котятка.

Я лишь кивнула, настраиваясь на нечто опасное. Мысли о моей цели, о том, зачем я все это делаю, придавали сил. Прежде чем сделать первый шаг, прикрыла глаза и вызвала в памяти образ Итана. Это помогло не сжаться от страха и не попроситься обратно в его дом. Внутри все дрожало от ужаса перед неизвестностью, но если я хоть что-то могу сделать для любимого человека, я сделаю, невзирая ни на что.

Шуст двигался значительно медленнее, постоянно озираясь по сторонам. Я едва дышала, шагая след в след. Представляя себе тайный ход, я думала о подземном лазе или о чем-то подобном, но как же я заблуждалась! Обогнув здание, рувим остановился неподалеку и, не отпуская моей руки, опустился на колени. Мне пришлось согнуться, чтобы нам обоим было удобнее. Шуст прикрыл глаза, сделал судорожный вздох и начал бормотать непонятные слова. Какое-то время ничего не происходило, и он даже растерянно распахнул глаза, но затем стиснул зубы и заставил себя продолжать. Заклинание зазвучало с таким надрывом, будто от него зависели многие и многие жизни. Именно в этот момент я поверила маленькому человечку, поверила, потому как смогла не хуже него самого разглядеть в чужом сердце глубокие страдания.

Заклинание сработало. Перед нами возник коридор. Но не подземный, весь в паутине, где в пыльном воздухе витал затаившийся ужас. Этот коридор был магическим. Прозрачным, узким и... сквозным.

– Невероятное заклинание, – улыбнулся рувим. – Экрен был талантливейшим магом, с невероятным чутьем на выдающиеся вещи. Где он его откопал, даже знать не хочу, но это мощнейшее заклятие. То, что показывал Брион, было тоже неплохим, но более рискованным. Место осталось прежним, но Экрен усовершенствовал вход, заботясь о нашей безопасности. В то время он один не терял голову, хотя бы иногда.

Последние слова прозвучали не без сожаления.

– Почему нельзя воспользоваться этим заклинанием в башне, чтобы повидать Итана? – спросила я.

– Мне жаль, но повторить такое мощное заклятие я не в силах. Да и мало кто другой, я думаю. Кроме разве что самого Итана, или, скажем, его матери. Сейчас я лишь открыл проход, установить его мне не дано.

Наверное, я слишком много хотела, но разве можно меня в этом упрекнуть? Каждая минута, проведенная Итаном в башне, причиняла боль. Когда-то он был прав, сказав, что физические муки ничто в сравнении с муками душевными.

Коридор, по которому мы медленно передвигались, подрагивал и колыхался время от времени. И несмотря на то, что Шуст восторгался талантами Экрена, рувим все равно продвигался не без опаски.

Мы в буквальном смысле прошли сквозь стены, миновали одного за другим несколько охранников и спустились по длинной спиральной лестнице. Прошли длинным темным коридором, в котором слышали лишь собственное дыхание, и оказались у двери.

– Один шаг, Этель, – сказал рувим, – всего один – и мы в архиве.

Шуст сделал глубокий вдох и прошел сквозь закрытую дверь. Я даже зажмурилась, повторяя его действия. Когда оказалась по ту сторону, почувствовала легкий холодок и запах каких-то трав. Открыв глаза, приоткрыла от изумления рот.

Архив был прекрасно освещен множеством ламп, здесь было просторно и очень красиво. За этим огромным помещением отлично присматривали. Сотни полок с книгами и свитками, несколько столов с

мерцающими на них лампадами, уютные кресла и огромные окна, занавешенные легким тюлем.

– Удивлена? – не без удовольствия спросил рувим, отпуская мою руку. Я вскинула голову. – Здесь можно побыть самим собой. Охраняется лишь вход. Нас не почуют.

– Как беспечно, – улыбнулась я.

– Попасть сюда невозможно, – ухмыльнулся рувим. – По крайней мере, так считают маги. Этот путь единственный, кроме законного.

– Вы спрашивали, удивлена ли я? – вернулась я к его словам. – О да, здесь очень красиво.

– Маги лелеют свой архив, гордятся им, тут они чувствуют себя несокрушимыми, – вновь усмехнулся Шуст. – Пойдем, у нас не так много времени.

Мы отправились в самую глубь просторного зала, сделали несколько поворотов и оказались у высокого стеллажа, под самый потолок забитого древними истрепавшимися книгами.

– Вот они, – шепотом сказал рувим, и мне на миг показалось, что он и сам благоговеет перед этим местом. – Теперь осталось найти свод законов, утвержденный более тысячи лет назад. Магов, составлявших его, уже не осталось, но каждое новое поколение придерживается всех пунктов, указанных в нем. Каждый новый член совета изучает и ставит свою подпись, снова и снова соглашаясь с предками. Последний магический совет был утвержден еще до гибели Алададриэна, с тех пор вряд ли кто-то заглядывал в эти книги.

– Почему их не пересматривают? – поинтересовалась я, касаясь пальцами ветхих корешков.

– А какой в этом смысл? Законы нового Дриэна просто добавляются. Они не могут противоречить древним, ибо люди больше не живут по соседству. Древние правила описывали взаимодействия двух миров, которые были единым целым. Нет Алададриэна – нет и его законов.

– Тогда как же мы ими воспользуемся? – повернулась я к рувиму.

– Они не отменены, ими просто не пользуются. Ты – человек, и придя в Дриэн, можешь потребовать исполнения любого закона. Правда, я даже не знаю, какой из них может нам подойти, – печально пожал плечами рувим.

– А как же изгнание людей из Дриэна?

– Законодательство это довольно тонкое и запутанное дело, Этель. Повторяю, нужно найти лазейку, которая позволит тебе остаться в живых и появиться на суде законно. Я же не говорил, что это будет легко.

– Да уж, – вздохнула я. – Я отчаянно хочу надеяться, но в то же время и боюсь.

– Сиенна права, надежда опасная штука.

– Что мы ищем? Как свод выглядит, вы знаете? – прервала я Рувима, уже много раз я слышала эти слова.

– Это большая книга, – сказал Шуст, почесывая затылок и осматривая стеллаж. – Ветхая, в светло-коричневом переплете. На корешке рисунок в виде горы с заснеженной вершиной и большим камнем у ее подножия.

Я окинула взглядом внушительный шкаф и решительно двинулась к стремянке, которая стояла неподалеку.

– Смотрите на нижних полках, я начну сверху.

Спустя минут двадцать я наткнулась на красивую книгу, на обложке которой было написано «Рождение Алададриэна». Не удержалась и полистала ее, обнаружив редкой красоты рисунок.

– Что это? – спросила я, показывая Шусту свою находку.

Рувим взглянул на рисунок и изменился в лице. Его брови чуть приподнялись, а потом сдвинулись к переносице, демонстрируя глубокие страдания.

– Это Аунедис, – хриплым голосом ответил Рувим. Он провел пальцем по изображению. – Гора, родившая Улиэндер. Так считалось издревле. На самом деле никто не знает точно, откуда взялся камень. Маалон стоит у подножия этой горы. Сейчас ночь и ты не могла это увидеть, но на рассвете... Это самое красивое место во всех мирах. Аунедис была проводником. Ранним утром на ее вершине сияли чистейшие эмоции человеческого мира. Свет, идущий из Алады, сосредотачивался вокруг горы, он сиял и переливался, как звезда, как самое чудесное светило. В нем была сама чистота, наивность, любовь, искренность – все самое лучшее, что таилось в душах людей. Это поразительное зрелище, описать его не хватит слов. Я был среди тех, кто ежедневно любовался им. Этот свет задерживался лишь на несколько секунд, а потом направлялся в Улиэндер, чтобы тот мог напитать Дриэн. А вечером, прямо перед закатом, святыня возвращала

свет Аладе. Только это был уже иной свет – свет магии. Оба мира поддерживали друг друга. Наверное, Итан уже рассказывал тебе об этом.

– Да, немного. Он говорил, что искра Улиэндера дала жизнь обоим мирам.

– Так и есть, – еще раз бросив взгляд на рисунок, с тоской сказал рувим. – Мой народ хранил и направлял свет, идущий из обоих миров. Эмоции людей неоднозначны и, само собой, они не всегда были позитивными. Порою этот поток приходилось очищать от злости, обид, зависти и прочих вредоносных обоим мирам чувств. Это была моя задача, моя основная работа. Когда один человек захотел изменить порядок вещей, рувидам не хватило сил очистить поток негативных эмоций, и он разрушил Улиэндера. Так мир раскололся надвое.

– Всего один человек, всего одно желание, – пробормотала я, теперь, наконец, понимая, как именно все произошло.

– Да, одно желание, но оно разрушало порядок, установленный столетия назад. Человек не должен стремиться к магии, не должен желать того, чем не может управлять. У всего в мире есть свое место, свое предназначение. Я тоже не до конца понимал все это четыре сотни лет назад.

– Давайте продолжим, – мягко касаясь его плеча, сказала я.

Прежде чем поставить книгу на место, я еще раз взглянула на изображение горы, окруженной искрящимися потоками, которые были показаны в виде звезд, исходящих из души человека, нарисованного с одной стороны Аунедиса. Трудно было оторвать взгляд от этой картинки. Было в ней что-то настоящее, живое.

Дальнейшие поиски ни к чему не привели. Мы так и не нашли свод древних законов.

– Ничего не понимаю, – растерянно сказал рувим. – Книга должна быть здесь.

– А не мог ее кто-то взять? Как из библиотеки, на время, почитать, – неуверенно предположила я.

– Нет, это запрещено. Книги отсюда не выносят, – мотнул головой Шуст. – Хотя... если это был кто-то из совета...

Рувим торопливо направился к ближайшему столу. Отыскал на нем какую-то тетрадь и начал порывисто листать страницы.

– Вот, нашел! – сказал он, когда я подошла ближе. – Ты не поверишь, кто ее взял!

– Кто? – заранее пугаясь, спросила я.

– Мариона! Мать Итана.

Шуст задумчиво уставился в пустоту, неосознанным движением почесывая подбородок. Я стиснула руки, ожидая, когда рувим выскажет свои умозаключения.

– Ума не приложу, зачем он мог ей понадобиться, – наконец сказал он. – Законы – это то, что она знает наизусть. Лучше всех знает.

– Прошло четыреста лет. Возможно, Марионе тоже необходимо освежить память. Вопрос, зачем? – задумалась я.

Некоторое время мы провели молча. Как мне казалось, мы оба хотели надеяться на лучшее, но опасались худшего.

– Здесь нам делать больше нечего, – заключил Шуст. – Уносим ноги.

– Но что с законами? – не могла не спросить я.

– Решим в Аладе! – бросил мне рувим, хватая за руку.

Возвращались мы тем же путем. Поднялись по лестнице, прошли через коридоры, миновали затворенные двери и стоявшие на пути стены. Однако покинув здание и сделав первый поворот на улице Маалона, мы столкнулись с неприятным сюрпризом.

– Я знала, что ты не оставишь это дело просто так, – услышала я знакомый голос.

Ребекка стояла, прислонившись спиной к стене дома и, похоже, ждала именно нас. Рядом с ней был все тот же молодой маг, который с обожанием смотрел ей в лицо. Я напряглась, ожидая чего-то малоприятного.

– Что тебе нужно? – хмуро спросил Шуст, сжав мои пальцы сильнее.

– Как она нас увидела? – шепотом спросила я рувима.

– Я уже говорил Итану, что увидеть тень может лишь человек, испытывающий очень сильные эмоции. Ребекка крайне эмоциональная личность. Она почти всегда поддается чувствам. От нее скрыться мне никогда не удавалось, – мрачно ответил рувим.

– Да ты не один? – оторвавшись от стены, улыбнулась Бекка. – Явитесь нам, и продолжим разговор, как цивилизованные люди.

Шуст покусал нижнюю губу, бросил на меня хмурый взгляд и отпустил мои пальцы. Меня будто холодом обдало, словно я предстала перед бывшей возлюбленной Итана обнаженной. Захотелось прикрыться.

– Ах, вот оно что? – усмехнулась она. – Мышка тоже с тобой? Как смело!

Ее деланое восхищение заставило меня скривиться.

– Уж чего-чего, а смелости Этель не занимать, – сердито ответил рувим. – Что тебе нужно, Бекка?

– Ты знаешь, что мне нужно, Шуст, – уже серьезно сказала она. – Мне нужен Итан.

– Или лучше сказать его магия, – уточнил он.

– Мне плевать, что ты думаешь, – бросила Бекка. – Я вижу, что вы не собираетесь оставлять Итана в башне. Каков ваш план?

– С какой стати мы должны делиться им с тобой? – нахмурился Шуст.

Я смотрела на Ребекку и пыталась понять, что ею движет. Что она чувствует, когда представляет Итана в башне? Чем мучается, чем терзается?

– С такой, что лишь я могу вам помочь, – сурово отрезала она. – Как я вижу, вы тоже не в чести в Дриэне. Ты изгнанный старейшинами рувим, она – человек. Тебе, Шуст, хоть и можно появляться дома, но твои действия явно незаконны. А я – это путь в любую точку Дриэна. Я передвигаюсь одинаково свободно по обоим мирам. Засечь меня невозможно.

– Как ты это делаешь? – полюбопытствовал рувим.

– Если помнишь, у меня есть талант. Я умею обзаводиться полезными друзьями, – коварно улыбнулась Ребекка и провела кончиком пальца по щеке Грея. Кажется, так звали юношу, что был с ней рядом.

Шуст огляделся по сторонам и снова нахмурился. Его тревожил приближающийся рассвет. Время было не на нашей стороне.

– Иди к черту, Ребекка, ты последняя, с кем бы я связался! – заявил рувим, протягивая мне руку. Однако я не торопилась за нее хвататься. – Этель!

– Подождите, – прошептала я. – Как бы ни было неприятно, но она права.

– В каком смысле? – чуть не взвизгнув, спросил Шуст. Он схватил меня за запястье и увлек подальше от посторонних ушей. – Что ты задумала?

– Она права, – настойчиво повторила я. – Ее помощь может пригодиться. Мне недоступны перемещения в любое время и в любое место. Сиенна с самого начала говорила, что людей здесь почувствуют, что на мне нечто вроде запаха Итана. Любой, кто меня увидит, поймет, что я с ним.

– И что? – не понял рувим.

– У вас не хватит сил, чтобы скрытно привести меня к Марионе, разве не так? – спросила я. – Так. А Ребекка может доставить меня к ней. Я должна изучить законы, Шуст. И если они сейчас у матери Итана, значит, мне нужно к ней.

– Этой женщине нельзя доверять, ты не забыла? – изумился рувим, указывая пальцем на Ребекку.

– Нет, не забыла, – твердо сказала я. – Но я и не говорила, что доверюсь ей. Мне лишь нужно попасть к Марионе.

– Ребекка никогда и ничего не делает просто так!

– Тогда давайте выясним, что ей нужно, – натянуто улыбнулась я.

Внутри все дрожало от страха и сомнения. Я не могла позволить себе сделать неверный шаг, но ради вызволения Итана из башни готова была заключить сделку даже с дьяволом. И если этим дьяволом станет его бывшая любовница, я приложу все усилия, чтобы перетерпеть ее общество.

– Чего ты хочешь? – спросила я, вернувшись к Ребекке. – Какова твоя цель? Я не верю, что ты сможешь просто так.

Бекка расплылась в приторной улыбке, подошла ко мне ближе и заглянула прямо в глаза.

– Мне нужен Итан, вот моя цель!

Я вздрогнула. А если Итан не устоит? Боже, сейчас совсем не время думать об этом, но предательское сердце не прислушивалось к голосу рассудка. Для начала нужно сделать все, чтобы спасти его. Переживать о том, какой он сделает выбор, буду потом.

– Свое условие я назначу позже, – сказала Бекка, дерзко вскинув одну бровь. – Цена не будет высокой, уверяю тебя. Но раз ты любишь Итана, ну, или думаешь, что любишь, значит, пойдешь на все. Решай сама. Я могу помочь. Со мной и моими друзьями ты сможешь незримо

передвигаться по Дриэну. Больше никто не предложит тебе такую помощь.

Я пристально смотрела ей в глаза и пыталась понять, что она замышляет. Зачем ей я? О чем умалчивает эта женщина? Как она нашла нас? Как узнала, зачем мы здесь?

– Почему не вызволишь его сама? – вырвался вопрос. – Если твои друзья такие могущественные, почему сами не спасут Итана?

– Мерцающая башня не игрушка, – резко сказала Ребекка. – Выкрасть из нее заключенного невозможно. Мы перебрали сотни вариантов. Вытащить оттуда Итана можно только законным путем.

– А ты не хочешь появляться перед судом, рискуя собственной шкурой! – усмехнулась я. – Ты ведь тоже человек. И если ты поняла, что свод древних законов может нам помочь, то догадываешься, что я, как человек, могу воспользоваться им. Ты тоже могла бы. Но страх, что придется раскрыть тот факт, что ты жива и ответить за содеянное, не позволяет тебе.

– Мой страх лишь в том, что я могу усугубить положение Итана, – чуть задрвав подбородок, сказала она. – Я не боюсь явиться совету, я боюсь, что это будет бесполезно.

Я не поверила ни единому ее слову. Не могу сказать, почему. Для того чтобы убедиться, бросила взгляд на рувима. Шуст буквально впивался злым взглядом в лицо Ребекки, его зубы чуть ли не скрипели.

– Ты не забыла, что я способен распознать твои истинные чувства? – спросил он.

– Знаю я, как хорошо ты в них разбираешься, – ничуть не смутилась она. – Твоим способностям грош цена!

Шуст дернулся в сторону Бекки, но я удержала его, понимая, насколько он зол. Лжет ли Бекка о своих мотивах или же сама себя обманывает, мне было, в сущности, неважно. Если она поможет, какая разница, струсил она или нет?

– Ты согласна? – нетерпеливо спросила Ребекка, глядя мне в глаза.

Еще одно мгновение я колебалась, но, напомнив себе о муках Итана, кивнула.

– Согласна. И первое, что мне необходимо, это попасть к Марионе. Сейчас ключ к моему законному появлению на суде именно у нее.

– Вот и отлично, – ухмыльнулась Ребекка. – Я отправлю тебя к Марионе, но буду признательна, если ты умолчишь о нашем союзе.

Ее условие меня ничуть не удивило, и я согласно кивнула.

– Ты совершаешь ошибку, – пробурчал Шуст.

– Пусть так.

– Ты даже не знаешь, чего Ребекка потребует взамен!

– Это тоже сейчас не самое важное, – попыталась я убедить его. –

На первом месте Итан. О нем все мои мысли.

– Я это знаю, поверь, – чуть смягчился рувим, – но и о себе неплохо было бы подумать.

– Все будет хорошо... так или иначе, – криво улыбнулась я.

– Вот это «иначе» меня и беспокоит, – сказал Шуст и повернулся к Бекке. – Я пойду с Этель.

– Да пожалуйста, – хмыкнула она и сделала жест рукой, который Грей истолковал как команду.

Парень шагнул к нам, но внезапно замер на месте, медленно повернул голову и прислушался.

– Дело плохо, – сказал он. – Их засекли.

Шуст бросил взгляд на наши расцепленные руки и чертыхнулся.

– Ты не прикрыла нас? – рявкнул он, обращаясь к Бекке.

– Я не была уверена, что вы согласитесь на мою помощь, – сказала она, беспечно пожав плечами. – Грей, отправляй их.

– Это рискованно, – мотнул головой парень. – Я не стану колдовать там, где засекли человека. Тем более ту, от которой смердит Итаном.

Оказалось, что у этого парня и зубы есть. Я-то считала его безвольной куклой, служившей Бекке, но, как оказалось, Грей мог мыслить самостоятельно.

– Черт, – ругнулась Ребекка. – Шуст, уходите отсюда. Доберитесь до таверны на окраине. Там, где мы с Итаном провели неделю, прячься ото всех. Ты помнишь?

– Помню, – буркнул он.

– Баклус свой человек, он вас спрячет. А мы попытаемся запутать ваши следы. Ждите нас в таверне...

Не успев договорить, Ребекка исчезла, а с ней и ее дружок.

– Поздно, – шикнул рувим, когда перед нами возникли два мага.

Глава 19

Я и ахнуть не успела, как меня схватили буквально за шиворот, как котенка и слегка встряхнули.

– А кто это тут у нас? – сказал тот, что так бесцеремонно обошелся со мной.

– Да как вы смеете? – возмутилась я. – Немедленно отпустите меня!

Где-то в глубине души я понимала, что правила приличия, манеры и прочее, скорее всего, здесь не работают так, как в Аладе, но все равно пыталась вразумить этих двух наглецов.

– Борк, отпусти ее, – сказал, наконец второй. – Она никуда уже не денется.

Почему-то в голову запал вопрос: «Она? Не они?». Как только хватка ослабла, я завертела головой по сторонам. Внутри все похолодело, когда поняла, что Шуста рядом нет. В ужасе застыла, подавляя стон отчаяния. Он предал меня и сбежал. Я осталась наедине с этим враждебным миром. Стиснув зубы, взглянула в лица задержавших меня магов.

Они были почти одного возраста, оба высокие, только тот, что хватал меня, чуть крупнее, а второй худощавее. Темноволосые, темноглазые, похожие, словно братья.

– Что вам нужно от меня? – спросила их.

– Человеку не место в Дриэне, – спокойно сказал худощавый. Он подошел чуть ближе и пошевелил пальцами в воздухе прямо перед моим лицом, а потом повел носом, принюхиваясь. – На тебе след магии Итаниэля Холла, который сейчас коротает свои дни в Мерцающей башне. Кто ты и что здесь делаешь?

– Чего ты с ней церемонишься, Альберт? – удивился Борк. – Отведем ее в башню и дело с концом.

Тот, кого назвали Альбертом, продолжал молча изучать мое лицо, и на миг мне показалось, что у меня появился шанс.

– Что ты здесь делаешь? – повторил он свой вопрос.

– Я хочу попасть в башню и увидеть Итана, – выпалила я, даже не раздумывая.

В этот момент мне было неважно, насколько глупо это прозвучало и что подумают обо мне эти двое. Я с надеждой смотрела в лицо Альберта, чьи брови удивленно взметнулись вверх.

– Я слышана о том, что происходит в башне, – тише добавила я. – Это чудовищное место. Я не хочу, чтобы он оставался там один.

Возможно, мои слова звучали наивно, и не стоило говорить все как есть, но какой у меня был выбор? Лгать? Какова бы ни была причина моего появления в Дриэне, это нарушение закона магического мира.

– И как ты собиралась проникнуть в башню? – не без любопытства спросил Альберт.

– Не знаю, я не придумала... Понятия не имею, – честно ответила я. – Это неважно.

– Неважно? – рассмеялся Борк. – Ты что, ненормальная?

– Итаниэль платит за свои грехи, – бесстрастно проговорил Альберт, все так же пристально глядя на меня.

– Он давно за них заплатил! – не повышая голоса, но достаточно твердо сказала я. – Сколько можно терзать человека за ошибку молодости? Прошло четыре сотни лет!

– Не тебе говорить о том, чего ты не смыслишь, – вдруг потеряв ко мне интерес, заявил Альберт. – Пойдем, не нам решать, что с тобой будет.

Робкая надежда, что теплилась в душе, тут же иссякла. Не знаю, что мною двигало, но я внезапно оттолкнула Альберта, сорвалась с места и бросилась бежать. Знала же, что они все равно найдут, но тело отреагировало быстрее, чем разум. Куда я бежала и зачем? Ума не приложу. Просто неслась по улицам, не разбирая дороги. В голове вертелись, сменяя друг друга, только две мысли: о том, какая я глупая и о предательстве Шуста. Как он мог меня бросить?

Повернув в какой-то проулок, я прижалась к стене и обхватила руками голову. Что дальше? Выбраться из Дриэна сама я не могу. Куда бежать? Искать таверну, о которой говорила Ребекка? Но и она могла обмануть. Собственная жизнь и благополучие – это все, что ее волнует.

– Глупо, – раздался голос где-то справа, и я вздрогнула. Альберт прислонился плечом к стене и сложил руки на груди. – Здесь тебе некуда бежать. Ты оставляешь за собой очень четкий след. Нам даже напрягаться не нужно, чтобы нагнать тебя.

В этом проулке, темном и узком, я оказалась словно в ловушке. Маг прав, я повела себя глупо.

– Сейчас мой брат возьмет тебя за руки, и впредь ты не сможешь сделать лишнего движения, чтобы не доставлять нам хлопот, – спокойно сказал Альберт. – Борк!

Как я и думала, эти двое были братьями. Борк медленно подошел, подхватил меня под локоть и крепко сжал его своими сильными пальцами. Я зажмурилась, но сопротивляться не стала. Это было совершенно бесполезно. Однако не успели мы сделать и двух шагов, даже из проулка еще не вышли, как братья замерли и напряглись. Что-то насторожило их настолько, что они застыли на месте.

Я испуганно повернулась к Альберту и увидела, что его лицо исказила гримаса боли. Его тело скручивало и трясло. Рука Борка причинила мне боль, когда его пальцы сжали мой локоть так, что я взвизгнула. Второго брата тоже сразила какая-то неведомая сила. Ноги Альберта подкосились, он рухнул на колени. Совершенно не сознавая, что делаю, я кинулась к нему, чтобы подхватить падающего мага.

– Что? Что с вами? – в ужасе спросила я, глядя в лицо, изуродованное муками.

Я упала рядом с ним на колени и, не представляя, что делать, обхватила плечи мага руками. Бросила растерянный взгляд на его брата, который тоже корчился на земле. Я не испытывала ненависти к этим магам, они ничего плохого мне не сделали. Сердце сдавило, было очень тяжело смотреть на их страдания.

– Что мне делать? Как помочь вам? – спрашивала я, придерживая Альберта за плечи. – Как помочь?

Я видела глаза мага, удивление в них, муку и стоявшие слезы. Боль была настолько сильной, что он даже дышал с трудом.

– Как это прекратить? Как помочь вам? – все причитала я, глядя то на одного брата, то на другого.

Альберт что-то прохрипел и потянулся к карману скрюченными в спазме пальцами. У него никак не получалось засунуть руку в карман пиджака и я сделала это за него.

– Что... что это? – спросила, выудив какой-то странный предмет, похожий на маленький скипетр с камнем на навершии.

Маг дергался и трясся у меня на руках, он пытался взять странный предмет, но у него никак не получалось. Мне пришлось

вложить скипетр в его руку. Превозмогая боль, Альберт обхватил магический предмет пальцами, стиснул его и что-то прошептал. В то же мгновение в проулке поднялся пыльный вихрь, колючий ветер ударил в лицо, но все быстро стихло. Мужчина на моих руках расслабился и на время прикрыл глаза. Его тело, как и тело Борка, уже не билось в конвульсиях.

Я тоже облегченно вздохнула и расслабилась, понимая, что нечто странное и страшное закончилось.

– Этель, – услышала недовольное шипение. – Этель!

Пока маги приходили в себя, я огляделась и заметила тень. Шуст!

– Иди же сюда, – ворчал он.

Я шла на голос, поскольку тень то появлялась, то снова исчезала. В какой-то момент обернулась, чтобы убедиться, что с Альбертом и его братом все в порядке. Я увидела, как маг приподнялся на локтях и посмотрел на меня долгим взглядом, но тут я почувствовала, как рувим схватил меня за руку.

– Уходим, живо! – велел Шуст, увлекая меня за собой.

Некоторое время мы молча бежали, я не могла ни о чем думать, в голове царил хаос. Все, что произошло, было так странно. Что случилось с братьями-магами? Это Шуст сделал?

Мы все бежали и бежали, пока не оказались где-то на окраине. Я едва успела перевести дух, когда рувим буквально набросился на меня.

– Ты чего с ними возилась? Почему не побежала?

Я недоуменно уставилась на Шуста, пытаюсь понять, что он хочет мне сказать. В груди жгло, дышать после такой пробежки было тяжело.

– Это вы? Вы с ними такое сотворили? Они же корчились от боли!

– Нет, не я, – проворчал он. – Не знаю кто. Я просто следил за тобой. Когда они появились, я рискнул стать тенью – вдруг не заметят. Не заметили. Один, правда, когда тебя изучал, чуть было не засек меня. Эмоции у него были сильные, когда он в лицо твое смотрел. Я испугался, что он меня обнаружит. Но нет. А ты глупая совсем? Зачем все рассказала им?

– А что я должна была сказать? – расстроилась я. – Не так просто быстро придумать какую-то ложь. Тем более они и так знали, что я с Итаном связана. Что, по-вашему, я должна была сказать?

– Ладно, ладно, не кипятись. Сказала и сказала, чего уж теперь.

– Я думала... думала, что вы бросили меня, – призналась я.

– Не удивлен, – обиженно проворчал рувим. – Я просто следил за тобой, ждал момента. Что хорошего, если бы нас обоих взяли? А ты деру дала. Куда тебя понесло? Неужто от магов решила убежать?

Я не стала на это отвечать, сама уже сто раз себя дурочкой мысленно называла.

– Я едва успел за тобой. До проулка добежал, замер. Не знал, как тебя у них умыкнуть. А тут этот магический всплеск. Кто-то очень сильный напал на твоих конвоиров.

– Чья это была магия? Кто мог заступиться за меня? – удивилась я. – Может, это помощник Бекки?

– Не знаю, но он, как я уже сказал, был чертовски силен. Грей хорош, но не настолько. Не думаю, что братья смогли бы распознать, кто напал на них. Хотя не мне судить об этом. Спаслись и ладно.

Спорить с рувимом не было ни сил, ни желания. Кто бы нас ни спас, я была ему благодарна. Однако опасения все же появились. Если спас, почему не появился? Зачем ему нужно было вмешиваться?

– Идем, нам пора в таверну, – сказал Шуст, так и не отпустивший мою руку.

– Альберт сказал, что они способны уловить мой след, – сказала я, переживая, что нас снова обнаружат.

– Когда ты становишься вместе со мной тенью, даже они не могут уловить магию. Я долго этому учился. Эта способность не раз спасала мне жизнь.

– Кто они? Вы знаете этих двух магов?

– Они служат совету, следят за незаконным использованием магии, ловят преступников и всякое такое прочее.

– Как полицейские в Аладе, – задумчиво сказала я.

– Что-то вроде того, только в Дриэне их слово имеет вес много больший, чем у полиции в Аладе. Это сложно объяснить, – сказал Шуст, увлекая меня за собой по улицам Маалона. – Где же она? Где эта чертова таверна? За столько лет я успел позабыть.

– Почему Ребекка сказала, что там мы будем в безопасности? Кто такой Баклус? – спрашивала я, озираясь по сторонам, как и рувим.

– Он хозяин таверны, гнусный тип, но к Бекке всегда был равнодушен. Она забавляла его. Ради нее он голову свернет любому. Баклус промышлял продажей незаконных снадобий и заклинаний,

поэтому обзавелся потайной комнатой, ее невозможно обнаружить. В свое время он лишился руки, чтобы заполучить заклятие, способное скрыть его делишки.

– И этот человек согласится нам помочь? – ужаснулась я.

– Я же сказал, ради Бекки он сделает все, – проворчал Шуст. –

А вот и пришли...

Перед нами находилась та самая таверна. Называлась она просто и незамысловато: «Таверна». Видимо, хозяин не стал тратить силы впустую и придумывать какое-нибудь завлекательное название, остановившись на предназначении заведения.

Таверна была небольшой, но дом выглядел хоть и старым, но аккуратным. Окна чистые, дверь ладная, выкрашенная в серо-зеленый цвет, у порога ни отбросов, ни любого другого мусора. Шуст тяжело вздохнул, прежде чем открыть дверь. Видимо, встречаться с хозяином таверны ему не очень-то хотелось.

– И много значных мест Дриэна вы знаете? – нервно передернув плечами, поинтересовалась я.

– Благодаря Итану и Экрену, много. Некоторые давно закрылись, некоторые все еще держатся на плаву. Баклус выживает за счет своего тайного промысла, который тщательно скрывает.

– И власти Дриэна ничего об этом не знают? – прошептала я, когда мы оказались внутри.

– Знают, конечно, но доказать ничего не могут. В этом смысле Дриэн похож на Аладу. Чтобы обвинить кого-то в чем-то, нужны доказательства.

Больше я не стала ничего спрашивать. Рувим, не отпуская моей руки, стал видимым. Все присутствующие замерли и замолкли, повернувшись к вошедшему Шусту. В таверне смолкло все, даже самый тихий шепоток. Я предположила, что рувима здесь хорошо знают, но давно не видели. Отсюда столько удивления на лицах существ, сидевших за столами. Я перестала дышать, пока рувим обводил взглядом зал, отыскивая хозяина.

У одного стола стоял огромный однорукий человек, с неприятным бородавчатым лицом и будто обгрызенными кем-то ушами. Меня слегка передернуло, когда я получше рассмотрела Баклуса.

– Не пищи, – тихо велел рувим. – Я пока скрою тебя. Это непросто, но я постараюсь.

Тяжелой походкой хозяин таверны приблизился к нам, он согнулся почти вдвое, чтобы взглянуть в лицо рувима. Надо отдать должное Шусту, пока он, не дрогнув, смотрел в свою очередь на Баклуса, у меня от страха подгибались ноги.

– Что ты забыл здесь, Шуст? – пробасил Баклус.

– Бекка сказала, что ты укроешь меня, пока она не придет, – очень тихо сказал рувим, крепче сжимая мои пальцы.

Я затаила дыхание, ожидая ответа от уродливого здоровяка. Шуст тоже замер. Некоторое время магические существа молча смотрели друг другу в глаза, а потом Баклус мотнул головой в сторону кухни, и рувим расслабился.

Хозяин таверны молча развернулся и пошел туда, куда мгновение назад указывал рувиму. Пока шли по затуманенному табачным дымом залу, я старалась не издавать ни звука, цеплялась за пальцы Шуста и периодически поглядывала на широкую спину Баклуса, пока она не исчезла за шторкой.

В кухне сильно пахло чем-то жареным, острым и кислым. Я сморщилась, а потом и вовсе зажала нос свободной рукой. Неужели кто-то ест то, что готовят в этом месте?

Баклус распахнул перед нами тяжелую дверь и посторонился, пропуская рувима вперед. Шуст сделал несколько шагов, но остановился прямо на пороге и задрал голову, чтобы посмотреть здоровяку в лицо.

– Ты так легко поверил мне?

– Лично я вышвырнул бы тебя собственноручно, если бы Бекки не предупредила, что нагрянет старый знакомый, которого нужно укрыть, – прогромыхал Баклус. – Не знаю, что у вас снова за дела с ней, но я не позволю больше обижать эту девочку. Она и так настрадалась, когда вы втянули ее в это дерьмо много лет назад.

Я чуть было не захлебнулась от возмущения, но Шуст больно сжал мою руку, чтобы я молчала. Гнев рвался наружу, но пришлось его подавить, чтобы не втянуть ни себя, ни рувима в очередную передрагу. Это стоило немалых усилий, однако я справилась. Когда Баклус закрыл за нами дверь, за ней прозвучало заклинание, и мы с рувимом остались одни. Он отпустил мою руку. Я открыла, было рот, чтобы дать волю возмущению, но Шуст не позволил.

– У каждого своя правда, Этель. Мы не можем переубедить его. Бекка для него целый мир. Так было и так осталось по сей день.

Ждать пришлось не меньше двух часов, а то и больше. Я нервно расхаживала из угла в угол, заламывая пальцы и кусая губы. Сердце тревожно билось, тоскуя по Итану. Даже думать не хотелось, какой кошмар он постоянно видит в башне. На миг застыла, представив, как касаюсь его лица, как смотрю в пытливые, озорные глаза. Дышать перестала, представив, каково это – целовать его.

Все, что было до знакомства с Итаном, более не имело значения. Это было где-то в другой жизни, с кем-то другим. Роберт казался мелким, подлым и рисовался в воображении уродливее Баклуса. Моя жизнь, мой мир, мое окружение и взгляды изменились кардинально за эти месяцы, которые я провела в доме мага. От прежней жизни осталась только горечь и тоска по семье.

Здесь, на перекрестке двух миров, между которыми я застряла, жизнь преподнесла мне немало уроков. Я увидела истинную любовь, познакомилась с сердечной преданностью, с верностью и подлинным благородством. В доме Итана все по-настоящему, без фальши, без притворства. Ничего не скрывается за красивыми словами, никто не улыбается напоказ.

Даже этот маленький человек, который сидел в кресле, понуро опустив голову, казался более настоящим, чем многие знакомые мне жители Алады. Возможно, Шуст и был проходимцем, не самым искренним рувимом, но действия его говорят красноречивее тысячи слов. Я видела, как неловко ему выражать свои чувства словами, как сложно объяснить, что он тоже винит себя и готов, наконец, платить. Шуст не привык, чтобы ему верили, он не умеет дружить, заботиться о ком-то, но он делает это по-своему, как считает нужным, как умеет.

Мои размышления прервала Бекка, которая внезапно распахнула дверь. Я невольно ахнула, понимая, что она не обманула. Ее лицо было сосредоточенно серьезным. Войдя, она бросила на нас недовольный взгляд.

– Нельзя быть такими беспечными, вы могли все испортить!

Ребекка прошла к небольшому столику, взяла графин с водой, плеснула немного в бокал и осушила его одним глотком.

– Ты отведешь меня к Марионе? – спросила я, не желая слушать ее упреки.

– Какая прыткая, – усмехнулась она. – Думаешь, все так просто? Переход из одного мира в другой дается нелегко, а вот передвигаться в Дриэне незамеченной – целое искусство.

– Если ты сейчас будешь тратить наше время на глупые рассказы, мы справимся без тебя, – заявила я, раздражаясь.

– Ага, давай, – рассмеялась Ребекка. – Спешу тебя обрадовать, вы здесь застряли. Шуст выдохся, пока таскал тебя по подворотням. Его силы иссякли, и восстановится он не скоро.

Я бросила тревожный взгляд на рувима. Он действительно выглядел неважно – бледный, уставший, притихший.

– Откуда ты знаешь про подворотни? – тихо спросил он. – Насколько я помню, вы с Греем испарились еще до того, как маги предстали перед нами.

Внутри у меня что-то дрогнуло, я перевела взгляд на Бекку, которая и глазом не моргнула.

– А кто, по-твоему, вытащил вас из того проулка? – резким тоном поинтересовалась она.

– И как же ты это сделала, спрашивается? – сердито спросил Шуст, медленно поднимаясь на ноги. – В тебе нет магии, а Грей не способен на такое колдовство.

– Ты его недооцениваешь, – ответила Ребекка.

– Не играй со мной, Бекка, – недовольно буркнул рувим. – Я не тот, перед кем ты можешь вилять хвостом. Твоя ложь со мной не сработает. Кто помог тебе? Кто помогал тебе все это время? Грей всего лишь прихвостень, он может справиться с мелочами, но то колдовство, что я видел в проулке – это дело рук сильного мага. Настолько сильного, что я даже сказал бы, что он принадлежит к одному из древнейших семейств Дриэна.

– Не суй свой нос не в свое дело, Шуст! – яростно выпалила Ребекка. – Есть кто-то рядом со мной или нет, тебя не касается. Я вытащила вас, вы должны быть благодарны!

– Твоя помощь может обернуться чем-то более опасным, чем Мерцающая башня, мы должны знать, с кем имеем дело.

Ребекка отвернулась от рувима и посмотрела на меня. Ее глаза не выражали ни страха, ни беспокойства. Попытки Шуста вывести ее на откровенный разговор не дадут никаких результатов. Я совершенно

четко понимала, что преимущество на ее стороне. Она не скажет нам ровным счетом ничего.

– А вот приживалку Итана этот вопрос вообще не волнует, верно ведь? – ухмыльнулась мне Бекка. – Я предложила свою помощь, принимайте ее или проваливайте, – повернулась она к рувиму.

Шуст собирался что-то ответить, но я не позволила, догадываясь, что именно он хотел ей сказать.

– Мы принимаем твою помощь. Что нужно сделать, чтобы попасть к Марионе?

– А мне нравится твой подход, – сказала Бекка, расплываясь в улыбке.

– Мне плевать, что тебе нравится, просто отправь меня к матери Итана! Или это просто хвастовство и ты не способна это сделать? – улыбнулась я в ответ.

Взгляд Ребекки, если бы мог, испепелил бы меня. Но я выдержала его, понимая, что с ней нужно разговаривать на ее же языке.

– Еще раз повторяю: не думай, что все так просто. Ты даже безопасно выйти из этой комнаты уже не сможешь. Все маги, служащие совету, теперь настроены на тебя. Альберт и Борк из тех, кто не остановится ни перед чем. Они довольно разные характерами, но у них есть одна общая черта. И это настойчивость. Ты для них цель номер один. Им, а точнее Альберту, подчиняются почти все маги – стражи порядка. Теперь весь Маалон ищет тебя.

– Столько суеты ради одного человека? – удивилась я.

– Присутствие человека в Дриэне с некоторых пор пугает совет, – злорадно усмехнулась Бекка. На ее лице было столько самодовольства, что я ужаснулась. Она не только не чувствовала вины за раскол чудесного мира, она еще и насмеялась над его обитателями. – Даже самые сильные, некогда считавшие себя несокрушимыми, трясутся от страха в своих высоких креслах. Всего один человек может заставить их дрожать и опасаться повторения.

– Какого повторения? Их мир уже давно разрушен, – не поняла я.

– Ты думаешь, Дриэн нельзя уничтожить? – спросила Бекка, резко вскидывая голову.

– Это твоя цель? – едва шевеля губами, спросила я.

– Нет, – рассмеялась она. – Но совет об этом не знает. Скорее, они думают, что это ты хочешь разрушить их мир. Или, на худой конец,

изменить их размеренную, сытую жизнь, к которой они успели привыкнуть.

Я смотрела на эту женщину и понимала, что она упивается мыслями о слабости магического совета. Отчего-то их страх и уязвимость были тем, что дарило ей удовольствие.

– Хорошо, – я решила оставить эту скользкую тему. – Если я не могу даже из этой комнаты выйти, что ты предлагаешь? Как мне попасть к Марионе?

– Блеклый путь, – сказала она, пожав плечами.

– Ты что, из ума выжила? – взвился Шуст, который до этого момента задумчиво наблюдал за нами. – Это путь мертвых.

– Зато им могут пользоваться как маги, так и люди, – спокойно ответила Бекка. – И он не контролируется.

– Это уж точно, – возмущенно заметил рувим. – Потому что он для мертвых! Никто в здравом уме не будет им пользоваться.

– Я им пользуюсь вот уже четыре сотни лет! – ледяным тоном заявила она.

Шуст пораженно разинул рот, его глаза сделались большими и удивленными. На какое-то время рувим потерял дар речи. Я стояла между ними и не понимала, что такого страшного в этом пути мертвых. Ну, помимо очевидных вещей. Ребекка же использует его столетиями. Она жива и здорова. Все в порядке. Почему Шуст так напрягся?

– Это многое объясняет, – тихо сказал он, когда первый шок прошел. – Нельзя пройти путем мертвых и остаться в полном душевном здравии.

– Ты забываешь, Шуст, что мое душевное равновесие уже было нарушено. Еще до того, как я впервые шагнула на Блеклый путь.

В этот момент я впервые взглянула на Ребекку совсем другими глазами. Значит, ей все же не было все равно.

– Сомневаюсь, – злобно буркнул рувим.

– Не тебе судить о том, что я чувствовала и переживала после разрушения Алададриэна! Никого не было со мной рядом, я прошла через свои страдания одна.

– А почему, спрашивается? – вспыхнул Шуст. – Да потому что всех, кто был с тобой рядом, ты предала. Бросила! Экрен погиб, а Итан взял

все на себя. Его одного обвиняли, наказывали, ненавидели. Не говори мне о страданиях, ни черта ты о них не знаешь!

– Довольно! – прервала я их. – Нет смысла в том, что вы нападаете друг на друга. Расскажите мне об этом пути мертвых. Чем он опасен, как им пройти?

– Этель... – начал рувим.

– Не надо! – рассердилась я. – Мы это уже десятки раз проходили. Вы меня будете отговаривать, а я все равно поступлю, как считаю нужным. Давайте не будем тратить на это драгоценное время. Просто расскажите!

Шуст закрыл рот и молча проглотил все, что собирался мне сказать. Я видела, что он сердится, но меня это уже не волновало. Столько пустых разговоров отдаляли меня от цели. А в это время Итан мучился и страдал в башне. Я на такое не согласна.

– Блеклый путь – это путь души, стремящейся к горе Аунедис. Сквозь которую проходит все жизненно важное для обоих миров. По преданиям, души выходят из нее, в нее же и возвращаются. Не знаю, насколько это правдиво, я ни разу не добиралась до нее. Бог миловал. За многие годы я научилась пользоваться этим путем так, что он перестал быть для меня опасным.

– Кто научил тебя? – сердито спросил Шуст. – Ты не могла додуматься сама. Это тайны моего мира. Все, что касается Аунедиса, хранит мой народ.

И на этот вопрос Бекка предпочла не отвечать. Она лишь неопределенно пожала плечами и снова налила себе воды.

– Допустим, я воспользуюсь этим путем, но разве он не для душ? Как быть с телом? – спросила я.

– А это и есть самое сложное, – совершенно серьезно ответила Ребекка. – Что ты знаешь о смерти?

Этот вопрос обескуражил меня. Совсем как рувим недавно, я распахнула рот, а потом захлопнула его, понимая, что не представляю, что на это ответить. Однако Бекка терпеливо ожидала, выразительно глядя в мои глаза.

– А что нужно о ней знать? Тело становится безжизненным, душа возносится в рай, – пробормотала я растерянно.

– Да, в Аладе именно так и считают с тех пор, как пал Алададриэн. Люди забыли, что такое смерть, потому что уже не

проводят древних ритуалов. Они просто закапывают тела и позволяют им гнить в земле. Четыре сотни лет назад тела возносились вместе с душами.

Глава 20

– То есть как это тела возносились вслед за душами? – не понимая, тряхнула головой я. – Это невозможно!

– В твоём нынешнем мире считается, что нет, – пожала плечами Бекка. – У меня было достаточно времени, чтобы изучить историю Алададриэна. Я читала все, что попадалось в руки. Разговаривала со многими, собирала истории по крупицам.

– Для чего? Ты все еще гонишься за магией? – тихо спросила я. – Никак не смиришься, что мир так устроен? Люди не могут обладать магией, Ребекка! Это нарушает равновесие.

– Равновесие? – усмехнулась она. Ее глаза гневно блеснули. – А ты не задумывалась, почему в некоторых можно вселять магию, а другим это не дано?

– О чем ты?

– В тебя ведь поместили магию, не так ли? За какие такие заслуги?

Первой мыслью было спросить, откуда она вообще об этом узнала, но потом до меня дошло, о чем она спрашивает.

– Заслуги? О чем ты? Это было наказанием! Пыткой! Невероятная боль, потеря зрения, растерянность, страх...

– Это все потому что ты слабачка, – с издевкой ответила Ребекка. – Я бы выдержала любой натиск, я бы справилась!

В ее глазах появился нездоровый блеск, руки мелко задрожали. Я даже отступила на шаг, понимая, что в голове у этой женщины все смешалось. Она столетиями шла к своей цели и вряд ли хоть один мой аргумент сможет ее переубедить.

– Ты глубоко заблуждаешься, Бекка, – устало потирая лоб, сказал ей рувим. – У меня тоже было время поразмыслить и поискать кое-какие ответы. Да, есть люди, которых магия не отталкивает. Всего лишь маленькая доля волшебства чуть было не погубила Этель. Но она справилась, потому что относится как раз к той редкой группе людей, с кем магия может слиться воедино. Но, на мой взгляд, это все потому, что Этель не желает ее подчинить. Она впустила магию в себя, зная, что это не навсегда. Этель приняла силу, будучи готовой проститься с

ней в итоге. Это сложно объяснить, я читал ее чувства, знал, с каким почтением Этель относится к волшебству, как бережно она его использовала. Ваши души слишком разные.

– И кто, по-твоему, решает, кому можно владеть магией, а кому нельзя? – ледяным тоном спросила Ребекка.

Она смотрела на меня так, будто я стала еще ненавистнее, чем минутой ранее. Этот взгляд вызывал колющие мурашки по спине. Я едва сдержалась, чтобы не стряхнуть их брезгливым подергиванием плеч. Не хотелось показывать Ребекке свои чувства.

– Сама магия решает, я думаю, – ответил Шуст. – Она нечто большее, чем я или ты, чем совет и даже сила Алададриэна. Она есть сущность нашего мира, обоих наших миров. Она объединяла их, питала, поддерживала гармонию, свет и процветание. Улиэндер был чем-то вроде ее воплощения, проводником. Ты... нет, мы бесцеремонно отринули правила и условия совместного существования. Мы посчитали себя умнее, достойнее, лучше. И магия наказала нас, отобрала все, что подарила ранее.

– Все это чушь, – недовольно фыркнула Бекка. – Ты говоришь так, будто магия живая и мы ее обидели. Это просто бред. Ты умом тронулся за прошедшие годы, Шуст. Все в наших руках, и мы можем получить то, что сами пожелаем. Все, что дает нам этот мир – позволено. Нужно просто уметь это получить и знать, как добиться своего. Если магия есть, она должна принадлежать всем!

– Она и принадлежит нам всем, но только не так, как ты думаешь.

– Мы вряд ли сможем договориться в этом вопросе, рувим, – резко вскинув руку, остановила Шуста Ребекка. Она не слушала его и не хотела слышать. Казалось, стоит Бекке поверить и принять истину, как ее мир рухнет. Ей больше не за что будет держаться. Впервые она показалась мне глубоко несчастным человеком. Однако это чувство моментально исчезло, стоило Ребекке вновь начать говорить. – Вернемся к нашей цели. Осмелишься ли ты пройти путем мертвых? Только он сокрыт от магов, только так тебя не заметят.

Она смотрела с вызовом, будто состязалась со мной в смелости. Где-то в глубине души я безусловно понимала, что этот Блеклый путь не пройдет для меня даром, что рано или поздно и мне придется заплатить за то, что потревожу мертвых. Но возможность еще хотя бы раз увидеть Итана стоила того.

– Осмелюсь, – ответила я. – Что нужно делать?

– Я очень долго этому училась. Игры со смертью очень опасны, стоит переступить грань и возврата не будет.

– Возврата куда? – сглотнув, спросила я.

– К живым, – дернула плечом она. – Чтобы попасть на этот путь, нужно максимально приблизиться к смерти.

– То есть почти умереть? – чуть не взвизгнул Шуст.

– Именно! Нужно остаться на грани, это сложно, но как видишь... – Ребекка развела руки в стороны и медленно покрутилась, показывая себя во всей красе. – Я жива, стою перед тобой.

– Но ты сказала, что долго этому училась, – напомнила я.

– Да, и обнаружила зелье, нашла нужную дозу. У меня это заняло много лет, а для тебя обернется всего несколькими минутами.

Ребекка обошла меня, пристально рассматривая. Казалось, что она на глаз определяла мой рост, изучала телосложение. Это было неприятно, но я уже научилась справляться с чувствами, находясь в обществе Ребекки.

– Научи меня, я согласна!

Я не хотела больше тянуть, вести бесполезные разговоры, видеть ее лицо. Моя душа горела желанием действовать. Я чувствовала, что подвоха не может не быть, что Бекка преследует лишь свои цели. Однако сейчас она не сделает мне ничего плохого. Я нужна ей для того, чтобы вызволить Итана. И пока во мне есть необходимость, я в безопасности. О прочем буду думать позже.

Следующий час Бекка готовила зелье. Она не колдовала, нет. Просто смешивала и варила травы, подсыпала порошки, кипятила их. Мы с Шустом наблюдали. Я с замиранием сердца, рувим с хмурым подозрительным видом. Я поделилась с ним своими опасениями на будущее и попыталась успокоить, что в этом походе Бекка точно ничего мне не сделает. Рувим лишь пробурчал что-то недовольное о том, что Итан голову ему оторвет, если узнает, а потом снова затих.

Еще через час явился Грей. Он молча прошел в секретную комнату таверны, сбросил пыльный плащ и устало опустился в кресло. Бекка подала ему стакан воды и легонько коснулась ладонью его щеки. Такой вроде бы простой, мимолетный жест, но парень прикрыл глаза и на миг будто растворился в этом прикосновении. Между ними была глубокая связь, но что это была за связь? Грей как преданный щенок

готов был выполнить все, что скажет Бекка. Он любил ее. А она его? Было что-то ласково-снисходительное в ее взгляде, будто она жалела этого мальчика и позволяла ему греться возле себя. Собственные мысли ужаснули меня. Как давно я научилась делать подобные выводы? Как давно стала так жестока к людям?

– Твои мысли верны, – шепнул мне рувим.

– Вы читаете мысли? – удивилась я.

– Нет, я читаю чувства, из них могу сделать вывод о мыслях. Бедный мальчик влюблен. Я узнаю этот взгляд. И ты узнала. Бекка использует его, а потом, если понадобится, с легкостью вышвырнет.

– Нужно сказать ему, это жестоко! – громким шепотом возмутилась я.

– Это бесполезно, – вздохнул Шуст.

– Но с чего вы взяли? Можно ведь...

– Нельзя, Этель, – ответил он. – Никто не проник в голову Итана, никто не сможет и этого парня переубедить. Для него Бекка чуть ли не богиня. Баклус такой же, ты заметила? Ребекка собирает возле себя похожих мужчин – одиноких, раненых, нелюбимых и еще бог знает каких. Так ей легче управлять ими. Она создает видимость заботы, дает им понять, что они важны, что они на многое способны, и использует. Итан тоже когда-то был таким. Он жаждал признания матери, ее одобрения, ее любви. Но не получил. Бекка стала той, кто обласкал его, кто восхвалял его заслуги, кто возвышал его над прочими. Отсюда такая преданность.

– А Итан?.. Тоже все еще предан ей? – спросила я, невольно хватаясь за край юбки и стискивая ткань дрожащими пальцами.

– Не буду лгать, что-то в его душе все же осталось, – тихо сказал рувим. – Но каким словом это назвать, я не знаю. Такая глубокая привязанность просто так не проходит.

– Но ее предательство... Как можно это простить?

– Сердце глупо, Этель, – горько признал Шуст. – Твое ведь верит, не так ли?

Я подняла на него глаза и, взглядевшись в них, увидела сочувствие.

– Да, мои поступки не зависят от чувств Итана ко мне. Любит он меня или нет, неважно. Я все равно сделаю все, чтобы помочь ему.

Тишина повисла между нами. Я старалась не думать о предстоящем походе сквозь мир мертвых, мысленно возвращаясь к

Итану.

– Все готово, – объявила Ребекка из другого конца комнаты. – Ты выпьешь зелье, а Грей прочитает нужное заклинание. Когда твоя душа и тело окажутся на пути мертвых, тебе будет страшно и даже очень. Навалются опустошение, боль, тоска и одиночество. В какой-то момент ты почувствуешь желание отдаться этому потоку и скользить вместе с остальными душами к Аунедису. В этом ты увидишь успокоение и возможность оставить брентную жизнь, освободиться от тягот и забот. Самое сложное – противостоять.

– Как мне оказаться там, где нужно? – спросила я, поднимаясь на ноги под звук собственного тревожно бьющегося сердца.

– Потоки Блеклого пути проходят повсюду, они пронзают этот мир насквозь, ширятся, сужаются. Нужно заставить себя – или напомнить себе, что для тебя это всего лишь очередная дорога. Не конец пути, а новая тропа. Сокрытая для всех остальных, трудная, но все же тропа. Думай о конечной цели. Думай о Марионе, об ее доме, обо всем, что связано с ней, с ее детьми. Размышлять, представлять, мечтать в потоке дьявольски тяжело, поэтому цепляйся за все, что сможешь, лишь бы тебя вынесло поближе к дому Марионы. А там уж она либо спасет тебя, либо выдаст. От меня это уже не зависит. Этот риск ты должна была осознавать с самого начала.

В груди стало холодно от страха, что я не справлюсь. Что будет тогда? Я исчезну, а Итан останется совсем один? Мысль о том, что без меня никто не поддержит его, что никого не будет рядом, придавала решимость.

– И еще одно, – нахмурилась Бекка. – В потоке душ есть существа... Они похожи на людей, но другие. Сама поймешь, когда увидишь. Они своего рода проводники. Не говори с ними и старайся ни о чем не думать. Они умеют читать мысли, они всеведущи. Не смей говорить с ними! Ни в коем случае.

– Ты говоришь об илионах? – пораженно спросил Шуст.

– Не знаю, – отмахнулась Бекка. – Они не называли себя.

– Это илионы – рувимы, ставшие проводниками. Они читают души, не мысли. И ты права, илионы знают все! – с благоговением произнес Шуст. – Это мудрейшие представители моего народа. Стать после смерти илионом очень почетно. Считается, что они знают о прошлом и способны увидеть будущее.

– Считается? – насмешливо спросила Бекка.

– Да, считается, – обиженно проворчал рувим. – Столетия назад старейшины изгнали меня из Аунедиса, если ты позабыла. Я не прошел все ступени. Не возвысился, не освоил все, что должен был изучить. Секреты моего народа остались для меня на недосыгаемой высоте. Я говорю лишь о том, что помню, чего едва коснулся.

Ребекка безразлично отвернулась, обратившись к зелью, а я опустила руку на плечо рувима, который благодарно кивнул и взволнованно прошептал:

– Отнесись к ним с почтением, если увидишь. Дай илионам прочесть тебя, не противься. Если чутье меня не подводит, подобная встреча может обернуться благом. Илионы должны увидеть то, что разглядел в тебе я. Их разум, секреты, что они таят в себе веками, могут помочь нам. Твоя душа прекрасна, и это может вернуть им веру в людей.

В этот самый момент мне показалось, что рувим чего-то недоговаривает. Будто он знает что-то такое, что постоянно оставляет при себе. Не то чтобы я засомневалась в его намерениях, нет, нисколько. Просто появилось такое чувство, что на пути мертвых меня ждет что-то большее, чем дорога к Марионе.

– Ты все запомнила? – протягивая мне зелье, спросила Бекка.

– Да, – дрогнувшим голосом ответила я, принимая из ее рук бокал.

Варево было безвкусным и теплым. Зажмурившись, я выпила все до капли, а потом повернулась к Грею. Резко потянуло в сон, я ощутила слабость, дыхание сбилось.

– Сейчас я открою для тебя путь, – сказал Грей. – Моя задача впустить тебя, выйти ты должна будешь сама. Молись, чтобы Мариона не выгнала тебя, чтобы хотя бы выслушала, прежде чем уничтожить.

Он зашептал заклинание, его руки вращались, губы быстро бормотали, а вокруг всего тела появилась туманная дымка. Перед глазами все поплыло, стало дурно, ноги отказывались держать. Меня усадили в кресло прежде, чем я упала на пол.

– Иди, – велела Ребекка.

Как? Куда? Мое тело обмякло, руки повисли на подлокотниках, голова запрокидывалась назад. Жизнь уходила из тела, утекала

медленным ручейком. И этот ручеек я смогла разглядеть. Он устремился в туманную дымку, слился с ней, а потом я увидела дорогу.

Тело мое внезапно стало легким, воздушным и будто невесомым. Внутри все трепетало, по коже пробегал жар. Мне казалось, что я не шевелюсь, но при этом смогла встать из кресла. Как такое могло быть? Просто невероятно.

Я видела глаза Бекки, ее изогнутую бровь, чуть сжатые губы. Потом лицо Шуста, встревоженное и печальное. А потом лица исчезли, осталась только дорога – и светлая и темная одновременно. Я стояла и скользила, не двигалась и летела, и это было ни на что не похоже. Поразительно и страшно. Я ничего не видела и видела абсолютно все разом. Мысли мои разбежались я никак не могла сконцентрироваться.

Я оказалась в потоке. Рядом со мной и слева и справа проплывали другие души с размытыми лицами. Мне стало так хорошо среди них... и так тоскливо. Я будто оказалась в доме, по которому долго скучала, в доме, где жила моя душа и сердце. Появилось чувство, что именно здесь я и должна быть.

Я плыла и наслаждалась покоем, теплом и уютом, предчувствуя нечто прекрасное, что поджидало меня впереди. Тревоги отступили, ничего вокруг не пугало. Я двигалась к чему-то по-настоящему волшебному. Не знаю, почему Бекка говорила о том, что путь этот тяжел и опасен.

Бекка! Кто это? Почему я о ней подумала?

Бекка!

Светлый поток будто замедлил движение, лица стали отчетливее. Они казались такими же безмятежными, как и я. Безмятежны...И снова где-то на краю сознания всплыло это имя. Ребекка.

Вдруг что-то тревожное кольнуло меня в сердце, какое-то странное чувство, нарушившее гармонию. Что-то не так. Я не должна следовать за потоком. Это не мой путь. Не сейчас. Моя душа заметалась, будто в клетке, но тело продолжало скользить вперед.

Стоп! Нет! Мне здесь не место! Цель, у меня есть цель. Итан!

Стоило шепнуть имя любимого мужчины и все вокруг изменилось. Я мысленно повторяла имя, будто цепляясь за него. Это помогло вспомнить, куда именно я направлялась. Я должна попасть к Марионе. Мне не нужно следовать за потоком к горе.

Я изо всех сил попыталась противостоять потоку, развернуться, замедлить движение, сделать хоть что-то, чтобы перестать скользить к Аунедису. Мои мысли или же стремления повлияли не только на меня, но и на окружающих. Души заметались вокруг меня, их лица исказило недовольство, послышалось нечто, напоминающее шипение. Светлый поток стал тягучим и потемнел, будто сам путь был недоволен мной. Хотелось закрыть лицо руками, но я не могла пошевелиться.

– Простите! – кричала я мысленно. – Я не хотела вас потревожить. Простите меня!

Никто, конечно, не услышал моих мыслей, но я не могла иначе. Внезапно все стихло, души исчезли, и я осталась совсем одна на странной вязкой дороге. А потом передо мной появился он. Существо похожее на рувима, только выше, чем Шуст. Он был абсолютно седым – волосы, брови, ресницы. Даже глаза были белыми. В длинной накидке, скрывающей руки в широких рукавах.

Это был илион, насколько я поняла. Он стоял и внимательно смотрел на меня. Долго. Мое тело так и осталось невесомым, будто подвешенным над дорогой. И снова все чувства смешались, в душу возвращался покой, мысли вновь начали уплывать. Илион смотрел так, будто давным-давно знал меня, будто встретил старую знакомую. В этот момент я поняла, что он читает мою душу.

А потом я услышала его голос:

– Ты нарушила порядок вещей, Этель Янг. Живые не должны идти путем усопших. Это неверно.

Я молчала, совершенно не представляя, что сказать. Бекка говорила, что я не должна отвечать илионам. Но почему? Он не сердился, просто говорил, как есть. В его голосе, позе, взгляде не было угрозы. Шуст велел не сопротивляться и позволить илиону изучить меня. Я так и сделала. Не понимала, верно это или нет, но почему-то начала думать обо всем, что со мной произошло. О прошлом, о новом, об Итане, о собственных ошибках, а потом снова об Итане. А затем о судьбе Алададриэна и о том, как мне жаль, что не видела его единым.

– Я понимаю тебя, – сказал илион. – Я вижу все в твоей душе. Ты способна преодолеть многое и тебе предстоит преодолеть многое.

– Мне нужно к Марионе, – мысленно сказала я. – Отпустите меня.

– Я не держу, – ответил он. – Твоя цель благая. Я провожу тебя.

Если бы я могла удивиться, я непременно сделала бы это.

– Вы проводите? Почему?

– Он сказал, что ты придешь, – услышала я в ответ.

– Кто?

– Шуст.

– Как? Когда?

– Не имеет значения. Он сказал, что душа твоя чиста, что ты отважна и благородна, что твое сердце невинно и полно любви. Он был прав.

Совершенно ничего не понимая, я не знала, как быть и что делать дальше. Мысли все еще путались. Очень трудно было выуживать нужные, а еще сложнее усваивать то, что говорил илион.

– Шуст знал, что я приду? Как давно?

– Нет, не знал, но хотел этого. Очень надеялся. Он хотел, чтобы мы увидели тебя.

– Зачем?

– Чтобы понять, сможешь ли ты спасти Алададриэн, – спокойно ответил он.

– Кто? Я? Как я могу спасти его?

– Чистотой души, самоотверженностью, любовью. Всем самым лучшим, чем обладает человек.

– Я и правда смогу?

Все это было словно во сне, в страшном и чудном одновременно. Казалось, что я вот-вот проснусь, и ничего этого не будет.

– Хочется верить, – улыбнулся илион на мой вопрос. – Я расскажу тебе как, а ты сама примешь решение.

– Вы знаете, как вновь объединить миры?

– Знаю и вижу, что ты уже готова принять решение. Но сейчас не время, Этель Янг. Когда настанет час, я все тебе расскажу. А сейчас тебе нужно помнить, что стоит остерегаться темной души, что ходит этими тропами. Она давно потеряла нечто важное, без чего человек не может быть полноценным.

– Бекка? – догадалась я. – Она говорила, что здесь страшно.

– Для нее – да. Темные души не находят здесь покоя. Когда Ребекка приходила впервые, мы предупредили ее. Сказали, что ее цель не стоит таких потерь. Но она не послушалась. Продолжала появляться среди мертвых. Ее душа потемнела.

– Безвозвратно? – спросила я, ощущая, как в душе рождается нечто напоминающее сострадание.

– А ты хотела бы спасти ее?

– Если возможно...

– Уже нет. Для нее Блеклый путь стал настоящим испытанием. Каждый раз она удерживается в шаге от горы, в которой видит избавление от ужасов, которые преследуют ее среди мертвых. Ваши души слишком разные, вы видите эту дорогу по-иному.

– И она все равно выбирает этот путь, – прошептала я, и тут поняла, что говорю вслух, а не мысленно.

Дышать стало заметно легче, мысли стали яснее, хотя вокруг все еще выглядело так, как и вначале.

– Она не может отказаться от своих желаний. Жизнь без магии, сознание собственной посредственности для нее страшнее. А теперь отправляйся дальше, я выведу тебя из потока, но ты пообещаешь мне, что до положенного срока не вернешься сюда.

Он коснулся меня рукой, и я смогла почувствовать это. Илион повел меня за собой, точнее он шел, а я, будто воздушный змей, парила следом за ним. Вновь стало невероятно хорошо, мысли стали уплывать, захотелось закрыть глаза и наслаждаться. Вернулись лица.

– Что там дальше? – спросила я.

– Аунедис. Гора принимает души и дарует им новое начало.

– Вы были там?

Илион лишь загадочно улыбнулся, оставив мой вопрос без ответа. Еще некоторое время мы двигались прямо по основному потоку, к которому примыкали сотни других, а потом свернули и пошли против движения. Души разлетались в разные стороны, уступая нам дорогу.

– Мы пришли, – сказал илион. – Запомни, что я сказал. Ни за что не возвращайся сюда. Я приду в нужное время.

Илион развернул меня и слегка подтолкнул.

– Выйдешь из потока, только не засыпай. Держись за реальный мир. Тяга вернуться на этот путь станет непреодолимой, но ты выдержишь. Смотри не засыпай!

Показалось, что я так и осталась стоять на месте, а поток сдвинулся назад, выпуская меня из своих теплых объятий. Стоило

оказаться снаружи, как ноги подкосились, я упала на колени. Навалилась невероятная тоска и смертельная усталость.

– Вышла! Ну, слава богу! – послышался женский голос, который я не смогла узнать. – Вставай! Не спи! Ну же, вставай!

Когда крепкие руки крепко обняли меня за плечи и помогли встать на ноги, я подняла голову и увидела перед собой Мариону.

– Что сказал тебе илион?

Глава 21

В голове все перепуталось. Я не сознавала, где реальность, где сон. Был ли переход из одного мира в другой? Подумать только! Из мира мертвых в мир живых! Тело ослабело и почти висело на руках матери Итана, нещадно клонило в сон. А еще я очень хотела вернуться, обрести ту безмятежность, в которой находилась мгновения назад.

– Открой глаза, Этель! – властно велела Мариона. – Приди в себя!

Она слегка встряхнула меня и заставила посмотреть ей в лицо.

– Соберись, все позади! Вспомни, зачем ты здесь!

– Итан... – пробормотала я.

Собрав всю волю в кулак, я попыталась очнуться от легкого забытья, в котором было так уютно. На миг стало холодно и одиноко, я обхватила себя руками и прикрыла глаза, но только для того, чтобы собраться с мыслями.

– Инжен, отведи ее в дом, – сказала Мариона своему сыну. – Иледия, ты уверена, что защита надежная? Ее не засекут?

– Мне даже обидно, мама, – процедила девушка. – Мои заклинания всегда отлично работают.

– Прости, – улыбнулась Мариона. – Я не успела проконтролировать, а без этого мне трудно...

– Да, знаю, можешь не продолжать.

На смену матери пришел Инжен, он аккуратно подхватил меня и повел в дом. Только сейчас я начала различать и понимать, где я и с кем. Слабость еще не отступила, глаза все еще слипались, но мне уже было значительно лучше. У входной двери нас ждал Грайс. Он прислонился плечом к стене и сложил руки на груди.

– Надо быть чокнутой, чтобы ступить на Блеклый путь! Но твоя ненормальность мне по душе.

Парень усмехнулся и, увидев мои удивленные глаза, громко рассмеялся. Мы вошли в дом, я слышала, как Мариона громко колдует за нашими спинами. Попыталась обернуться, но Инжен мне не позволил.

– Береги силы. Сейчас я усажу тебя за стол, а Иледия приготовит бодрящий отвар.

– Не понимаю, – пробормотала я. – Вы знали? Ждали меня?

– Потерпи и все узнаешь, – мягко ответил он, бережно провожая меня в глубь дома.

С каждым шагом, с каждым вздохом я наполнялась силами и какой-то непонятной уверенностью. В этом доме, совсем как в особняке Итана, я чувствовала себя в безопасности. Братья Итана были что надо! Сестра немного сварливая, вечно чем-то недовольная, но ее сердце тоже казалось мне добрым.

Спустя несколько минут вся семья окружила меня заботой. Мариона села напротив и наблюдала за тем, как ее дочь смешивает травы для чая, придающего силы. Грайс уселся прямо на стол возле меня, поставив ноги на ближайший стул. Инжен внимательно наблюдал за мной.

– И как ты только решилась на такое? – ворчливо спросила Иледия, подавая мне чашку. – Я добавила мелиссу, чтобы аромат был приятнее. На вкус не так уж плохо.

– Спасибо, – ответила я, обнимая ладонями разрисованный фарфор. – Мне уже гораздо лучше.

– Я до последнего не верил, что ты пройдешь по пути мертвых, – сказал Грайс. – А вот Инжен ничуть не сомневался, и мама тоже.

Я робко подняла глаза на Мариону. Ее задумчивый взгляд был устремлен в никуда. Мысленно мать Итана была где-то далеко.

Сделав несколько глотков чая, я почувствовала, как ко мне возвращается энергия, по телу побежало приятное тепло, в голове стало проясняться.

– Вы спросили, что сказал мне илион, – обратилась я к Марионе. – Вы знали, что мы встретимся? Знали, что я приду?

– Да, – сказала она. – Я знала. Мы с Шустом постарались сделать так, чтобы ты прошла Блеклым путем.

Ее слова прозвучали сухо, но в глазах промелькнуло что-то, напоминающее чувство вины. Я поежилась, ощущая себя неуютно. Не знала, как правильно отнестись к ее словам.

– Это было сделано нарочно, и я сознавала риск, – продолжала она, прервав мою попытку задать вопрос. – Я понимаю, что ты рисковала частью своей души и все равно сделала это. Прежде всего я

думала о том, что Шуст посвятит тебя в детали и приняв решение, ты будешь ясно представлять, на что соглашаешься. Это не отвергло тебя, а значит, я поступила правильно.

Я продолжала удивленно смотреть на нее, до конца не понимая собственные чувства.

– Зачем вам нужно было, чтобы я прошла этим путем? – сделав еще один глоток, спросила я. – Вы хотели, чтобы Илион встретил меня. Зачем? Расскажите сначала. Я хочу знать абсолютно все.

Мариона вздохнула и встала из-за стола. Дети проводили ее печальными взглядами. Я заметила в их глазах любовь и бесконечную преданность матери. Сердце дрогнуло от сожаления, что Итан не имел такой крепкой семьи. словно услышав мои мысли, Мариона заговорила:

– Много лет назад я встретила человека. Точнее, мага. Он был силен, красив и добр. Я была молода, романтична и немного наивна. Конечно, я влюбилась. И он тоже. Его звали Маркус, и он принадлежал к одной из древнейших семей Алададриэна, такой же могущественной, как и моя. Но вместе нам быть не позволили. Он был обручен с раннего детства. О связи нашей никто, кроме семей, не знал. Родители, и его и мои, тщательно скрывали этот факт, уничтожая любую малейшую вероятность раскрытия этого позора. Отец Маркуса боялся, что об этом узнает семья девушки, которая должна была стать женой его сына. Маркус бунтовал, я сбегала из дома. Но нас неизбежно ловили, а потом вынудили Маркуса жениться, угрожая утратой моего благополучия и благополучия всей моей семьи.

Я слушала этот печальный рассказ с замиранием сердца. Дети Марионы притихли, наверняка уже зная его от начала до конца.

– Спустя некоторое время, – продолжала она, возвращаясь за стол, – я узнала, что беременна. Замуж выходить отказалась, рожала одна. Мои родители, пусть свет Аунедиса будет им благословением, полностью поддержали меня. Не отвернулись, не прокляли. Просто увезли, позволив выносить и родить Итаниэля в тишине и покое, подальше от осуждающих взглядов. Откуда он взялся, кто его отец, почти никто не знает, даже он сам.

Я бросила на Мариону осуждающий взгляд, понимая, насколько это было жестоко по отношению к Итану.

– Я не горжусь этим, Этель, поверь мне. В те годы я совершила немало ошибок. Видеть сына было тяжело, но это не значит, что я не любила его или... не люблю. Люблю и даже очень. Но в то время мне казалось, что я способна задушить его этой любовью, которая была все сильнее еще и из-за тоски по его отцу. Я все больше отдалялась, закрывалась, уходя в работу. Это было неправильно. Совершенно неверно. Однако чем больше я отдалялась, тем тяжелее было сделать шаг обратно к сыну. Так мы и жили...

– Почему вы не рассказали ему об этом? Почему продолжаете прятать свою любовь? – спросила я.

– Она не прячет! – взвилась Иледия. – Мама делает все, чтобы спасти Итана, несмотря на то, что он натворил!

– Не нужно так яростно заступаться за маму, – сказала я. – Я не нападаю на нее, просто хочу понять.

Мариона благодарно улыбнулась дочери и погладила ее по руке. Этот жест был таким теплым, Иледия тут же успокоилась.

– Мне понадобилось слишком много времени, чтобы понять, как я ошибалась. Многим людям тяжело признавать свои ошибки, Этель. Тяжело делать шаг, просить прощения, пытаться искупить свою вину. В том, что произошло с моим сыном, а потом и с нашим миром, есть моя вина.

– Мама! – вновь возмутилась Иледия.

– Не спорь, дорогая. Я несла свои страдания долгие годы, а потом перекладывала их на плечи Итаниэля. Я ведь видела Маркуса изо дня в день! Видела их вместе с женой, а потом и с сыном. Это было невыносимо. Боль не давала покоя. Я не понимала, что любовь сына, его тепло, совместное времяпровождение стали бы благом. Рядом с Итаниэлем мне было бы легче. Я была глупа и вместо того, чтобы отдавать всю накопившуюся во мне нежность родному человеку, частице меня и любимого мужчины, мучилась сама и терзала Итана.

Это звучало как исповедь. В голосе Марионы было столько раскаяния, столько сожаления, что я не выдержала и взяла ее за руку. В ее глазах появились слезы, но мама Итана была очень сильной женщиной, она не позволила им пролиться.

– Он почти всегда был один. То есть у него, конечно, была Сиенна, а потом и Экрен, но это не семья. Да, они стали бы ею, если бы Итан был сиротой. Но я ведь была рядом и так далеко. А потом

появилась эта чудовищная женщина, которая заполнила пустоту в его сердце. И опять вместо того, чтобы понять его, я давила. Это лишь отвратило сына от меня и моих слов.

Мариона сжала мои пальцы, а потом опустила голову, горестно покачивая ею.

– За долгие годы пребывания в совете я приобрела авторитет, меня считали холодной, можно сказать, стальной. Но это вовсе не так. Я лишь все глубже и глубже прятала свою боль. Присутствие Маркуса заставляло меня быть такой. Скольких усилий мне стоило не разрыдаться всякий раз, когда встречала его на пути.

– А он? – шепотом спросила я. – Он тоже страдал?

– О да, – с горечью сказала она. – Он продолжал любить меня, как и я его, но изменить прошлое было невозможно. Маркус множество раз просил о встрече с сыном, но я запретила. Один неверный шаг и все рухнуло бы. Браки, заключенные в Алададриэне, никогда не расторгаются.

– Почему? Существуют же разводы, – удивилась я.

– Да, в Аладе, но в Дриэне все осталось по-прежнему. Разводы под запретом, особенно в знатных семьях. Мы для всех пример. Крепкие правящие семьи – крепкий совет!

– А вы? Почему вы не создали семью? – спросила я, бросая робкие взгляды на детей Марионы. Мне было непонятно, где их отец. Я откуда-то знала, что замужем Мариона не была.

– Я не могла никого полюбить. Маркус был и есть единственный, – улыбнулась она, касаясь щеки дочери.

Я ахнула. Обвела взглядом улыбчивые лица братьев и сестры Итана и зажала рот рукой.

– Боже! Они все дети Маркуса?

– Да, – улыбнулась Мариона.

– Родные братья и сестра Итана?! – возмутилась я. – Вы позволили ему думать, что у вас новая семья! Но это все та же семья! Это жестоко!

– Я хотела рассказать Итану все, но не было возможности, – вновь вздохнула Мариона. – Иледия родилась уже после того, как наш мир рухнул. Родители Маркуса умерли, и мы перестали сопротивляться чувствам. Отец сдерживал Маркуса долгие годы, угрожал, давил. Но когда его не стало, Маркус пришел ко мне. Я понимала, что вместе нам

не быть. Но не смогла отказаться. Это подло по отношению к его жене, мы понимаем. Но она тоже не любит Маркуса, никогда не любила. Этот вынужденный брак стал пыткой для обоих. Однако Сильвия сильнее меня, она смогла полюбить сына и погрузилась в заботу о нем, найдя в этом утешение.

– Она знает о вас? – спросила я, все больше ужасаясь.

– Да, – печально сказала Мариона. – Всегда знала. Маркус не смог лгать ей, нарушив волю своего отца. Он не мог так поступить с Сильвией.

– И каково ей было жить с мужчиной, который любит другую?

– Она понимала Маркуса и с годами между ними сложились дружеские и доверительные отношения. Сильвия тоже полюбила другого мужчину, но он рано умер, и с тех пор она носит по нему траур.

– Невероятная история, – прошептала я. – Ужасно печальная.

– Сильвия прекрасная женщина. Когда ее возлюбленный умер, она велела Маркусу поговорить со мной, познакомиться с сыном. А когда Маркус остался без родителей, она подарила нам счастье, закрыв глаза на наши встречи. Так родились мои дети. Звучит, наверное, чудовищно, но такова реальность. Мы с Маркусом и другими членами совета из года в год выносим на голосование вопрос о разрешении разводов, но пока не добились своего, поэтому нашу связь все еще приходится скрывать.

– Боже мой, – повторила я. – Это пытка длилась веками...

– Да, но когда вариантов всего два – либо так, либо в разлуке, выбор очевиден. Мы довольно долго прожили, закрывая свои сердца. Оба были несчастны. А сейчас мы можем сказать, что наши встречи были хоть и редкими, но всегда счастливыми.

– Так не бывает, – горестно сказала я. – А Сильвия... Она просто невероятная женщина.

– Да, – улыбнулась Мариона. – Это так. Но она познала боль разлуки с любимым. Она прошла тот же путь, что и Маркус. Ее тоже насильно выдали замуж. Сейчас юным магам везет больше, им позволяют выбирать, позволяют любить. Тогда, столетия назад, это было почти невозможно.

– Боже! – уже в который раз повторила я, думая об Итане. – Получается, что сейчас, пройдя сквозь всю эту боль, вы обрели какое-

никакое счастье. У вас семья, счастливая семья, любящие дети. Вы сплочены, вы все вместе, вы единое целое. Лишь Итан остался на отшибе.

– Он сам виноват, – сказала Иледия.

– Не смей! – сквозь внезапно подступившие слезы, сказала я. – Не смей так говорить! Итан прекрасный человек! Он страдал все эти годы, но только один! Тонул в своей вине, думая, что разочаровал мать, что она его не любит, что он никому не нужен!. Ты знаешь, каково это? Откуда тебе знать?

Я задыхалась, преисполненная обидой и гневом за Итана. Эта дерзкая девчонка не знает, о чем говорит. В душе у меня поднялась настоящая буря. Она вынуждала часто дышать, глотать слезы и стискивать кулаки. Однако я заставила себя успокоиться, взять под контроль бесновавшиеся эмоции и уже спокойнее сказать:

– Прошу прощения за мою невоспитанность. Я не должна была так к вам обращаться. Просто я считаю, чтобы обвинять кого-то, нужно хотя бы потрудиться узнать человека. Поставить себя на его место, попытаться понять. Итан винит себя более чем кто-либо. Я очень прошу вас, Иледия, присмотритесь к Итаниэлю, когда будет такая возможность. Посмотрите на него иным взглядом. Не как маг, потерявший мир, которого даже не знал, а как сестра. Как близкий человек, в котором он так нуждается.

Я поднялась из-за стола и подошла поближе к девушке, заглянула ей в глаза и бережно коснулась плеча.

– Признаться, увидев ваше отношение к Итану, я подумала, что вы ревнуете. Возможно, думала я, вы считали, что отца Итана ваша мать любила больше и отсюда ее такая странная любовь к нему. Но нет! У вас один отец, вы все одинаково любимы. Просто вы были обласканы матерью, когда она поняла, насколько ошибалась, а Итану не досталось и доли того тепла, которое окружало вас. Теперь вас так много, так возместите же ему сторицей! Станьте ему семьей! Кто еще сможет его защитить? Кто, кроме вас сможет отстоять его жизнь, его искупление?!

– Так мы этого и хотим, – усмехнулся Грайс. – Для этого все это и затеяли.

Я пораженно повернулась к младшему брату Итана и почувствовала, как по щекам потекли слезы. Во мне медленно

воскресала надежда. Она робко согрела душу, дала дорогу мечтам.

– Нравится мне твой характер, – продолжал Грайс. – Ты не робкого десятка. Мало кто может говорить так с моей сестрой. Если бы ты не нравилась ей, она бы уже шарахнула тебя магией!

– Кто сказал, что она мне нравится? – фыркнула Иледия и стала похожа на капризную девчонку.

– Ой, да брось, – засмеялся Инжен. – Ты даже мелиссу положила в ее пойло, чтобы запах стал приятнее. О ком еще ты так заботишься?

Иледия сердито откинула толстую косу, сложила руки на груди и отвела глаза в сторону. А я не сдержала улыбки.

– Я рассказала тебе историю семьи не зря, Этель, – сказала Мариона, вновь возвращая меня в суровую реальность. – Я исправлю все, что натворила. Я помогу сыну.

– Мы, мама. Мы поможем Итану, – поправил мать Инжен. Сейчас он был серьезен.

– Да, мы поможем Итану, – улыбнулась Мариона. – Я изучила все древние законы, посоветовалась с Маркусом, и мы нашли лазейку.

Сердце мое рухнуло в пропасть, я вцепилась пальцами в ткань платья и медленно выдохнула. В глазах Марионы не было и тени какой-либо несерьезности. Она смотрела открыто, прямо в мои глаза. Чтобы справиться с овладевшими мною чувствами, я мысленно досчитала до десяти, а потом повторила это еще раз. Семья Итана не прерывала меня, они все просто ждали, когда я смогу взять себя в руки.

– Что за лазейка? – тихо спросила я.

– Присядь, – велела Мариона, на ее лице появилась странная тоска. – Этот разговор может тебе не понравиться.

Я чувствовала, что долго все равно не усажу на месте, но подчинилась. Лишь бы Мариона продолжала говорить.

– Я хорошо знаю законы Дриэна, многие сама придумала, многие поддержала. Однако законы Алададриэна, которые использовались еще во времена объединенных миров, уже позабылись.

– Именно поэтому вы взяли их из архива? – спросила я.

– Да, мне необходимо было освежить их в памяти. Шуст помог мне в этом.

– Но зачем он тогда водил меня в архив, если знал, что древние законы у вас? – удивилась я.

– Прости, это было нужно не для тебя, для Ребекки, – вздохнула Мариона.

– Не понимаю, – нахмурилась я.

– С некоторых пор я знаю, что она жива. Ты наверняка слышала, что я сообщила Итану о приходе этой женщины ко мне. – В ответ на ее слова я кивнула. – В тот момент я и сама не знала, что стало с Итаниэлем.

Я резко вскинула голову, поражаясь ее словам. Четыреста лет она не интересовалась судьбой сына? А потом мне вспомнилось, как удивилась Мариона, узнав, что Итан не был в Дриэне весь этот срок.

– Я понимаю, как это звучит, Этель, – не без сожаления сказала она. – Меня невозможно оправдать. В свою защиту могу сказать лишь то, что мне, как матери обвиняемого, нельзя было принимать участие в вынесении приговора. Судебные разбирательства длились неделями. В тот миг, когда объявили о первом заседании, мне предоставили выбор: либо я участвую в процессе как мать, либо как член совета. Тогда мне казалось, что я сделала правильный выбор. Я согласилась на второй вариант. Ты права, если думаешь, что я должна была защитить его. Я должна была давать показания, должна была встать на его сторону. Но я выбрала иное, решила остаться членом совета. Это позволило мне присутствовать на допросах и первых заседаниях. Когда всех выслушали и суд должен был вынести решение, меня отстранили. Так положено.

– Вам не сообщили о решении? – спросила я.

– Мне сообщили о том, что Итаниэль останется жив, но понесет заслуженное наказание, что какое-то время его не будет в Дриэне. Я и понятия не имела, что все это затянется на четыре сотни лет.

– Сиенна говорила, что они до сих пор не могут принять окончательного решения. Но почему так долго?

– Один из членов совета неизменно противостоял крайним мерам. После вашего визита сюда, когда я узнала, что мой сын стал конфидендом, я решила поговорить с Тэлмером.

– Это куратор Итана? – уточнила я, вспоминая спутника Бриона. Того, что всегда был мягче по отношению к Итаниэлю.

– Да, – ответил Инжен. – Именно Тэлмер с самого начала препятствует казни. Это он оттягивает решение, не соглашаясь на

вынесение строгого приговора. Идея сделать Итаниэля конфидентом принадлежала ему.

– Он всегда с глубокой симпатией относился к моему сыну, – сказала Мариона. – Именно благодаря ему Итаниэль все еще жив.

Мариона говорила тихо, в голосе звучала печаль, рожденная глубоким чувством вины. А ведь это она должна была до последнего защищать сына.

– А если бы Тэлмер не заступился за Итана? – прошептала я. – Если бы он не спас его от смерти? Что бы вы сделали? Позволили казнить сына?

Мариона подняла на меня глаза, в которых стояли слезы, и опустила голову.

– На тот момент я считала, что сделала для него все, что могла. Даже Маркус не смог меня растормошить. Если бы не Тэлмер, скорее всего, отец Итаниэля воспользовался бы своими полномочиями. Но ему не пришлось этого делать.

Мариона закрыла лицо руками и горько вздохнула. Она проживала то время вновь и вновь, вспоминая прошлое. Я видела, как она страдала, как терзала себя за былые ошибки, как боялась, что ее не поймут, не простят.

– Почему Тэлмер так помогал Итану? – спросила я, желая немного отвлечь ее от самобичевания.

– Он брат Сильвии, – грустно улыбнулась Мариона. – Он один из немногих, кто посвящен в тайну наших семей. Тэлмер всегда был добр и ко мне и к моим детям. У него такой же добрый нрав, как и у сестры.

В груди разлилось тепло, которое я невольно испытала к хорошему человеку, спасшему Итана.

– Тэлмер, как член совета, мог открыто высказывать свое мнение. Он не боялся никакого разоблачения, поэтому стал именно той преградой, которая была необходима. Тем единственным голосом, выступившим против казни.

– А почему Маркус не сделал этого? – качнула я головой.

– Тогда Маркуса не было в совете. Его отец был еще жив, а в то время только один представитель родовитых семей мог занимать этот пост, – пояснила Мариона.

– Получается, решение должно было быть единогласным, если хватило всего одного возражения? – спросила я.

– Именно, – согласилась Мариона. – Но вернемся к событиям более поздним. Ваш визит перевернул все с ног на голову. Когда Итаниэль прислал сообщение, я была поражена. Он нарушал закон, сообщая мне о том, что стал конфиденентом. Он не имел права просить кого бы то ни было о конфиденциальной беседе, и это злило меня. Но не потому, что я так рьяно соблюдаю законы, а потому что он вновь их нарушал. Когда вы явились, я испугалась, что он снова навредит себе. А еще ты... Увидеть рядом с ним женщину, человека... Я была просто раздавлена.

– Поэтому вы так холодно приняли его? – догадалась я.

– Да, – согласилась Мариона. – Мне показалось, что за прошедшие годы он ничуть не изменился. Что снова падает в бездну. Но ты другая. Не сразу, но я увидела это. После разговора с Брионом я отправилась к Маркусу и все ему рассказала. Он был сломлен при мысли, что пришлось вынести нашему сыну. Мы оба приняли решение помочь ему. С тех пор я искала Ребекку, хотела понять, чем еще она хочет навредить Итаниэлю. А потом пришел Шуст, и все вместе мы смогли выяснить, как именно Ребекка передвигается незамеченной. Правда шокировала нас.

Мариона ненадолго прервалась, чтобы перевести дух. Я пыталась понять, что творилось у нее на душе. Это было сложно, ибо материнские чувства мне пока что неведомы, но я больше не злилась. Мне было горько, но в то же время я старалась простить Мариону. Она пыталась исправить все случившееся и то, что она, наконец, приняла сторону сына, для меня стало важнее всего.

– Теперь вы с Маркусом пойдете до конца? – спросила я.

– Да, – подтвердила она. – И Сильвия нас поддержала. Она не будет против, если мы расскажем Дриэну о нашей тяжелой тайне.

– Для нее это будет позором? – спросила я, испытывая невольное уважение к этой женщине.

– Определенно, – пробормотала Иледия.

Некоторое время мы молчали, погруженные в собственные мысли. Говорить стало тяжело. На душе каждого из нас было скверно.

– Мам, хочешь я продолжу? – предложил Инжен.

Мариона сжала его руку, которую он положил на ее плечо и кивнула.

– Шуст потащил тебя в архив, чтобы выманить Ребекку. Она должна была увидеть, что вы пытаетесь спасти Итана. Она должна была попасться в эту ловушку. Нам нужно было, чтобы ты прошла путем мертвых.

– Я все еще не понимаю почему? – спросила я.

– Шуст заверил нас, что твоя душа чиста настолько, что илионы могут дать нам шанс.

Все еще не понимая, я взирала на брата Итана, которому все труднее было говорить.

– Прежде чем воспользоваться лазейкой в законе, мы должны были убедиться, что наш замысел сработает.

Размышляя над его словами, я вспомнила все, что говорил илион. Догадка медленно пробралась сквозь метавшиеся мысли.

– Вы хотели понять, доверит ли мне илион тайну объединения Алададриэна? – пробормотала я.

– Да, – сказал Инжен. – Прости, что пришлось действовать именно так. Но ты не способна обмануть Ребекку, поэтому мы были вынуждены держать тебя в неведении. Ребекка ни за что не должна была догадаться, для чего ты идешь путем мертвых.

Я вновь замолчала, обдумывая его слова. Было неприятно, что мною так воспользовались. Я могла потерять часть души. А что если илион не счел бы меня достойной? Что тогда? Мы бы утратили шанс спасти Итана?

– Что сказал тебе илион? – повторила свой вопрос Мариона, дрожащей рукой все еще сжимая пальцы сына.

– Он сказал, что, когда придет время, я должна буду принять решение. Он надеется, что я могу спасти Алададриэн.

Все члены семьи Итана одновременно облегченно выдохнули. Их лица озаряли искренние улыбки. Они надеялись именно на такой ответ.

– А теперь вы расскажете мне о лазейке? – спросила я, прерывая их веселье.

И оно действительно прервалось. Все разом помрачнели. Инжен с матерью переглянулись. Она вздохнула и вновь заговорила:

– Много ли ты знаешь об Алададриэне? О взаимодействии магов и людей?

– Не знаю, – пожала я плечами. – Итан и Сиенна рассказывали немного. И Шуст тоже. Я знаю, что Улиэндер питал оба мира. Из Алады шли чистые эмоции людей, они стремились в Дриэн. А из Дриэна магия лилась в Аладу. Знаю, что все эмоции проходили сквозь Аунедис. Знаю, что Ребекка нарушила, очернила этот поток и вся чистота человеческих душ испарилась. Жажда магии погубила этот некогда прекрасный мир.

– Все верно, – согласилась Мариона. – Баланс был нарушен, и Алададриэн пал. Наверное, мой сын или Сиенна говорили тебе, что Улиэндер очень трепетно относился к людям. Если, конечно, можно так выразиться. Люди были слабы, но их эмоции светлее и чудеснее. Магия благоволила им, защищала, покровительствовала. Люди были в почете. Люди же имели определенную власть, их слово было весомее. Их словам верили.

– К чему вы клоните? – спросила я.

– Один из древних законов гласит, что чистый человек может простить ошибку мага. Имелось в виду какая-либо обида, оскорбление или даже какое-нибудь физическое насилие. Человек может взять вину мага на себя, тем самым облегчая его участь. Этого никогда не происходило, поскольку маги и люди жили в мире, а любое недоразумение не доходило до суда.

– Вы хотите сказать, что если бы между магом и человеком возник конфликт и достиг огласки, человек мог простить мага? – не до конца понимая, что имела в виду Мариона, спросила я.

– Да, считалось, что так как человек слабее, поскольку не обладает магией, то он имеет бóльшую власть. Его сила над магом в прощении или осуждении.

– Хорошо, – медленно проговорила я. – Но как это поможет нам? Между мной и Итаном не было конфликта. Мне не за что прощать его.

– А вот тут ты ошибаешься, – вступил в беседу Инжен. – В данный момент ты можешь выступать от лица всей Алады. Ты – человек, который может говорить за всех людей. Итан погубил оба мира, ты имеешь право высказаться. Изгоняя людей, маги забыли об этом. Они считали пострадавшей стороной лишь себя. Но люди не в ответе за поступок Ребекки. Ты вправе осудить или простить Итана.

– И вы думаете, что совет примет это? – недоверчиво спросила я.

– Рискнуть стоит, – не очень уверенно ответил Инжен. – Ты можешь простить Итана. Это даст возможность вызволить его из башни. Однако все не так просто. Если дело доходит до суда, то общей задачей обеих сторон является исправление ошибки. Ну, скажем, в результате конфликта между магом и человеком, пострадала чья-то собственность. Нужно возместить потерю. Починить, исправить. Понимаешь?

– А сейчас мы с Итаном должны будем починить Алададриэн? – оторопело уточнила я.

– В результате конфликта между магом и человеком, пострадал целый мир. Конфликт есть – масштаб его, конечно, дугой. Примерно так.

– И вы считаете, что это сработает? – спросила я, обводя семью Итана ошалелым взглядом. – А они вообще позволяют мне выступить? Позволят мне донести до них свое желание?

– Это наша с Маркусом задача, – сказала Мариона. – Мы добьемся того, чтобы ты выступила на суде.

Все это прозвучало как абсурд. Как можно сравнивать какую-то банальную перепалку с уничтожением мира? Хотя...если рассматривать, как Инжен и Мариона то и то, и другое, пожалуй, можно назвать конфликтом.

– Я могу простить Итана, приняв вину на себя? – переспросила я.

– Что-то вроде того. Ты признаешь, что конфликт вина обеих сторон, чем и возьмешь часть вины. И по древнему закону вы оба должны будете исправить совершенное. Однако, в зависимости от тяжести вины и предполагаемого приговора...в общем, если вы не сможете исправить случившееся...

– Я должна буду разделить участь Итана, верно? – спросила я.

Молчание стало мне утвердительным ответом. Я все же встала и прошла по кухне. Внутри все дрожало от страха и неуверенности.

– Тебе нужно время на размышления? – спросила Мариона. – Понимаем, что это рискованный шаг, по сути, мы обрекаем тебя на возможную гибель. Это предложение само по себе...

– Нет, – остановила я ее взмахом руки, – мне не нужно время для размышлений. Решение для меня очевидно. Я просто думаю, смогу ли быть достаточно убедительной? А что если я не справлюсь? Что если не оправдаю ваших надежд, да и своих собственных? Вдруг мне

недостанет ума или настойчивости, чтобы привести веские доводы? У нас всего один шанс! Я не могу просто полагаться на удачу!

– Мы поможем тебе! – воскликнула Мариона. – Мы подготовим тебя. Ты вызубришь этот закон. Мы постараемся придумать возможные противоречащие аргументы и найти на них достойные ответы. Мы не бросим тебя там одну. Я, мои дети и Маркус – мы все будем там. Если вдруг ты растеряешься или мы столкнемся с непредвиденной преградой, любой из нас тут же придет тебе на выручку. Ты была права, мы все должны стать Итану семьей. И ты уже ее часть. Прости, что я исправляю свои ошибки за твой счет. Прости, что то, что я должна была сделать сотни лет назад, приходится делать тебе. Это чудовищно несправедливо. Но я обещаю тебе, что более не отступлюсь ни от сына, ни от тебя.

Мариона говорила горячо, страстно, с болью в душе и в голосе. Он звучал надрывно, в глазах все еще стояли слезы. Казалось, что в эту минуту она выпускает всю боль, все сожаление, которые жили в ней все эти годы.

– Вместе мы справимся, – сказала я ей. – Обязательно справимся.

– Главное вызволить Итаниэля. А дальше мы вместе постараемся вдохнуть жизнь в Алададриэн, – сказал Инжен, обнимая мать и сестру. – Суд состоится через неделю. Пора готовиться.

– А Шуст? – испуганно спросила я. – Он остался с Ребеккой.

– Его задача постараться выяснить, что она замышляет, – сказала Мариона. – И узнать, кто из магов помогает ей.

Воодушевление не покидало меня всю неделю. Как и обещала, Мариона помогала мне вызубрить закон. Мы прорабатывали все возможные возражения. Сердце взволнованно колотилось в груди, предвкушая скорую встречу с Итаном. Это было прекрасно и страшно одновременно.

В тот самый день, а точнее, в ночь накануне суда, я совсем не спала, понимая весь груз ответственности, что ложился на мои плечи. Тяжесть его давила на меня, мешая уснуть. Утром, когда Иледия накладывала на меня скрывающее заклинание, я была разбита и растеряна. Необходимо было скрыть мое присутствие в Дриэне вплоть до прибытия в зал суда. Именно там сестра Итаниэля должна будет обратиться заклятие, чтобы явить меня суду.

– Все получится, – шепнула она мне.

В этот миг я увидела то, чего так хотела. Передо мной стояла сестра Итана, а не обиженный маг. Отчего-то Иледия тщательно прятала свои чувства, но я все равно их увидела. Это было единственным, что порадовало меня этим утром.

Уже в зале суда, когда я вошла вместе с семьей Итаниэля и оглядела клокочущее возбужденными магами помещение, решимость всколыхнулась, поднялась из глубины, заполняя собой еще дрожащее от страха сердце. Я искала глазами Итана, душа горела и рвалась к нему.

И вот, в очередной раз обводя глазами лица присутствующих, я увидела его. Итан смотрел на мать, на братьев и сестру. Он выглядел усталым и глубоко несчастным, но когда заметил мать, его лицо немного просветлело.

– Сейчас, – нетерпеливо сказала я Иледии. – Прошу, сейчас! Он должен знать, что я тоже здесь, что я рядом!

Иледия фыркнула, показывая недовольство, но все же прошептала нужные слова. Всего минута, долгая и тягостная, и все глаза в зале обратились ко мне. Я сняла с головы капюшон, понимая, что теперь все маги знают обо мне. Но до них мне не было дела. Я смотрела на Итана. Его глаза расширились от удивления, а потом в них появился страх.

Глава 22

В зале, заполненном магами и существами, повисла гробовая тишина, все вокруг замерло, застыло, прервав свой привычный равномерный бег. Ни звука, ни шороха.

Мое сердце тоже замерло, когда Итан поднялся на ноги, глядя только на меня. Слезы навернулись на глаза, я не могла поверить, что вижу его, что смогу прикоснуться. Я подалась вперед, желая оказаться еще ближе, но Мариона удержала меня, крепко схватив за локоть.

– Не сейчас, – шепнула она. – Сначала нужно соблюсти все правила.

А я продолжала смотреть в любимое лицо и дрожать от волнения. Сердце рвалось из груди, то взволнованно ускоряясь, то испуганно замирая. Ничего больше не хотела, кроме как обнять Итана изо всех своих сил.

– Мариона, – раздался негромкий, но властный голос.

Я с трудом оторвала взгляд от Итана, чтобы посмотреть на говорившего. По левую руку от входа, на небольшом возвышении, стоял длинный узкий стол, за которым сидели шесть человек. А если точнее, магов. Один из них, на вид самый старший, поднялся из кресла и с немим укором смотрел на семью Итаниэля.

– Приветствую тебя, Элмериэль, – сказала Мариона, почтительно кивнув.

– Потрудитесь объяснить, что означает ваше появление здесь, – недовольно сказал маг.

Глядя на него, я решила, что он здесь самый непреклонный. Резкие черты лица, суровые глаза, горделивая осанка.

– Я думаю, это очевидно, – изящно изогнув бровь, ответила мать Итана. – Моя семья пришла на заседание суда.

– Если вы пришли все вместе, стоит ли расценивать это как материнское участие или вы придерживаетесь прежней позиции? – спросил другой маг.

Этот был моложе, черты лица мягче. Что-то в его взгляде заставило меня посмотреть на него внимательнее. Приятная внешность, теплые серые глаза, темные волнистые волосы, слегка

тронутые сединой. Насколько я могла судить, он был высоким и крепким. Одним словом, довольно привлекательный мужчина средних лет. Посмотрев на Мариону и ее детей, я вдруг поняла, что именно привлекло мое внимание. Явная внешняя схожесть с детьми. Я быстро повернулась к Итану и чуть не ахнула. Из всех детей Марионы он больше всех походил на отца. Это был Маркус.

– Я более не повторю ошибок прошлого, – гордо подняв голову, заявила Мариона. – Я и мои дети займем положенное нам место подле Итаниэля. Всех, кто хочет поддержать моего сына, прошу сделать то же самое.

Я не могла оторвать глаз от изменившегося лица Итана. Удивленно и взволнованно он смотрел на мать, которая решительной походкой двинулась к тому месту, где он сидел.

– Видишь кресла справа от трибуны, за которой сидит Итаниэль? – шепотом спросил меня Инжен, когда мы последовали за Марионой. – Это места для тех, кто принимает сторону обвиняемого. Люди, которые могут выступать в его защиту.

Голос Инжена звучал будто издалека, я слышала его, но толком не слушала. Каждый шаг, приближавший меня к Итану, отзывался трепетом сердца. Я едва держалась, чтобы не броситься бежать. Итан тоже смотрел на меня, сжимая пальцами деревянное ограждение трибуны, за которой стоял.

– Я смогу? – прошептала Инжену. – Смогу подойти к нему?

– Да, – усмехнулся он. – Во время заседания это не запрещено. Ты можешь сесть прямо рядом и даже держать его за руку.

Слышала ли я когда-нибудь что-нибудь лучше этих слов? Нет. Сквозь затуманенные слезами глаза я посмотрела на Итана и улыбнулась. Мы все поднялись на несколько ступеней и прошли к креслам. Инжен остановил Иледию и пропустил меня вперед, чтобы я могла первой выбрать себе место. Итан повернулся ко мне и, глядя в глаза, ждал моего приближения. Это был самый длинный путь в моей жизни. Только когда между нами осталось лишь ограждение, я смогла выдохнуть и чуть не упала на руки Итана.

– Этель, – прошептал он мне в макушку, крепко прижимая к груди. – Этель...

– Итан, – едва выговорила я, давая волю слезам.

Я подняла голову и взглянула на любимого. Он выглядел измученным, лицо заросло щетиной чуть больше, чем я привыкла видеть, кожа стала бледной. Это огорчило меня, что не укрылось от внимательного взгляда Итана.

– Я в порядке, – сказал он. – Правда, в порядке.

После этих слов он еще крепче обнял меня, и я почувствовала, как его губы коснулись моих волос. Обхватив его руками, я понимала, что не смогу отойти, больше не смогу выпустить Итана из своих объятий. Но мне пришлось заставить себя.

– Как ты здесь оказалась? – спросил он. – Ты понимаешь, что это очень...

– Опасно? – закончила я за него. – Понимаю, но тебе придется довериться. Мне и твоей семье.

Я чуть отстранилась, чтобы Итан хорошо рассмотрел тех, кто пришел вместе со мной. В глазах Марионы стояла боль, она стискивала руками края юбки и сжимала губы, пытаюсь совладать с эмоциями.

– Мама, – коротко кивнул ей Итан.

Сердце мое разрывалось, когда я смотрела на эту сцену. Как много мне хотелось сейчас сказать Итану, как много объяснить! А как бы хотелось, чтобы он знал, что братья его и сестра не чужие, что все они одна семья. Инжен взволнованно протянул руку, на которую Итан удивленно смотрел несколько секунд, прежде чем пожать. Потом Грайс поприветствовал брата. Иледия тоже коротко кивнула.

А потом начался настоящий хаос. Сначала я даже не поняла, что именно произошло, но оглядев зал, увидела, как Маркус спускается с возвышения. Маги, сидевшие вместе с ним за столом, зашумели. Публика, занимавшая кресла вокруг, зашептала.

– Маркус! – властным голосом позвал Элмериэль.

Внутри у меня все похолодело от предчувствия неприятного поворота. Я сознавала, что вот-вот грянет буря, сдержать которую уже никто не в силах. События развивались слишком быстро, но Мариона предупреждала меня об этом. Все это входило в план родителей Итана.

– Я занимаю место рядом со своей семьей, – заявил Маркус, направляясь к нам. – Как отец Итаниэля, я выбираю родительский долг, а не полномочия члена высшего совета. У меня есть на это право!

Зал мгновенно взорвался множеством голосов, а я ощутила, как руки Итана напряглись. Его тело словно одеревенело, а под моей рукой, что лежала на его груди, быстро забилося встревоженное сердце. Я видела, каким взглядом Итан провожал Маркуса, пока тот подходил к какой-то миловидной женщине, брал ее за руку, а она, улыбнувшись, встала с места и последовала за ним. Вероятно, это была Сильвия. Моя душа отозвалась глубокой благодарностью и почтением к удивительной женщине, позволившей мужу быть счастливым с другой. Пока Маркус и Сильвия шли к нам, Итан не отрывал глаз от отца. Я невольно вцепилась в его руку. Маркус тоже смотрел на пораженного сына.

– Мама, – проговорил Итан.

– Потом, все потом, – сказала она не менее взволнованно.

Зал все еще шумел, пока мы все рассаживались по местам. Я, как и говорил Инжен, смогла сидеть совсем близко к Итану и держать его за руку.

– Этот скандал был вашей целью? – гневно спросил Элмериэль.

С места спокойно поднялся Маркус. Он посмотрел на нас, а потом медленно оглядел зал, взглядом заставляя присутствующих прекратить шептаться.

– Не был, – ответил он. – Стороны всегда принимаются во время первого заседания.

– Однако ты не потрудился сообщить нам заранее, что являешься отцом подсудимого, – едва сдерживая ярость, сказал Элмериэль.

Только сейчас, более или менее успокоившись, я смогла осмотреть зал. Зрителей было немало и все они, так или иначе, возмущались. Многие, не стесняясь, уставились на Сильвию, которая, сохраняя достоинство, расправила благородные плечи. Ее жалели и осуждали. Жители Дриэна еще не до конца осознали ситуацию, поэтому пока даже не взглянули на Мариону, которая, по сути, являлась разлучницей. Той, кто разбил уважаемую семью.

– Прежде всего, я должен был обсудить это с супругой, – сказал Маркус.

– И судя по тому, что она сидит рядом с тобой, она знала о твоём предательстве, – хмыкнул другой член совета.

Сильвия тоже встала и ровным голосом ответила:

– Да, я знала. И довольно давно!

И опять зал зашумел, только теперь от жалости не осталось и следа. Я почувствовала, как Итан до боли сжал мои пальцы. Не представляю, что творилось у него на душе. Все происходящее стало ударом для него, и я очень сожалела, что ему пришлось узнать имя отца таким образом. Но и Мариона и Маркус были убеждены, что так будет лучше.

– Ты понимаешь, о чем говоришь, Сильвия? – хмуро спросил еще один член совета. – Ты сейчас открыто признаешь, что потворствовала измене мужа?

– Да, признаю, – спокойно сказала она. – И не вижу ничего плохого в том, чтобы желать счастья близкому человеку.

Эти слова произвели настоящий фурор, зал возмущенно взревел. Если бы у зрителей было что-то в руках в этот момент, мне кажется, они точно закидали бы этим несчастную Сильвию. Хотя, как ни странно, она не выглядела несчастной. На ее лице было такое выражение, будто она избавилась от тяжелого груза, будто сбросила с себя оковы, которые причиняли боль долгие годы. Впрочем, так и было в действительности.

В этот момент я совершенно точно поняла, что Дриэн не будет прежним. Все, что произойдет сегодня, изменит жизнь магического мира. И изменения эти будут необратимыми.

– Ты в своем уме? – рявкнул Элмериэль.

– Я не думаю, что сейчас подходящее время для обсуждения моей семьи, – строго сказала Сильвия.

Ее голос не дрожал, она не пыталась никому угодить. В этой женщине чувствовалась такая сила, такая внутренняя мощь, что я не могла не восхищаться.

– Мы уже запутались, где чья семья, – усмехнулся маг, что сидел с краю, за столом членов совета.

– Я официальная жена Маркуса, которую ему навязали, – все так же спокойно сказала Сильвия, а потом указала на Мариону. – А это женщина, которую Маркус любит всю жизнь и их четверо детей.

Зал замер в безмолвном ужасе. Слова Сильвии повергли зрителей в шок. Я тоже невольно затаила дыхание. Итан же получил очередной удар. Я видела, как он пытается справиться с ошеломительными новостями. Итан поочередно взглянул в лица братьев, а потом обратился

внимание на сестру. Впервые Иледия смутилась и спрятала свое недовольство. Итан выглядел сокрушенным.

– Они все... – прошептал он. – Мы все...

– Одна семья, – тихо сказала я ему и накрыла его руку своей. – И Иледия, и Инжен, и Грайс так же, как и ты, дети Маркуса. Я тоже была поражена, когда узнала.

– Я думаю, вопрос морального облика нашей семьи можно опустить, – продолжала Сильвия. – Мы все собрались здесь не за этим.

Некоторое время в зале стояла тишина. И в этой тишине мне показалось, что я слышу, как со скрипом двигаются мысли в голове Элмериэля. В его глазах пылал гнев, но отрицать справедливость слов Сильвии он не мог. Судили сегодня совсем не ее и Маркуса.

– Согласен, – признал он. – О вашей... семье мы поговорим позже, а сейчас вы объясните мне, что среди вас делает человек и что мешает мне прямо здесь казнить ее за незаконное пребывание в Дриэне?

Слово вновь взял Маркус, он говорил спокойно, негромко, но уверенно.

– Эта девушка имеет полное право находиться здесь, как представитель рода людского. Древний закон Алададриэна позволяет ей присутствовать на заседании.

Члены совета начали переглядываться и перешептываться. Это то, на что рассчитывала Мариона: закон есть, но мало кто о нем помнит. Итан сжал мою руку, вынуждая перевести взгляд на него.

– Этель, что происходит?

– Помнишь, я просила о доверии? – улыбнулась я, глядя в хмурые серые глаза. – Все будет хорошо.

– Чтобы вам не пришлось напрягать свою память, – не слишком любезно продолжал Маркус, – я напомню, что, изгнав людей из Алады, вы не лишили их права принимать участие в судьбе Алададриэна. Прежний закон не противоречит новому.

– Алададриэна не существует уже четыреста лет, Маркус, ты позабыл, наверное? – ехидно заметил Элмериэль. – Стараниями твоего сына, между прочим.

– Не позабыл, – ответил отец Итана. – Но заседание созвано в связи с разрушением нашего общего с людьми мира. А это значит, что девушка может остаться.

– Мы сейчас судим Итаниэля за нарушение установленных для него ограничений, Маркус, – чуть более сдержанно, чем Элмериэль, сказал член совета по имени Вирион. Его имя шепнул мне Инжен, сидевший рядом. – Твоему сыну было запрещено возвращаться в Дриэн без... без надобности.

Вирион, заканчивая фразу, бросил взгляд в зал. И вид у него был такой, будто он боялся сболтнуть лишнего. Заметив мою настороженность, Итан пояснил:

– Жители Дриэна знали, что я наказан за свой поступок, но никто из них не ведал об обязанностях, которые на меня возложили.

– То есть, – наклонившись к нему, прошептала я, – здесь никто по-прежнему не знает, что ты конфиденгент? Помимо нас и членов совета, конечно.

– Да, – подтвердил Итан. – Полномочия с меня еще не сняли.

Я удивленно отпрянула. Думала, что как только Итан окажется в башне, его тут же лишат сил конфиденгента.

– Это процесс не быстрый, – пояснил он. – Нужно найти приемника.

– Все секреты Алададриэна все еще с тобой? – спросила я, на что Итан лишь кивнул.

Окинув внимательным взглядом членов совета, я не увидела Бриона и Тэлмера. Это удивило меня, и я тут же спросила об этом у Итана.

– Тэлмер мой куратор, Брион тоже один из тех, кто должен был держать меня под контролем. У них не вышло. Их действия сейчас тоже тщательно проверяются. Если сочтут, что они не помогали мне, их вернут в совет.

Бриона мне нисколько не было жалко, но Тэлмер вместо родителей долгие годы помогал Итану. И при этом все время оставался в тени.

– И все это из-за меня, – прошептала я.

Но Итан не услышал, поскольку внимательно слушал отца, который продолжал отстаивать мое право присутствовать на суде.

– Насколько я помню, Вирион, на многочисленных закрытых заседаниях прошедших лет из раза в раз звучала одна фраза. Вы сходились во мнении, что вернетесь к вынесению моему сыну окончательного приговора, если на то появятся веские причины.

А пока он наказан. И вот появились эти веские причины, весомее некуда. Не пора ли определиться?

Члены совета вновь принялись шептаться, а мое сердце взволнованно дрожало. Этот день должен был решить все.

– Прежде чем принять решение, – заговорил Элмериэль, – мы хотим понять, зачем здесь эта женщина. Даже если у нее есть это право, какова ее цель?

Маркус открыл было рот, чтобы ответить, но я остановила его. Неожиданно для самой себя, поднялась на ноги. Откуда взялась такая смелость? Понятия не имею, но рука Итана, которая сжимала мои пальцы, придавала силы.

– Если мне позволят говорить, я объясню, – с должным почтением сказала я.

Элмериэль оглядел сидевших с ним за одним столом членов совета и неохотно кивнул. Я сильнее сжала пальцы удивленного Итана и заговорила, тщательно подбирая слова:

– Я родилась в Аладе, по вашим меркам, не так давно, всего двадцать лет назад. Это ничтожно мало для Дриэна, понимаю. Мои слова могут не иметь для вас веса, но отрицать древний закон вы не можете. Да, я не знала о вашем мире еще несколько месяцев назад, но это не моя вина. Люди давно забыли о том, что Алададриэн когда-то существовал. И это тоже не их вина. Родители Ита... Итаниэля рассказали мне, а вам решили напомнить, что люди и существа когда-то были едины. Мы зависели друг от друга, помогали друг другу, мирно сосуществовали. Да, это было задолго до моего рождения, но это вовсе не означает, что моя душа не болит об утрате. Ни один из миров не счастлив без другого. И вы, и люди живут словно во мраке. Так не должно быть!

Я перевела дух, замолчав на несколько секунд. Итан по-прежнему крепко держал меня за руку. Он был поражен, в глазах горел огонь восхищения, который согрел мое сердце и помог говорить дальше.

– В том, что произошло с Алададриэном, есть вина Итаниэля. Спорить не стану. Но он был не один! С ним было равнодушие близких. – Эти слова было очень трудно произнести. Я знала, что они причинят боль Марионе и Маркусу. Но была уверена, что они меня поймут. – О юности Итаниэля и ее ошибках говорить не стану. Это вы наверняка уже множество раз обсудили сотни лет назад. Теперь вы

знаете правду о его семье, о ее сложностях, об одиночестве Итаниэля. Это не оправдание, но все же повод постараться понять его поступки.

– К чему вся эта демагогия? – недовольно спросил Элмериэль.

– К тому, что, на мой взгляд, Итаниэль достаточно наказан.

– Это не тебе решать! – резко возразил он.

– И мне тоже! – дерзко выкрикнула я, стискивая пальцы Итана. – Он уничтожил и мой мир! Мир, в котором жили люди!

Невольно вновь посмотрела на Итана, низко опустившего голову. Мои слова огорчили его, но иначе было нельзя. Сердце кровью обливалось от боли и сожаления, но я должна была говорить неприятные для него вещи.

– Я не видела этот мир, не узнала его. Но я хочу его увидеть! А вы настолько слабы, что приняли случившееся как данность, не желая даже попытаться вернуть Алададриэн! Вы нашли виновного, отняли у него дом, отстранили от близких, сократили до минимума его магические возможности, наложили на него клеймо позора. Но что с тех пор сделали вы сами для Алададриэна? Ничего! Вы настолько трусливы и ленивы, что даже не смогли принять окончательного решения о судьбе Итаниэля. В то время как он страдал вдали от дома целых четыре сотни лет, вы прирастали к этим креслам, не желая что-то менять. Это ли не трусость? Но время принимать сложное решение пришло. Отсиживаться не получится! Напомню, Итаниэль был не один. С ним был Экрен...

Итан резко вскинул голову и с мольбой посмотрел на меня. Я знала, что он не хотел трепать имя друга, и я не собиралась переходить границы. Мягко улыбнулась, взглядом умоляя довериться мне.

– С ним был Экрен, который заплатил своей жизнью за эту ошибку. Они оба пытались исправить то, что натворили. Не получилось, но факт, что они одумались. Оба. А также с ними была женщина! И это тоже факт. Человек. Вы предпочли закрыть на это глаза, забыть, не придавать значения силе женского очарования. Вы посчитали, что раз она смертна, то давно умерла где-нибудь, страдая и прячась. Спешу вас заверить, что это не так. Она жива и ничуть не сожалеет о содеянном. Но мы сейчас говорим не о том, что она сделала, а о том, чего *не* сделала. Как представитель людей, она могла взять часть вины на себя, разделить участь Итаниэля, смягчить его наказание. Ребекка предпочла сбежать. Я – не она!

Зал взволнованно зашумел. Я бросила взгляд на Мариону, которая в упор смотрела на меня. На ее лице я увидела и благодарность, и сожаление, и боль. Итан дернул меня за руку, но я не повернулась. Боялась, что он не позволит мне закончить начатое.

– Сейчас, как человек, я могу назвать случившееся четыреста лет назад конфликтом между магом и человеком и защитить Итаниэля. Как представитель людей, я хочу воспользоваться древним законом Алададриэна и взять часть вины на себя. А еще воспользоваться правом исправить последствия давнего конфликта!

В зале суда повисла гробовая тишина. Такая тяжелая, что я едва стояла на ногах. Я ощущала слабость во всем теле. Неужели я все это сказала?

– Иными словами, ты хочешь назвать уничтожение мира «конфликтом»? – пораженно спросил Вирион.

– Масштаб не тот, но все же – да, – вспомнив слова Инжена, сказала я. – Отрицать, что случившееся можно расценивать как конфликт между магом и человеком, вы не можете. У меня есть право осудить или же простить. Вы осудили сотни лет назад, людей на заседаниях не было. Теперь слово за второй пострадавшей стороной. В этом конфликте я прощаю Итаниэля и беру на себя обязательства вместе с ним исправить ситуацию.

Итан резко вскочил на ноги и насильно развернул меня к себе.

– Что ты творишь?! – возмущенно процедил он. – Ты себя погубишь! Мы не сможем исправить то, что я сделал. Вернуть Алададриэн невозможно! Ты погибнешь вместе со мной!

– Уж лучше так, Итан, – твердо сказала я. – Зато мы будем вместе. Ни этот, ни какой-либо другой мир мне не нужен без тебя.

– Сумасшедшая девчонка, – сказал он и притянул меня к себе, невзирая на присутствующих и место, где мы находились.

Вновь оказавшись в его объятиях, я не в первый раз убедилась, что все сделала правильно. Итан уткнулся носом в мою макушку и сжал мое тело крепче. Я слышала, как бьется его сердце, чувствовала, как тяжело он дышит, понимала, как сильно он переживает за меня, знала, что он молился, чтобы члены совета отказали мне в праве прощения. Я же молилась, чтобы Итан больше не вернулся в башню. Немалых усилий стоило мне оторваться от груди любимого мужчины, но я еще не закончила:

– Если говорить о том, что произошло в последние месяцы, здесь тоже есть моя вина. Я стала причиной того, что Итаниэль нарушил правила. Я выдала его секрет. Испортила его размеренную жизнь, что повлекло за собой цепочку дальнейших нарушений. Итаниэлю пришлось исправлять мою оплошность. Одним словом, в вашей власти либо разрешить нам воспользоваться законным правом все исправить, либо казнить нас обоих!

Зал вновь отреагировал довольно шумно, а члены совета принялись обсуждать мои слова. Как же тяжело, наблюдая их перешептывания, ожидать решения суда!

– Древний закон существует, и хотя прецедентов не было, закрыть на этот факт глаза вы не посмеете! – прервала совещание Мариона, и мы с Итаном обернулись к ней. – Этель имеет право на то, о чем сказала. Как мать, я согласна с ее словами о моем равнодушии. В том, что случилось, есть и моя вина. Сейчас во мне достаточно смелости, чтобы не отрицать этого. – Она повернулась к Итану. – И достаточно смелости, чтобы попросить прощения. За все.

Тело Итана вновь напряглось, даже не представляю, что он испытывал сейчас. Суд не место для решения семейных проблем, да и Итану стоило обдумать все, что он узнал сегодня. Ему нужно было время, чтобы осознать и принять новую для него истину. Теперь у него был отец, в лицо которому Итан смотреть боялся, как мне показалось. Он не был готов, и я это понимала. Еще у него появились не сводные, а родные братья и сестра. При иных обстоятельствах это было бы подарком судьбы, несказанным счастьем. Но сейчас Итан еще не прочувствовал все до конца, еще не смирился с огромным обманом. И потому он только кивнул матери, подавляя все захлестнувшие его эмоции. Мне подумалось, что пусть его только освободят, и тогда эту семью ждет долгий и непростой разговор.

– Нам необходимо немного времени для обсуждения, – сообщил Вирион.

После этого члены совета удалились из зала, в котором возник ровный гул от тихих голосов всех присутствующих. Итана тоже увели, и мне вновь пришлось с тоской и болью смотреть ему вслед. Но теперь у меня была надежда, что из зала суда мы сегодня выйдем вместе. Я ухватилась за эту надежду и не собиралась ее отпускать.

– Что будет дальше? – спросила я у Маркуса.

Он посмотрел на меня так, будто впервые увидел.

– Отказать они действительно не посмеют. Это вызовет волну возмущения, ведь закон существует, он нами не выдуман. Но обольщаться не стоит. Для членов совета это лишь отсрочка. Они ни за что не поверят, что Алададриэн можно вернуть, а мы дали им право на законную казнь Итана. Нам позволят воспользоваться правом прощения, но все определяют сроки. Элмериэль не станет долго ждать. Благом будет и неделя.

– Неделя? – испугалась Мариона. – Это ничтожно мало! Что можно успеть за неделю?

Маркус ласково посмотрел на нее, нежно коснулся руки.

– Если нужно, мы сделаем невозможное. Я лишь признаю, что все, что здесь произошло, буквально взбесило Элмериэля. Наши слова, наше право, выступление Этель. Его гнев не заставит себя долго ждать.

– Права у членов совета равные, Маркус, – вмешалась Сильвия. – Вирион хороший человек, он не станет намеренно вредить нам. В совете есть еще несколько вполне благоразумных людей. Возможно, Тэлмер присоединится. Его судьба должна была решиться час назад. Если его признают невиновным, он примет участие в этом совещании. Это может дать нам шанс.

«Нам шанс», – повторила я мысленно. Удивительная женщина, которая встала горой за сына своего мужа от другой женщины. Уму непостижимо, как причудливо может повернуться судьба.

Мариона благодарно сжала руку Сильвии, а та в ответ слабо улыбнулась. Как я поняла, отношения у женщин были теплыми, если не сказать приятельскими. Общая беда объединяет людей.

Братья Итана молча ждали, и если Инжен был, как всегда, серьезен, то видеть таким Грайса было непривычно. Младший брат отбросил насмешливый тон, в его глазах был виден неприкрытый страх. Это не осталось незамеченным Иледией, она неприметно для остальных взяла его за руку и крепко сжала. Так они и сидели, пока не вернулись члены совета. Я быстро встала, вцепилась пальцами в деревянное ограждение и со страхом гадала, почему же Итана не вернули в зал заседаний. Внутри у меня все сжалось от ужаса неизвестности. В ожидании вердикта я перестала дышать.

Разглядывая членов совета, я увидела среди них Тэлмера и Бриона и облегченно вздохнула, вновь позволяя надежде поднять голову.

– Совет принял решение, – сказал Вирион, после того как Элмериэль подал ему знак рукой. – Мы позволяем человеческой женщине воспользоваться правом на прощение, освобождаем Итаниэля из-под стражи и даем им срок в один месяц, чтобы совершить невозможное. На это время Итаниэль должен будет поселиться в доме матери, чтобы быть под постоянным надзором совета. Женщина должна находиться вместе с ним. Если через месяц они не исправят последствия конфликта, оба подлежат казни.

Я выдохнула, осела в кресле и закрыла лицо руками. Казалось, все счастье мира обрушилось на мои плечи. Итана освободят! Большого мне и не нужно было.

– Где мой сын? – спросила Мариона.

– Его приведут в твой дом через два часа, – сказал Вирион. – А теперь все свободны.

Два часа в доме Марионы были самыми длинными в моей жизни. Я металась из угла в угол, представляя, что будет, если маги обманули нас. А вдруг они не отпустят Итана, вдруг молча казнят? Вдруг из-за моей выходки он снова пострадает?

Но спустя обещанное время в дом Марионы и ее детей громко постучали, и я кинулась к двери, обгоняя всех. Магическая стража привела моего любимого, и выглядел он сейчас значительно лучше, чем в зале суда. Свеж, гладко выбрит, одет в чистую одежду. Ему дали возможность привести себя в порядок. Стражники показались мне знакомыми. Я внимательно присмотрелась... Альберт и Брок! Те самые братья, что поймали меня в проулке Маалона. Встретилась глазами с серьезным взглядом Альберта. Он в упор смотрел на меня. В груди все замерло. Эти двое, скорее всего, злились на меня за то, что сбежала от них. Однако в глазах Альберта ясно разглядела уважение. Он почтительно кивнул мне, а потом они с братом исчезли за дверью. На душе стало теплее, возможно, стражи были благодарны за то, что я не оставила их на верную гибель.

Вся семья застыла в ожидании, никто толком не понимал, что делать. Я видела, как Мариона сдерживала порыв подойти к сыну, возможно, даже обнять его. Но ей было страшно, она не была уверена, что Итан не оттолкнет ее. Примерно то же самое творилось и с

остальными. Самым смелым оказался Инжен. Он подошел к Итану и протянул руку.

– Добро пожаловать домой, брат.

Секунду или две Итан смотрел на протянутую ладонь, а потом пожал ее.

– Спасибо, – хрипло сказал он. – Мы можем поговорить позже?

Он посмотрел на всех присутствующих и, получив их молчаливое согласие, взял меня за руку.

– Моя комната все еще моя? – спросил он у матери.

– Да, – ответила она.

Я видела, как Итану было тяжело, как много чувств его одолевало, как ему хотелось остаться с семьей наедине. Но он меня удивил. Крепче перехватил мою руку и повел за собой вверх по лестнице. Его комната была на верхнем этаже, просторная, светлая, уютная. Но рассмотреть ее получше Итан мне не дал. Как только дверь за нами закрылась, он притянул меня к себе и поцеловал.

В этот миг мне показалось, что это первый поцелуй в моей жизни. Его нельзя было ни с чем сравнить. Когда мягкие теплые губы Итана прильнули к моим, внутри разлилось волнующее тепло. Сердце замерло от восторга, а потом, обезумев от счастья, заколотилось, пытаясь выскочить из груди. Нежные руки Итана обхватили мое податливое тело, которое растворялось под жаром его ладоней, и прижали теснее к его груди. Я не сдержала тихого стога счастья и тоже обняла любимого, ощущая, как тело реагирует на его ласки и сладкий поцелуй.

Глава 23

Все, что было за дверью спальни Итана, там и осталось. В этот миг существовали только я и он. Мысли о страшном и, казалось бы, неотвратимом будущем отступили, тревоги улеглись. Мы оба погрузились в сладкую негу забвения.

Ни на одно мгновение ни одна мысль о предательстве со стороны Итана не посетила меня. Страх быть отвергнутой «после» не шелохнулся в груди. Я просто знала, что я и он – это истина.

Итан прервал поцелуй, немного отстранился, чтобы заглянуть в мои глаза, а потом улыбнулся и прислонился своим лбом к моему.

– Я видел тебя, – прошептал он. – Там, в башне. Постоянно видел тебя. Говорят, мерцание – это отражение самых жутких страхов заключенных. Страхов, которые терзают бесконечно. Я видел тебя. Твою гибель. Раз за разом. Видел и сходил с ума. Я давно один, Этель. Я привык. Не надеялся, ничего не ждал. Но пришла ты... в ту ночь...

Я едва дышала, слушая трогательные откровения Итана. Душа стонала и плакала от горького счастья.

– В ту ночь, когда ты приходил на меня посмотреть? – спросила я.

– Да, – сказал он. – Сиенна говорила мне, что ты не маг, но я должен был удостовериться. Увидел тебя спящую, такую незащитную. Ты плакала во сне. Тихо так, просто слезы катились из глаз. В тот миг мое сердце дрогнуло. Впервые за долгое время, понимаешь? Уже тогда, стоя над твоей кроватью, я понимал, что ты перевернешь мой мир. Я этого не хотел. Но я догадался, кто ты. Слухи по городу распространяются быстро. Я не осуждал тебя, в общем-то, мне было плевать. Но позже, узнавая тебя, я понял, что каждая твоя слезинка рвет мое сердце в клочья. Много раз, замечая твою молчаливую тоску по дому, по семье, по той жизни, что была у тебя, я готов был уничтожить *его*. Я знаю его имя, и у меня есть возможности сделать с ним все, что угодно. Все, что пожелаю. Я могу просто разорить его и то, за чем он гнался, испарится в один миг. В моей власти сломать его жизнь, его самого... Но я не стал. Ты бы не позволила. Я много думал об этом и понял, что это не потому, что ты любишь его, нет. Я уже точно это знаю. Просто сердце твое настолько

милосердно, душа настолько чиста... Ты ни за что не стала бы мстить. Ты бы даже не подумала об этом. И в тот миг, когда я это осознал, во мне самом что-то изменилось.

Слезы теплыми ручейками катились из глаз, а я слушала и ощущала, как нежная, робкая любовь становится сильнее, как она крепнет, как растет. Я хотела прижаться к Итану крепче и никогда его не отпускать, но боялась даже пошевелиться, чтобы не прервать плач его сердца.

Итан сам оторвался от меня, обхватил ладонями мое лицо и заставил посмотреть в глаза. Заглянув в них, я почувствовала, что падаю в их глубину, сердце обрушилось в пропасть.

– Я – не он, Этель, – тихо сказал Итан. – Я не...

– Знаю, – прервала я его, улыбаясь сквозь слезы. – Знаю, Итан. Я верю тебе безоговорочно, безусловно.

– Я не знал такой любви, – сказал он, и голос его сорвался. – Не представлял, что можно так любить. То, что ты сделала ради меня, никак не укладывается в моей голове. Ты пришла в суд, рисковала жизнью. Тебя могли даже не выслушать. Это было так глупо... но так прекрасно! Я был просто поражен. Ты...

– Я поделила с тобой твою судьбу, – ответила я. – Она у нас теперь одна. Ты – моя новая жизнь. Ты – то, к чему я должна была прийти. Ты – моя сила, моя решимость. Ты сделал меня такой.

– А ты мой покой и мой уют, мое искупление! Ты мое прощение.

Больше говорить не было смысла, я слегка поднялась на носочках и поцеловала его мягкие губы. Итан тут же откликнулся, обхватил меня руками и углубил поцелуй. Его дерзкий язык скользнул в мой рот, и я вновь провалилась в бездну наслаждения. Сердце заколотилось сильнее, по телу прокатился жар, внизу живота все стянуло тугим узлом.

Рука Итана потянулась мне за спину, и я услышала, как ключ повернулся в дверном замке. В груди что-то дрогнуло, лицо запылало. Я понимала, что произойдет дальше. На миг испугалась, а потом прислушалась к себе и поняла, что сейчас ни за что не откажусь от ласки, от любви Итана.

Он оторвался от моих губ и заглянул мне в глаза. В его взгляде я прочитала вопрос, Итан казался взволнованным. И волновался он обо мне. Я улыбнулась и кивнула.

Очень медленно он обошел меня и остановился за спиной. Мое сердце пропустило удар, когда пальцы Итана коснулись пуговиц на платье. Я невольно задержала дыхание, ощущая томительное возбуждение. Любимый мужчина неторопливо расстегивал пуговицу за пуговицей, а я трепетала, стискивая юбку дрожащими пальцами. Игривые мурашки побежали по спине, когда Итан коснулся губами моей шеи. Я склонила голову и закрыла глаза, наслаждаясь. Он продолжал целовать меня, продвигаясь к плечу губами, а руками стягивая с меня платье. Кожу сначала обдало прохладой, а потом горячим дыханием Итана. Я прикусила нижнюю губу, стараясь сдержать рвущийся наружу стон.

Руки Итана коснулись груди под платьем, и я рвано выдохнула, задыхаясь поразительными эмоциями. Мое тело пылало и звенело, впервые так рьяно требуя ласк. Я не узнавала саму себя – осмелевшую, страстную, любящую. Платье упало к ногам, и я тихо ахнула, борясь с нетерпением. Никогда бы не подумала, что могу быть такой, что на первое место выйдет тело, что буду желать мужчину так неистово. Но мое сердце уже принадлежало ему, и сейчас я хотела большего.

Итан все еще стоял у меня за спиной, а его губы невесомо касались кожи, вызывая сладкую дрожь. Сорочка упала с плеч, царапнула по возбужденно набухшей груди и тоже оказалась на полу. Итан шагнул ближе и обхватил ладонями мои плечи. Я выгнулась, оказавшись не в силах сдержаться. Никогда еще я не чувствовала себя такой свободной. Руки любимого медленно потянулись к груди, а потом накрыли ее, и я застонала. Низ живота сдавило томительным спазмом. Каждый нерв, каждый участок тела напряженно звенел возбуждением. Мне казалось, что каждое прикосновение Итана ощущается невероятно сильно, на грани возможного и невозможного. Спиной я чувствовала, как мощно бьется его сердце.

Я развернулась к Итану лицом и столкнулась с его пылающим взглядом. Кончик его языка показался между губами, волнуяще скользнул по ним, а потом исчез. В этот момент мир вокруг меня рухнул. Теперь настала моя очередь раздевать его. Пока я неторопливо освобождала его от одежды, Итан продолжал смотреть в мое лицо и, чувствуя этот взгляд, я становилась смелее.

Я уже видела обнаженного мужчину, но той феерии чувств, что накрыла меня сейчас, я не испытывала. Тогда, с Робертом, все было

иначе. Я не чувствовала ничего, кроме стеснения и неловкости. Однако, думая, что люблю его, я решила, что так и должно быть. Стыдливость – добродетель. Но сейчас, за закрытыми дверьми спальни, когда Итан стал моей жизнью, когда я обрела истинную свободу, робость отступила. Возбуждение и желание Итана пробудили во мне нечто новое, стыд остался за дверью.

Этот мужчина боролся за меня каждый раз, когда магия мучила меня. Все, что с ним случилось в последнее время, произошло по моей вине, но он ни разу не упрекнул меня. Он продолжал защищать. И я буду бороться до самого конца. И если этот месяц, что нам отведен, покажется слишком коротким, он все равно у нас будет. Я умею быть благодарной судьбе, и я буду благодарна.

Итан шагнул ближе, а я опустила глаза, рассматривая крепкое тело. Пробежала пальцами по груди, спустилась чуточку ниже, живот Итана напрягся, возбужденный орган дрогнул. Я обошла любимого мужчину, а потом с силой прижалась к его спине, обхватив грудь руками. Этот порыв сказал ему о многом. О том, как я нуждалась в нем, как скучала, как верю ему. Итан накрыл мои руки своими ладонями и повернул голову.

– Что бы ни ожидало нас в будущем, мы вместе, Этель. И я готов послать к чертям весь этот мир, лишь бы провести оставшееся время с тобой.

Он развернулся ко мне и вновь поцеловал. Как мы оказались на широкой кровати, я, наверное, вряд ли вспомню, но влажные губы Итана, покрывающие поцелуями мое тело, его нежные руки – обнимающие, стискивающие, ласкающие, я сохраню в памяти навсегда. Рядом с ним я не робела, открывалась полностью, не скрывала своего желания, ласкала его в ответ. Я поддалась собственному желанию, оно научило, что и как делать. Повинуясь своим чувствам и отклику Итана на мои действия, я любила его в ответ.

Внизу живота пульсировало все сильнее и сильнее ровно до тех пор, пока Итан не заполнил меня всю. В первый миг я напряглась, внезапно испугавшись, а потом расслабилась, принимая любимого. Сначала он двигался медленно и осторожно, а затем, когда все чувства оголились до предела, вошел в меня рывком и ускорился. Я погрузилась в круговорот незабываемых чувств, хотелось и плакать,

и смеяться. Хотелось отчаянно любить, хотелось жить. А потом все взорвалось, и тело затопила истома.

До самого утра мы не выходили из комнаты, отдаваясь друг другу и нашей любви. Завернутые в простыни, смеясь встречали рассвет. Я впервые слышала искренний смех Итана, впервые за долгое время смеялась сама. Мы не думали и не говорили о страшных вещах, не боялись друг за друга. Это было так приятно и так незнакомо для нас обоих.

Но стоило дню проводить утро, и Итан снова помрачнел. Он прижал меня к себе, уткнулся носом в мои волосы, издал страдальческий стон, а потом сказал:

– Нам придется вернуться в реальность, милая. Я должен поговорить с семьей, должен позаботиться о тех, кого оставил в Аладе. Сиенна и все остальные должны вернуться домой. Они ни в чем не виноваты и какова бы ни была моя участь, они заслужили право жить здесь.

– Ты прав, – вздохнула я.

Мне не давал покоя один вопрос, который я никак не решалась задать. Казалось, услышав ответ Итана, я либо обрету надежду, либо утрачу ее безвозвратно. Я подтянула простыню на все еще обнаженное тело, медленно отодвинулась и села на кровати.

– Итан, а ты веришь в то, что Алададриэн можно спасти?

Он поднял голову, внимательно посмотрел на меня, встал на ноги. Тревога на любимом лице не укрылась от меня. Я наблюдала за тем, как Итан подходит к столику, наливает в стакан воды, делает глоток.

– Я не знаю, – ответил он. – Но я хочу верить. Очень хочу! И не ради себя, но ради всех моих близких, ради Алададриэна, который заслуживает того, чтобы существовать. И ради тебя! Если у нас получится, ты будешь жить. Ты увидишь мой мир. Но не украдкой, будто ворующь, а открыто, смело. Я покажу тебе все его красоты, самые таинственные и волшебные его уголки...

Представить это было нетрудно, я улыбнулась. Итан предложил мне воды, а когда я отказалась, осушил стакан, который так и держал в руках. Он вернулся ко мне, сел на кровать позади и прижал меня спиной к своей груди. Некоторое время мы просто молчали, наслаждаясь минутами покоя. Итан обнимал меня, а я любовалась плывущими за окном облаками.

– Дальше будет только тяжелее, Этель, – прошептал он, целуя меня в висок. – Нам придется быть сильными.

– Пока ты держишься, я буду сильной, – ответила я.

– А если я не устою? – спросил Итан.

– Тогда я тем более не сдамся, чтобы поднять тебя, – улыбаясь, сказала я.

Вскоре в дверь негромко постучали, и Итан был вынужден подняться. Он оделся и пошел посмотреть, кто нас побеспокоил.

– Госпожа Мариона решила, что вы проголодались, – послышался робкий женский голос. – Она спрашивает, обед подать сюда или вы спуститесь к семье?

– Мы спустимся, Рина, только сначала помоги Этель привести себя в порядок, – ответил Итан, пропуская девушку в спальню.

И снова мне посчастливилось увидеть и получше разглядеть прекрасную девушку-эльфийку. Точеные, чуть заостренные черты красивого лица, сияющие голубые глаза с золотыми вкраплениями, светлые, лихо закрученные и собранные на затылке волосы, и аккуратные остренькие ушки.

– Этель, это Рина, она поможет тебе одеться к обеду, – сказал мне Итан.

Мне, завернутой всего лишь в простыню, было немного неловко сидеть перед служанкой Марионы, глаза которой озорно сияли. Девушка попыталась скрыть улыбку, но у нее это плохо получилось. Я почувствовала, как кровь прилила к щекам. Они тут же запылали.

Итан усмехнулся, глядя на меня, и ушел в ванную комнату.

– Ты эльф? – робко спросила я, сама понимая, что вопрос откровенно глупый, а ответ на него очевиден.

– Да, – улыбнулась Рина. – Я помогаю госпоже Марионе с нарядами и прической. Помогу и вам.

Рина протянула мне руку, а я не знала, как подать ей свою, чтобы не потерять сползающую простыню. Девушка тихонько хохотнула и сделала незатейливый жест рукой. В результате моя простыня обернулась плотнее, а концы ее туго завязались аккуратным узлом.

– Ткани – моя стихия, Этель, – сказала эльфийка. А я, немного удивленная, вспомнила, что привычных обращений «мисс» или «мистер» в Дриэне нет.

Итан вышел довольно скоро, и после этого Рина занялась мною вплотную. Ее ловкие руки помогли мне освежиться и привести волосы в порядок. Ничего объяснять ей не пришлось. Эта девушка будто сама знала, что я люблю простые и незамысловатые прически. Потом она обошла меня кругом несколько раз, улыбнулась и наколдовала сначала нежнейшее нижнее белье, а следом чудесную юбку с широким поясом и элегантную блузу с высоким кружевным воротником. Получилось очень красиво.

– Готова? – спросил Итан, вставая с кресла.

Я внимательно посмотрела в любимое лицо и заметила тревогу, которую Итан пытался скрыть. Даже представить трудно, что он сейчас испытывал. Нужно много храбрости, чтобы спуститься к людям, которые долгие годы были разбитой семьей, и склеить все так, как и должно быть.

– Я буду рядом с тобой, – тихо сказала я. – Все будет хорошо. Они любят тебя и хотят все исправить.

Итан благодарно улыбнулся, и мы вышли из комнаты. Нас уже ждали в большой столовой. Родители и братья с сестрой Итаниэля замерли, как только мы вошли. Повисла неловкая пауза. Никто из них не представлял, как себя вести в этой ситуации.

– Я так ни разу и не сказала вам, что дом просто чудесный, очень уютный, – сказала я, чтобы заполнить образовавшуюся тишину. И снова мне стало неловко, когда сообразила, что вся семья Итана прекрасно понимала, для чего мы уединились в его спальне.

– Я очень рада, что тебе нравится наш дом, – ответила Мариона, продолжая смотреть на сына.

Я перевела взгляд на Итана, который, казалось, застыл на месте. Осторожно я сжала его пальцы; он вздрогнул, словно просыпаясь, и крепче перехватил мою ладонь.

– Очень вкусно пахнет, – сказал он. – Признаться, мы ужасно голодны.

Мариона улыбнулась и подняла руку в пригласительном жесте. Мы с Итаном сели за стол.

Обед проходил в натянутом молчании, но мой любимый был прав. Я была ужасно голодна и поэтому ела с огромным аппетитом. Несколько раз кто-то из семьи пытался начать разговор, но он не

клеился. Мне хотелось помочь им сломать лед, но я даже не представляла, как это сделать.

– Если ты не возражаешь, – обратился Итан к матери, когда принесли кофе, – я бы забрал Сиенну и остальных из Алады. В мой дом мне пока нельзя, но каждый новый день вдали от Дриэна – попытка для них. Я бы не просил, но...

– Я понимаю, – мягко прервала его Мариона, робко улыбаясь, – и сама хотела тебе это предложить. Дом большой, места всем хватит.

– А члены совета не будут против? – спросила я.

– Нет, – ответил Маркус. – Сиенна сама выбрала этот путь, ее никто не изгонял. Как и всех остальных.

Услышав голос отца, Итан вздрогнул, и я вновь сжала его руку под столом. Мужчины смотрели друг на друга очень внимательно, изучая, оценивая. Казалось, ни один из них пока не принял истинное положение вещей. И, конечно, Маркус обо всем знал, но сидеть вот так, лицом к лицу с сыном, оказалось для него непросто. Мариона и Итан не могли открыть друг другу свои настоящие чувства долгие годы, а они жили вместе. А тут двое взрослых мужчин, могущественных магов, которым предстояло найти путь друг к другу. Итан медленно перевел взгляд на мать, и мое сердце сдавила боль. Столько невысказанной горечи было в его глазах, столько тоски и одиночества.

– Итаниэль... – прошептала Мариона, дрогнув и сделав движение, чтобы подняться на ноги, но передумала и осталась сидеть на стуле. Ее руки слегка дрожали, она крепко стискивала губы, словно постоянно сдерживала поток слов, который пытался вырваться наружу.

– Не надо, мама, – попросил Итан.

– Надо, – уже тверже и громче ответила Мариона. – Выслушай меня! Ты вправе злиться, вправе винить меня во всем. Я признаю, Итаниэль! Я соглашусь с любым твоим словом, с любым обвинением. Я была неправа. С самого начала. Но я молю тебя: даже не допускай мысли, что я тебя не любила! Любила... и люблю. Ты мой сын! Моя гордость!

Она перевела дыхание и посмотрела на Маркуса, который едва заметно ободряюще кивнул ей. Она вдохнула поглубже, и продолжала:

– Я была холодна с тобой, я была отстраненной. И чем дольше я так себя вела, тем привычнее становилось. Со временем я начала

отвыкать от твоего запаха, по которому тосковала по ночам. От твоего смеха, от озорных искр в глазах. Я отдалялась, думая, что так будет лучше для нас обоих. Я боялась... Черт, что-то я не то говорю... Не в этом дело. Все мои причины уже не так важны и сейчас кажутся сущим бредом.

Мариона все-таки встала на ноги, обошла стул и взялась за его спинку, стиснув дерево длинными пальцами. Каждое ее слово шло от души, от самого сердца и поэтому на лице застыли боль и вина.

– Я знаю, что простить нелегко. Знаю, что все, что ты пережил, это результат моей трусости и мне, как матери, нет оправдания. Я знаю, сынок...

Это слово далось ей особенно тяжело. Назвав Итана сыном, Мариона замерла, будто ждала, что получит удар или что-то вроде того. Но Итан не шевелился, он смотрел прямо ей в лицо и просто слушал. Понять, о чем он думал, не представлялось возможным.

– Я прошу прощения... нет, я вымаливаю твоего прощения, Итаниэль!

Из глаз Марионы покатались торопливые слезы, но она даже не подумала их смахнуть. Она смотрела не отрываясь в лицо сына и, казалось, заставляла себя мысленно проживать то, что выпало на его долю. Я почувствовала резкую боль в руке, и чуть было не вскрикнула. Итан так сильно сжал мои пальцы, что они едва не хрустнули.

– И я, и твой отец знаем, что уже поздно, но мы готовы сделать все, что потребуется, чтобы помочь тебе.

– И не только они, – негромко добавил Инжен. Парень тоже смотрел на старшего брата, но его взгляд был открытым, готовым столкнуться с бурей в глазах Итана. – Помимо родителей у тебя есть, по крайней мере, один брат.

– Эх, ты, – усмехнулся Грайс. – А я что же? Девушка? Брата у него точно два!

Я не могла не улыбнуться, несмотря на тяжесть этой сцены. Казалось, что Грайсу все нипочем. Что он ни к чему и никогда не относится с должной серьезностью. Но это, скорее всего, было напускным. Сердце у парня было доброе, а значит, и сопереживать он умел. Просто прятался за напускной беспечностью.

– И сестра у него, между прочим, тоже есть, – недовольно хмурясь, добавила Иледия. – И пользы от меня гораздо больше, чем от

вас обоих!

– Я понимаю, что сложно это принять через столько лет, Итаниэль, – сказал Маркус. – Нам всем нелегко. Наш мир так же, как и твой, перевернулся. Ну, или почти так же. Но я уверен, что общими усилиями мы научимся быть семьей.

– А разве у тебя уже нет семьи? – сухо спросил Итан.

Маркус выдержал его взгляд, не опустил головы. Он понимал, что сейчас в Итане говорила детская обида. В нем проснулся обиженный ребенок, лишенный внимания родителей.

– Есть, – терпеливо ответил он, продолжая смотреть в глаза сына.

– А твоя жена тоже хочет стать с нами одной большой семьей?

Этот вопрос был явно лишним, я прикусила нижнюю губу, чувствуя, как нарастает напряжение.

– Если когда-нибудь тебе станет интересно, я расскажу тебе о моей жене. Но вчера на суде ты ее видел. Она полностью на нашей стороне и тоже будет помогать всем, чем сможет.

– А твой сын? – Итан иронично изогнул одну бровь.

– Отис? – удивился Маркус. – Он тоже ничего не знал. Не думаю, что он станет нам помогать.

Итан, как и его мать, не выдержал, мягко отпустил мою руку, коротко кивнул мне и встал из-за стола. Он молчал, и все молчали тоже. Я с замиранием сердца следила за тем, как он ходит из угла в угол, как останавливается у резного буфета вишневого дерева, расставляет руки в стороны, тяжело опираясь на его крышку, и опускает голову. Его спина была напряжена, Итан тяжело дышал. Я неуверенно поднялась и подошла к нему, положила ладонь на его ставшую каменной спину и прошептала так тихо, чтобы услышал только он:

– Я пытаюсь понять, насколько тебе тяжело, но у меня, само собой, не получается. Мне не доводилось... Я потеряла семью давным-давно. У меня, конечно, была тетя Харриет, но никто не заменит мать, ты же понимаешь. Я не говорю, что ты должен простить и все забыть в одно мгновение, это, наверное, невозможно. Но, Итан, если бы моя мама была жива...

Я проглотила подкативший к горлу ком, а Итан повернул ко мне голову. Его взгляд стал ласковым и я, прислонившись щекой к его плечу, продолжала:

– Итан, посмотри на них. Они все живы. Они рядом с тобой. Они готовы бороться за тебя до конца, невзирая на последствия. Это же удивительно! Уму непостижимо! Только представь: твоя семья готова отдать за тебя жизнь. Они не побоялись позора, публичного осуждения. На мой взгляд, это много значит. Дай им шанс, и я уверена, что они смогут еще не раз тебя удивить. Разрушить стену, которую ты выстроил изнутри, сложно. – Я приложила ладонь к его груди, прямо над сердцем. – Это означает довериться. Открыться, остаться как бы беззащитным. Но риск стоит того, милый. Только подумай – ты узнаешь и маму и отца! Вы можете начать заново. Любить и оберегать друг друга никогда не поздно. Тем более когда времени не так уж много осталось. Месяц, Итан. Это ничтожно мало, чтобы побыть рядом с близкими. Разве в таком случае обидам есть место?

Итан развернулся ко мне всем телом, заглянул в глаза и удивленно покачал головой:

– Чем я тебя заслужил?

Совершенно не стесняясь своей семьи, он притянул меня к себе и крепко обнял. Было немного неловко, что все присутствующие в столовой смотрят, но я отринула это чувство, наслаждаясь объятиями любимого.

– С чего начнем? – совершенно другим тоном спросил Итан у матери с отцом.

Лед еще не был сломан, но хотя бы слегка тронулся с места. Это не могло не радовать.

– Признаться, ума не приложу, – сказала Мариона, разводя руками. – Важной частью нашего плана было вызволение тебя из башни, а дальше... Илион сказал, что поможет, когда придет нужное время, но что нам делать до этого момента, не представляю.

– Илион? – удивился Итан. – Дух Блеклого пути? Вы говорили с ним?

Мариона бросила на меня быстрый взгляд, я вздохнула и устало потерла виски, предвкушая возмущение Итана, когда он все узнает. Однако выбора все равно не было, и мы рассказали о событиях, предшествующих судебному заседанию.

– Прежде чем ты начнешь кричать и ругать нас всех вместе взятых, – заявила я, как только Итан попытался высказаться, – я хочу сказать, что это было мое решение. Я сама согласилась и повторила бы

свои действия вновь, если бы потребовалось. Я взрослая и умею сама принимать решения.

– Это я вижу! Только решения эти одно сумасброднее другого! – не без сарказма заявил Итан. – Как ты умудрилась дожить до своих лет с таким безрассудным характером?

– Характер у нее что надо! – рассмеялся Грайс. – И отважная, и немного сумасшедшая. Тебе никогда не будет скучно, брат!

Итан бросил на младшего брата испепеляющий взгляд, но Грайс и не подумал испугаться. Он улыбнулся еще шире и подмигнул мне. В этот момент в столовую вошла еще одна девушка-эльфийка, она подошла к Марионе и шепнула ей несколько слов на ухо. Мать Итана застыла от удивления, потом ее глаза тревожно забегали, будто она судорожно пыталась найти быстрый ответ.

– Проводи ее в большую гостиную. Мы сейчас придем. Только... Ови, присмотри за ней несколько минут. Глаз не спускай!

Девушка кивнула и скрылась за дверью. Вся семья Марионы, и я вместе с ней, замерла в ожидании.

– Ребекка здесь, – ответила на наш невысказанный вопрос мать Итана. Она впиалась напряженным взглядом в глаза старшего сына, сжала кулаки. – Нам придется ее выслушать.

Я посмотрела на Итана, но, как и прежде, не увидела на его окаменевшем лице ровным счетом ничего. Когда речь заходит о Ребекке, он становится другим. Глупое сердце взволнованно дрогнуло.

– Нет смысла прятаться, дорогая, – сказал Маркус. – Если эта женщина хочет, чтобы мы ее выслушали, так тому и быть. Пора узнать, что ей нужно.

Мы все перешли в гостиную на том же этаже. Ребекка уже сидела в роскошном кресле, закинув ногу на ногу. У ее ног сидел изрядно потрепанный рувим. Не сдержав радости, я кинулась к Шусту, но Бекка дернула за тонкую цепочку, которая была привязана к запястью рувима, и он застонал. Я резко остановилась.

– Кажется, вы кое-что забыли у меня, – усмехнулась Ребекка, снова дергая за цепь.

– Прекрати! – властным тоном велела Мариона, но Бекка была не из тех, кто привык подчиняться.

– Значит, вы решили, что меня можно провести? – спросила она, наматывая цепочку на кулак. В этот момент Шуст стискивал зубы и

прикрывал глаза, справляясь с болью. – Что ж, будем считать, что у вас получилось. Но вот незадача, я оказалась единственной, кто может вам помочь.

Ребекка смотрела надменным взглядом, на лице ее застыла самодовольная ухмылка. Сейчас она явно чувствовала себя хозяйкой положения, и это пугало меня до застывшей в венах крови. В поисках поддержки я схватилась за руку Итана. Он сжал ее и подарил мне ласковый взгляд. Это не укрылось от внимательных глаз его бывшей любовницы. Лицо Ребекки исказилось от гнева, но она довольно быстро с ним справилась и снова улыбнулась.

– Я вижу, что твоя приживалка теперь не только в дом твой забралась, но и в постель. Это интересно.

– Чего ты хочешь? – холодно спросил Итан.

– Я? – наигранно оскорбилась она. – Помочь, конечно же! Как я могу бросить тебя в беде?

– Как можешь? – криво усмехнулся Итан. – Напомнить?

Тень прошла по лицу Бекки, но и в этот раз она быстро совладала с чувствами.

– Я была на суде, – резко сказала она. – Видела то безумство, что вы сотворили. Никто в здравом уме не поверит, что Алададриэн можно воскресить! Но вам повезло, мои взгляды всегда были шире. В этом я чем-то похожа на Экрена. Он тоже не довольствовался теми знаниями, что ему доверяли. Всегда искал новые пути, новые заклинания. И старых не гнушался.

– Не говори о нем, – сквозь зубы процедил Итан.

– Он был и моим другом! – выкрикнула, словно выплюнула, Бекка, стискивая кулаки до белых костяшек.

– Он умер там!

– А что я могла, Итан? Скажи мне, что я могла сделать? Чем я, смертная и слабая, могла вам обоим помочь?

В гостиной повисло молчание. Гнев витал в воздухе, искрился и давил на всех, кто наблюдал за этой сценой.

– Говори, чего хочешь, или убирайся отсюда! – рявкнул Итан. – Но сначала освободи Шуста.

– Э, нет! – рассмеялась она. – Сейчас только он стоит между нами, я не избавлюсь от щита. – Она сменила позу, наклонившись вперед и поставив локти на подлокотники кресла. – Но ты прав, пора

переходить к делу. Я уже говорила твоей приживалке, что не тратила времени зря. Все эти годы я искала, много читала, говорила с разными существами, постигала многое, что было сокрыто. И в итоге мне есть что вам предложить. У меня есть один, но очень важный кусочек мозаики, которую вам предстоит собрать.

– Ты знаешь, как воскресить Алададриэн? – недоверчиво нахмурился Маркус.

– Почти, – кивнула она. – У меня есть заклятие, которое вдохнет силы в Улиэндера, но этого недостаточно. Есть еще компонент, о нем мне ничего неизвестно. Однако половина дела – это огромный шаг, согласитесь!

– Почему ты решила, что мы сами его не найдем? – спросил Инжен. – У нас достаточно времени.

– Не будь глупцом, мальчик! – рассмеялась Бекка. – Как только я услышала, что вы хотите сделать, ушам своим не поверила. Готова была громко ликовать прямо в зале суда. У меня есть именно то, что вам нужно, и ты думаешь, что я оставлю вам хоть один вариант обойтись без меня? Это заклинание есть теперь только у меня. Я позаботилась о том, чтобы это было так. Итан достаточно хорошо меня знает, чтобы быть уверенным, что я не бросаю слов на ветер и не полагаюсь на волю случая. Я не могу позволить вам обойтись без меня, а значит, я не оставила вам других путей.

– Ты никогда ничего не делаешь без собственной выгоды, – сказал ей Итан. – Что попросишь взамен?

– Ты веришь ей? – возмутилась Иледия. – Она же лжет!

– Ты не знаешь ее так, как я, – тихо ответил Итан. – Ребекка и правда не оставляет ничего на волю случая. Искать самим теперь пустая трата времени.

– Не слишком ли быстро ты соглашаешься с ней? – воскликнула его сестра. – Ты не можешь полагаться на нее! И то, что ты, когда-то давно спал с ней, не дает тебе права...

– Иледия! – повысила голос Мариона, пытаясь остановить дочь.

– Пусть говорит, – тихо сказал Итан.

– Ты глупец, если снова повелся на ее речи! Она морочила тебе голову всегда, а ты, как ни в чем не бывало, вновь размяк рядом с ней. Неужели ее власть над тобой так сильна? Увидел и растаял?

Столько обиды и злости было в голосе Иледии! Я пораженно уставилась на нее, не представляя, чем обернутся ее слова.

– Я не размяк, – спокойно ответил Итан, шагнув к сестре. Но та отступила, демонстрируя недовольство. – Я просто очень хорошо знаю эту женщину. Когда она чего-то хочет, то к цели идет очень уверенно. Если она говорит, что уничтожила любые другие пути для нас, значит, так и есть. Поверь, дело только в этом!

Итан развернулся к Ребекке и холодно произнес:

– Говори, что тебе нужно!

– У меня всего два условия, – широко улыбаясь, заявила она, явно наслаждаясь разногласиями в семье Итана. – Если каким-то чудом вам удастся воскресить Алададриэн, вы оставите меня в покое. Мне будет позволено остаться в Дриэне, и я получу полную неприкосновенность.

– Это не в моей власти, – ответил ей Итан.

– Не прибедняйся, – усмехнулась она. – Вон у тебя какая именитая семья, они могут позаботиться об этом.

– Вы ведь не сделаете этого? – обратилась к родителям Иледия.

Ее глаза пылали праведным гневом, казалось, сестра Итана была поражена до глубины души.

– Если придется, – ответил ее отец.

– Что за второе условие? – спросила я, чтобы немного отвлечь Иледию.

– Как символично, что спросила именно ты, – расхохоталась Ребекка. – Условие как раз для тебя. Выполнишь ты, а удовольствие получу я. Тебе очень понравится.

Сердце мое дрогнуло, предчувствуя недоброе. Что-то во взгляде Бекки заставило меня сглотнуть и приготовиться к приговору. Ребекка изящно поднялась из кресла, подошла ко мне ближе, дергая цепь и мучая привязанного к ней рувима, и снова улыбнулась.

– Соскучилась по дому?

Глава 24

Тело будто в яму провалилось, душа ушла в пятки, к лицу хлынула кровь. Я невольно сделала шаг назад, но наткнулась на теплую руку Итана, которая помогла устоять на ногах. Дом... Казалось, прошла целая вечность с того дня, когда мы с Маргарет решили пойти к церкви и посмотреть на свадьбу. Я зажмурилась, пытаюсь прогнать воспоминание.

– Чего ты хочешь? – тихо, но, как мне казалось, довольно решительно спросила я.

– О! – еще шире улыбнулась Бекка. – Только самого лучшего для тебя, дорогая. Я убеждена, что ты скучала по семье, что очень хочешь увидеть их. Не родных, конечно, они умерли. Но вот тетушка наверняка обрадуется, когда увидит твое смазливое личико!

Веселые искры плясали в глазах Ребекки, а мое сердце сжималось от ужаса. Что она могла придумать?

– Ты хочешь, чтобы я вернулась к тете Харриет? – севшим от страха голосом спросила я.

– Да! – воскликнула Ребекка. – Но я хочу, чтобы твое возвращение было фееричным! Ты же достойна самого лучшего приема, верно?

– О чем ты? – шагнул к ней Итан. – Не темни уже, говори!

– Мне тут одна птичка напела, что через две недели в Грейстэлле состоится грандиозный прием, – явно очень довольная собой, прошелестела Бекка, и из-под моих ног начал уходить пол. Я пошатнулась, но Итан вновь пришел мне на помощь.

– Ты не поступишь так, – с тихой яростью в голосе проговорил он.

– Еще как поступлю, милый! – холодно усмехнулась Ребекка и повернулась ко мне. – Ты ведь сбежала из дома, верно? А почему, спрашивается? Думала, я не узнаю? А Мариона знает? Как она отнесется к этому? Что думаешь, деточка?

– Не смей! – рывкнул Итан.

– Ты не можешь закрыть мне рот, любимый, – улыбнулась Ребекка, кончиком пальца скользнув по его щеке. – Твоя семья ведь не знает, почему я называю твою подружку приживалкой? Чем она лучше меня? Я хотя бы не строила из себя святую. Любила и горела этой

любовью! Любила телом и душой. А эта девчонка снюхалась с каким-то богачом, прыгнула к нему в койку, а он женился на другой. Вот смеху-то!

И она действительно расхохоталась. Из ее уст рассказ о моей ошибке прозвучал жестоко, но каждое слово было правдой. Я сглотнула и вновь ощутила, как кровь приливает к лицу. В этот миг я не могла даже голову повернуть, опустила глаза и стиснула пальцами края юбки. Меня душил стыд.

– Что? Стыдно стало? Не любила, значит! А чего в койку-то к нему полезла?

– Довольно! – рассвирепел Итан. – Прекрати уже!

– А тебе какво? Она ведь до тебя...

Итан сделал стремительный шаг к Ребекке, стиснул пальцами ее подбородок так, что она пискнула и встала на цыпочки, чтобы облегчить давление.

– Закрой свой грязный рот, Ребекка, – прошипел он. – Что бы ни было в жизни Этель раньше, это было *до меня*. И она чище и в десятки раз лучше тебя, даже несмотря на то, что твоя любовь была взаимной! То, как ты поступаешь – это низко и мелко.

– А мне плевать, – стряхнув его руку с лица, заявила Бекка. – Она осуждала меня? Пусть и ее осудят. Пусть придет на прием, а я сделаю все, чтобы в городе узнали о ее недостойной связи. Пусть все ее увидят. Пусть шепчутся, пусть бросают косые взгляды. Но это еще не все. Она придет туда с тобой! Под руку!

Под ногами рушился мир, образовывалась пропасть, зияющая дыра, ведущая в бездну. В голове появился шум, в глазах потемнело, а в висках словно в барабаны колотили.

– Зачем? – ужаснулся Итан. – За что ты хочешь раздавить самого близкого мне человека?

– Ты действительно не понимаешь? – спросила Ребекка и капризно дернула за цепочку, обмотанную вокруг запястья Шуста. – Потому что не могу видеть ее рядом с тобой! Я все еще люблю тебя, а ты любишь меня!

– Ты ничего не знаешь о любви, – спокойно ответил Итан. – Ты капризный ребенок, привыкший получать все по первому щелчку. А я игрушка, которую у тебя отняли. Но это не любовь. Любовь исцеляет.

Она заставила меня стать лучше. Любовь залечила все мои раны. А твоя жадность уничтожает все вокруг!

– Сынок, не надо, – тихо сказала Мариона, ласково касаясь плеча сына. – Ты делаешь лишь хуже.

Я так и не смогла поднять головы, желая исчезнуть из этой комнаты, но мать Итана изменила мои желания. Она подошла ко мне и костяшкой согнутого указательного пальца подняла мой подбородок кверху.

– Не смей опускать глаза перед этой вертихвосткой! Чтобы там ни произошло в твоей жизни, мы тебя уж точно не осудим. Твоя любовь к моему сыну – самое светлое, что я когда-либо видела! Расправь плечи! – Я повиновалась, чувствуя, как в душе расцветает надежда. – Вот так, умница! Мы гнемся, но не ломаемся, Этель.

– Посмотрим, как она не сломается на приеме, – усмехнулась Ребекка. – А я не забыла сказать, кто его устраивает? Что? Забыла, да? Эх, мое упущение. Это прием в честь жены твоего любовника. Она подарит ему наследника. Вот там, на глазах у всего города, ты и появишься. И я там тоже буду, чтобы проконтролировать и слушок пустить среди гостей. А все мы знаем, как быстро распространяются такие вести. Быстрее лесного пожара.

– Ты ненормальная, – ахнула Иледия. – Разве женщина может так поступить с другой женщиной?

Ребекка подошла к девушке, окинула ее взглядом от макушки до пят, а потом холодно сказала:

– Что бы там не говорил твой брат, любовь способна на все! Он увидит свою святошу жалкой и презренной. Вот и посмотрим, столь же дорога она будет его сердцу после такого позора?

Мне казалось, что я вот-вот очнусь от этого кошмара. Что проснусь в холодном поту, но пойму, что все это нереально. Я отчаянно этого хотела, но наши желания не настолько сильны, чтобы менять ужасающую реальность.

– Этель не станет этого делать, – решительно заявил Итан. – Ни ради меня, ни ради кого бы то ни было.

– Ради себя станет, – парировала Бекка. – Ее жизнь вообще-то тоже стоит на кону, если ты не забыл.

– Мы найдем другой путь, – не сдавался Итан. – Обойдемся и без тебя!

– Валяйте, – лениво махнула она рукой. – Но я уверена, что через пару недель увижу вас на приеме. Другого выхода у вас нет. Не тратьте времени зря. Но если вам так уж хочется, вперед!

Бекка послала Итану воздушный поцелуй, подмигнула всем остальным и, дернув за цепь, потащила рувима за собой.

– Оставь Шуста, – попросил Итан. – Я обещаю, что дам тебе спокойно уйти. Оставь его здесь, Бекка. Когда-то он был и твоим другом. Он не заслужил такого обращения. Если в тебе осталось хоть что-то человеческое, оставь его.

Ребекка приподняла одну бровь, хищно ухмыльнулась и спросила:

– А на что ты готов, чтобы вернуть друга?

– Не играй, – устало вздохнул Итан. – Просто скажи, что хочешь за его жизнь.

– О, совсем немного. Всего один поцелуй. Но не целомудренный, как в церкви, в щечку. Пусть будет таким, как прежде. Настоящим.

Мое сердце дрогнуло, я резко повернулась к Итану, но он на меня не смотрел. А вот взгляд Шуста был прикован ко мне. Взглянув на него, несчастного и изможденного, я устыдилась глупой ревности, что вспыхнула в груди.

Спина Итана, стоявшего впереди меня, напряглась, руки сжались в кулаки.

– Так что? Будешь спасать друга? – тихо рассмеялась Ребекка и снова дернула за цепочку. Шуст зашипел от боли, зажмурился и замотал головой. На его запястье красовался ожог.

Я на мгновение прикрыла глаза, выдохнула, а потом подошла к Итану и положила свою ладонь ему на спину. Говорить сил не было, но он поймет меня и без слов. Я коснулась лбом его плеча, развернулась и вышла из гостиной. Смотреть на торжество Ребекки я не желала.

И минуты не прошло, как за мною следом, громко хлопнув дверью, выскочила Иледия. Она рвала и метала, казалось, из ее ноздрей вот-вот повалит пар. Глаза излучали гнев, она с такой силой сжимала челюсти, что губы белели.

– Как вы можете позволять ей все это? Как вы терпите? Как ты могла позволить ему... Фу, боже мой! Сама позволила!

Гнев и меня не обошел стороной, впервые он взял верх надо мной так стремительно.

– А что ты предлагаешь? Бросить Шуста ей? Он был со мной рядом... Он друг! Думаешь, мне легко? Думаешь, мне не хочется выцарапать ей глаза? Думаешь, я не хочу, чтобы ее черти унесли? Хочу! И даже мечтаю об этом! Но есть разница между нашими низменными желаниями и тем, что мы можем позволить себе в действительности. – Воздуха не хватало, запал ярости потух. Я обреченно опустила руки. – Я тоже человек, Иледия, и не лишена гордости. Но бывают моменты, когда нужно забыть о себе.

– Ты, девочка моя, – раздался голос Марионы за спиной, – забываешь о себе слишком часто. На мой взгляд.

Она подошла ко мне и нежно обняла. Иледия все еще кипела, сжимая кулаки и расхаживая от одной стены коридора до другой. Мариона улыбнулась и шепнула:

– Она не стала целовать Итаниэля. Сказала, что просто хотела увидеть твое лицо, а так как ты вышла, то лишила ее этого удовольствия. Ребекка уверена, что мой сын сам к ней явится рано или поздно.

– Она оставила Шуста? – с надеждой спросила я, ощущая, как счастливое сердце рвется из груди, безумно колотясь от возбуждения.

– Да, – улыбнулась Мариона, – но они хотели поговорить...

Я не дала ей договорить, прорвалась между выходящими из гостиной братьями и отцом Итана и проскользнула обратно в комнату.

Шуст сидел в кресле, вытянув перед собой израненную руку. Сейчас он выглядел еще несчастнее. Сердце мое сжалось, и я бросилась к рувиму.

– Рина! – крикнул Итан, который стоял ко мне спиной и не заметил моего появления.

Растерянная девушка-эльфийка примчалась по первому зову и, словно почувствовав ее, Итан обернулся.

– Займись его рукой.

Рина подошла к рувиму, осмотрела его ожоги, кивнула и вышла из комнаты.

– Я так рада, что вы вернулись, – с набежавшими на глаза слезами прошептала я рувиму. – Простите, что так получилось. Вы остались у нее...

– Неважно, Этель, – прохрипел Шуст. – Так должно было быть. Главное, мы получили то, что хотели. Она показала тебе Блеклый путь.

Случилось то, чего я так желал. Илион видел тебя, он наверняка согласился со мной. Ведь согласился?

Я счастливо кивнула.

– За это я еще успею с тебя спросить, – недовольно сказал ему Итан.

Я с упреком посмотрела на любимого, но заметила в его глазах тревогу и промолчала. Вскоре вернулась Рина. Она смазала раны Шуста какими-то сомнительно пахнущими мазями, перевязала запястье и дала выпить целебный отвар.

– Ему нужен отдых, – сказала Рина и, получив кивок хозяина, удалилась.

Я думала, Итан тут же отпустит рувима, но не угадала. Он впился хмурым взглядом в лицо Шуста и строго спросил:

– Ты что-нибудь выяснил?

– Ничего, – с горечью ответил рувим, когда я помогала ему осторожно откинуться на спинку кресла. Его веки тяжело опустились. – Даже имени не узнал. Он очень силен, Итан. И очень осторожен.

– Он любит ее? – все так же строго спросил Итан, и я хорошо понимала, что вопрос этот был задан не для того, чтобы узнать о личной жизни Бекки, а чтобы понять цели и мотивы того, кто ей помогал.

– По крайней мере, она так считает, – ответил Шуст.

– А она его? – последовал вопрос.

Рувим немного удивился, но потом закивал каким-то своим мыслям, будто в отличие от меня понимал, к чему клонит Итан.

– Как ни странно, думаю, да. Она тщательно прятала свои чувства от меня, и это не могло не натолкнуть на определенные мысли. Она хранит этого человека глубоко в сердце, будто прячет даже от себя. На нее это не похоже. Может, она и сама не знает, насколько он ей дорог. Я не могу утверждать. С чувствами Бекки я уже ошибался. Крупно ошибался, я боюсь опираться на догадки. Слишком дорого это может нам стоить.

– Я что-то не пойму, – тихо вмешалась я. – Она говорит о любви к Итану, буквально уничтожает всех и вся на своем пути, а на самом деле любит другого? Как такое может быть?

– Вот и я не пойму, Этель, – вздохнул рувим. – Никак не пойму. Ребекка всегда была сложной, сильной личностью. И сейчас я понимаю, что даже любя Итана – по-своему, конечно, – она словно оставалась сама по себе. В отличие от нее, ты растворяешься в своей любви, отдаешься полностью. Я не говорю, что ты теряешь себя или свою волю. Нет, ты становишься целостнее, и все лучшее в тебе делается больше и сильнее.

Я смотрела в распахнутые усталые глаза Шуста и чувствовала легкую неловкость оттого, что он так бесцеремонно раскладывает мои чувства по полочкам. Я понимала, что он ничего плохого не имеет в виду, но все же ощущала себя не очень комфортно.

– Эта разница между вами меня и покорила, – уточнил Шуст, сжимая мою руку. – Как Бекка относилась к Итану и как делаешь это ты – небо и земля. Я увидел две любви. Сильные, но разные. Я понимаю, звучит странно, но я сам смог разобраться во всем этом, лишь встретив тебя, увидев твою душу. Пока я был рядом с Ребеккой и Итаном, много лет назад, я считал любовь такой... Я видел, как Бекка сходила с ума, как Итан сгорал. Это было потрясающе! Особенно для такого, как я. Но я тоже был молод, я ошибался, принимал стекляшку за бриллиант. Я купался в чувствах Бекки и не видел сути. Они были мощными и мне этого хватало. Прости, что тебе приходится слушать это, но я хочу, чтобы ты поняла.

– Хорошо, – согласилась я. – Но сейчас что-то изменилось?

– Я не могу этого утверждать, – снова вздохнул он и растертое щетиной лицо здоровой рукой. – Но мне кажется, что человек, а точнее маг, который помогает Бекке, очень дорог ей и она сама не понимает насколько. С тобой, Итан, – рувим поднял на него глаза, – это привычная игра, в которой она пойдет до конца. Все еще веря в мощь собственных чувств. Наверное, я вас запутал, но так я сейчас ощущаю эмоции Ребекки.

Итан хмурился и молчал, размышляя над словами рувима, я тоже не проронила ни слова, давая ему возможность осмыслить услышанное.

– Как нам вычислить его? – задумчиво и тихо проговорил Итан. – На Бекке нет и следа его магии. Я ровным счетом ничего не почувствовал.

– Сколько в Дриэне настолько сильных магов? – спросила я. – Так ли уж много? Нельзя как-то его найти? Возможно, он молод, хотя и не обязательно. Главное в нем – сила. Вот что первое привлекает Бекку. А еще у него должна быть какая-то трагическая история. Вы говорили мне об этом, Шуст, помните? Она любит несчастных, эмоционально раненых. Тех, кем несложно управлять. Кого можно обогреть, легко соблазнить.

Итан все так же ходил по комнате, слушал меня и стучал пальцами по губам. Он был сосредоточенным, глаза бегали, будто в поисках чего-то.

– Нет, Этель, – сказал он, поднимая на меня взгляд. – Этот маг должен быть молод, хотя бы внешне. Она любит привлекательных мужчин. Я не о тех, кто волочится за ней, таких, как Баклус, а о тех, кого она может пустить в постель.

– Дай мне несколько часов, Итан, – заявил Шуст, выпрямляясь. – Я отдохну и займусь его поисками. След магии я не способен увидеть, а вот эмоциональный отблеск мне по силам. Я попробую найти мага своими методами. Это будет не быстро, но, в сущности, разве у нас есть выбор?

Итан благодарно взглянул на него, опустил перед старым другом на корточки и хотел что-то сказать, но рувим его опередил:

– Мы вместе все это сотворили, вместе и исправим. Как сказала твоя чудесная нянька, я хочу снова увидеть рассвет над Аунедисом. После этого и умереть не страшно.

– Выспись хорошенько, мой друг, а потом будем искать мага, – улыбнулся Итан. – Рина позаботится о тебе. Ступай.

Я помогла Шусту подняться и проводила его до двери, за которой уже ждала внимательная Рина. Проводив их взглядом, я вернулась в гостиную. Итан стоял лицом к окну и смотрел в сад. Я подошла к нему и прижалась щекой к его спине, обхватив любимого руками. Он повернул ко мне голову.

– Я не позволю тебе пройти через это.

Я понимала, о чем он говорит, но также понимала, что пытка Ребекки неизбежна.

– Знаю, что ты сделаешь все для этого, – сказала я. – Но, Итан, нам нужно быть готовыми к тому, что другого пути нет. У меня лишь

один вопрос. Как думаешь, у нее действительно есть то, что нам нужно? Она не играет с нами?

Итан вздохнул и накрыл мои руки своими.

– Нет. Она не играет. В этом я уверен. Ребекка не обманет. Если мы выполним условие, она даст то, что обещала. Но я буду искать сам. Сейчас совет не откажет мне. Все силы Дриэна будут со мной. Они будут обязаны предоставить мне все ресурсы для выполнения обязательств. Это их долг.

– Итан... – начала я.

– Я знаю, что ты хочешь сказать, – сердито сказал он и повернулся ко мне. – Ты хочешь рассмотреть вариант выполнения ее условия. Мы не пойдем на этот прием!

– Не кипятись, – ласково попросила я, касаясь ладонью его щеки. Мне так нравилось, что я могу быть рядом, что могу чувствовать его тепло, когда только пожелаю. Сердце заходило восторгом от того, что Итан со мной. И я никак не могла насытиться. – Пожалуйста, давай будем готовы к любому повороту событий. На кону стоит слишком многое. Столько жизней, Итан. Представь, каково будет обоим мирам! Они вновь станут единым целым, как и задумывалось. Серость одиночества и ощущение неполноценности уйдут из обоих миров. Все станут счастливее! Только представь!

– Ты не помогаешь, Этель, – слабо улыбнулся Итан.

– А еще представь, как сильно я хочу увидеть Алададриэн! – озорно улыбнулась я в ответ. – Если ты боишься, что я не выдержу возвращения домой, то не беспокойся. Я же буду не одна, ты будешь рядом. Я смогу. Мне достаточно будет помнить о нашей цели, и я справлюсь с чем угодно. Верь мне, верь в меня, Итан!

– Я верю в тебя, Этель! Просто... – Он в сердцах опустил голову и нервно прошелся рукой по волосам. – Ты столько уже пережила...

– Вот именно, Итан! – воскликнула я. – Я столько уже пережила, смогу и через это пройти!

Конечно, я понимала, что задача не из легких. Даже представить трудно, каково будет тетушке Харриет, которую не минуют слухи. Боль и стыд, ужасные испытания, которые ей предстояли, разрывали мне сердце. Но говорить о своих страданиях не стала, зная, что еще больше расстрою Итана.

– Давай вернемся в Аладу, поговорим с Сиенной. Тебе нужно будет появиться в Грейстэле, возможно, нанести пару визитов. Ты в последнее время жил как отшельник. Пусть слуги появятся в городе, пусть о тебе вновь заговорят. По меркам Алады ты богат, к тому же загадочен. Они пригласят тебя на прием. Зная Роберта...

Я осеклась, но Итан лишь глазами сверкнул.

– Он не лишен тщеславия, а Грейстэл захочет посмотреть на тебя. Твое появление может стать более интересным событием, чем интересное положение хозяйки дома.

– Это меня и злит, – вздохнул Итан. – Я сам по себе привлеку ненужное внимание. Это усугубит твоё двусмысленное положение. Нас будут обсуждать слишком рьяно.

– Разве не это нужно Бекке? Она получит то, чего хотела. Мы все получим то, чего хотели.

Итан с чувством обнял меня.

– Но не такой ценой.

– Какая разница, какой будет цена за спасение целого мира? – лукаво улыбнулась я, желая, чтобы он хоть немного расслабился.

– А если мы его так и не спасем? Если все будет напрасно? – прижимая меня еще крепче, спросил Итан.

– Поверь мне, – тихо рассмеялась я, – нам с тобой будет уже все равно. Мы будем мертвы.

– Ты считаешь, что это смешно? – искренне удивился он, отстраняясь от меня.

– Может, и не смешно, Итан, – сказала я. – Но и убиваться в свои последние дни я не намерена. Да, ничего радужного ближайшие недели нам не обещают. Но мы вместе. По крайней мере, нас не разлучили.

Больше мы не разговаривали об этом. В тот же день в дом Марионы прибыли Тэлмер и Сильвия. Сначала маг возмущался нашему безрассудству, а потом обещал помочь всем, чем только сможет. Итан настоял, чтобы мы все равно сами занялись поисками нужного заклинания, но я видела, что он не верит в то, что Бекка оставила нам этот шанс. Я понимала, что ему необходимо было что-то делать, он не мог просто сидеть на месте. Мы по-прежнему жили в доме Марионы, как и было велено, и я наблюдала за тем, как Итан знакомится с братьями и сестрой. Иледия все еще хмурилась и вела

себя с братом сдержанно, но я не могла не заметить, что она ловит каждое его слово, что тянется к нему, сама того не замечая. Инжен задавал множество вопросов, а Итан терпеливо на них отвечал. Он присматривался к семье и заметно привыкал к своим родным. Больше всего меня радовало, что мой любимый все чаще улыбался. Иногда одними глазами, но в этот момент я чувствовала себя счастливой. Грайс своими выходками и шутками нередко разряжал обстановку и это помогало всем расслабиться.

Спустя пару дней после появления Бекки я уговорила Итана отправиться в Аладу. Тэлмер согласовал это с советом, маги вынуждены были уступить. Ужасно взволнованная Сиенна долго обнимала своего мальчика, а потом со страхом в глазах выслушала его. Она с достоинством приняла новости, но я знала, что стоит ей остаться одной, и слезы найдут выход.

Весь дом разом переполошился, девочки мыли, чистили, драили комнаты. Итан велел всем домашним оживиться и взбодриться. Сиенна выходила на рынок вместе с Бэтани, чем вызывала лютейший интерес у слуг других богатых домов. Бэтани везде щебетала о том, что мистер Холл вернулся из дальней поездки, что он снова будет участвовать в жизни города. И вот, усилиями Сиенны и ее подопечных, приглашение на прием не заставило себя ждать.

Я смотрела на картонную карточку с вензелями и чувствовала, как земля вновь уходит из-под ног.

Изыскания Маркуса и Марионы ни к чему не приводили. Они все больше печалились, и их настроение неизбежно передавалось нам. Мы с Итаном путешествовали из мира в мир, потому как он должен был оставаться под относительным присмотром. В Аладу с нами приходил Тэлмер, а в Дриэне надзор осуществлял Брион. Вот чье лицо было неприятно видеть. И это еще мягко сказано.

Итан тоже искал, ворошил архивы, общался с самыми древними магами, но встречал на пути лишь намеки на спасение. След постоянно ускользал. А между тем день приема неумолимо приближался. Втайне от Итана, чтобы лишней раз не расстраивать его, Мариона занялась моим нарядом. Обсуждая его, мы обходили болезненную тему. Платье для меня ничего не значило, но и явиться на прием в дом богатейшей семьи Грейстэла в чем попало я не могла. Мне следовало соответствовать статусу Итана. Мариона окружала

меня материнской заботой, щепетильно обходя неприятную тему встречи с тетей. Она понимала мою боль, я видела это в ее сочувственном взгляде, ощущала в нежных и заботливых прикосновениях. Но никто из нас не мог ничего изменить.

Находясь в Аладе, я по-прежнему не могла выйти в город. Стоило в сумерках подойти к забору, как ноги прирастали к земле и меня одолевала внутренняя дрожь. Сколько месяцев прошло с тех пор, как Сиенна привела меня сюда? Будто целая жизнь прошла. Грейстэл стал чужим. Я спрятала свою боль глубоко внутри и очень боялась, что, вернувшись в город, я позволю этой боли обрушиться на меня.

Однажды в Аладе, после некоторого отсутствия дома, Итан взял меня за руку и повел в любимую комнату Сиенны. Он остановился у двери и сказал, что привел ко мне человека, с которым я хотела бы разделить свои чувства. Итан дал мне полную свободу, сказав, что я вольна рассказывать этому человеку все, что пожелаю. Абсолютно все. Когда он открывал передо мной двери, я затаила дыхание. Увидев заплаканное, но улыбающееся лицо Маргарет, я тоже разрыдалась и бросилась в ее объятия. Этот подарок стал самым ценным для меня.

И я рассказала подруге все, совершенно ничего не утаив. Маргарет была в ужасе, и сначала мне показалось, что она приняла меня за сумасшедшую. Но подруга все же поверила мне, а потом сказала, что на приеме у Роберта и его жены она обязательно поддержит меня, как только сможет. Я же, в свою очередь, сказала, что ей не стоит приближаться ко мне, чтобы не испортить свое будущее, а того, что она выслушала меня и мысленно останется на моей стороне, мне будет достаточно. Эта мысль согреет меня и придаст силы.

Итан увез Маргарет уже ближе к вечеру, а я продолжала снова и снова благодарить его за такой чудесный сюрприз. В тот день я поняла, что он потерял даже призрачную надежду на то, что нужное нам заклинание найдется.

Глава 25

– Я так надеялся, что тебе не придется через это проходить, – сказал мне Итан, когда мы готовились покинуть его дом в Аладе и посетить прием, организованный Робертом Бенсоном и его женой. – Я подвел тебя, Этель.

Боль в глазах любимого разрывала мне сердце. Я подобрала подол длинного платья и шагнула к нему ближе. Коснулась ладонью гладкой щеки и улыбнулась.

– Мы оба знаем, что иного пути нет, но я очень благодарна тебе за попытку оградить меня от позора. Твои старания очень много для меня значат, мысли об этом и твое присутствие рядом, твоя рука, глаза, твоя улыбка, – все это поможет мне выстоять. Это всего лишь один вечер. Он пройдет и завтра наступит новый день. Слухи утихнут, сплетни забудутся.

Скрывать свой страх было очень трудно, мне не хотелось расстраивать Итана еще больше. Внутри у меня все дрожало и стонало. Время от времени, при мысли о предстоящем испытании, бросало в холод, а потом в жар. А еще, помимо самого приема, я постоянно думала о том, смогу ли выйти за ворота. За все долгие месяцы сделать это мне не удавалось ни разу.

Итан слабо улыбнулся в ответ на мои слова, вздохнул, а потом улыбнулся шире.

– Я настоящий кретин, который так и не сказал тебе, как потрясающе ты выглядишь!

Я смущенно улыбнулась и посмотрела на свое платье. Струящееся и переливающееся полудрагоценными камнями, нашитыми вдоль юбки, с красивым, расшитым вручную лифом насыщенного бордового цвета. Легкие, едва ощутимые кружевные рукава. Платье было двухслойным. Нижний слой – бордовый, верхний – из черного прозрачного шифона, спускающегося с плеч, стянутого на талии, а потом расходящегося к подолу и создающего чудесный нежный шлейф. Мои волосы собрала сама Мариона в красивую прическу, уложенную волнами и заколотую на затылке элегантной заколкой с рубинами. Бордовые перчатки, достигающие до локтей, и изумительная

диадема дополняли ансамбль. Такой женственной я еще никогда себя не видела.

– Спасибо, Итан, – счастливо улыбнулась я, позволяя себе хоть на миг забыть о предстоящем крахе моей былой жизни. – Я старалась соответствовать тебе.

Итан тоже выглядел поразительно: идеально сидящий элегантный костюм-тройка, галстук с жемчужной булавкой, белая сорочка и неизменный цилиндр, от которого он не желал отказываться.

– Ты даже не представляешь, насколько прекрасна! – восхитился Итан. – И не только внешней красотой. Твое сердце и душа делают тебя такой неповторимой! И сегодня, глядя на тебя, ни один человек не посмеет запятнать чистоту, которую ты излучаешь.

Я смело шагнула к нему еще ближе и поцеловала, впервые не заботясь о том, увидит ли нас кто-нибудь. Итан осторожно прижал меня к себе, давая возможность набраться такой нужной мне сейчас храбрости.

– Пора, милая, – тихо сказал он мне в макушку.

Мы специально попросили нас не провожать. Я бы не выдержала взглядов своей новой семьи. Нервы расшатались бы еще сильнее, а мне нужна сила. Я знала, что каждый из них переживает за меня. Знала, что каждый готов был с легкостью занять мое место, если бы была такая возможность. Эта мысль согревала душу. Близкие поняли меня, в последние сутки появляясь лишь по необходимости. Даже Итан ночью куда-то запропастился, оставив меня одну. Я не сердилась, понимая, что и ему нелегко.

Незадолго до отправления Маркус позвал к себе сына, и они несколько минут о чем-то говорили. Из комнаты Итан вышел задумчивым. Это насторожило меня, но задавать вопросов я не стала. Мало ли о чем могут беседовать отец и сын. Если Итан пожелает, он сам мне расскажет.

Элегантный экипаж ждал нас у крыльца. Им управлял мистер Батлер, муж Сиенны, который вызвался сопровождать нас в этой поездке. Этот человек, или правильнее было бы сказать эльф, был очень тихим и незаметным. Он редко выходил из крыла дома, предназначенного для слуг, и не появлялся на глаза без надобности. Но Итан знал, что Альберт Батлер его верный помощник, готовый выполнить любое поручение. Вот и сейчас мистер Батлер хмурился и

отводил в сторону глаза, пытаясь спрятать от нас свои истинные чувства. Сиенна не раз говорила, что ее муж очень переживает за Итана, но тревогу свою тщательно прячет, ибо хозяину и своих волнений хватает.

Итан благодарно похлопал мистера Батлера по плечу и помог мне устроиться в экипаже. Я нервно проговорила:

– Есть еще одна проблема, ты же знаешь, да?

– Твое нежелание покидать пределы моего дома? – спросил Итан, приподнимая брови.

– Это не нежелание... это неспособность, – поправила я его.

– погоди, Альберт, – крикнул Итан мистеру Батлеру, чтобы тот не трогался с места. Любимый взял меня за руки и горько усмехнулся. – Ты отважилась на то, чтобы растоптать свою репутацию на глазах у всего города, но не можешь справиться с одним шагом за ворота?

– Перешагнув порог твоего дома, я оставила прежнюю жизнь позади. Даже не сразу поняла это. Здесь я как в коконе, понимаешь? Твой дом оберегал меня от внешнего мира все эти месяцы. Я открыла для себя новый мир, Итан, старый теперь мне чужд. Я не знаю, как сделать этот шаг и снова начать дышать воздухом Алады.

– Этот шаг должен быть осознанным, милая. Ты должна понять, что мир на самом деле один и ты принадлежишь ему. Я тоже долго прятался от того, что натворил. Ты помогла мне принять мои ошибки, принять самого себя. Теперь твоя очередь смириться. Это всего лишь один шаг. Один из многих.

– Вернуться на улицы города, по которым я безмятежно гуляла, где была счастлива... Здесь осталась моя юность, моя беззаботность. Это шаг в болезненное прошлое. Я не знаю, как объяснить...

– Ты ошибаешься, – сказал Итан, выходя из экипажа и протягивая мне руку. Я не сразу, но взяла ее, не решаясь довериться. Теплая рука любимого сжала мои пальцы, и он повел меня к воротам. Сердце дрожало и трепыхалось от страха. – Этот шаг не в прошлое, Этель. Этот шаг в будущее. Лишь не оглядываясь назад, ты сможешь идти дальше. Эта дорога, – сказал он, широким жестом указывая на мостовую, – привела тебя ко мне. И пусть путь в мой дом был залит слезами и наполнен отчаянием, мы встретились и стали друг для друга светом. Покончи с этим. Ты не можешь прятаться здесь. Тебе придется встретиться с тетей. Да, я не так себе это представлял, и ты наверняка

тоже. Но рано или поздно нужно сделать этот шаг. Ты не успокоилась бы, не увидев родных тебе людей. Даже если сейчас тебя не поймут, причинят боль, эта встреча необходима. Они твоя семья.

– Ты моя семья, – прошептала я. – И ты прав, не так я хотела увидаться с тетушкой Харриет. Я тоже понимала, что рано или поздно нам придется поговорить, вот только трусила и откладывала на потом. Сейчас наша встреча лишь усугубит мое положение. Ребекка сделала все, чтобы тетушка никогда меня не простила.

– Все в твоих руках, Этель, – ласково сказал Итан. – Доверься мне.

Он сделал шаг за ворота, но меня за собой не повел. Просто ждал, пока я решусь. У меня сердце сжалось от ужаса. Этот шаг вернет меня в Грейстэл. Да, мысленно я много раз возвращалась на его улицы, но сделать это по-настоящему оказалось очень трудно. Втайне я надеялась, что Итан вновь перенесет меня куда нужно, как это было с походом к Маргарет. Глупость, конечно, мы же не могли явиться на прием пешком или взяться из ниоткуда. Но я все равно мечтала об этом.

– Ты столько всего пережила за эти месяцы, Этель, – вновь мягко улыбнулся Итан, – неужели у тебя не хватит сил всего на один шаг? Он символичен, я понимаю, но хватит прятаться. Знаю, появишься мы там по волшебству, ты смогла бы обмануть себя, веря в нереальность происходящего. Ты воспринимала бы это как сон, как колдовство, да как угодно твоей фантазии, но это не выход, родная. Это твоя жизнь и она реальна. Сейчас тебе придется проехать знакомыми улицами, увидеть знакомые дома, а потом и лица. Ты вернешься в свою жизнь. Она изменилась, но она твоя. Дриэн, да и я тоже, мы не иная реальность, в которой можно скрыться, мы – часть того же мира.

Как странно, я это и сама понимала. Итан был прав. Если бы он воспользовался волшебством, я бы не прошла обычный человеческий путь истинного возвращения в Грейстэл. Я бы восприняла прием как часть колдовства, как страшный сон, как препятствие, которое останется позади, стоит Итану взмахнуть рукой. Но оба мира были единым целым, ускользнуть из одного в другой не выход, а значит, пора повзрослеть и отвечать за свои поступки. Как легко было помогать Итану и как сложно столкнуться с этим самой!

Я кивнула и, подобрав юбку, сделала тот самый единственный шаг. Я вздохнула – и вдруг из груди ушла тяжесть, словно что-то все это время сдавливало ее, мешая дышать полной грудью.

– А теперь, – улыбнулся Итан, жестом подзывая мистера Батлера, – нам пора, иначе мы непозволительно опоздаем.

– Ты – самый важный гость сегодня, – пошутила я, – тебе простят любую выходку. Даже если ты решишь войти в зал на руках.

– Думаешь? – усмехнулся он. – А знаешь, я это умею.

Итан подмигнул, и мы снова устроились в экипаже. Первую минуту я не могла оторвать глаз от своих перчаток, не желая смотреть на улицы, которые когда-то так любила. Итан не пытался меня отвлечь от тяжелых мыслей, но я чувствовала его поддержку. Но потом я не выдержала и взглянула в окно. Непрошенный восторг растревожил душу, я заулыбалась, глядя на город, по которому так скучала. Тоска сдавила грудь – как же мне не хватало родных мест! За окном мелькали до боли знакомые дома, сердце взволнованно трепыхалось, то ускоряя ритм, то тревожно замирая.

Все вроде было по-прежнему, но изменилось безвозвратно. Подумав об этом, я перестала улыбаться. Изменилась я. Я вернулась в Грейстэл уже совсем другим человеком. Бросила взгляд на Итана, который стал моей жизнью, но не лишил меня самой себя. Просто принял такой, какая есть.

– Я люблю тебя, – сказала, чувствуя, как во мне расцветает что-то нежное и необъятное.

Итан резко поднял голову, его глаза вспыхнули удивлением, а растерянный вид заставил меня улыбнуться. Если он и хотел что-то ответить, то не успел. Карета остановилась, мистер Батлер открыл дверцу и опустил лесенку, чтобы мы могли спуститься.

Все еще задумчиво-ошеломленный, Итан подал мне руку, а я продолжала ласково улыбаться, наблюдая, как мой любимый мужчина сражается с нечаянным счастьем и пытается быть серьезным в непростой для меня ситуации. Вокруг нас было довольно много людей, стекающихся к широкой парадной лестнице особняка Роберта и его жены. Я накинула капюшон шелкового плаща на голову и последовала за Итаном, а мои собственные слова, а также реакция любимого на них помогли отвлечься от тревог. Я многое бы отдала, чтобы повернуть

время вспять и снова увидеть глаза Итана. Мне не нужен был его ответ, чтобы понять, что он полностью разделял мои чувства.

Лишь у самого входа, медленно продвигаясь по лестнице, Итан незаметно прижал меня к себе и коснулся губами виска. Теплая дрожь пробежала по телу, я вновь улыбнулась и, сделав дрожащий вздох, вошла в новый дом моего бывшего возлюбленного.

О богатстве здесь говорило все: мебель, роскошные люстры из хрусталя, картины, мраморные лестницы, сверкающие витрины. Вместо того чтобы взять Итана под руку, как полагается, я схватилась за его ладонь, крепко сжимая пальцы. У следующих дверей стояли лакеи, готовые принять у гостей плащи, трости, головные уборы и прочие мелочи, которые на приемах только мешают. Именно там я должна была явить всем присутствующим свое лицо.

– Ты справишься, милая, – сказал Итан, разворачивая меня к себе. – Поверь, все не так страшно, как рисует твое богатое воображение.

В этот момент мне почудилось, что он знает гораздо больше, чем говорит. Загадочное выражение его лица только усилило мое волнение, но размышлять над догадками не было возможности. Подошла наша очередь, и Итан помог мне избавиться от плаща. Равнодушный лакей принял мою одежду и распахнул перед нами двери в большой зал, где собрались гости. Невольно я стиснула пальцы Итана сильнее, чувствуя, как подгибаются колени. Еще миг и я готова была бежать обратно сломя голову.

– Я думаю, когда все это кончится, нам стоило бы пожениться, – вдруг прошептал Итан в тот момент, когда я делала первый несмелый шаг к пропасти.

Как только меня заметили, в бездну я не провалилась, как того опасалась. Туда ухнуло мое сердце. В этот миг я видела лишь Итана, только его светящиеся озорством глаза имели для меня значение. Я смотрела на него и не могла вымолвить ни слова.

– А что тебя удивляет? – усмехнулся он, пожимая плечами. – Ты любишь меня, я люблю тебя. Итог очевиден, разве нет? Станем мужем и женой, нарожаем детей. Ты будешь прекрасной мамой, я... необычным отцом. Как думаешь, наши дети с нами не соскучатся?

Итан все это говорил, пока мы продвигались к хозяевам дома, приветствовавшим гостей. Его веселый голос и насмешливое

выражение лица не позволяли мне замечать что-либо другое вокруг. Пожениться? Он серьезно? Мы стоим в метре от гибели... Но как бы не сопротивлялся разум – сердце пылало любовью и надеждой. Я почувствовала, что глупо улыбаюсь, представляя, как возьму на руки ребенка, отцом которого будет Итан. И так эта картинка мне понравилась, что слезы счастья выступили на глазах. Я даже не поняла, как мы оказались лицом к лицу с четой Бенсон.

– Добро пожаловать, – донесся до меня знакомый голос. Я подняла глаза и увидела, что Роберт протягивает руку Итану. На меня он не смотрел. Красивый, статный, с виду благородный потомок своего знатного рода. А рядом такая же знатная жена, сложившая руки на еще не показавшемся животике. В эту секунду мне пришла в голову мысль, как же эти двое подходят друг другу. И ничего в моей душе не шевельнулось, кроме отвращения и горького сожаления о том, что из-за этого человека я наделала глупостей. Но сейчас я думала уже не о себе, ведь для меня все сложилось как нельзя лучше. Я волновалась о тетушке. Вот кто не заслужил такого позора.

– Поверьте, мы очень рады приветствовать вас в своем доме, мистер Холл. Счастлив, что вы нашли время и присоединились к нам.

– Благодарю за приглашение, мистер Бенсон, – сухо ответил Итан. – Позвольте представить вам мою спутницу, прекраснейшую из женщин и мою будущую жену, мисс Этель Янг.

И снова его слова заставили меня глупо улыбаться во весь рот. Возможно, это было не очень красиво, так сиять на чужом приеме, но учитывая, что нас ожидало в дальнейшем, мне стало абсолютно все равно.

Глаза Роберта обратились ко мне, и в этот момент полное счастье поглотило меня полностью. Боль, которой я так боялась, даже головы не подняла. Я улыбнулась Роберту еще шире, хотя думала, что это уже невозможно, и протянула руку для поцелуя. Роберт замер, взгляд стал испуганным, с лица сошли все краски. Пауза затягивалась. Я бросила взгляд на Итана; его ледяной взгляд, полный презрения, впивался в Роберта. В зале повисла гробовая тишина, а потом побежали шепотки. Слова Итана о том, кто я, передавались из уст в уста. Ситуация складывалась непростая. Многие гости еще помнили нашу с Робертом историю. И теперь наблюдать за двумя мужчинами, стоящими друг против друга, было весьма захватывающим зрелищем.

– Дорогой, – шепотом окликнула мужа Лилиана, – приветствуй же нашу гостью, ты ведешь себя неучтиво.

Она натянуто улыбнулась, не понимая, что вдруг случилось с ее мужем. Роберт, будто очнувшись, взял мою руку в свои ледяные пальцы и вскользь коснулся их сухими губами. Правила приличия были соблюдены. Итан сдержанно кивнул и мягко потянул меня за собой к балкону.

Мое сердце колотилось как безумное, руки слегка дрожали.

– Ты нарочно это сделал? – спросила я Итана, стараясь не замечать косых взглядов гостей. Я вообще пыталась не смотреть на людей, не желала видеть знакомых, воспринимая всех окружающих просто как толпу. Может, не очень красиво и не все этого заслуживали, но так было значительно легче.

– Сделал – что? – все еще не смягчившись после встречи с Робертом, переспросил Итан.

– Ты нарочно говорил о свадьбе, о детях, чтобы отвлечь меня? – догадалась я, с тревогой глядя в его лицо и чувствуя, как восторг растворяется.

В тот же миг лицо Итана изменилось. В глазах вновь поселилось тепло, губы расплылись в нежной улыбке.

– Да, родная моя, – согласился он. – Я сказал это нарочно, чтобы ты не думала о дурном, чтобы тебе не было так больно. Но не смей даже допускать мысли, что в тот момент я играл твоими чувствами! Все, что я сказал, истинная правда. Это мои желания, это мои мечты. Ты напомнила мне, что значит мечтать, Этель. Согласен, время не совсем подходящее, но я подумал, что, быть может, мои слова будут важнее, чем боль, которую принесет тебе этот вечер.

Передать словами то, что творилось у меня на душе, было просто невозможно. Я мечтала прильнуть к груди Итана и раствориться в этом чудесном мгновении. Но он невольно разрушил очарование момента.

– А вот и Бекка.

Я вздрогнула и ощутила, как похолодели пальцы. Тело задрожало. Ну вот и все, скоро начнется. Ребекка подошла к Бенсонам, широко улыбнулась все еще потерянному Роберту, рассыпалась в комплиментах его жене, а потом смешалась с толпой. Мне отчаянно хотелось отыскать взглядом тетушку, но в то же время так же сильно не хотелось. Я не видела ее уже несколько месяцев, и сердце мое ныло

от разлуки с родным человеком. Но я, как нашкодивший ребенок, боялась этой встречи.

– Ты... ты видел ее? – срывающимся голосом спросила я.

– Кого? Бекку? – не понял Итан, но стоило ему посмотреть на меня, как он тут же догадался. – Да, твоя тетя стоит вон там, у стены слева. Не сводит с тебя глаз.

Я зажмурилась и захотела спрятаться на груди Итана, но сделала усилие над собой, сглотнула комок в горле и посмотрела туда, куда указал любимый. Тетушка Харриет изменилась. Она похудела, немного осунулась и взгляд ее был грустным. Грустным! Она смотрела на меня с застывшей на губах печальной улыбкой. От неожиданности я утратила дар речи. Глядя на тетюшку, мне казалось, что она хочет подойти ко мне и даже обнять. Глупость какая... Но я ясно видела, что в ее глазах не было осуждения.

Я схватила руку Итана и непроизвольно дернулась вперед, чтобы подойти к родственнице, но любимый меня удержал.

– Не торопись, – прошептал он. – Время придет.

И снова у меня появилось устойчивое ощущение, что Итан что-то скрывает. Я послушно кивнула, продолжая смотреть на тетю Харриет. Она же вдруг ласково кивнула мне, а потом повернулась к подошедшей миссис Уилкинс.

А дальше вечер пошел своим чередом. Я видела в глазах гостей вопрос, но они не осмеливались задавать его мне, поскольку Итан все время был рядом и как неприступная стена ограждал меня от докучливых горожан. Люди постоянно подходили к нему, знакомились, представлялись, желая наладить выгодные связи. По их меркам Итан – полезное знакомство.

Когда-то давно я невзначай спросила у Сиенны, на какие средства живет мистер Холл. Экономка сказала, что Итан, появившись в Грейстэле, сначала совсем ничего не хотел, но позже обитатели дома убедили его, что жизнь еще не кончена, что нужно как-то существовать. Тогда загадочный мистер Холл приобрел какие-то предприятия, нанял управляющих, появился доход. Однако если сейчас спросить у него, каков этот самый доход, Итан вряд ли сможет ответить, он никогда не интересовался. Просто знал, что может себе позволить практически все. Конечно, приходилось исчезать на некоторое время, менять имена, порою даже внешность, чтобы у

соседей не закрались подозрения о его бессмертии. Только несколько лет назад Итан выбрал собственное имя и внешность, устав от игр с жителями города. Сильные мира сего, проживающие в Грейстэлле, были хорошо осведомлены о делах своего земляка. Благодаря этому они пытались назначить встречу, обговорить возможное сотрудничество, на что Итан неизменно отвечал, что в ближайшее время он ужасно занят, но вот позже сможет рассмотреть их предложения. Он давал им надежду и поэтому горожане отнеслись к нему более чем благосклонно, а вот на меня смотрели со странной смесью удивления и негодования.

Я видела Маргарет, которую крепко держала за руку ее мать. Девушка порывалась подойти, но я отрицательно покачала головой, давая понять, что не стоит этого делать. Я знала, что она меня любит, что она переживает за меня, и этого было вполне достаточно.

– Роскошное платье, – услышала я голос за спиной, стоило Итану отойти за напитками.

Я обернулась и увидела Ребекку, по-дружески державшую под руку Лилиану Бенсон. Сердце дрогнуло. Что задумала эта мерзавка?

– Благодарю вас, – выговорила я, изо всех сил делая вид, что действительно благодарна. – Ваше тоже очень красивое.

Ребекка на самом деле выглядела прекрасно, но дело было не только в наряде. Она будто сияла изнутри. Казалось, она находилась в предвкушении чего-то восхитительного. Когда мысль о том, чего же она так ждала, пришла в мою голову, меня замутило. Эта женщина ждала моего краха. Но что ей это даст? Итана это лишь отвратит от нее. Возможно, ее извращенный мозг не способен был это понять. Она считала, что, увидев меня униженной, Итан устыдится своего выбора и заметит ее величие? В груди все похолодело, я невольно взялась за отворот декольте. Камни врезались в ладонь. Я сжала пальцы сильнее.

– Вам нехорошо? – участливо поинтересовалась Лилиана.

– Нет, благодарю, – ответила я, опуская руку. – Немного душно, но это не страшно. Хотела поблагодарить вас за чудесный вечер и поздравить с предстоящим пополнением в семье.

Лилиана слегка улыбнулась и кивнула. Она, сама того не замечая, приложила руки к животу и взгляд ее стал задумчивым. В этот миг мне в голову пришла мысль: «А счастлива ли она в этом браке? А Роберт?»

Пробежалась глазами по залу и наткнулась на взгляд мужа Лилианы. Он смотрел в упор, пристально, недобро. Я быстро отвернулась. Что-то тревожное, но не имеющее отношения к проделкам Ребекки, шевельнулось в груди.

– Я, пожалуй, выйду на террасу, – сказала я своим собеседницам. – Подышу свежим воздухом.

– Не задерживайтесь, – ехидно улыбнулась Бекка. – Мистер Бенсон хотел пригласить вас на танец. Наша дорогая Лилиана бережет себя по известным причинам и любезно предложила своему супругу танцевать с другими партнершами. Я слышала, что вы с мистером Бенсоном давние знакомые, думаю, вам есть о чем перекинуться парой слов.

Лилиана бросила вопросительный взгляд на свою спутницу, а я неопределенно кивнула головой и поспешила на террасу. Воздуха действительно не хватало. Когда Бекка успела так близко познакомиться с моим бывшим любовником и его женой? Голова пошла кругом. Чего она ждала? Почему не привела в действие свои угрозы?

Оказавшись снаружи, я миновала несколько пар, решивших тоже проветриться, и спустилась по лестнице в сад. Ох, если бы я могла упорхнуть отсюда, словно птичка! Если бы можно было отключить все чувства, не дрожать, не стыдиться, не замирать от ужаса!

– Вот ты где, – раздался голос Роберта за спиной. – Я искал тебя.

– Зачем? – не поворачиваясь к нему, устало спросила я.

– Нам нужно поговорить, – ответил он, делая несколько шагов и останавливаясь передо мной. – Зачем ты здесь? Какова твоя цель? Ты хочешь разрушить мой брак? Так вот, знай, у тебя ничего не выйдет!

От неожиданности я даже растерялась. Глупая! Думала, он будет извиняться за свой поступок. Я из-за него покинула дом, отказалась от своей жизни, от близких. А потом мне стало смешно, действительно смешно. И жаль его.

– Разрушить что, Роберт? Брак? Наверное, ты хотел сказать – союз? Это все не более чем сделка...

Не дав мне договорить, он схватил меня за плечи и сильно сдавил.

– Чем бы это ни было, я не дам тебе испортить мою жизнь! Лилиана ничего не знает о тебе и не должна узнать!

Я вновь рассмеялась, негромко, но искренне. Он даже не подозревал, чем обернется этот вечер. И сейчас, глядя в его глаза, я впервые осознала, что последствия неприятными будут не только для меня.

– Ты сошла с ума? – скривился он, встряхивая меня и делая больно. Но я даже не заметила, видя перед глазами лишь лицо Бекки, которая сделает то, чего Роберт так боится. – Если ты пришла отомстить, выбрось эту мысль из головы, поняла? Ты ничего не значила для меня, я получил, что хотел, и забыл даже твое имя! Не позорься еще больше, уходи! Все мои гости только и говорят о тебе и Холле, который выглядит идиотом, не представляя, какую славу ты приобрела в этом городе. Я слишком долго шел к тому, что имею, чтобы из-за тебя потерять обретенную власть!

– Власть – понятие эфемерное, мистер Бенсон, – сквозь зубы гневно процедил Итан, неизвестно откуда взявшийся. Он подошел ближе к растерявшемуся Роберту, с силой схватил его за подбородок и сдавил так, что от боли на глазах Роберта выступили слезы. Он тут же отпустил мои плечи, и я сделала шаг назад, освобождая место для любимого. Итан продолжал держать Роберта и тот, как не так давно Бекка, вынужден был встать на цыпочки, чтобы было не так больно. – Сегодня она есть, завтра – нет. Вот вы терзали беззащитную девушку, ощущая власть, а вот она уже ускользнула от вас. Сейчас власть в моих руках!

От Итана исходила такая мощь, что я даже пошатнулась. В нем клокотала магия, отголоски которой я смогла почувствовать. Роберт не знал о магии, не мог ее ощутить, но от этого сила Итана пугала Бенсона еще больше. Он был просто в ужасе.

– Вы бесчестный подонок! – продолжал Итан. – И я позабочусь о том, чтобы все ваши достижения превратились в пыль!

– Итан... – прошептала я.

– Я знаю, милая, я обещал тебе не трогать его, – мягче сказал он, – но мистер Бенсон сделал все для того, чтобы я не сдержал данного тебе слова. – Итан вновь обратился к Роберту. – Я пущу тебя по миру и поверь мне, это в моей власти. Тебя не примут ни в одном доме Грейстэла, и вскоре забудут твое имя так же быстро, как ты забыл Этель.

– Она, – злобно прохрипел Роберт, – она была со мной...

Последние трепыхания перед казнью... Не каждый человек способен принять поражение и, теряя аргументы, зачастую переходит к низким приемам. Итан сделал порывистый шаг, не выпуская подбородок Роберта из своих стальных пальцев и вынуждая его чуть согнуть колени. Итан навис над хозяином дома, в глазах моего любимого полыхнул нехороший огонь. Я даже испугалась.

– А теперь она со мной, – произнося каждое слово с нажимом, сказал Итан. – Я мог бы убить тебя, не сходя с этого места. Голыми руками. Но мне доставит большее удовольствие разорить тебя. Увидеть тебя в нищете, опозоренным. Я терпелив и для меня каждый день твоего страха будет подарком, а для тебя сущим адом!

Итан брезгливо отшвырнул от себя Роберта, а потом повернулся ко мне. Я видела, что он сожалел, но не о том, что сделал и сказал, а о том, что я стала тому свидетелем.

– Пойдем и покончим с этим, Этель, – сказал он. – Я вижу, как ты устала. Бекка выполнит свою задумку, как только вы с Робертом окажетесь среди танцующих.

– Как она это сделает? После случившегося он ни за что не выйдет со мной в круг! – ужаснулась я.

– Поверь мне, она сможет. Роберт обязан будет сохранить лицо. Ради своей красивой жизни он подберет сопли, вернется в зал и, внутренне закипая от ярости, будет изображать приветливого и учтивого хозяина вечера. Бекка уже насоветовала чете Бенсонов сойтись со мной, познакомиться поближе, пригласить на семейный ужин. Лилиана загорелась этой идеей, Роберт уже не сможет объяснить ей свой внезапный отказ. В своих изощренных планах Бекка не дает промаха. Она все сделает сама, нам придется лишь подождать некоторое время.

Злость, горькая обида и пылающий огонь растоптанной справедливости уничтожили остатки страха. Теперь я хотела, чтобы все произошло как можно скорее. Начался ужин, гости все больше расслаблялись, а я ловила беглые взгляды тети, которая по счастливой случайности сидела напротив, чуть левее. В один из таких моментов я поняла, что смотрит она не только на меня. Ее взгляд был устремлен на Итана, который едва заметно кивнул ей, а она кивнула в ответ. Я едва не выронила вилку, заметив эти жесты. Они знакомы? Подняла голову, чтобы посмотреть на Итана внимательнее, но он уже что-то

говорил соседу справа. Я взволнованно посмотрела на тетю, но и она уже говорила с кем-то другим.

А еще я замечала, как гости следили за мной и тетей Харриет. Они почти так же, как и я, ждали нашего сближения. Мы же, не оправдывая их ожиданий, все так же не подходили друг к другу и не заговаривали. Ситуация была более чем странной. Казалось, что не посвящена в эту драму только Лилиана.

И вот гром все же грянул. После ужина, когда танцы возобновились, Роберт осмелился подойти к нам с Итаном и пригласить меня на танец. Как бы ни было противно, я протянула руку и бросила взгляд на любимого. Его лицо сделалось каменным. Мы оба знали, что будет дальше. Ребекка хотела максимального внимания ко мне и Роберту. Этого момента она и ждала.

Зазвучала музыка, и Роберт осторожно повел меня в танце. Я следовала за ним и никак не могла понять, что привлекло меня в нем. Красота? Статус? Сейчас я с омерзением думала о том, что позволяла ему касаться меня. Холод пробежал по спине, и я невольно зажмурилась, вспомнив нашу близость.

– Кто он? – несмело пробормотал свой вопрос Роберт. Я сразу поняла, что именно его интересовало, но не потрудилась ответить. – В его глазах я увидел смерть. В его руках безжалостная сталь, в душе чернота!

– Не тебе говорить о его душе, – злобно усмехнулась я. – Ты столкнулся с настоящим мужчиной, способным на поступки и спасовал. Тебе до него как до звезды!

Моя бравада продлилась недолго – я услышала *его*. Этот страшный, удушающий, мерзкий шепоток. Люди пораженно ахали, их взгляды буквально прилипали ко мне. Я чувствовала их на себе, ощущала, как они давят, как щипают, дергают, колют и рвут. Душа заныла. Невольно сдвинула руки Роберта и дернулась, желая оказаться рядом с Итаном.

Я видела лица людей, окруживших нас, читала в их глазах грязные мысли, осуждение, порицание. Роберт завертел головой, не понимая, что происходит. Слух распространился с умопомрачительной скоростью. Я искала глазами тетю, пока Роберт продолжал кружить меня в танце. Заметила Маргарет. Ее лицо искажил гнев, она кусала нижнюю губу и стискивала кулаки, пока ее мама что-то торопливо

шептала ей на ухо. Подруга поймала мой взгляд и ее глаза наполнились участием, на них выступили слезы. Все, дело сделано. Моя репутация была растоптана. Я прикрыла глаза, чувствуя, как пол уходит из-под ног.

Мучительный танец наконец закончился. Роберт, все еще ничего не понимая, вернул меня Итану, чье лицо оставалось застывшим, словно маска. Я медленно подняла на него глаза, и первая слеза скатилась из глаз. Боль обожгла душу. Теперь гости Бенсонов говорили уже не шепотом, а вполголоса. Я слышала суровые слова и видела, как нас с Итаном окружает кольцо гостей. И, как по злему колдовству, передо мной возникла тетушка Харриет. Она тоже все слышала. Стояла, словно статуя, замершая и пораженная. Ее лицо тоже исказила боль, отразившая мою собственную. Я бросилась было к ней, но тетя выставила вперед руку, не позволяя мне приблизиться. Этот отказ ранил меня в самое сердце. Я знала, что так будет. Но знать и испытывать совершенно разные вещи. Какая-то женщина, я не видела, кто именно, что-то без устали тараторила тете прямо в ухо, а я смотрела в ее глаза и падала, падала в ту самую пропасть. Мое тело заледенело, щеки обжигали слезы, но я продолжала смотреть на любимую родственницу, которая, как и Маргарет, закусилла нижнюю губу и, казалось, терзала ее изнутри зубами, справляясь с разочарованием и болью.

Я смутно слышала возгласы Роберта, вероятно, он объяснялся с женой. Я вдруг подумала о том, что переживала Лилиана, ведь она носила под сердцем ребенка. В этот миг я хотела задушить Ребекку собственными руками. Она смогла одним махом разрушить множество судеб. Лилиана, конечно, стоила своего мужа. Между ними явно не было любви, просто брак по соглашению сторон. Но все же... Таким женщинам более прочего важна репутация. Подобный скандал может раздавить Лилиану вернее, чем известие о связи мужа с другой женщиной.

А потом я увидела, как тетя Харриет покидает зал. Я смотрела ей в спину и глотала горькие слезы. Это было невыносимо. Когда она вышла, я очнулась. Гул голосов стал громче, взгляды острее. Они окружали меня, были повсюду, пробирались под кожу, но я нашла в себе силы поднять голову и посмотреть людям в глаза. В меня летели

осуждающие реплики, но я продолжала стоять и сносить все слова и взгляды. Этого хотела Бекка.

Почувствовала, как Итан взял меня за руку, как сдавил пальцы. Именно этого мне и не хватало. Почему же так поздно? Чего он ждал? Я ощутила дрожь в его пальцах, Итана едва заметно трясло. Я повернулась и увидела, что губы его шевелятся. Он что-то бормотал, пронзая взглядом всех присутствующих. Но это было так мимолетно, что я подумала, мне это показалось.

В этот круг позора, который создали жители Грейстэла, медленно вошла побледневшая Лилиана. Она гордо задрала подбородок и посмотрела прямо мне в глаза.

– Я вынуждена просить вас покинуть мой дом. – Говорила она очень тихо, но все понимали, что именно происходит. – Сожалею, мисс Янг.

Итан взял меня под руку и повел сквозь толпу. Я будто плыла в пространстве и во времени, мысли куда-то улетучились, тело едва подчинялось. Перед глазами стояло лицо тети, я видела ее боль. Покидая зал, краем глаза заметила скользнувшую по стене маленькую тень.

Посадив меня в карету, Итан резко развернулся и яростно бросил:

– Отдай то, что обещала! Мы выполнили твое условие!

– О да! Я в полной мере насладилась! – хохотнула Бекка, чей голос слышать было невыносимо. Она оттолкнула Итана и заглянула в карету. – В другой раз ты хорошенько подумаешь, прежде чем связываться с чужим мужчиной.

– Отдай заклинание, – повторил Итан. – Немедленно!

Ребекка извивалась вокруг него, игриво хлопая ресницами. Она словно не замечала, что этот мужчина потерян для нее навсегда. Словно это ей было безразлично, важна лишь игра! Меня передернуло от омерзения. Но тут Бекка протянула Итану тоненькую книжечку.

– Здесь ты найдешь все, что нужно...

Итан не позволил ей договорить, вырвал книгу, испепелил Ребекку взглядом и забрался в карету, громко хлопнув дверью.

– Трогай! – прорычал он мистеру Батлеру. – А теперь, дорогая, у нас нет времени на самобичевание, – обратился он ко мне. – Пока Бекка не очнулась, мы должны оказаться возле Улиэндера.

– Не очнулась? – вздрогнула я.

Итан ласково улыбнулся.

– Неужели ты подумала, что твои близкие оставят все как есть? Я и моя семья позаботились о том, чтобы завтра ни один житель Грейстэла не вспомнил того, что произошло сегодня на приеме у Бенсонов.

– Но как?.. – ахнула я.

– Я конфидент, Этель. Моя сила имеет разные грани, дорогая. И об одной из них мне поведал отец. А Шуст изо всех сил сдерживал эмоции гостей. Как мог, впитывал в себя их злые высказывания, стараясь смягчить удар.

– Но моя тетя... Она знала! – догадалась я, вспоминая все странности сегодняшнего вечера.

– Да, – кивнул Итан. – Я был у нее этой ночью. Не без боли, не без слез, она приняла эту истину. Выдержала удар, который я нанес ей. Но у меня не было иного выхода. – Я дрожала и терзала собственные пальцы, слушая Итана. – Узнав, что я пришел от тебя, она хотела прогнать меня прочь. Твой дядя демонстративно вышел из комнаты. Но мне как-то удалось ее уговорить, и миссис Артридж сказала, что ее сестра не простила бы ее, если бы она хотя бы не выслушала меня.

Я прижала руки к груди и слезы вновь потекли по щекам.

– Ей было очень больно? – разрыдалась я.

– Наверное, да, – не стал обманывать Итан. – А потом она назвала тебя своей маленькой птичкой и расплакалась – точно как ты сейчас. Этель, она простила тебя, слышишь? Она простила. Я попросил ее участвовать в этом фарсе. Хотел еще, чтобы она высказалась на приеме для правдоподобности, но она отказалась. Сказала, что не выдержит и бросится тебя обнимать. И мы подумали, что холодное молчание лучший выход. Бекка видела ваши взгляды, она видела вашу боль. И это сработало, Этель! Прости меня, прости, что не смог сделать этот вечер менее болезненным. Но все пройдет, милая, завтра никто ни о чем не вспомнит. Никто в городе ни словом не обмолвится о тебе. Я позаботился об этом.

Я смотрела в лицо любимого и продолжала плакать, но теперь от невыносимого счастья. Не выдержав, бросилась ему в ноги, коснулась губами его ладоней. Итан захотел меня поднять, но я склонила голову на его колени и попыталась справиться с волнением.

Итан уткнулся носом в мои волосы.

– Мне жаль, Этель, но это еще не конец. Самое сложное впереди. Заклинание у нас, но есть вероятность, что оно защищено. Если не поторопимся, а Бекка узнает, что я сделал, то не сможем его использовать.

– Как это? – подняла я на него глаза. – Почему?

– Потому что я бы так и поступил. Рядом с Ребеккой сильный маг, а значит, он тоже позаботился о том, чтобы наказать нас за обман.

Глава 26

– Это означает, что у нас совсем не осталось времени? – в ужасе пробормотала я. – Всего две недели...

– Да, – нахмурился Итан, – но либо так, либо... Действовать нужно немедленно. Сейчас Бекка в экстазе оттого, что у нее все получилось, но стоит ей отринуть эмоции... Она внимательная очень, понимаешь. Будет смаковать в голове, будет вновь и вновь все вспоминать, чтобы насладиться победой. Детали, на которые она сначала не обратила внимания, всплывут в ее памяти непременно. Я сильный маг, Этель, но даже я не всегда могу колдовать абсолютно незаметно. Плюс у меня было очень мало времени. Я...

Он обхватил руками голову в мучительных раздумьях. Сколько всего он уже сделал, а сколько еще предстояло? Я коснулась губами его рук, каждой по очереди, а потом на короткий миг прижалась к ним щекой и поднялась, чтобы сесть на место. Пора было утирать слезы и доводить начатое до конца. Внутри все дрожало в панике, я ощущала цепенящий ужас оттого, что наши жизни могут оборваться в любой миг. Посмотрела в лицо Итану и словно в уютном доме оказалась, в доме, где всегда тепло, где слышится смех, где любовь витает в воздухе, а утреннее солнце заливает огромные, обласканные им окна. Итан тоже все понимал, тоже думал о страшном финале, который мог настичь нас уже совсем скоро.

Я поежилась, обнимая себя за плечи, и отвела глаза от любимого лица.

– Я благодарна, – прошептала самой себе, а потом обратилась к Итану: – Семья знает?

– Они все ждут нас в Дриэне. Пришлось сообщить совету. Активность возле святыни вызовет много вопросов, наши планы из-за этого могут быть сорваны. Маркус позаботился о том, чтобы члены совета были в курсе.

– А это не опасно? – встревожилась я. – Помощник Бекки сильный маг, вы сами это говорили, но как много их в Дриэне? Что, если...

– Шуст уже нашел его, – каким-то странным голосом сказал Итан.

– Что? – воскликнула я пораженно. – Как? Когда? Давно ты знаешь? Кто еще знает?

– Не так давно, – вздохнул Итан и печально посмотрел в окно. – Мы оба никому не говорили, надеясь, что наши подозрения ошибочны. Обвинять кого бы то ни было без доказательств чревато. Но Шуст ощутил эмоции, обнаружил связь с Беккой.

– Кто он? – сглотнув, спросила я.

– Они, Этель, они, – ответил Итан, прикрывая глаза и нервно потирая переносицу.

– То есть как – они? – переспросила я растерянно. – У нее несколько любовников магов?

– Нет, не любовников, – сказал он. Итан в отчаянии опустил голову на руки, опершись локтями на колени. – Мы мало что поняли, но рувим обнаружил нескольких магов, связанных с Беккой. Хотя есть вероятность, что они связаны скорее с тем, кто ей дорог.

– Иными словами, у нее целая свита из магов? – непослушными губами прошептала я.

– Что-то вроде того.

– А нельзя их как-то отстранить? Изолировать? Сделать что-то еще?

– Как, Этель? На каком основании? Только потому, что опальный рувим что-то там почувствовал? У нас есть догадки и предположения, основанные на словах Шуста. Магов несколько, но есть один, главный. Он важен Бекке, но совсем не обязательно, что она важна ему, понимаешь? Узнать, кто из них именно он сложно, потому как связь с ней видна, но никто особенно не выделяется. Вычислить возможно, только если Бекка окажется с ним рядом.

Я некоторое время молчала, пытаюсь осознать и принять все, что сказал Итан. Горло сдавило, и я прижала к нему ладонь, вновь ощущая озноб.

– Тебе знакомы эти маги? Хоть кого-то ты знаешь? – спросила я.

– Нет, – качнул головой он. – Они молоды. Некоторые имена мне известны, некоторые даже пугают, но я ни с кем из них не знаком лично.

– Кто? – спросила я, чувствуя подступающий ужас. – Кто пугает тебя в особенности?

Итан не успел ответить, карета резко остановилась перед его домом. Мистер Батлер спрыгнул на землю и торопливо распахнул дверцу.

– У нас совсем мало времени, Этель, – бросил мне Итан, выскакивая наружу и протягивая мне руку. Переоденемся – и в путь.

Никогда еще я так не торопилась. Туфли скользили по гладкому полу особняка, отстукивали нервный ритм моих торопливых шагов, а платье путалось в ногах, мешая шевелиться еще быстрее.

Бэтани бежала рядом.

– Вся семья уже на месте, я приготовила вам удобный наряд, а Кэти ждет наверху, чтобы помочь поскорее переодеться.

– Спасибо, – бросила я ей.

Девушки проворно стянули с меня роскошный наряд и аккуратно уложили его на кровати. Пока Кэти и Бэтани суетились надо мной, я не спускала глаз с бордового шифона. Жизнь совершала очередной кульбит, а я думала о тете. Она простила меня, она нашла в себе силы поддержать свою племянницу, несмотря ни на что. Ее казавшаяся мне всегда сдержанной любовь оказалась глубокой и всепрощающей. В груди будто что-то лопнуло, я громко вздохнула и сложилась пополам, справляясь с удушающими слезами. Не время сейчас, совсем не время. Девочки порывисто обняли меня с обеих сторон и позволили всего на одну минутку погрузиться в волну чувств, что так неожиданно меня накрыла.

– Как же чудесно, что Сиенна привела тебя в наш дом, – пробормотала Кэти. – Ты спасешь нас, вернешь наш мир!

– Я могу и не справиться, – прошептала я в ответ, ужасаясь, скольким людям дала надежду.

– Ты справишься! – совершенно уверенно сказала Бэтани. – Никто, кроме тебя, не смог бы. В тебе есть мощь, есть пламя! И в то же время твое сердце полно любви и сострадания. Ты наша надежда, наше чудо!

Обнимая меня, они счастливо улыбались, а я тонула в страхах и неуверенности.

– Пора, – скомандовал Итан, появляясь в дверях. – Бэт, все покинули дом?

– Да, – сказала она. – Остались только мы и мистер Батлер.

– Отлично, уходим!

Я шла за ними словно во сне. Тело одеревенело, руки сковал лед, сердце дрожало, разнося по телу болезненную тревогу. Все внутри скрутило от страха. Каждый шаг, каждый вздох причинял мне боль. Хотелось остановиться, свернуться в тугий узел, спрятаться, закрыться с головой. Но я не могла. Я должна идти до конца. От этого зависела жизнь Итана. Он должен жить, должен увидеть Алададриэн возрожденным. Он это заслужил. Все это заслужили. Я следовала за любимым и отчетливо понимала, что вот-вот все перевернется. С каждым движением тревога усиливалась и, когда достигла пределов, я закрыла глаза, сделала глубокий, а потом вместе с выдохом выпустила ее. Я смирилась.

Все так же, будто во сне, я прижалась к Итану, когда мы перемещались в Дриэн. Все так же, будто во сне, я смотрела на собравшихся у Улиэндера. Мариона порывисто обняла меня, не спрашивая о том, как все прошло. Ей хватило на это такта. Братья Итана и его сестра молча кивнули нам. Все были растеряны и даже напуганы, но, как и мы, принимали возможные последствия.

Сиенна и все остальные обитатели дома Итана вновь стали собой – дивными существами, прекрасными и притягивающими взгляды. Мистер Батлер тоже значительно помолодел, и я грустно улыбнулась ему. Эти чудесные жители волшебного мира вернулись домой, но они не ринулись наслаждаться долгожданными красотами Дриэна. Все, как один, замерли, поддерживая Итана, сохраняя верность своему хозяину. Они так долго не принадлежали себе, так долго были заперты в далеком мире, но все равно сохранили преданность.

– Отдала? – спросил Маркус, с тревогой глядя на сына.

Итан выудил из внутреннего кармана пиджака ту самую книжечку, которую отдала ему Ребекка. Маркус быстро пролистал ее. Мы с замиранием сердца наблюдали за каждым изменением его лица. Вдруг отец Итана замер, внимательно вчитался в текст и облегченно вздохнул.

– Есть, – одними губами произнес он.

А я вместо облегчения испытала еще больший ужас. Нет, я не надеялась, что Бекка нас обманет и у нас будут еще две недели. Или все же надеялась?

Я смотрела на Маркуса; с его лица сошли все краски, пальцы, сжимавшие книгу, побелели. С силой сжала руку Итана, чувствуя, как обрывается сердце.

– Это очень сильное заклятие, – тихо сказал Маркус. – Действительно, очень сильное, Итаниэль. Мало кто отважится его произнести. И мало кто обладает такой мощью. Ты можешь оказаться не готов. Твоя сила по большей части дремала все эти годы. Заклятие может убить тебя!

Итан бросил на меня быстрый взгляд, усмехнулся и сказал Маркусу:

– Не тревожься, отец, исход все равно известен. Я погибну, так или иначе. Зачем тянуть? Ты предлагаешь отступить и отсрочить неизбежное еще на несколько дней?

– Нет-нет, сынок, – растроганно и растерянно произнес Маркус. – Я...

– Понимаю, – сказал Итан, положив руку на плечо отца, – но мы все знали, что этот момент настанет. Тебе придется меня отпустить. И тебе и маме. А еще не следует забывать, что есть хоть один, но все-таки шанс, что я справлюсь.

Увидев Улиэндера, я вспомнила, как попала сюда впервые. Тогда мы с Итаном искали тех, кто услышал имя конфидента. Как же давно это было! Сколько воды утекло с тех пор! Пока Итан говорил с семьей, утешал Сиенну, я направилась к расколотому надвое валуну. Казалось, он пульсировал, приветствуя меня. Я чувствовала легкую вибрацию. До этого момента в душе царила пустота. Страх выжег все чувства, но сейчас, приближаясь к святыне, я будто оживала. Тело наполнялось теплом, душа – непонятной радостью, робким предвкушением чего-то непостижимого. Я приложила ладонь к камню и ощутила в ответ легкий толчок. Улиэндера вновь принял меня.

– Сделаем это, – прошептал мне на ухо Итан, вставший позади.

– Я верю, что ты справишься, – ответила я, прижимаясь спиной к его груди. Сердце Итана билось тревожно, и лишь оно выдавало страх, который прятался глубоко внутри.

– Ты будешь рядом? – спросил он, утыкаясь носом мне в шею.

Волна тепла пробежала по телу, я прикрыла глаза, впитывая всю нежность любимого мужчины.

– До конца, – прошептала в ответ.

Итан коснулся губами моей щеки, а потом приложил свои ладони к валуну. Сердце дрогнуло, я хотела развернуться, но осталась стоять на месте, по-прежнему удерживая руку на камне.

– Ты даешь мне силы, ты и есть моя мощь, Этель, – прошептал Итан.

Отвечать на его слова не было смысла, он и так все знал. Мы не смотрели назад, не видели лиц членов нашей большой семьи, но знали, что каждый из них рядом, что каждый молится за нас. Итан судорожно вздохнул, и из его уст полилось заклинание. Слова были мягкими, струящимися, словно дивная песня о любви. О любви к миру, к волшебству, ко всему живому. Я не понимала ни слова, но я их чувствовала. Улиэндер засиял, вокруг послышались звуки леса – щебет взволнованных птиц, копошение грызунов в палой листве, мягкая поступь крупных животных, взмахи крыльев обеспокоенных дроздов.

Сердце Итана билось все увереннее, и каждый его удар наполнял любимого энергией давно отодвинутой магии. Сила укреплялась в груди, в руках. Она насыщала и питала Итана, даровала ему прежнюю твердость и стойкость. Он преображался прямо на моих глазах. Я чувствовала, как магия обволакивает меня, как накрывает пушистым одеялом, как льется сквозь меня. Как такое возможно? Итан нарочно пропускал ее сквозь меня? Я чувствовала невероятный подъем, необъяснимую радость и вдохновенный трепет. Это было удивительно.

Улиэндер сиял все ярче, робко откликаясь на древнее заклинание. Вокруг все замерцало, я четко разглядела явившийся нам Блеклый путь. Волнение прокатилось по телу, я чувствовала: час настал. Еще не до конца понимала, что это за час и какова моя роль, но знала, что сделаю все, чтобы Алададриэн вернулся.

Итан говорил все громче, Улиэндер начал отрываться от земли. Я едва сдерживала восторг, ощущая, что вот-вот сама воспарю над миром. Увидела, что Итан улыбался, продолжая повторять заклинание. Это был момент истинного торжества. Мы оба понимали, что у него хватит сил завершить начатое. Счастье не помещалось в душе, оно рвалось наружу, желая накрыть и обогреть весь мир, который скоро вновь станет единым. Никогда в жизни я не испытывала такой эйфории, безоговорочной и безграничной. Она окрыляла меня.

Я видела слезы счастья на лицах нашей семьи, не устоявшей на месте и окружившей камень и нас вместе с ним. Сиенна дрожала и

заливалась слезами, а в ее глазах отражалось сияние Улиэндера. Мариона крепко стиснула руки, девочки-сирены обнимались. Шуст трогательно вздернул брови. Мужчины пораженно застыли. Мне не верилось, что я стала частью этого невероятного колдовства, что я увижу возрождение волшебного мира. Это было выше, сильнее и важнее всего на этой земле – да и на любой другой. В этот миг я поняла, что моя жизнь ничтожна по сравнению с происходящим.

Сначала почувствовала, а потом и увидела, как на Блеклом пути появился илион. Тот самый, что говорил со мной. Вот он, момент истины. Теперь моя очередь. Я – звено, способное довести дело до конца. Илион улыбался мне, и я улыбнулась в ответ.

Но вдруг илион отшатнулся, а я, будто в зеркальном отражении, вздрогнула. С его лица сошла улыбка, я невольно насторожилась. Он сделал шаг назад, а потом Блеклый путь растворился и мое сердце сдавил страх. Я почувствовала, как вздрогнул Итан.

– Что происходит? – спросила я, но ответа не получила.

Внезапно Итана, все еще стоявшего за моей спиной, отшвырнуло назад, а Улиэндер померк и вновь обрушился на землю.

Я вскрикнула и в испуге закрыла рот руками. На поляне стало значительно больше людей. Прямо передо мной в центре группы мужчин стояла Ребекка и ехидно ухмылялась. Земля под ногами качнулась, сердце обрушилось в пропасть, я поняла – все кончено.

– Отис! – пораженно выговорил Маркус и сделал шаг вперед. – Как ты... Что ты здесь делаешь?

Итан уже поднялся на ноги и свирепо смотрел на сводного брата. Отис выглядел моложе Итана и это не удивительно. Он был высоким, широким в плечах, темноволосым, с чуть угловатым лицом и умными въедливыми глазами, которые сейчас смотрели на отца.

– Что тебя удивляет? – совершенно спокойно спросил Отис. – Наши суждения не раз расходились. И сейчас я не согласен с тем, что вы тут задумали.

– Но почему? Алададриэн...

– Алададриэну не возродиться, – твердо сказал Отис, перебивая Маркуса. – Напротив, он должен кануть в Лету окончательно.

– Это безумие, сынок! – воскликнул Маркус. – Наши миры должны вновь объединиться...

– Зачем? – хмыкнул Отис. – И кому они что должны? Кто на самом деле хочет этого объединения? Ты? Я вот не хочу. И друзья мои не хотят, и совет не хочет.

– Совет? – поразилась Мариона. – Но они одобрили наши действия, позволили нам восстановить утраченное.

Стоило Отису услышать голос Марионы, как лицо его стало холодным и непроницаемым.

Он сжал кулаки и сказал, сверкнув глазами:

– Хочешь, чтобы твой драгоценный сын выжил? Нет проблем. Я убедил совет, что наша жизнь и без того прекрасна. Люди не нужны нам. Улиэндер всегда был на их стороне. Он оберегал их, даруя больше защиты, больше прав. Сейчас в Дриэне господствуем мы. Ни перед кем не трепещем, ни от кого не зависим. Не боимся утратить свою мощь в случае чего.

– Ты даже не знаешь, о чем говоришь! – рассердился Маркус. – Союз с людьми делал нас сильнее. То, что осталось от нашей магии, лишь жалкие крохи! Если Алададриэн возродится, к нам хлынет былая мощь. Людские эмоции будут питать нас, наполнять невиданной магией, о которой многие забыли за четыреста лет. Ты не можешь рассуждать о мире, которого толком не помнишь!

Отис подошел вплотную к отцу, заглянул ему в глаза и гневно прорычал:

– Ты слаб, отец, а я вот знаю, о чем говорю! Мы можем вернуть былую силу! И для этого нам совсем не нужно возрождать старый одряхлевший мир, который живет только в ваших сентиментальных фантазиях.

– Ты ошибаешься, это невозможно! – выпалила Мариона.

– Возможно! – рявкнул Отис. – Но с той, кто разрушил мою семью, я говорить не стану.

Мариона отпрянула, словно получила удар. Ее глаза наполнились болью, и она прикрыла их. Иледия обняла мать, но Мариона довольно быстро взяла себя в руки. Она это хорошо умела.

Мы с Итаном наблюдали за этой сценой и понимали, что сейчас не самое подходящее время вмешиваться. В делах семейных посторонним не место.

Меня пугала притихшая Бекка. Я повернулась к ней и заметила, как замороженно она смотрела на Отиса, как ловила каждое его слово.

Рядом с ним она выглядела непривычно робкой. Вот оно – то, о чем говорил Шуст! То, что она таила в сердце. Итана уже давно там не было. Все это было игрой, привычкой или чем-то еще, но уж точно не любовью.

Другие маги, окружавшие Отиса, как и говорил Итан, были молоды, скорее всего, сильны и решительны. Среди них были Грей и Баклус. Станный получился союз.

Семья Итана выстроилась за нашими спинами прочной стеной. Братья хмуро взирали на отца, пытавшегося переубедить Отиса. Шуст сосредоточенно впитывал эмоции, распознавал их, оценивал.

– И как же ты хочешь вернуть нам силы? – спросил Маркус.

– Окончательно разделив миры. Уничтожив любую, даже малейшую связь!

– Ты совсем сдурел? – не выдержал Итан. – Чтобы окончательно разорвать связь с Аладой, нужно уничтожить Улиэндер. Это святыня наших миров, без нее мы все погибнем.

– Нет, если сделать все правильно! Я знаю, а если быть точным, ты знаешь, как это сделать! Лишь тебе хватит сил. Для этого мы все здесь собрались.

– Во-первых, я понятия не имею, о чем ты говоришь, – ответил Итан, – а во-вторых, даже если бы и знал, не стал бы этого делать.

Отис обманчиво мягко улыбнулся и подошел к Итану ближе, заглянул в глаза, а потом перевел взгляд на меня.

– Сделаешь, потому что у тебя не будет выбора.

– Ты ничего ей не сделаешь! – прорычал Итан, задвигая меня себе за спину.

– Я – нет, а вот вы все – да! – заявил Отис. – Не знал, что ты так наивен. Много слышал о тебе, о твоём коварстве, которое привело наш мир к теперешнему его состоянию. Слышал о твоей силе, упрямстве, жажде власти. Но ты совсем не такой. Ты жалкий, слабый, не умеющий ценить собственную мощь. Ты так отстал от жизни в Дриэне, что не имеешь права решать за нас, как нам будет лучше жить. Сейчас ты просто пытаешься спасти собственную шкуру. Эгоизм – вот что еще осталось при тебе! Мы не хотим воссоединения, мы хотим оставить все как есть.

– Кто это мы? – горько усмехнулся Итан. – Ты и эта жалкая кучка магов? Ну, может, еще кто-то из совета, кто помогал вам все это время.

Не верю, что вы сами к этому пришли. Брион, надо полагать? Он вас наставлял? Можешь не отвечать, я уверен, что так и есть. Ты говоришь тут о правах, но разве сам не нарушаешь права тех, кто живет в Дриэне? У кого из них ты спросил?

– Многие просто не знают о такой возможности, – последовал ответ. – Если бы знали, согласились бы со мной. Люди нам не нужны!

– Мальчик, – спокойно сказал Шуст, – ты никак не можешь понять, что именно люди делали нас такими сильными. Вся красота и уникальность Алададриэна состояла в том, что люди делились своими чудесными эмоциями.

– Да плевать мне на красоту! Если все сделать правильно, магия останется с нами. И нам не нужно будет ее питать чем-то извне. Очнитесь уже! Хватит постоянно оглядываться назад!

– Кто вбил тебе в голову этот бред? – ужаснулся Шуст. – Возможно, разделив миры окончательно, уничтожив Улиэндера, на какое-то время магия задержится, но лет на сто. А может, и того меньше.

– На мой век хватит! – упрямо, словно капризный ребенок, повторил Отис. – Главное, чтобы люди исчезли навсегда!

– Почему ты так заиклен на людях? – спросил Маркус.

– Их алчность забрала у меня все.

Я вздрогнула и посмотрела на Ребекку. Ведь это именно она забрала у него все. Именно Бекка была той, чья жажда магии разрушила оба мира. Как он может? Это лицемерие. А потом я вдруг поняла... Итан был прав: то, что Бекке дорог этот маг, вовсе не означает, что она ему тоже дорога. И сейчас женщина, сыгравшая ключевую роль в гибели Алададриэна, кажется, тоже постепенно приходила к этой мысли. Ее лицо застыло, словно каменная маска.

– Что, по-твоему, забрали у тебя люди? – мягко спросил Маркус.

– Мою семью, – сквозь зубы ответил Отис. – Как только мир рухнул, ты обрел свободу. Ведь дед умер, и уже никто не мог тебя остановить. Ты ушел к ней. А мама... мама страдала. Я слышал, как она плакала ночами. Ты мучил ее, а она терпела. Ничего не могла сделать. Сколько же в тебе наглости! В тебе и в твоей...

Отис успел договорить, ибо три сына Марионы разом сделали к нему шаг. Каждый из них демонстрировал угрозу. Каждый был готов снести голову Отису за любое плохое слово в адрес матери.

– Подождите, – сказала я, успокаивающе касаясь спины Итана. – Не кипятитесь. Очевидно же, что он просто ни о чем не знает. Он где-то что-то услышал, сам додумал, сделал выводы, но это же поправимо. Объясните ему, Маркус, расскажите уже все! Снимите этот груз с плеч сына!

– Кто рассказал тебе? – спросил Маркус, печально вздыхая. – Кто исказил правду? Почему у меня не спросил? У мамы?

– Был человек, который всегда желала мне добра! Человек, который, когда ты занимался собственным счастьем, направлял и наставлял меня. Он и открыл мне глаза на то, что значит для тебя наша семья.

– Кто этот добрый человек? – спросил Итан. – Брион?

– Да, – гордо задрал подбородок, ответил Отис. – Он один был рядом. Он познакомил меня с Беккой. Он научил, как стать сильным и самостоятельным!

– Ты слеп, – пытаюсь сдержать гнев, сказал Инжен. – Брион использовал тебя. Рассказал то, что, по его мнению, могло привязать тебя к нему. А эта женщина как раз и стала причиной краха всего и вся!

Парень указал не Бекку, и я вновь удивилась переменам на ее лице. Оно словно задеревенело, застыло, Ребекка явно пребывала в шоке. Пусть я знала ее совсем немного, но это было совсем не похоже на нее.

– У Бриона есть свои тайны! Он боится воссоединения миров, – сказал Шуст. – Теперь его чувства, наконец, стали мне ясны.

– Что ты хочешь сказать? – повернулся к рувиму Итан.

– То, что у тебя появилась новая работенка, – загадочно сказал Шуст. На лице Итана читался вопрос. – Ты должен заглянуть в его секреты.

– Ты предлагаешь мне снять печать с его конфиденциальных бесед со мной? – удивился Итан, на что получил утвердительный кивок. – Но это запрещено!

– А тебе есть что терять? – ехидно заметил Шуст.

– А разве ты не знаешь все тайны, доверенные тебе? Ты говорил, что помнишь все до единой, – не поняла я.

– Не совсем так, как ты это понимаешь. Это даже физически невозможно, Этель, – ответил он. – Конфидент таит в себе тысячи тайн

за многие века. Их слишком много. Я не могу помнить все беседы разом. Магия защищает меня от безумия.

– Но зато ты в любое время можешь добраться до них, – сказала Мариона. – Загляни в его тайны, чего так боится Брион?

Итан колебался всего минуту, а потом достал свой клинок и призвал магию конфидента. Отис, поддерживаемый своими спутниками, попытался вмешаться. Они двинулись вперед явно с враждебными намерениями, но Инжен и Иледия точным синхронным движением укрыли старшего брата за магическим щитом. Сестра Итана была очень сильна в подобном колдовстве.

– Неужели вы сами не хотите добраться до правды? – дерзко бросила она магам. – Нравится быть марионетками без права голоса?

– Не слушай их, Отис, – наконец подала голос Ребекка. – Они обманут тебя! Мы, я и Брион, всегда были рядом с тобой. Мы поддерживали тебя, были на твоей стороне. А сейчас ты позволишь чужакам разрушить наш союз? Ты предашь нас?

– Знать правду не предательство! – воскликнула я. – Для того чтобы иметь свободную волю и право выбора, необходимо быть посвященным в истину. Если Брион так хорош, как ты говоришь, ему нечего скрывать от тебя, верно?

– Отис! – сказала Ребекка, обнимая ладонями его лицо. – Оставайся с нами! Не слушай их лживых речей!

В этот момент все вокруг поняли, что Бекка знала тайны Бриона, она была в них посвящена. Отис нахмурился и отшатнулся.

– Ты обещал мне! Ты обещал, что вытацишь из Итана заклятие, которое дарует мне магию и позволит остаться с тобой навсегда! Ты не предашь меня!

Голос Бекки звучал жалобно, она понимала, что теряет все, к чему стремилась. Отис еще колебался, но Ребекка уже чувствовала, как сердце опалает предчувствие предательства. Она, наверное, впервые увидела истинное лицо того, кому так верила.

– Жизнь всегда воздаст по заслугам, – прошептала я, чувствуя, как мое сердце сжимает боль. Мне было жаль несчастную Бекку, но она получила то, к чему так усердно шла, нарушая законы человечности.

– Ты все еще не поняла? – качнул головой Отис. – Ты была лишь пешкой. Мы нуждались в тебе, чтобы ты занимала Итана. Какой безумец позволит тебе заполучить магию? Ты же ненормальная!

Бекка отпрянула, сделала пару шагов назад и согнулась пополам, как от удара. Из ее горла вырвался дикий стон, от которого у меня волосы на затылке зашевелились. Он перерос в рев, а потом в крик. Это было ужасно. Ребекка напоминала раненое животное, которое понимало, что уже не выживет. Слезы градом лились по ее щекам, лицо исказила уродливая гримаса, все безумие отразилось на нем.

– Господи, – прошептала я, ощущая ком, образовавшийся в горле.

К моим глазам подступили слезы, жалость заставила порывисто шагнуть к раздавленной женщине. Но Грайс схватил меня за руку и отрицательно мотнул головой.

Сам того не подозревая, он высказал мои мысли:

– Раненое животное может быть смертельно опасным, Этель. Она обрушит свою боль на первого, кто подвернется. Оставь ее. Она узнала, что такое предательство, которым разрушила жизнь моего брата. Пусть знает, что значит остаться совсем одной!

– Я – не она, Грайс, – аккуратно убирая его руку, сказала я ему. – Я не могу равнодушно смотреть, как она страдает.

– Ты будешь! – сурово сказал Итан. – Не отходи от моей семьи, Этель. Ни на шаг!

Баклус подошел к Бекке вместо меня. Он поднял ее на ноги и прижал к своей груди, позволяя опереться. Столько нежности было в этих движениях. Он жалел Ребекку, несмотря ни на что. Удивительная и драгоценная крупица истинной любви в бездне отчаяния. Слезы покатались по моим щекам. Грей присоединился к Баклусу, вместе они отошли в сторону, будто отдаляясь от всех и всего, что происходило и будет происходить на поляне дальше.

Я перевела взгляд на хмурое лицо Итана, выражавшее решимость. Он воткнул свой клинок в землю и зашептал заклинание. Все вокруг него засияло. Клинок окружили всполохи древней магии, только сейчас сияние не делилось надвое, оно устремилось к лицу Итана, проникло в глаза, уши и ноздри. Итан запрокинул голову, его затрясло. Я вновь попыталась сделать шаг вперед, но снова твердая рука Грайса остановила меня.

Итан резко выгнулся, поток магии стал быстрее и шире. Он мощным рывком ворвался в тело мага и осветил его изнутри. Я поражено открыла рот, во все глаза глядя на торжество древнего колдовства. А потом все вновь превратилось в хаос. Откуда не

возьмись, появился Брион, и пока все как зачарованные смотрели на магию конфидента, отшвырнул Грайса в сторону и схватил меня за горло. Я не успела даже вскрикнуть.

– Итаниэль! – позвал он. Любимый обернулся, а поток магии застыл, будто тоже в удивлении. – Нет-нет, продолжай. Только ищи то, что нужно мне!

Он сильнее сдавил мне горло, и я не сдержала болезненного вскрика. Глаза Итана опалила ярость.

– Никто из вас не сделает ни одного движения! – сказал Брион. – Я сверну ей шею, даже не прибегая к магии.

– Чего ты хочешь? – гневно прокричал Итан.

– Отыщи заклятие разъединения миров. Многие века назад колдун по имени Аолэт прочитал его первому конфиденту.

– Итан, не делай этого, – взмолилась я. – Мы и так обречены! Я не стою того!

Я действительно так думала. Увидев, как оживает Улиэндер, я поняла, что не сдамся. Чудо, рожденное на моих глазах, должно произойти. Сегодня, уже на пути в Дриэн, я смирилась со своей судьбой. Есть ли смысл трепыхаться на пороге смерти? Жалкие попытки выскрести или выгрызть себе еще один миг лишь отдалят неизбежное.

– Ты стоишь большего, Этель, – тихо ответил Итан.

Я смотрела в его глаза и...улыбалась. Слезы катились из глаз, но я больше не боялась. Мне было жаль, что совсем скоро я перестану смотреть в любимые глаза, вдыхать аромат его кожи, чувствовать его ласковые прикосновения. Лишь об этом я сожалела. И больше ни о чем.

– Не делай, – повторила шепотом. – Я готова.

В голову неожиданно пришли слова Сиенны, которые я слышала в доме Итана в Грейстэле. Теперь я очень хорошо ее понимала. Иногда лучше прекратить земные мучения, чтобы все встало на свои места.

Брион сдавил горло еще сильнее, и перед моими глазами все поплыло. Я задыхалась, поток слез усилился.

– Брион! Опомнись! – воззвал к нему Маркус. – Ты уничтожишь Дриэн. Зачем?

– Потому что он всегда этого хотел, верно? – выплюнул Итан. – Ты ведь с самого начала знал, к чему приведут изыскания Экрена? Ты

делал вид, что против, но незримо направлял брата. Фразами, якобы случайно брошенными словами ты указывал ему путь. Ты указал ему путь в архив для изысканий. Сам бы ты с этим не справился. Ты хотел сделать это нашими руками. И Бекку ты втравил в это. Нашептывал, что она может обладать магией, дразнил ее, играл на ее самолюбии и жажде колдовства. А сам оставался в тени.

Руки Бриона напряглись, но пальцы на моем горле ослабили хватку.

– Только одного ты не учел, верно? – с болью в голосе спросил Итан. – Ты не думал, что погубишь Экрена. Ты верил, что мне хватит сил. Ты переоценил меня, а потом ненавидел за то, что я не справился!

– Господь всемогущий! – воскликнула Сиенна. – Это все правда?

– Истинная, – ответил ей Итан. – Когда я стал confidentом, Брион пришел ко мне и впервые рассказал обо всем в тайном разговоре. Он выплеснул свою боль, и после этого осталась только злость. Голая, коварная, сокрушающая. Это ведь ты не хотел союза с людьми и нашел способ разделить миры. Тонкая игра! Ты воспользовался собственным братом, его жаждой познаний и экспериментов с магией. Ты взрастил в нем это любопытство, а потом играл с ним, как тебе было угодно. Ты надеялся, что потом сможешь все объяснить и оправдаться. Но только тогда, когда все будет сделано, и ты сможешь показать преимущества жизни без людей. Как можно быть настолько дальновидным и одновременно настолько слепым, Брион?

– Докопался-таки? – проскрежетал Брион. – Что ж, все верно.

– По сути, этот мир разрушил ты, а не я, – горько усмехнулся Итан. – Пусть моими руками, но все же ты. Теперь ты видишь, Отис? Понимаешь, каковы его цели?

– Вижу, – согласился сын Сильвии и Маркуса. – Но это не отменяет того факта, что я согласен жить без людей.

– Не люди разрушили твою семью, брат, – вмешался Инжен. – Это сделали твои деды! Спроси у Сильвии, она расскажет, почему плакала по ночам. Наш отец не был тому причиной.

– Как ты смеешь? – взорвался Отис. – Откуда тебе знать? Кто дал тебе право лезть в мою семью?

– Отис, сынок, – заговорил Брион. – Послушай меня, сейчас они способны на любую ложь, но я всегда был рядом. Я поддерживал тебя.

Ты ведь согласен, что наша сила лишь увеличится, стоит Аладе отсоединиться окончательно? Ты веришь в это, как и я, верно?

Колебание на лице Отиса давало мне надежду. Сердце дрожало и обливалось слезами, так много боли сосредоточилось сейчас на этой поляне. Сколько непоправимых ошибок было совершено из-за жадности, алчности, жажды господства и глупых амбиций.

– Твой гнев обращен на меня, – сказал Итан. – Отпусти Этель, и решим все между собой. Я погубил Экрена. Я не справился, был недостаточно силен, чтобы защитить его. Это я виноват в его смерти, Этель здесь ни при чем. Я убил Экрена!

Гнев Бриона нарастал, я чувствовала, как он клокотал внутри, как распался маг. Итан давил туда, куда нужно. Стоило ему произнести последние слова, как Брион сорвался. Он отпустил меня и нанес Итану магический удар, который стал неожиданным. Итана отбросило назад, сияние магии померкло, клинок вырвало из земли.

Братья тут же кинулись на помощь, но Итан вскочил на ноги и жестом велел им оставаться на местах. Завязалась битва, в которой никто не уступал. Мощь Итана росла, силы прибывали. Все, что он глубоко прятал, вновь просыпалось, магия, которой так долго не пользовались, оживала.

С замиранием сердца мы наблюдали, как два сильных колдуна наконец отпускают свои чувства. Все, что сказал Итан о Брионе, было просто чудовищно. Столько долгих лет он скрывал свою причастность к гибели Алададриэна. Более того, он обвинил Итана, сделал его конфидентом и убрал с глаз долой, подальше от Дриэна. Как легко было закрыть глаза на собственную вину. Как умело действовал чужими руками, используя окружающих для достижения своей цели. Тогда, четыреста лет назад, использовал Ребекку, найдя способ разгневать Улиэндер и отдалить людей от магов. А теперь он пытался разрушить остатки былой связи двух миров, запечатав все ходы из одного мира в другой. Какой хитрый и изощренный ум! И все это он сделал, используя кого-то другого. Наивные умы, болезненные, слабые или алчные.

Зависть страшная вещь, а на мой взгляд, Брион просто завидовал людям, которых так оберегал Улиэндер.

Битва продолжалась, и Брион одерживал верх. Итан устал, ведь ему пришлось потратить немало сил, чтобы добраться до правды. Сила

его росла, но и ее было недостаточно, чтобы одолеть опытного и всю жизнь практикующего мага. Итан получил очередной удар, мое сердце не выдержало, и я вскрикнула.

Брион получил ответный удар, и надежда вновь воскресла. Итан пылал огнем справедливости, ведь у него тоже был повод ненавидеть Бриона. Они оба потеряли Экрена, и оба страдали из-за этого. Итан бился с остервенением, используя свою мощь, боль и нескончаемое горе потерь. Любимое лицо было залито кровью, одной рукой Итан зажимал рану в боку, но все равно не сдавался. Брион тоже уже был изрядно потрепан. Эта схватка могла вот-вот закончиться. А я вдруг поняла, что можно прекратить ее иначе.

– Ты слышишь меня, – прошептала я, пятясь назад к Улиэндеру. – Ты слышишь, я знаю. Помоги мне. Ты говорил, что откроешь мне правду. Время пришло.

Проходя мимо Иледии, я шепнула ей несколько слов. Ее глаза расширились, девушка схватила меня за руку, желая остановить, но я кивнула ей и улыбнулась, давая понять, что знаю, что делаю. Иледия стиснула зубы и вынужденно согласилась, пряча от меня свой страх.

– Я готова, – продолжала я. – Только скажи, что нужно делать. Давай прекратим все это, давай вернем мир и покой. Давай возродим Алададриэн.

– Ты уверена? – спросил Шуст, который не мог не почувствовать моего настроения. Он знал, что мои слова были обращены не к нему, но все равно оказался рядом.

– Помоги мне, Шуст.

– Тебе не нужна моя помощь, девочка, – печально сказал рувим. – Илионы слышат тебя.

Блеклый путь вновь засиял перед глазами. Свет причинил им боль, я зажмурилась, чувствуя, как от страха сжимается сердце. Да, я была готова. Разумом, не душой.

– Помоги мне, помоги прекратить это безумие, – взмолилась я, увидев знакомое лицо илиона. – Что мне нужно делать? И так ли важно заклятие?

– Оно необходимо, Этель. В возрождении Алададриэна должны участвовать обе стороны. Мощь магии Итана и сила твоего сердца.

– Но Итан сейчас очень слаб, – повернув голову к любимому, сказала я.

– А разве только в магии его сила? – улыбнулся илион. – Любовь – ваша общая сила. Только она способна вынести столь тяжкое бремя.

– Что именно мне нужно сделать? – спросила я.

– Ты сама знаешь. Всегда знала, не так ли?

Я кивнула, понимая, что илион прав. Пусть я не признавала этого, но мой разум давно пришел к нужному выводу.

– Бескорыстная душа может возродить веру Улиэндера в людей, верно? Но уверен ли ты, что я достойна? А вдруг я не та, кто заслуживает этой чести?

– Ты назвала это честью, и ты сомневаешься в достоинстве собственного сердца – это и есть лучшее подтверждение твоей чистоты, – сиял илион. – Коснись святыни и дай Улиэндеру понять, чего ты хочешь.

Я сглотнула, прижала кулак к сердцу и вновь посмотрела на Итана. Сражение продолжалось, но теперь побеждал мой любимый. Я улыбнулась, глядя на него, а потом отыскала глазами Иледию. Она единственная наблюдала за мной. Я кивнула ей, напоминая о своей просьбе. Иледия кинулась к братьям. Сначала Инжен, а потом и Грайс посмотрели на меня. Они почти сразу поняли, что я задумала. Удивились, но вняли словам сестры.

Все втроем они выстроились в ряд и стали читать заклинание. Бриона тут же будто цепями сковало. Он застыл от неожиданности, а потом попытался дернуться. Руки его были прижаты к бокам, ступни стояли щиколотка к щиколотке, будто связанные невидимой нитью. Итан удивленно посмотрел на братьев и сестру.

– Давай же! Доведи дело до конца, – процедила сквозь зубы Иледия, не без усилий сдерживая Бриона.

Только в этот миг Итан заметил Блеклый путь и меня, застывшую у священного валуна. Я кивнула, а потом коснулась камня, который почти сразу откликнулся.

– Я не позволю вам сделать это! – воскликнул Отис.

Но здесь уже подоспел Маркус, который сдержал сына. Это оказалось непросто, ибо Отис сопротивлялся, как мог. На помощь своему любимому пришла Мариона. Я испугалась, что остальные маги, которые были на стороне Отиса, вмешаются, но Сиенна и другие обитатели дома Итана тоже оказались не так слабы, как могло бы показаться.

– Теперь дело только за нами, – улыбнулась я подошедшему Итану. – Читай заклинание.

– Я могу уже не справиться, – сказал он с сожалением.

– Ты справишься, – снова улыбнулась я и прижалась к нему. Итан еще не понимал, что я прощаюсь, но так было лучше. – Чем бы это не обернулось для нас, я хочу, чтобы ты знал. Я благодарна. Благодарна тебе за то, что ты подарил мне новую жизнь. Я благодарна за твою любовь, за терпение, за твое благородство. Я люблю тебя.

– И я тебя люблю, – сказал Итан. – Давай покончим с этим, а потом осуществим все, что я обещал тебе на приеме этим вечером, – усмехнулся он.

Сердце сдавило, к глазам уже в который раз подступили слезы. Итан еще не понимал моей роли в возрождении его мира, он еще надеялся. Я приподнялась на цыпочки и коснулась его губ своими. Так сладко было чувствовать их мягкость, так волнительно было вдыхать родной аромат. Я заставила себя оторваться от Итана.

– Читай.

Итан приложил ладони к Улиэндеру и начал читать заклинание. И снова наши души и сердца наполнились торжеством и безграничным счастьем. В это время над поляной начал заниматься рассвет. Сияние Улиэндера осветило все вокруг, а потом смешалось с красным заревом. Это было рождение не только нового дня, но и нового мира.

– Пора, – сказал мне илион. – Самое время, Этель.

Поляна заполнялась магами, прибывшими на зов своей святыни. Члены совета, существа всех возможных видов, животные и птицы, – все пришли увидеть возрождение Алададриэна. Я была счастлива быть здесь и, если бы мне предоставили выбор, ни за что бы не выбрала иной путь. Все это было важнее меня и моей жизни.

Я кивнула илиону, а потом обратилась к любимому:

– Помоги этому миру встать на ноги, Итан. Вложи всю свою любовь и всю преданность в то, чтобы поднять его с колен. Многое предстоит сделать, но у тебя хватит сил. Я не встречала в своей жизни никого, похожего на тебя. Не впадай в уныние, не скорби обо мне. Направь свои чувства на то, что мы сделали. Мы смогли, только представь! Мы вернули твой мир! Это невиданное счастье! Спасибо, что позволил быть рядом, что позволил коснуться краешка твоей судьбы!

– Этель... – испуганно пробормотал Итан.

– Я готова, милый, – улыбнулась я ему. – Душа алчная погубила Алададриэн, душа чистая восстановит его. Я отдаю свою жизнь, чтобы твой мир существовал.

– Нет! Это слишком много, – вскрикнул Итан. – Это несправедливо! Этель, не уходи! Ты не должна этого делать!

Его лицо выражало такую муку, что я едва не убрала руки с камня, чтобы утешить и обнять любимого.

– Это мой выбор, Итан. Это с самого начала было моим путем. Именно он привел меня к твоим дверям. Так было задумано, так было нужно.

– Я не согласен! Я не позволю!

Итан дернулся, и Улиэндер дрогнул. Я бросила быстрый взгляд на Иледию. Она поняла меня без слов. Подошла к брату и сдержала его порыв. Я понимала, что дальше затягивать нельзя. Итан не выдержит.

– Этот чудесный мир, о котором ты рассказывал с таким упоением, важнее нас с тобой, милый. Я это поняла, и ты пойми. Прими это и знай, что я счастлива сделать это.

Моя душа устремилась в сияние Улиэндера, я сделала шаг к нему, а потом, глядя в глаза Итана, растворилась в нем.

Эпилог

Три месяца спустя

– Он все еще страдает, – сказала я Илиону, наблюдая тайком за жизнью Итана.

– Это нормально. Любящие сердца долго не могут смириться с потерей, – ответил он мне.

Я видела, как быстро идет время в Алададриэне, как протекают дни, потом недели, а за ними и месяцы. Итан очень тяжело воспринял мой уход, а мне невыносимо больно было смотреть на его страдания. Илион уговаривал меня не делать этого, но не накладывал строгого запрета.

Алададриэн очень медленно возвращался к прежней жизни. Границы стерлись, люди привыкали к соседству с магами. Сначала им было страшно, потом любопытно, а затем они не просто смирились, но и полюбили новый мир. Порою даже казалось, что такое быстрое принятие новой жизни было словно заложено в них, словно где-то на интуитивном уровне они помнили о том, что когда-то были неотделимы от мира магии.

Я увидела Аунедис, была свидетельницей, как чувства людей скользили к нему, а потом возвращались в мир магов. Непостижимое таинство открылось мне, я была той, кого посвятили в самое сокровенное волшебство обоих миров.

Совет заменили полностью, он был переизбран. Теперь и Итан входил в него, хотя не желал этого. Он вообще редко принимал участие в окружающей его жизни и только по настоянию Сиенны, которая без конца напоминала ему о моих последних словах. Вся его семья теперь занималась преобразованиями в магической части Алададриэна. Они взяли на себя ответственность за возрождение былого законодательства и напоминали магам о том, как хрупки и ценны люди.

Ночами Итан сидел на балконе своего дома и подолгу смотрел в звездное небо. Каждый раз у меня сжималось сердце и хотелось коснуться любимого лица, но я не могла. Это было сущей пыткой, ибо и отказаться от минут наблюдения за ним я не могла, и уйти в Аунедис

тоже. Илион говорил, что мои эмоции еще недостаточно напитали Алададриэн.

Блеклый путь позволял мне свободно передвигаться и попадать в любую точку нашего теперь уже единого мира. Сердце усиленно билось от восторга, стоило мне увидеть, как преобразуется мир, насколько счастливей он становится. Прежде Итан говорил мне, что Дриэн жесток. Теперь я этого не видела. Все больше улыбок, больше смеха и меньше страха.

Хоть и таким вот странным образом, но я присутствовала при том, как Сильвия рассказала все Отису. Не сразу, но ее сын смирился со своими ошибками. Больших усилий ему стоило познакомиться с братьями и сестрой. Но на этом он и остановился, не желая быть с ними одной семьей. Вскоре они с Сильвией, вслед за многими другими магами, перебрались в Аладу, чтобы помочь людям узнать их поближе и привыкнуть к волшебству. Я очень надеялась, что это станет своего рода терапией и сердце Отиса оттает. Любовь матери способна на многое. Благодаря той жизни, что я сейчас вела, одна из немногих, я знала, что обязанности конфидента теперь перешли к Отису. Ответственность должна усмирить его пыл.

Как и обещал Итан, в Грейстэле никто не вспомнил о том, что натворила Бекка. Разговоров обо мне не было вообще. Люди просто проснулись утром и начали новый день. А вскоре на них обрушился новый сказочный мир, и это обстоятельство заставило их забыть обо всем на свете. Будто ребенок за витриной магазина игрушек, я со слезами радости наблюдала за тем, как преобразуется мой город, как его жители становятся добрее и счастливее. Значит, все это было не зря. Не раз я наблюдала за тетей, которой снова пришлось смириться с потерей. Это омрачало мое безмятежное существование.

Бриона заточили в Мерцающей башне. Наверняка он день за днем заново переживал смерть брата. Мне думалось, что именно это было его главным кошмаром и во сне и наяву. Члены совета и те маги, что поддерживали его, отказались от своих постов и должностей, чтобы не попасть в заточение вслед за своим предводителем.

Что касается Бекки, то каждый раз, думая о ней, я не могла сдержать горестный вздох. Она совсем лишилась рассудка, не сумев вынести предательства Отиса. Илион поведал мне, что ее разочарование переросло в тяжелое душевное заболевание. Хотя мне

казалось, что частое хождение по пути мертвых тоже наложило свой отпечаток. Баклус уговорил новый совет оставить Ребекку подле себя, он обещал ухаживать и заботиться о ней до конца ее дней. Так он и сделал. Прожила Бекка недолго, всего полтора месяца. А потом илионы по моей просьбе проводили ее к Аунедису, где ее душа нашла покой. По крайней мере, я на это надеялась.

Шусту позволили вернуться к горе и занять свое место среди старейшин. Рувим ужасно гордился этим и часто мысленно благодарил меня за это. Об этом мне тоже рассказал илион.

Однажды, когда на Алададриэн спустилась ночь, я вновь побрела знакомым путем к дому Итана. Он все так же жил в Грейстэле, появляясь в Дриэне лишь по необходимости. Я приходила к нему почти каждую ночь, чтобы полюбоваться на него и попытаться дать понять, что я в лучшем из миров. Его боль разрывала мне душу, но, к сожалению, я ничем не могла ему помочь.

В этот раз мой любимый сидел в саду, запрокинув голову к небу и прикрыв глаза, будто впитывал в себя тепло и мягкое сияние звезд.

– Тебе не мешало бы побриться, – тихо сказала Сиенна. – Зарос, словно леший.

Она подошла к нему сзади, наклонилась и обняла за плечи. Этот жест был таким уютным. Я понимала, что она разделяет боль своего любимого мальчика.

– Ты стал затворником, Этель не одобрила бы этого, – прошептала она.

– Я знаю, – вздохнул Итан. – Знаю, но... не могу. Без нее ни в чем нет больше смысла. Я хотел вернуть Алададриэн, но для нее. Так много хотел ей показать! Жаждал увидеть, как загорятся ее глаза, когда покажу все его красоты. Я хотел разделить этот мир с ней, Сиенна. Без Этель он мне не нужен.

– Ох, Итан, – в слезах простонала я, протягивая к нему руки. – Милый...

– Почему так несправедлива жизнь? Скажи мне, Сиенна. Она явила мне чудо из чудес, а потом безжалостно отобрала. А я, глупец, наивно считал, что искупил свою вину. Я думал, что Этель стала моим искуплением, но она оказалась очередным жестоким испытанием.

– Как думаешь, он уже готов? – загадочно улыбаясь, спросил илион.

– К чему? – не поняла я, вздрогнув от его неожиданного появления.

– К твоему возвращению, конечно, – усмехнулся тот.

– Возвращению? Но как? Разве я не...

– Что? Умерла? – еще шире улыбнулся он. – Нет. Ты живее всех живых. Улиэндер и его магия позволяют тебе находиться здесь и не страдать от лика мертвых. Ты, словно святыня, сияешь для обоих миров. Твоя душа, несмотря на боль и утраты, продолжает излучать любовь, благодарность и преданность. Это просто ошеломительно! Никто бы не посмел отнять твою жизнь, Этель! Ты нужна внешнему миру хотя бы для того, чтобы заставить Итана побриться.

Я ошарашенно хлопала глазами и словно рыба беззвучно открывала и закрывала рот. Своеобразное чувство юмора у илионов.

– Вам не кажется, что это жестокая шутка? – в сердцах выпалила я, глядя на Итана.

– Нет, Этель, – уже серьезнее ответил илион. – Иногда такая тяжелая потеря помогает найти себя, найти свой путь, укрепиться в своих принципах, желаниях и идеалах. Боль утраты заставляет больше ценить жизнь, каждый ее день, близких и всем сердцем любимых людей. Итан не сможет забыть это чувство. Его деяния станут величественнее, благороднее и прекраснее. Это пойдет на пользу новому Алададриэну.

– Он не простит вас.

– Он даже не подумает рассердиться, поверь мне. – Илион снова загадочно улыбнулся. – А теперь иди. Мы благодарим тебя за все, что ты сделала, но теперь тебе пора прожить свою земную жизнь так, как ты того захочешь.

Я, все еще не веря своей нечаянной радости, с удивлением смотрела на илиона и возникающих вокруг его собратьев. Все они благодарно кланялись мне и исчезали.

– Я сам сопровожу тебя к Аунедису, но только когда придет твое время. Это будет еще не скоро. Впереди у тебя много прекрасных дней, наслаждайся жизнью, которую заслужила.

Меня не нужно было просить дважды. Услышав эти чудесные слова, я мигом забыла об обиде, радостно улыбнулась и сделала заветный шаг к любимому.

Вернуться домой было непривычно. Здесь даже воздух был другой. Я отвыкла от ночи, поэтому зажмурилась, стоило оказаться в любимом саду. Сиенна вздрогнула, громко вскрикнула и зажал рот рукой. Итан обернулся и тут же вскочил на ноги.

Теперь я еще лучше видела, как сильно изменилось его лицо. Оно стало бледным и худым, а густая борода превращала его в угрюмого ворчуна. Подумав об этом, я улыбнулась.

– Этель... – прошептал он, явно не веря своим глазам.

– Сиенна права, милый, тебе и правда пора бы побриться, – улыбнулась я и шагнула к нему ближе, чтобы тут же быть пойманной в кольцо сильных рук.

Больше всего на свете я мечтала оказаться в объятиях Итана, вот так закрыть глаза и втянуть носом мягкий аромат полюбившейся ветиверии.

– Теперь ты должен выполнить все свои обещания, данные мне на приеме! Я хочу стать твоей женой и нарожать тебе детей! – не веря собственному счастью, сказала я.

Итан стиснул меня крепче и поцеловал в макушку.

– Тогда не будем откладывать!

Мы оба радостно засмеялись, наслаждаясь объятиями.

– Теперь все будет иначе, – сквозь слезы сказала Сиенна. – Мои любимые дети снова вместе, а это значит, что счастье вернется в этот дом. Да что там в дом? Оно накроет весь этот прекрасный мир.